ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.

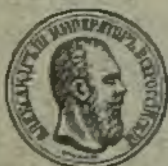
ВЫПУСКЪ VII.

составилъ

В. Покровскій.

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ
М. Д. НАУМОВА.



МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиссера.
1891.

УЧЕБНЫЯ И ДРУГІЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ

МОСКОВСКИМЪ КНИГОПРОДАВЦЕМЪ

М. Д. НАУМОВЫМЪ

ВЪ МОСКВѢ,

Мясницкая улица, домъ Духовной Консисторіи.

Тутъ же находится складъ изданій книжныхъ магазиновъ П. В. Луковникова и Н. Фену и К° въ С.-Петербургѣ.

Арефьевъ, А. и *Соколовъ, Аѳ.* Повторительный курсъ ариѳметики для начальныхъ народныхъ училищъ. Изданіе 4-е, исправленное. М. 1891 г. Ц. 10 к. Включено въ програму для церковно-приходскихъ школъ.

Вертоградскій, І., преподаватель реальнаго училища св. Михаила. Практическій курсъ элементарной грамматики, составленный по руководству „Русское правописаніе" академика Я. Грота. М. 1885 г. Ц. 40 к. Одобренъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр., какъ руководство.

— Методическія замѣтки для учителей. М. 1885 г. Ц. 40 к.

Гика, Д. Зависимость между геометрическими теоремами. Математическо-философское сочиненіе. М. 1890 г. Ц. 1 р. Рекомендовано Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментал. библіотекъ сред. учеб завед. муж. и жен.

— Задачи для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Одобрено Учен. Комит. М. Н. Пр. и Духовно-Учебн. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ. М. 1885 г. Ц. 45. к.

Гика, Д. и *Муромцевъ, А.* Элементы геометріи. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, расположенный по способамъ доказательствъ. Ц. 1 р. Одобр. Учен. Ком. М. Н. Пр.

— Геометрическія задачи. Часть 1-я. Задачи плоской геометріи (1750 задачъ). Изд. 3-е. М. 1891 г. Ц. 75 к. Одобр. Учен. К. М. Н. Пр.

— Геометрическія задачи. Часть 2-я. Задачи геометріи въ пространствѣ. (Задачи съ 1751 до 2768). Изд. 2-е. М. 1890 г. Ц. 75. к. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.

Дубовъ, Д., инспекторъ Тверской гимназіи. Сборникъ темъ для письменныхъ и устныхъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. М. 1890 г. Ц. 1 р. 10 к. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.

Ивановъ, В., преподаватель Смоленскаго реальнаго училища. Учебникъ русской грамматики (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній), вып. 2-й. Одобренъ Учен. Ком М. Н. Пр., какъ учебное пособіе при преподаваніи русскаго языка въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ и какъ учебное руководство для учительскихъ семинарій. М. 1882 г. Ц. 40 к.

Козьминъ, К., преподаватель Московскаго Учительскаго Института. Русская хрестоматія для среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Курсъ II, изданіе 6-е, исправленное и дополн. Одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр. М. 1891 г. Ц. 75 коп.

— Грамматика церковно-славянскаго языка новаго періода. Съ приложеніемъ образцовъ для этимологическаго и синтактическаго разбора текста Евангелія. Пособіе для городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ училищъ. Изданіе 5-е. Одобрено Ученымъ Комит. М. Н. Пр., какъ руководство. М. 1890 г. Ц. 50 к.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ.

Выпускъ VII.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.

ВЫПУСКЪ VII.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ
М. Д. НАУМОВА.

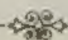
МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1891.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ настоящаго выпуска служитъ литературная дѣятельность Екатерины II, обрисовывающая императрицу, какъ законодателя, педагога, публициста, сатирика, драматурга и филолога. Характеризуя съ указанныхъ сторонъ Екатерину II, данный выпускъ имѣлъ задачею раскрыть, вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ въ ея литературной дѣятельности, по своему происхожденію, принадлежитъ Западу, и что̀ лично ей, опредѣляя и значеніе этой дѣятельности.

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



Екатерининская комиссія Уложенія.

14 декабря 1766 года объявлено было манифестомъ о намѣреніи императрицы учредить въ слѣдующемъ году въ Москвѣ комиссію для сочиненія проекта новаго Уложенія. Депутатовъ въ комиссію велѣно было выслать изъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій по одному; отъ каждаго уѣзда, гдѣ есть дворянство, по одному дворянину; отъ жителей каждаго города по одному; отъ однодворцевъ каждой провинціи по одному, отъ пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служивыхъ людей и прочихъ, ландмилицію содержащихъ, отъ каждой провинціи по одному депутату; отъ государственныхъ крестьянъ изъ каждой провинціи по одному; отъ некочующихъ инородцевъ, какого бы они закона ни были, крещеныхъ или некрещеныхъ, отъ каждаго народа съ каждой провинціи по одному депутату: опредѣленіе числа депутатовъ отъ казацкихъ войскъ и отъ войска Запорожскаго возложено на высшихъ командировъ ихъ. Депутаты должны быть не моложе двадцати пяти лѣтъ; они получали жалованье отъ правительства, на всю жизнь освобождались отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имѣнія; обидѣвшій депутата наказывался вдвое противъ обыкновеннаго. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкою, по большинству голосовъ. Каждый депутатъ получалъ отъ своихъ избирателей полномочіе и наказъ о нуждахъ и требованіяхъ ихъ общества, сочиненный, по выбору, пятью избирателями.

Объ этихъ выборахъ до насъ дошли любопытныя извѣстія изъ Малороссіи... Генералъ-губернаторомъ малороссійскимъ былъ знаменитый Румянцевъ, впослѣдствіи Задунайскій

Получивъ манифестъ объ избраніи депутатовъ въ комиссію, Румянцевъ разослалъ циркуляръ по малороссійскимъ повѣтамъ: „Отвѣчая должности званія моего, не въ предложеніи точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю: примите вы всѣ съ радостью сей подаваемый вамъ случай

къ достиженію благоденствія; пользуйтесь имъ прямо, и сдѣлайте изъ него употребленіе таково, каково бы вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало; обращайте всѣ ваши примѣчанія на общенародное добро, въ которомъ одинакое наше токмо прямо и заключаться можетъ; отдаляйте все то, что только блеститъ намъ нашею собственною маловременною корыстью, пройдите съ вниманіемъ теченія минувшихъ временъ; разыщите рачительно всѣ причины, вредившія общему вашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшія суды въ медленность и судей въ разновидныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотребленія, препятствовавшія вашимъ домостроительствамъ и въ вотчинномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданскаго упражненія въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращеніе поселянамъ не только къ земледѣльству и скотоводству какъ главнымъ землѣ здѣшней промысламъ, но понудившія или поводъ подавшія удаляться жилищъ своихъ и имуществъ; помышляйте всегда, что въ основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ принимаемо быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская, и достодолжное наше къ нимъ подданство и благосостояніе государственное во всѣхъ обширныхъ онаго частяхъ: а за первое законное правило доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоваться плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямая вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается. Избирайте между вами предводителя и депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя въ обрядѣ, имѣли, и о общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не своихъ собственныхъ помышляли и чужды бы были пороковъ тѣхъ, отъ коихъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало, то-есть лихоимство, презрѣніе своего ближняго и неистовство на своего подчиненнаго, явитеся вы прямыми соревнователями прочихъ провинцій".

Циркуляръ не имѣлъ желаемаго дѣйствія. Отъ 2 марта 1767 года Румянцевъ жаловался императрицѣ: „Новый проектъ Уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ такого дѣйства и признанія вашего императорскаго величества благоволенія, не перемѣняетъ наклонности ихъ, ни разсужденія. Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей, отзывы же у всѣхъ одни: зачѣмъ бы

намъ тамъ и быть? наши законы весьма хороши, а буде депутатомъ быть конечно уже надобно, только развѣ бъ искать правъ и привиллегій подтвержденія. Термины обыкновеннаго ихъ совѣта, которые они простому народу (который подлинно добръ), пользуясь его простотой, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и правахъ, какъ о первоначальномъ всѣмъ искать надлежитъ; но однакоже въ раздѣлъ и въ объясненіе сихъ вольностей и правъ входить отнюдь за благо не разсуждаютъ. Осмѣливаюсь просить о всемилостивѣйшей резолюціи на мои поднесенные планы, а особо о полицейскихъ, комиссарскихъ и магистратскихъ учрежденіяхъ. безъ которыхъ дѣла здѣшнія дойдутъ истинно до крайняго поврежденія, и всѣ даваемые указы остаются и оставаться будутъ безъ всякаго исполненія; плачъ и вопль народный и насиліе властелинское до крайности умножилися: одинъ коллежскій обрядъ, который по здѣшнимъ смѣшаннымъ военнымъ, гражданскимъ и земскимъ и обращеннымъ вездѣ въ собственную корысть дѣламъ, едва и храниться можетъ, весьма недостаточенъ привесть ихъ всѣ, а особливо людей въ желаемое состояніе. Примѣчено и то здѣсь стало, что много одобрили себя прямо какъ можно держаться старины. Одни города и простой народъ признаютъ публично милосердіе вашего императорскаго величества чрезъ введенные нѣкоторые отъ меня порядки за полезныя для нихъ, но тутъ же жалуются, что самые ихъ начальники, кольми паче больше расплодившееся здѣсь шляхетство имъ въ томъ всѣми силами препятствуютъ".

Такія же жалобы повторяются и въ другихъ письмахъ: „Вельможи, старшины и мнимое шляхетство вездѣ разно толковали о манифестѣ. Иные говорили, что сіе все до нихъ не слѣдуетъ; другіе, ослѣпленные любовью къ своей землицѣ, думали, что какъ ученыхъ и правныхъ людей созываютъ (то-есть малороссіянъ) токмо для совѣта и сочиненія новаго Уложенія для великороссіянъ; не хотѣли сіи, превращенные изъ ничего собою и большею частью чрезъ деньги, отнятіе чужихъ земель, а иногда по женамъ въ дворяне, и слышать, чтобы сидѣть съ мѣщанами, считая сіе быть предосудительнымъ чести своей, именуючи всегда гражданъ мужиками, и въ самомъ дѣлѣ старалися при семъ случаѣ уничтожить ихъ вовсе изъ званія, уничтожа безъ того уже всѣ ихъ права и привилегіи и присвоя себѣ въ городахъ власть безпредѣльную и

владѣнія большія. Ваше императорское величество характеръ мой терпѣливый и неборзкой знать изволите, но недоставало моего терпѣнія симъ вралямъ далѣе попущать или инако съ ними объясняться, и взялъ тонъ прямо начальничества и заставя молчать, толковалъ имъ, что депутаты отъ нихъ требуются такъ, какъ и отъ всѣхъ провинцій. Чтобы между мѣщанами всѣ городскіе жители въ собраніяхъ находились, послалъ изъ Новгорода-Сѣверскаго циркулярные ордеры, и тамъ, начавъ 5 числа марта, продолжалъ сіи выборы въ Стародубѣ 14, въ Черниговѣ 29 съ достодолжнымъ безмолвіемъ и тишиною: не обошлося безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковый раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ жида; уличаемо было, что и по нѣскольку разъ свои имена нѣкоторые по надобностямъ и обстоятельствамъ мѣняли; нерѣдко смертное убійство и другіе безчестные пороки тутъ примѣшивались. Я имъ, подтверждая молчаніе и тишину по силѣ обрядовъ, всегда на то отвѣчалъ, что до ихъ фамилій, породъ и пороковъ надлежитъ, то я какъ матрикулій, такъ и о поведеніяхъ ихъ никакого свѣдѣнія не имѣю. Но какъ скоро доходило до выбора депутатовъ и сочиненія особливо Наказа, тутъ открывалось повсюду прямое и имъ свойственное вездѣ исканіе и желаніе: вездѣ согласно закричали и зачали тѣмъ, чтобы права, вольности и обыкновенія имъ утверждены были, поборы бы всѣ оставлены, войска выведены, шляхетство отъ взятія пошлинъ уволено; нѣкоторые же бывшіе особливо въ администраціи гетманскихъ экономій, отзывались, чтобы настоять и неотступно просить гетмана попрежнему. Мнѣ хотя мѣшаться прямо не надлежало, но какъ въ Стародубѣ, такъ и въ Черниговѣ выбранные предводителями, судья земскій Искрицкій и судья отставной генеральный Безбородко возчувствовали впервенствѣ хотя между ровными скоро отъ несогласія ихъ отягощенія и просили меня, чтобы я имъ помогъ привесть ихъ въ согласіе, а особливо Безбородка, который съ помощью сына своего, во всю мою бытность здѣсь и въ Петербургѣ цѣлый годъ при мнѣ находившагося, собранію ими представленные пункты мнѣ показали, гдѣ увѣщевали они собратію свою явиться непостыдно въ собраніе изо всѣхъ

частей государства. Я имъ говорилъ: вы хотите просить 1) о утвержденіи правъ, которыхъ вы до учиненія земскихъ и градскихъ судовъ, то-есть по 763 годъ, почти и въ употребленіи не имѣли, а нынѣ съ трудомъ и не въ точной ихъ силѣ по разнымъ и весьма противнымъ свойствамъ шляхетства и крестьянства польскаго съ малороссійскимъ наводите, и тѣмъ самымъ безгласные люди, а паче казаки, все имущество свое тратятъ. 2) О преимуществахъ и вольностяхъ, которыя, по статьямъ Богдана Хмельницкаго весьма благоразумно и на всякій чинъ отдѣльно, особо шляхтѣ, особо духовнымъ, особо войску казацкому, особо земству отъ государей подтверждены; но вы, все то наруша, сдѣлали почти одно званіе шляхетства, и всякаго бѣглеца крестьянина женившагося токмо на казацкой дѣвкѣ, принимаете въ достоинство шляхетское, а такого жъ шляхтича или казака часто безъ судовъ, а иногда по судамъ, но не всегда по законамъ, дѣлаете крестьяниномъ; слѣдственно вамъ о дворянствѣ, до того сіе достоинство повредившимъ, едва и отзываться осмѣливаться можно ль? 3) О снятіи податей — дѣло до васъ нимало не касающееся, здѣшнихъ крестьянъ, по собственному ихъ признанію, отягощающее, и которые, по статьямъ Богдана Хмельницкаго, государю точно дань давать повинны, а владѣльцамъ, по нѣкоторымъ другихъ гетмановъ статьямъ и то по грамотамъ даннымъ, только вольные приносы принимать, сѣно и дрова приготовлять дозволено. Итакъ вы сей просьбой хотите перемѣнить свойство совсѣмъ здѣшняго крестьянина, и тѣмъ отважно касается права, государямъ точно принадлежащаго. 4) О выводѣ войскъ, необходимыхъ для внутренней и внѣшней безопасности — подвергаете себя разнымъ труднымъ отвѣтамъ и объясненіямъ".

„Въ Сѣчи Запорожской (продолжаетъ Румянцевъ свое донесеніе) полковникъ Милорадовичъ препорученное ему дѣло со всею благопристойностью окончилъ. Генеральный обозный Кочубей, отправленный для выборовъ въ Полтаву, ко мнѣ партикулярно пишетъ, что онъ съ великимъ трудомъ и тамъ едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію съ градскими жителями. Премьеръ-майоръ Стремоуховъ, для того жъ опредѣленный въ Прилукахъ, рапортуетъ, что по первому отъ него объявленію никто въ собраніе изъ градскихъ жителей не пошелъ, отозвались прямо, что не будутъ; а по полученіи моего циркулярнаго ордера дали свои голоса на другихъ и одного,

по большинству сихъ отзывовъ, также не бывшаго въ собраніи и не лучшаго пріятеля городскимъ обрядамъ, полкового писаря, выбрали депутатомъ. Я сей выборъ уничтожилъ. Ваше императорское величество не можетъ представить, до какого степени и почти равнаго коварность и своевольство здѣсь дошли: въ сихъ пунктахъ бывшіе въ чужихъ краяхъ равно здѣсь родившимся и нигдѣ не бывалымъ, ослѣплены. Страннѣе всего, что эта небольшая частица людей инако не отзывается, что они изъ всего свѣта отличные люди, и что нѣтъ ихъ сильнѣе, нѣтъ ихъ храбрѣе, нѣтъ ихъ умнѣе, и нигдѣ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, чтобъ имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего. Мнѣ показалось при семъ случаѣ не безполезно раздѣлить ихъ интересы съ казацкими; я велѣлъ для того, на основаніи обряда о выборѣ однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ, отъ всякаго полка выбрать по одному депутату, и, въ Черниговѣ будучи, самъ онаго выбиралъ и видѣлъ наказъ отъ общества ему данный, гдѣ хотя по простотѣ и являются нѣкоторыя излишности, однако между тѣмъ и почти прямое исковое прошеніе на старшинъ и на чиновниковъ ихъ въ несносныхъ имъ причиненныхъ обидахъ и разореніяхъ. Казаковъ умышленно ради того въ шляхетское достоинство сами собою произвели, чтобъ, позывая ихъ, по ихъ простотѣ и незнанію правъ, несносные убытки и разоренія дѣлать, показывая тѣмъ народу, что было то только на первый случай, какъ они обыкновенно отзываются, и что все навсегда въ ихъ рукахъ останется попрежнему. Малороссійская коллегія вездѣ почти нарядила по доносамъ и жалобамъ слѣдствіи; но великороссійскіе члены часто иногда въ томъ обмануты бываютъ, и по незнанію людей, и по рекомендаціямъ своихъ сочленовъ опредѣляютъ слѣдовать дѣла самыхъ главныхъ иногда въ томъ соучастниковъ. Не худо бъ чрезъ гвардіи офицеровъ учредить комиссіи въ изслѣдованіи всѣхъ непорядковъ, завладѣніяхъ государственныхъ имѣній и насильствахъ; этимъ пресѣкутся всѣ сумасбродства, фальшивыя и вовсе имъ несвойственныя республиканскія мысли, и ограничить размножающееся здѣсь вредное государству вельможество и шляхетство. Я въ Стародубѣ и Черниговѣ больше 300 жалобъ получилъ: большая часть оныхъ въ насильномъ отнятіи земель, угодій и другихъ имуществъ, въ убійствахъ и несправедливыхъ судахъ и волокитахъ. Въ отсутствіи отда-

леніемъ генералъ-губернатора опредѣлять главнаго командира, къ которому бы здѣшнее начальство и чиновничество весьма надобное подобострастіе и послушаніе имѣли, а коллежское правленіе они ни во что ставятъ. Напримѣръ коллегія требовала, и по сенатскому еще указу, чтобъ владѣльцы, кому отъ бывшаго гетмана деревни даны, какіе съ нихъ они нынѣ получаютъ доходы, точно показали: нѣкоторые на то отвѣчали, что они кромѣ осьми или десяти яицъ съ двора въ годъ ничего не получаютъ, хотя извѣстно, что въ случаѣ ранговыхъ деревень расположенія до 14 рублевъ съ двора тяглаго за правильный окладъ здѣсь же опредѣляется".

Въ Черниговъ выбрали депутатомъ заочно генеральнаго есаула Ивана Михайлова Скоропадскаго, о которомъ Румянцевъ писалъ, что онъ, „при всѣхъ наукахъ и въ чужихъ краяхъ обращеніяхъ, остался казакомъ". По старанію предводителя Безбородка написанъ былъ депутату такой наказъ отъ избирателей: 1) „просятъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ главъ Литовскаго статута, какъ не согласныхъ съ настоящимъ временемъ, напримѣръ: если шляхтичъ убьетъ простого человѣка, то наказывается только отсѣченіемъ руки и очень малымъ платежомъ: сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные и особливо достоинства шляхетскаго не пріобрѣтшіе стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 2) Къ отвращенію сумнительствъ о породѣ каждаго изъ шляхетства и къ пресѣченію впредь простороднымъ похищать безъ заслугъ преимущества шляхетскія, да будетъ угодно ея императорскому величеству всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и штатскихъ малороссійскихъ вѣрно служили и служатъ, указать написать въ списокъ шляхетства и обще съ составившимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, тако жъ съ получившими сіе достоинство отъ королей польскихъ и отъ царей всероссійскихъ принять въ общество дворянъ россійскихъ. 3) По отсутствію средствъ къ воспитанію — учредить въ Малой Россіи дворянскій корпусъ, а для высшихъ наукъ университетъ и академію, такъ же женское училище. 4) Нѣтъ у насъ другого воинства кромѣ казаковъ, въ начальство надъ которыми опредѣляемые, по причинѣ непорядочнаго не по старшинству и заслугамъ, по общимъ выборамъ и усмотрѣніямъ властей произведенія, коснѣютъ въ однихъ чинахъ, и, видя часто незаслуженныхъ похищающихъ предъ

ними первыя мѣста, приходятъ въ оплошность; для сего просятъ, чтобы казаки въ лучшемъ и порядочнѣйшемъ видѣ къ службѣ устроены были, а шляхетство, начиная въ таковыхъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ, учинятъ себя достойными охранителями имперіи. 5) Для разбиранія шляхетскихъ споровъ учредить въ первой инстанціи суды земскіе, гдѣ судей выбирать бы намъ между собою. 6) Не ограничивать выборъ предводителя только на два года, но возобновлять сей выборъ и впредь. 7) Чтобъ никому, кромѣ внесенныхъ въ шляхетской списокъ, не было позволено покупать у насъ деревень, мельницъ, земель и всякихъ угодій, пока покупающій отъ предводителя и всего шляхетства въ сообщество наше принятъ не будетъ. 8) Принять мѣры для уничтоженія притѣсненій, дѣлаемыхъ войсками жителямъ. 9) Чтобъ войска ставились по городамъ, а не по деревнямъ. 10) Учредить въ Малороссіи государственный банкъ". Безбородко никакъ не могъ провести одного пункта: просить объ ограниченіи власти дворянъ надъ крестьянами. Досталось ему и за внесенные въ наказъ пункты; Румянцевъ пишетъ: „Безбородка за этотъ наказъ и сына его возненавидѣли и въ бытность перваго здѣсь (въ Глуховѣ) явно его презирали и нарекали быть недоброжелателемъ отчизны, а депутатъ Скоропадскій ему при первомъ свиданіи объявилъ, что онъ его наказъ ему же и сдастъ въ Москвѣ, онъ-де для него такъ теменъ, что его едва и разумѣть можно".

Шляхетство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ подало челобитную: „повелѣть вольными голосами купно съ войскомъ Сѣчи Запорожской избрать гетмана". Румянцевъ пишетъ: „Я выборъ депутата (Долинскаго) уничтожилъ, а отъ предводителя (Тарновіота) требовалъ рапорта, кто былъ первымъ виновникомъ глупаго предложенія о выборѣ гетмана вмѣстѣ съ Сѣчью и не было ли объ этомъ переписки съ Сѣчью? Но они въ первомъ явились мнѣ прямо ослушны, а въ послѣднемъ взялись всѣ отвѣчать, что они всѣ вдругъ вздумали. Я имѣлъ случай съ уволенными на время и опять уже отъѣхавшими нѣкоторыми депутатами видѣться и нашелъ ихъ во всѣхъ ихъ развращенныхъ мысляхъ непреклонно пребывающихъ. Скоропадскій всѣхъ прочихъ руководитель, ибо возмечталъ выбраннымъ быть гетманомъ. Тщеславились они здѣсь много тѣмъ, что лифляндцы имъ единомѣренны въ удер-

живаніи старыхъ своихъ правъ и вольностей. Часть здѣсь людей такихъ, кои слѣпо симъ невѣжамъ слѣдуютъ, не мала. Но я осмѣливаюсь увѣрить, что когда токмо таковые и ему подобные, которые очень замѣчены, останутся безъ дѣйствія и дѣлъ, а напротивъ благонамѣренные и сею болѣзнью самовладства и независимости не зараженные вашего императорскаго величества милостью отличатся и войдутъ въ чины и дѣла, правительствы жъ и служба получатъ прямыя для себя уставы, то и тѣ, какъ великое всегда желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованію имѣющіе, скоро перемѣнятъ мысли и поступки".

Но императрицу не нужно было успокоивать: она гораздо хладнокровнѣе смотрѣла на малороссійскія событія, чѣмъ генералъ-губернаторъ. „Я надѣюсь, отвѣчала она Румянцеву на его донесенія, я надѣюсь, что вы употребите такія мѣры, которыя непознавающихъ собственной своей и общественной пользы *степенями* приведутъ наконецъ къ познанію оной. Нѣтъ нужды, кажется, нѣкоторое принужденіе или усильныя увѣщанія употреблять и въ томъ, чтобъ для избранія депутатовъ къ сочиненію проекта непремѣнно всѣ явились, а довольно, когда нѣкоторое число хотя малое для выбору явятся, тѣмъ наипаче, что города, какъ вы пишите, уже публично признаютъ нѣкоторые введенные отъ васъ порядки за полезные для нихъ, слѣдовательно мѣщане оныхъ городовъ не преминутъ дать отъ себя депутатовъ, а потому кажется и надежно, что они въ правленіяхъ своихъ конечно не оставятъ упомянуть о прежде бывшихъ злоупотребленіяхъ". — Въ другомъ письмѣ: „Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я препятствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣчали извѣстный манифестъ 14 декабря 1766 года. Однакоже я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ, понеже ни вы, ни я, не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они не сходственны съ общимъ добромъ, а только единственно надлежитъ требовать, чтобъ исполняли по предписанному, какъ и всѣ прочіе вѣрные подданные, изъ числа коихъ ни они себя, ни мы ихъ исключать не можемъ; итакъ тонъ начальничества, который вы принуждены были употребить, весьма приличенъ былъ. Хотя бы тотъ или другой уѣздъ недѣльныя просьбы, какъ стародубовскій, въ наказъ свой и внесъ, то надѣяться можно,

что самимъ депутатамъ ихъ при дѣйствительномъ засѣданіи въ комиссіи стыдно будетъ предъ прочими сильно стараться о такихъ пунктахъ, кои многолюднымъ собраніемъ въ посмѣяніе несомнѣнно обращены будутъ, тѣмъ наипаче, когда возлѣ одного. вздоромъ наполненнаго наказа, прочтутъ другой умѣренный, какъ-то черниговскій, въ которомъ множество находится пунктовъ, кои честь дѣлаютъ сочинителямъ онаго".

Когда депутаты изъ всѣхъ областей съѣхались въ Москву, императрица, находясь въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила „разныхъ персонъ велми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ комиссіи уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Императрица дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали и остался Наказъ уложенія, яко оный напечатанъ".

Этотъ Наказъ извѣстенъ всѣмъ, и потому намъ не нужно о немъ распространяться; мы должны обратить вниманіе на статьи тѣхъ наказовъ, которые привезли съ собою депутаты. Депутаты отъ правительственныхъ мѣстъ представили слѣдующіе пункты: 1) О вступленіи всякимъ чинамъ въ духовные чины, а изъ духовныхъ въ свѣтскія, и освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ. 2) Объ обученіи дѣтей катехизису, объ учрежденіи по городамъ училищъ для юношества, и о непринимаціи въ домы учителей и учительницъ несвидѣтельствованныхъ. 3) О покупкѣ крѣпостныхъ людей священникамъ и прочимъ церковнымъ причетникамъ. 4) О уменьшеніи свободныхъ дней отъ работъ. 5) О учиненіи закона, какъ поступать въ случаѣ того, когда отъ побой помѣщиковъ случится людямъ смерть? 6) Объ истребленіи женщинъ, ведущихъ жизнь распутную. 7) О запрещеніи кулачныхъ боевъ. 8) О нестрѣляніи изъ ружей и изъ другихъ машинъ внутри жильевъ и о неношеніи никакого оружія подлому народу при себѣ. 9) Объ учиненіи монашескихъ недвижимыхъ имѣній коронными и объ установленіи къ пропитанію ихъ (то-есть монаховъ) и къ содержанію церквей доходовъ. 10) Объ установленіи закона къ приведенію разнаго званія народа въ содружество. 11) О пресѣченіи роскошей. 12) Объ учиненіи закона о бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ и о взысканіи за держаніе и владѣніе ихъ одниxъ и съ землями. 13) О неопредѣленіи никого въ казаки и о бытіи всѣмъ, кто гдѣ приписанъ. 14) Объ

отдачѣ должниковъ за долги для зарабатыванія партикулярнымъ людямъ, въ случаѣ непріема объ отсылкѣ на каторгу. 15) О ревизіи и отличеніи гражданъ добродѣтельныхъ. 16) О публикаціи отъ полиціи о всѣхъ происходящихъ новостяхъ. 17) О квадратныхъ деньгахъ. 18) О непропускѣ на заставахъ въ города нищихъ. 19) О необученныхъ и скорыхъ лошадяхъ, чтобъ на оныхъ внутри городовъ не ѣздить. 20) О неимѣніи форейторамъ и верховымъ кнутовъ и плетей. 21) Объ учрежденіи въ городахъ публичныхъ мѣстъ для увеселенія обывателей.

Дворянство представило: 1) Объ имѣніи при церквахъ ученыхъ священниковъ на жалованьѣ; о продажѣ церковныхъ земель, и чтобъ причетники обучали крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. 2) О уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими. 3) Объ учиненіи закона объ отдачѣ деревень на аренду. 4) О продажѣ дворянству экономическихъ деревень. 5) О дачѣ и продажѣ дворянамъ засѣкъ, дикихъ степей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель. 6) О заведеніи въ городахъ особыхъ слободъ для полковъ и о выводѣ ихъ изъ уѣздовъ. 7) Объ учрежденіи по городамъ для дворянскаго юношества школъ. 8) Объ учрежденіи по городамъ банковъ. 9) Хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ. 10) Аптекъ и лѣкарей. 11) О бытіи по городамъ цехамъ и фабрикамъ. 12) О запрещеніи на выгонныхъ городовыхъ земляхъ сѣять хлѣбъ. 13) О позволеніи крестьянамъ въ городахъ торговатъ продуктами ихъ въ розницу. 14) О позволеніи крестьянамъ подрядовъ. 15) О бытіи крестьянамъ у купцовъ повѣренными въ лавкахъ и въ питейныхъ домахъ въ одно зимнее время, а въ лѣтнее чтобъ возвращались къ земледѣлію. 16) О несборѣ съ крестьянства подводъ, а вмѣсто того объ учрежденіи почтовыхъ становъ. 17) О ненаряженіи крестьянъ на караулы и работы. 18) Объ умноженіи крестьянскаго безчестья (то-есть платы за безчестье) и объ умноженіи суммы оныхъ, кои пожелаютъ быть въ купечествѣ и о незапискѣ въ посадъ по женамъ ихъ. 19) О сборѣ въ однихъ мѣстахъ вмѣсто фуража деньгами, а въ другихъ, гдѣ будетъ потребно, вмѣсто подушныхъ денегъ провіантомъ и фуражомъ. 20) О сложеніи съ однихъ хлѣбопашцевъ (выключая купцовъ и другихъ разночинцевъ) подушныхъ денегъ. 21) О поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, отъ коихъ бы крестьянство получило наставительный примѣръ къ лучшему домостройству. 22) О непереходѣ черкесъ съ мѣста

на мѣсто. 23) О бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи. 24) Объ истребленіи, для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ, сженія золы и прочихъ заводовъ. 25) О выборѣ воеводъ и товарищей баллотированіемъ изъ дворянъ своего уѣзда. 26) О запрещеніи тѣмъ, коимъ дворянскимъ правомъ пользоваться не велѣно, имѣть хутора, хлѣбопашество, мельницы. 27) О постановленіи къ удержанію крѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ строжайшаго закона. 28) О произведеніи попрежнему въ городахъ ворамъ и разбойникамъ и смертоубійцамъ указныхъ пытокъ. Московское дворянство въ наказѣ, данномъ Петру Ивановичу Панину, выразило желаніе о возстановленіи майоратовъ, но не такъ стѣснительныхъ, какъ майораты Петра Великаго.

Градскіе жители подали: 1) Объ утвержденіи въ благочестіи христіанской вѣры; о предписаніи въ законѣ, какимъ образомъ сохранить Тайны Божія, когда церковь во время службы внезапно загорится; о нечиненіи въ церкви Божіей во время службы смятенія. 2) О свободномъ отправленіи службы Божіей другихъ законовъ людямъ. 3) О постриженіи желающихъ въ монашескій чинъ. 4) О штрафѣ съ неисповѣдовавшихся. 5) О построеніи церквей Божіихъ и о писаніи на всякія церковныя вещи контрактовъ безъ взятія пошлинъ. 6) О пожалованіи въ построенныя церкви на иконостасы и на украшенія оныхъ денежной суммы. 7) О содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи оному жалованья. 8) О нетребованіи священникамъ сверхъ указнаго числа за церковныя требы. 9) Объ учрежденіи вновь по городамъ присутственныхъ мѣстъ; объ учрежденіи вновь городского суда, какъ въ другихъ государствахъ заведено. 10) О бытіи въ городахъ полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и ратушъ. 11) О подтвержденіи магдебургскаго права; о подтвержденіи казакамъ шляхетскаго права и объ оставленіи ихъ при прежней должности казачей. 12) О выборѣ на всегдашнее время вообще всѣми гражданами головы. 13) О выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ. 14) О правѣ и преимуществѣ россійскаго купечества и о неназываніи онаго непристойными словами и дозволеніи первостатейнымъ носить шпаги. 15) Объ учрежденіи по городамъ для купеческой коммерціи и размноженія торговъ государственнаго банка. 16) О пресѣченіи роскошей и о невы-

писыванiи въ Россiю никакихъ иностранныхъ вещей. 17) Объ уничтоженiи сочиняющейся нынѣ по душамъ ревизiи, а о бытiи оной попрежнему по дворамъ. 18) О выключкѣ изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскихъ, купечества и разнаго званiя людей и увольненiи отъ рекрутскаго набора. 19) О снятiи съ подсусѣдковъ рублеваго оклада и о расположенiи онаго на тяглыхъ и земли имѣющихъ людей. 20) Объ учрежденiи цеховъ. 21) Объ уничтоженiи въ Малороссiи пограничныхъ таможенъ. 22) О неотдачѣ въ монополiю никакихъ промысловъ и товаровъ. 23) О нечиненiи военнослужащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побой и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ. 24) О нечиненiи купечеству отъ крестьянства въ уѣздахъ никакихъ обидъ и за чужiе долги грабительствъ. 25) Объ учрежденiи вмѣсто формальныхъ краткихъ словесныхъ, также и третейскихъ судовъ для всякихъ случающихся между купечествомъ съ разночинцами дѣлъ. 26) О правосудiи и скорѣйшемъ рѣшенiи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества. 27) О запрещенiи присутствующимъ слушанiя и подписыванiя дѣлъ на домахъ. 28) Объ уменьшенiи судовъ и о штрафѣ судей. 29) О незабиранiи насильно къ суду въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ. 30) Объ учиненiи запрещенiя, чтобъ никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ. 31) О покупкѣ священно и церковнослужителямъ, купечеству и разнаго званiя людямъ крестьянъ и дворовыхъ людей. 32) О запрещенiи духовному чину въ покупкѣ земель. 33) Объ отдачѣ архiерейскому дому съ монастырями отшедшихъ отъ нихъ хлѣбопашенныхъ земель. 34) Объ учрежденiи въ городахъ академiй, университетовъ и школъ и обученiи въ оныхъ разнымъ языкамъ купеческихъ и разночинскихъ дѣтей и сиротъ. 35) Объ учрежденiи на казенномъ содержанiи больницъ и сиропитательныхъ домовъ; объ умноженiи по городамъ аптекъ, докторовъ, лѣкарей и повивальныхъ бабокъ. 36) О выборѣ малороссiйскому народу гетмана и старшинъ вольными голосами и о бытiи казакамъ судимымъ отъ оныхъ старшинъ. 37) О непринужденiи купечества къ бритiю бородъ и ношенiю нѣмецкаго платья. 38) О выводѣ раскольниковъ, живущихъ по городамъ между православными, въ разсужденiи чинимаго ими въ обществѣ соблазна и неотправленiя гражданскихъ службъ, и о поселенiи оныхъ въ особыхъ

мѣстахъ. 39) О позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи раскольничьимъ попамъ, монахамъ и монахинямъ въ часовняхъ и церквахъ отправлять службы по старинпымъ книгамъ. 40) О небытіи въ городахъ особой сыскной команды, а о препорученіи оной магистратамъ. — Раскольники Новороссійской губерніи представили, что они никакихъ нуждъ и недостатковъ не имѣютъ.

Однодворцы и хлѣбопашцы представили: 1) Объ опредѣленіи для наукъ и наставленія богоугодныхъ дѣлъ духовныхъ, и для утвержденія благосостоянія и знанія законовъ и добрыхъ поведеніевъ свѣтскихъ учителей. 2) О постройкѣ для квартированія полковъ при городахъ штатныхъ дворовъ и свѣтлицъ. 3) О защитѣ отъ проходящихъ полковыхъ служителей. 4) О непосылкѣ въ уѣздъ находящихся при городахъ служилыхъ людей съ указами для публикованія оныхъ, а о разсылкѣ ихъ для того по церквамъ изъ духовныхъ правленій. 5) О выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ для скораго отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей особливыхъ чиновъ. 6) О бытіи для дѣлъ отъ стороны судящихся депутатамъ въ засѣданіи въ присутственныхъ мѣстахъ. 7) Объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей отъ губерній. 8) О выводѣ изъ малороссійскихъ городовъ россійскихъ воеводъ. 9) О притѣсненіяхъ однодворцамъ и прочимъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ самихъ присутствующихъ. 10) О притѣсненіяхъ, чинимыхъ однодворцамъ и ясашнымъ отъ дворянъ и ихъ крестьянъ. 11) О словесныхъ судахъ; объ опредѣленіи для разбирательства между обывателями дѣлъ командировъ или старшинъ по выбору изъ нихъ же, и о небытіи имъ ни по какимъ дѣламъ кромѣ подушнаго оклада. вѣдомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ.

Кромѣ того купечество, какъ сословіе, представило нѣкоторыя статьи. Разсуждая о различіи правъ и состояній, оно выразило такую основную мысль: „Россія имѣетъ въ себѣ, по власти Божіей, отъ вѣка монархическое, а не аристократическое владѣніе, и какъ подлый, такъ и благородный, словомъ всякаго рода и достоинства люди — всѣ равно подданнѣйшіе рабы всемилостивѣйшей государыни". Купечество просило, „чтобы позволено было имѣть ему всякія фабрики и заводы и къ нимъ покупать крестьянъ и земли. Купечеству

между собой судимымъ быть во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ великихъ государственныхъ, въ городскихъ магистратахъ и ратушахъ. Дворянству и другихъ званій людямъ торговать не дозволять. Купечеству нѣтъ большой конфузіи, какъ служба при сборѣ казенномъ, особливо еще претерпѣваетъ отъ ежегодныхъ выборовъ къ откупщикамъ для пріема и отдачи вина. Принадлежащіе гражданству доходы оставить всѣ въ гражданскую пользу, а въ казну отдавать только по рублю пятидесяти копеекъ съ души. Гошпиталямъ, сиропитательнымъ домамъ и школамъ быть единственно для одного купечества, а не для другого какого званія людей, другимъ же никакимъ правительствамъ и званія людямъ въ сихъ никакой власти не имѣть и никого въ нихъ не опредѣлять, а состоять имъ въ вѣдомствѣ однихъ только магистратовъ; магистратамъ накрѣпко подтвердить о добромъ содержаніи всего того, паче же о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы они обучаемы были, сверхъ искуснаго понятія закона и письма, ариѳметикѣ и бухгалтеріи; кто же будетъ отъ онаго дѣтей своихъ укрывать и въ школы не отдавать, таковыхъ отцовъ штрафовать, первой гильдіи по 50, второй по 25 рублей. Лѣкарямъ быть въ каждомъ губернскомъ и провинціальномъ большомъ городѣ, гдѣ купцы принять желаютъ, и пользовать купцовъ даромъ, довольствуясь жалованьемъ. Магистратскимъ чинамъ и приказнымъ служителямъ производить жалованье по согласному приговору купеческому. Полицію во всѣхъ городахъ, кромѣ Петербурга и Москвы, оставить на основаніи регламента Петра Великаго Главному магистрату, то-есть, въ вѣдѣніи магистратовъ. Купечеству состоитъ прекрайняя нужда въ людяхъ для необходимыхъ домашнихъ нуждъ и полицейскія должности, а паче въ случаѣ отъѣздовъ за торговыми промыслами, гдѣ самая крайняя есть нужда въ вѣрномъ человѣкѣ; того ради дабы повелѣно было купечеству покупать безъ земель людей, мужского полу 1-й гильдіи, по десяти, второй по пяти душъ, да женскаго потому же; чтобъ россійское купечество вывесть изъ крайняго презрѣнія и тѣмъ его окуражить, то благоволить милостиво опредѣлить ему безчестья первой гильдіи по 200, второй по 100, третьей по 20 рублей, а за бой, учиненный рукой, вдвое, или же кто купца будетъ сѣчь или изувѣчитъ, съ таковымъ учинить то же самое, и сверхъ того взыскивать

безчестье вдвое, дабы чрезъ то удержать обидчиковъ и озорниковъ отъ напрасныхъ на купечество нападеній"...

Коммиссія раздѣлилась на 19 частныхъ комиссій: 1) дирекціонную, 2) экспедиціонную, 3) о разборѣ наказовъ и проектовъ, 4) о разборѣ родовъ, 5) о правосудіи, 6) о имѣніяхъ, 7) о среднемъ родѣ людей, 8) о благочиніи или полиціи, 9) о городахъ, 10) объ общемъ правѣ, 11) для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими законами, 12) о размноженіи народа, земледѣлія, домостроительства и проч. 13) объ образѣ сборовъ и образѣ расходовъ, 14) о рудокопаніи, растеніи и сбереженіи лѣсовъ и торговли вообще, 15) духовно-гражданскую, 16) объ училищахъ и призрѣнія требующихъ, 17) о почтахъ и гостиницахъ, 18) о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ, 19) объ обязательствахъ.

Въ примѣръ трудовъ частныхъ комиссій приведемъ „Учрежденіе школъ нижнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ", составленное въ комиссіи *объ училищахъ:* „сіи школы поручаются въ главное надзираніе епархіальному архіерею, поелику оныя учреждаются при церквахъ. Учителя при той школѣ быть должны діаконъ или церковникъ, но священникъ всегда той школы долженъ быть начальникомъ, а гдѣ нѣтъ изъ прихожанъ школьнаго попечителя, то и попечителемъ о школьныхъ нуждахъ. Благочиннымъ имѣть надзираніе очевиднымъ свидѣтельствомъ, которое быть должно, по меньшей мѣрѣ, въ два мѣсяца разъ. Тѣ же благочинные репортовать должны каждую треть года съ обстоятельствами успѣховъ школьныхъ своимъ архіереямъ, и преосвященные имѣютъ доносить каждый годъ о продолженіи и благосостояніи сихъ школъ св. синоду, градоначальники же главному опекуну земскихъ школъ. Для сихъ школъ св. синоду приложить стараніе, чтобъ сочинены были слѣдующія книги: 1) Азбука церковной и гражданской печати; 2) Краткій катихизисъ; 3) Кратчайшее правоученіе изъ правилъ естественныхъ; 4) Для утвержденія сего естественнаго нравоученія и св. писанія заставлять дѣтей выучивать наизусть книжку, новоизданную подъ именемъ „Словеса св. Писанія"; 5) Академія сочинить имѣетъ самыя малыя двѣ книжки: первая содержала бъ въ себѣ четыре части простой ариѳметики съ дробями и тройными правилами, а вторая показаніе глобуса земного съ четырьмя частями свѣта на особливыхъ картахъ, приложа къ нимъ главнѣйшія государства. А въ сей

географической книжкѣ назначить столичные и знатнѣйшіе всѣхъ государствъ городы. Таковыя книги учителя, просмотря, сами для себя легко поймутъ и по возможности своего понятія дѣтямъ объяснять будутъ. Ежели ученики все вышепрописанное окончаютъ, тогда давать имъ читать Новый Завѣтъ, въ гражданскихъ же книгахъ Наказъ Ея Императорскаго Величества къ сочиненію Уложенія, такожде Роленеву древнюю исторію и прочія историческія и благонравныя книги. Всякія тѣлесныя наказанія ученикамъ вовсе запрещаются, а паче не бить по щекамъ, за волосы и за уши не драть. Штрафовать однакожъ нерадивыхъ и неприлежныхъ къ ученію, не позволяя имъ садиться во время ученія, или понижая мѣстомъ, или сажая за столъ особливо, или обучать его лишній часъ противъ прочихъ. За обученіе азбуки, часослова, псалтыри и катихизиса отцы давать имѣютъ учителю по рублю, за письмо по полтинѣ, за книжку исторіи (?) и географіи по полтинѣ, за истолкованіе катихизиса и надзираніе священнику по полтинѣ. Сверхъ того оставляется на волю родителей давать и больше. При выпускѣ изъ школы долженъ родитель, или въ чьей волѣ ученикъ состоитъ, давать въ кружку школьную по рублю; но исключаются изъ того самые бѣдные. Которые по бѣдности не имѣютъ платить чѣмъ учителямъ, за тѣхъ выдавать изъ кружки половинную расплату: но сіе не инако какъ съ согласія общаго, то-есть попечителя, священника, дьякона, дьячка и лучшихъ прихожанъ. Опредѣляется главная свѣтская персона, которая бы въ совѣтѣ всегда была (по сему только дѣлу) съ членами синодальными, и что происходитъ, о томъ бы репортъ подносила Ея Императорскому Величеству; оная именоваться будетъ Главный Опекунъ градскихъ школъ. Онъ надзираніе будетъ имѣть, обучаются ли дѣти и съ какимъ успѣхомъ? и нѣтъ ли къ тому помѣшательства отъ самихъ родителей и тѣхъ, въ чьей волѣ дѣти состоятъ, и о всемъ томъ доносить Ея Императорскому Величеству".

Обыкновенно говорятъ, что и Екатерининская комиссія, подобно предшествовавшимъ, кончилась ничѣмъ; но мы приведемъ мнѣніе о ней самой Екатерины: „Комиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда

распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію. Наказъ комиссіи ввелъ единство въ правила и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать".

Соловьевъ.

Обзоръ „Наказа".

Наказъ освященъ молитвою, предпосланною ему: „Господи Боже мой! вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ Твоимъ по закону святому Твоему судити въ правду". Законы должны соотвѣтствовать состоянію народа, твердилъ авторъ Наказа; но при этомъ естественно рождался вопросъ: состояніе русскаго народа таково ли, что выводы, сдѣланные европейской наукой, могутъ быть полезнымъ указаніемъ при составленіи уложенія для него? Рѣшая этотъ вопросъ утвердительно, Екатерина провозглашаетъ, что русскій народъ есть народъ европейскій; то, что придавало ему черты неевропейскаго народа, было временное и случайное, а то, что надобно было принять въ расчетъ, какъ существенное, было европейское и требовало, для своего утвержденія и развитія, помощи европейской науки. Это положеніе подтверждается исторіею: „Россія есть европейская держава. Доказательство сему слѣдующее: перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій. тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали со климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ Первый, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ".

Что касается правительственной формы, то, первое условіе страны, ея чрезвычайная обширность требовало самодержавія: „Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно. но и въ конецъ разорительно. Но давно уже

вошло въ общее сознаніе, что европейскія государства отличаются отъ азіатскихъ свободою въ отношеніи подданныхъ къ правительствамъ, и потому надобно было опредѣлить эту свободу въ государствѣ самодержавномъ. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть. Въ государствѣ вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью, и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученныя имъ только какъ правительствующимъ особамъ государства".

Установленіе взгляда на уголовныя преступленія и наказанія разумѣется должно было занимать видное мѣсто въ Наказѣ, ибо наука, которой Екатерина была здѣсь представительницей, особенно послужила человѣчеству въ этомъ отношеніи, хотя нельзя забывать, что русскіе люди уже были приготовлены къ этой перемѣнѣ въ царствованіе государыни, отмѣнившей смертную казнь. „Испытайте со вниманіемъ, говоритъ Наказъ, вину всѣхъ послабленій: увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безче-

стіе, въ преступленіи наказанія заключающееся. И если гдѣ сыщется такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительское владѣніе, которое налагало то же наказаніе на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ. А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями, опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности. Часто законодавецъ, хотящій уврачевати зло, не мыслитъ болѣе ни о чемъ, какъ о семъ уврачеваніи; очи его взираютъ на сей только предлогъ и не смотрятъ на худыя оттуда слѣдствія. Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видимъ болѣе ничего кромѣ суровости законодавца; но порокъ въ общенародіи остается отъ жестокости сея произростшій, умы народа испортились: они пріобыкли къ насильству". Русскіе люди постоянно и горько жаловались на медленность въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ, происходившую отъ разныхъ причинъ, и отъ недостатковъ законодательства, и отъ недостаточности судебнаго персонала, и отъ необразованности и безнравственности судей. Отсюда съ легкой руки Посошкова начали ставить въ образецъ турецкое правосудіе по его скорости, и такіе отзывы слышались не въ одной Россіи, но и на западѣ Европы, гдѣ судебная волокита также выводила изъ терпѣнія. Авторъ Наказа счелъ необходимымъ вооружиться противъ этихъ похвалъ турецкому правосудію, указать различіе между азіатскимъ произволомъ и европейскою законностью. „Слышно часто, что въ Европѣ говорятъ: надлежало бы, чтобы правосудіе было отправляемо такъ, какъ въ турецкой землѣ. Посему нѣтъ никакого во всей подсолнечной народа, кромѣ въ глубочайшемъ невѣжествѣ погруженнаго, который бы толь ясное понятіе имѣлъ о вещи такой, которую знать людямъ нужнѣе всего на свѣтѣ. Въ турецкихъ странахъ, гдѣ очень мало смотрятъ на стяжанія, на жизнь и на честь подданныхъ, оканчиваютъ скоро всѣ распри такимъ или инымъ образомъ. Способовъ, какъ оныя кончить, у нихъ не разбираютъ, лишь бы только распри были кончены. Паша, незапно ставши просвѣщеннымъ, велитъ по своему мечтанію палками по пятамъ бить имѣющихъ тяжбу и отпускаетъ ихъ домой. А въ государствахъ, умѣренность наблюдающихъ, гдѣ и самаго меньшаго гражданина жизнь, имѣніе и честь въ

уваженіе принимается, не отъемлютъ ни у кого чести, ниже имѣнія прежде, нежели учинено будетъ долгое и строгое изысканіе истины; не лишаютъ никого жизни, развѣ когда само отечество противъ оныя возстанетъ: но и отечество ни на чью жизнь не возстаетъ инако, какъ дозволивъ ему прежде всѣ возможные способы защищать оную".

Екатерина давно уже вооружилась противъ заключенія человѣка, преступленіе котораго еще недоказано. Въ Наказѣ она предписываетъ большую осторожность относительно арестованія подозрительнаго человѣка: „брать подъ стражу есть наказаніе, которое отъ всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что оно по необходимости предшествуетъ судебному объявленію преступленія. Однакожъ наказаніе сіе не можетъ быть наложено, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ въ преступленіе впалъ. Чего ради законъ долженъ точно опредѣлить тѣ знаки, по которымъ можно взять подъ стражу обвиняемаго, и которые подвергали бы его сему наказанію и словеснымъ допросамъ, кои также суть нѣкоторый родъ наказанія, напримѣръ: гласъ народа, который его винитъ, побѣгъ его; признаніе, учиненное имъ внѣ суда; свидѣтельство сообщника, бывшаго съ нимъ въ томъ преступленіи; угрозы и извѣстная вражда между обвиняемымъ и обиженнымъ; самое дѣйствіе преступленія, и другіе подобные знаки довольную могутъ подать причину, чтобы взять гражданина подъ стражу. Но сіи доказательства должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, которыхъ приговоры всегда противоборствуютъ гражданской вольности, если они не выведены, на какой бы то ни было случай, изъ общаго правила, въ уложеніи находящагося. Взять человѣка подъ стражу не что иное есть, какъ хранить опасно особу гражданина обвиняемаго, доколѣ учинится извѣстно, виноватъ ли онъ, или не виновенъ. Итакъ содержаніе подъ стражею должно длиться сколь возможно меньше и быть такъ снисходительно, коль можно. Приговоры судей должны быть народу вѣдомы, такъ какъ и доказательство преступленія, чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ".

Уже въ царствованіе Елизаветы мы замѣтили стремленіе ограничить пытку; Екатерина продолжала борьбу противъ этого страшнаго и твердо укоренившагося способа судебнаго дока-

зательства. Въ Наказѣ она рѣшительно выражается противъ пытки: „употребленіе пытки противно здравому разсужденію; само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена. Человѣка не можно почитать виновнымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ лишать его защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дати власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли онъ, или виноватъ. Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію: преступленіе или есть извѣстное, или нѣтъ; ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ, итакъ пытка не нужна; если преступленіе неизвѣстно, такъ не должно мучить обвиняемаго по той причинѣ, что не подлежитъ невиннаго мучить и что по законамъ тотъ невиненъ, чье преступленіе не доказано. Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собой въ томъ, чтобъ онъ могъ говорити правду. Чувствованіе боли можетъ возрасти до такой степени, что, совсѣмъ овладѣвъ всею душою, не оставитъ ей больше никакой свободы производить какое-либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ то же самое мгновеніе ока предпринять самый кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство, употребленное для различенія невинныхъ отъ виноватыхъ, истребитъ всю между ними разность; и судьи будутъ также неизвѣстны, виноватаго ли имѣютъ предъ собой, или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго разспроса. Посему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго“.

Въ Наказѣ поставленъ былъ вопросъ: смертная казнь полезна ли и нужна ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка? и отвѣтъ былъ данъ такой: „опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: чего для если я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина не полезна, не нужна, то я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: въ обыкновенномъ общества состояніи, ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть

потребна, сирѣчь, когда онъ, лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ или возвращаетъ свою вольность; или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія, соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ, противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, т.-е. силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ государствованія императрицы Елизаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія".

При заботѣ о прочности и славѣ самодержавія императрицу должны были особенно тяготить свидѣтельства изъ времёнъ не очень давнихъ о злоупотребленіяхъ по дѣламъ оскорбленія величества; дѣло Волынскаго, какъ дѣло вопіющее, было въ устахъ лучшихъ людей; въ свѣжей памяти была знаменитая тайная канцелярія, гдѣ пытались и приговаривались къ жестокимъ наказаніямъ люди простые, въ нетрезвомъ видѣ проговорившіеся о какомъ-нибудь слухѣ, разсказавшіе какое-нибудь преданіе, сказку о царственномъ лицѣ, давно уже умершемъ. Екатерина не могла не посвятить въ Наказѣ нѣсколькихъ статей указанію средствъ, какъ предотвратить эти злоупотребленія: „всѣ законы должны составлены быть изъ словъ ясныхъ и кроткихъ; однако нѣтъ между ними никакихъ, которыхъ бы сочиненіе касалось больше до безопасности гражданъ, какъ законы, принадлежащіе ко преступленію въ оскорбленіи величества. Слова, совокупленныя съ дѣйствіемъ, принимаютъ на себя естество того дѣйствія; такимъ образомъ человѣкъ, пришедшій, напримѣръ, на мѣсто народнаго собранія увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества потому, что слова совокуплены съ дѣйствіемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слова наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены. Слова не вмѣняются никогда во преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ, или

соединяются, или послѣдують дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное. Ничто не дѣлаетъ преступленіе въ оскорбленіи величества больше зависящимъ отъ толка и воли другого, какъ когда нескромныя слова бываютъ онаго содержаніемъ; разговоры столько подвержены истолкованіямъ, толь великое различіе между нескромностью и злобою, и толь малая разнота между выраженіями отъ нескромности и злобы употребляемыми, что законъ никоимъ образомъ не можетъ словъ подвергнуть смертной казни, по крайней мѣрѣ не означивши точно тѣхъ словъ, которыя онъ сей казни подвергаетъ. Итакъ слова не составляютъ вещи, подлежащей преступленію; часто они не значатъ ничего сами по себѣ, но по голосу, какимъ оныя выговариваютъ; часто, пересказывая тѣ же самыя слова, не даютъ имъ того же смысла, сей смыслъ зависитъ отъ связи, соединяющей оныя съ другими вещьми. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры. Нѣтъ ничего, что бы въ себѣ столь двойного смысла замыкало какъ все сіе. Такъ какъ же изъ сего сдѣлать преступленіе толь великое, каково оскорбленіе величества, и наказывать за слова такъ, какъ за самое дѣйствіе? Я чрезъ сіе не хочу уменьшить негодованія, которое должно имѣть на желающихъ опорочить славу своего государя, но могу сказать, что простое исправительное наказаніе приличествуетъ лучше въ сихъ случаяхъ, нежели обвиненіе въ оскорбленіи величества, всегда страшное и самой невинности. Письма суть вещь не такъ скоро проходящая, какъ слова, но когда они не пріуготовляютъ ко преступленію оскорбленія величества, то и они не могутъ быть вещью, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи величества. Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя, но оныя дѣлаются предметомъ, подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіемъ; и весьма беречься надобно изысканія о семъ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ“.

Въ началѣ года, еще до отъѣзда въ Москву, Екатерина писала Д'Аламберу, что Наказъ вовсе не похожъ на то, что она хотѣла ему послать: „я зачеркнула, разорвала и сожгла

больше половины, и Богъ вѣсть, что станется съ остальнымъ". Когда депутаты съѣхались въ Москву, императрица, находясь въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила „разныхъ персонъ вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Императрица дала имъ чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали и остался Наказъ, яко оный напечатанъ". До насъ дошелъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа, именно о крѣпостныхъ крестьянахъ, и мы можемъ, сравнивъ его съ печатнымъ, видѣть, какъ распоряжались эти разныя персоны вельми разномыслящія. Въ отрывкѣ читаемъ: „Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, т.-е. крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ такъ сказать крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота домашняго и проч. и далѣе ихъ рабство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чешской землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижнія Германіи. Личная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежатъ больше къ лицу. Великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное". Все это въ печатномъ Наказѣ выпущено, и оставлено только слѣдующее за приведенными статьями мѣсто: „какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуду произойти".

Далѣе въ отрывкѣ идутъ статьи: „Всякій человѣкъ долженъ имѣть пищу и одежду по своему состоянію, и сіе надлежитъ опредѣлить закономъ. Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобъ рабы и въ старости и въ болѣзняхъ не были оставлены. Одинъ изъ кесарей римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободными, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни. Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ про-

изводствѣ сего порядокъ, по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи. Когда въ Римѣ запрещено было отцамъ лишать жизни дѣтей своихъ, тогда правительство дѣлало дѣтямъ наказаніе, какое отецъ хотѣлъ предписать. Благоразумно было бы, если бы въ разсужденіи господина и раба подобное введено было употребленіе. Въ россійской Финляндіи выбранные седмь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ о всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы употребить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, ими посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ неволею бѣжать изъ своего отечества. Есть государство, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ 12-ю особами ему равными — законъ, который можетъ воспрепятствовать сильно всякому мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ и проч. Есть положеніе въ ломбардскихъ законахъ, которое во всѣхъ родахъ правленія полезно быть можетъ: если господинъ насилуетъ жену или дочь своего раба, то вся семья онаго будетъ отъ рабства освобождена; средство къ предупрежденію и укрощенію невоздержности господъ".

Все это въ изданномъ Наказѣ пропущено; за приведенною статьей, начинающеюся словами: „какого бы рода покорство ни было", прямо слѣдуетъ статья: „Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установляти жестокіе законы", статья, не имѣющая здѣсь смысла безъ дополненія, выпущеннаго въ изданномъ Наказѣ и сохранившагося въ отрывкѣ: „причина сему, что повиновеніе сдѣлалось несноснымъ игомъ, такъ необходимо надлежало и наказаніе за ослушаніе увеличить, или сомнѣваться о вѣрности. Благоразумно предостерегаться, сколь возможно, отъ того несчастія, чтобъ не сдѣлать законы страшные и ужасные. Для того, чтобы рабы и у римлянъ не могли полагать упованія на законы, то и законы не могли на нихъ имѣть упованія. Но какой то народъ, въ которомъ гражданскіе законы противоборствуютъ праву естественному? Былъ у грековъ законъ, по которому рабы, жестокостью господъ своихъ убѣжденные (?), могли требовать, чтобъ они другому были проданы. Въ послѣднія времена былъ подобный законъ и въ Римѣ: господинъ, раздраженный противу своего

раба, и рабъ, огорченный противъ господина своего, должны быть другъ отъ друга разлучены. Сей законъ служилъ къ безопасности хозяина и раба".

За этимъ пропускомъ слѣдуетъ въ печатномъ Наказѣ статья, одинаковая съ находящеюся въ отрывкѣ: „Петръ I-й узаконилъ въ 1712 году, чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества" но тутъ выпущена въ печатномъ Наказѣ вторая половина фразы: „и привесть ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу". Пропущено и слѣдующее: „могутъ еще законы опредѣлить уреченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ. Можно также установить, чтобъ на волю отпущеннаго человѣка уже болѣе не крѣпить никому, изъ чего еще та польза государственная выйдетъ, что нечувствительно умножится число мѣщанъ въ малыхъ городахъ. Также можно уврачевать зло сіе при самомъ онаго корени. Великое число рабовъ находится при отправленіи разныхъ должностей, имъ поручаемыхъ и уже отъ земледѣлія безповоротно отлученныхъ: перенести нѣкоторую часть сихъ званій на людей свободныхъ, напримѣръ, торговлю, мореплаваніе, художество; чрезъ то уменьшится число рабовъ. Надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе опредѣлили точно, что́ рабы должны заплатить за освобожденіе своему господину, или чтобъ уговоръ объ освобожденіи опредѣлилъ точно сей ихъ долгъ вмѣсто законовъ". Затѣмъ въ изданномъ Наказѣ говорится: „Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается. При чемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ".

Нѣсколько статей о крестьянскихъ отношеніяхъ помѣщено авторомъ Наказа и въ главѣ о размноженіи народа въ госу-

дарствѣ. „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. Гдѣ люди не для иного чего убоги, какъ только что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ (предлогъ) къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается. Они сами для себя не имѣютъ пропитанія: такъ какъ имъ можно подумать отъ онаго удѣлить еще своему потомству? Они не могутъ сами въ своихъ болѣзняхъ надлежащимъ пользоваться присмотромъ: такъ какъ уже имъ можно воспитывати твари, находящіяся въ безпрерывной болѣзни, т.-е. во младенчествѣ. Они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся чтобъ богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненій. Многіе, пользуясь удобностью говорить, но не будучи въ силахъ испытать въ тонкость о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи. Также и то: чѣмъ большія на нихъ положены дани, тѣмъ больше приходятъ они въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу наносили и всегда будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствамъ". Въ главѣ: О рукодѣліи и торговлѣ опять затрогивается вопросъ о крестьянахъ: „Не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего особеннаго. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ, всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой у него отыметъ".

Наказъ, въ этомъ сокращенномъ видѣ, былъ напечатанъ 30 іюля 1767 года; но и въ такомъ видѣ переводъ его былъ запрещенъ во Франціи.

Соловьевъ.

Отраженіе въ „Наказѣ“ философскихъ идей XVIII в.

Между произведеніями Екатерины очень важное мѣсто занимаетъ, конечно, „*Наказъ Комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія*“. „Наказъ“ произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границей (онъ былъ переведенъ на различные языки). „Наказъ“ — не самобытное произведеніе нашей императрицы. Многое въ немъ, какъ извѣстно, заимствовано изъ книги Монтескьё — „De l'esprit des lois“; многое изъ сочиненія Беккаріи — „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ (это сочиненіе послужило основою для всей уголовной части „Наказа“); иное сложилось подъ вліяніемъ идей Вольтера и другихъ философовъ-раціоналистовъ.

Сама императрица Екатерина, посылая Фридриху II экземпляръ „Наказа“ въ нѣмецкомъ переводѣ, скромно писала:

„Ваше величество не найдете въ немъ ничего новаго, ничего такого, что не было бы вамъ извѣстно. Вы увидите, что я поступила, какъ та ворона, которая нарядилась въ павлиныя перья. Въ этой книгѣ мнѣ принадлежитъ только расположеніе предметовъ и изрѣдка строка или слово. Большая часть „Наказа“ заимствована изъ „Духа законовъ“ президента Монтескьё и изъ „Преступленій и наказаній“ Беккаріи“.

Проф. Сергѣевичъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи „Откуда неудача Екатерининской законодательной комиссіи?“ письмо императрицы въ Д'Аламберу, въ которомъ она высказывается въ томъ же духѣ:

„Вы увидите (пишетъ Екатерина), какъ тамъ (т.-е. въ „Наказѣ“) я обобрала президента Монтескьё, не называя его. Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣчества“.

В. И. Семевскій въ своемъ сочиненіи „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II“ указываетъ — какія именно статьи взяты императрицей изъ называемыхъ ею самою сочиненій: изъ 526 статей „Наказа“ около 100 (отъ 147 до 245) заимствовано изъ произведенія Беккаріи, а болѣе 250 — изъ книги Монтескьё.

Но, не будучи самобытнымъ сочиненіемъ, „Наказъ“, однако, выражаетъ личные взгляды, направленіе мыслей императрицы

Екатерины, показываетъ намъ, подъ какими вліяніями слагались ея воззрѣнія, и съ этой стороны чрезвычайно для насъ интересенъ. — Особый интересъ представляетъ то обстоятельство, что въ „Наказѣ“ замѣчается двойственность, непримиренное противорѣчіе несогласныхъ другъ съ другомъ вліяній. На это противорѣчіе указалъ В. И. Сергѣевичъ въ названномъ выше изслѣдованіи его.

Монтескьё, считая республиканскую форму правленія естественною, находитъ, однако, самодержавіе наиболѣе соотвѣтственнымъ новѣйшимъ государствомъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы государь не нарушалъ правъ свободы гражданъ и сообразовался съ законами. Такой же смыслъ имѣетъ 520 ст. „Наказа“, заключающая въ себѣ слѣдующія прекрасныя слова:

„все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако, мы думаемъ и за славу себѣ считаемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа“.

Въ статьѣ 13-й императрица пишетъ:

„Какой предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность; но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большого ото всѣхъ добра“.

Изъ книги Монтескьё Екатерина освоилась (говоритъ г. Сергѣевичъ)

„съ идеей о непроизвольности законовъ, о соотвѣтствіи ихъ съ характеромъ народа, страны и другими условіями человѣческаго быта... Какъ ревностная ученица Монтескьё, государыня высказываетъ мысль, что „законоположеніе должно примѣнити къ народному умствованію, ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, слѣдуя природной нашей склонности“ (стр. 57).

Согласно съ этимъ императрица пишетъ въ статьѣ 5-й:

„законы весьма сходственные съ естествомъ суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго они учреждены“.

В. И. Сергѣевичъ указываетъ, что благодаря Монтескьё, обратившему вниманіе всего образованнаго міра на англійскія учрежденія, Екатерина

„живо заинтересовалась представительными учрежденіями Англіи, знакомилась съ практикой англійскаго парламента, и

экземпляръ журналовъ его засѣданій препроводила А. И. Бибикову, маршалу учрежденной ею законодательной комиссіи".

Этимъ обстоятельствомъ, а также историческимъ прошлымъ Россіи объясняется и созваніе императрицею комиссіи выборныхъ представителей русской земли.

Но, увлекаясь идеями Монтескьё о представительномъ правленіи Англіи, о согласованіи законовъ съ „народнымъ умствованіемъ", Екатерина въ то же время увлекалась и „философами" вѣка, особенно Вольтеромъ, которые были чужды подобныхъ взглядовъ и аристократически, свысока смотрѣли на народъ, болѣе придавая значеніе отвлеченному разсудку единичной личности. Значеніе Екатерининской комиссіи, какъ собранія представителей земли, народа, было непонятно Вольтеру. Комиссія занимала его лишь какъ учрежденіе, въ которомъ сошлись люди различныхъ вѣроисповѣданій.

„Она почтила меня извѣщеніемъ (говоритъ Вольтеръ про императрицу въ одномъ своемъ письмѣ), что собрала въ большой залѣ своего Кремля очень почтенныхъ язычниковъ, образованныхъ грековъ, латинянъ — природныхъ враговъ грековъ, кальвинистовъ — противниковъ латинянъ, добрыхъ мусульманъ, — что они ужинали вмѣстѣ, такъ какъ это былъ единственный способъ понять другъ друга (s'entendre), и что она убѣдила ихъ принять законы, благодаря коимъ они будутъ жить въ добромъ между собою согласіи. До сихъ поръ грекъ считалъ обязанностью выбросить за окно блюдо, съ котораго бралъ латинянинъ, буде ему было невозможно отправить туда самого латинянина... Нашей Сорбоннѣ было бы кстати прогуляться въ Москву, да и остаться тамъ".

Слѣдуя общимъ воззрѣніямъ Вольтера и энциклопедистовъ, вдохновляемая *разсудочностью* ихъ философіи, Екатерина пришла къ заключенію, что созванная ею комиссія должна не столько сообразжаться съ „народнымъ умоначертаніемъ", сколько сочинять новые законы, на основаніи наставленій „Наказа", наставленій, созданныхъ разсудкомъ ея и тѣхъ мыслителей XVIII столѣтія, которымъ она слѣдовала.

„Сличеніе ея „Наказа" съ оригиналомъ (т.-е. сочиненіемъ Монтескьё) указываетъ на очень своеобразное измѣненіе мыслей французскаго ученаго (говоритъ проф. Сергѣевичъ). Особенно крупныя отступленія сдѣлала она въ вопросѣ о раздѣленіи властей. Мысль объ участіи народа въ законодательствѣ

она не находитъ возможнымъ повторить въ своемъ „Наказѣ", какъ общее правило при организаціи законодательной власти".

„Раціоналистическая философія XVIII вѣка не умѣла отдать должнаго историческому началу въ развитіи человѣчества (справедливо замѣчаетъ уважаемый ученый). Все выработанное исторіей она склонна была осуждать, какъ результатъ грубости и невѣжества; все наслѣдіе вѣковъ она хотѣла бы уничтожить и замѣнить новымъ порядкомъ вещей, основаннымъ на указаніяхъ разума. Законы, съ точки зрѣнія этой философіи, не были результатомъ медленнаго и почти всегда болѣзненнаго историческаго развитія, а должны были возникнуть разомъ въ полнѣйшемъ своемъ объемѣ и всесовершенствѣ".

Въ написаніи императрицею для комиссіи „Наказа", которымъ комиссія выборныхъ должна была руководиться, выразилась идея „просвѣщеннаго деспотизма", та идея, которую внушалъ ей Вольтеръ, прославляя ея мудрость и дѣла, и которая сказалась, напр., въ слѣдующихъ словахъ ея письма къ нему:

„у васъ (писала Екатерина) низшіе научаютъ высшихъ, и симъ остается стараться только тѣмъ пользоваться; но у насъ совсѣмъ напротивъ. Мы не имѣемъ такого облегченія".

Эти слова написаны въ 1765 году, когда выразившаяся въ нихъ мысль еще не вполнѣ овладѣла душой императрицы: комиссія собрана была послѣ нихъ. Но вліяніе Вольтера и вообще философовъ-раціоналистовъ шло затѣмъ все усиливаясь, въ ущербъ болѣе возвышеннымъ вліяніямъ другого рода, и, наконецъ, Екатерина стала ревниво смотрѣть на свое созданіе. Какъ измѣнился ко времени распущенія комиссіи (1769 г.) собственный взглядъ императрицы на лучшее изъ дѣлъ ея царствованія, объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ драгоцѣнный историческій разсказъ, разсказъ племянника А. И. Бибикова — Дмитрія Гавриловича Бибикова, о причинахъ холодности Екатерины къ его знаменитому дядѣ.

„Въ предпослѣднее засѣданіе депутатовъ, когда Александръ Ильичъ объявилъ имъ, что труды ихъ кончаются, что ихъ на дняхъ, вѣроятно, приметъ императрица и распуститъ по домамъ, одинъ изъ депутатовъ спросилъ Бибикова: какъ, думаетъ онъ, будетъ впредь поступать императрица? Будетъ ли она вновь собирать депутатовъ всякій разъ, что пожелаетъ издать новый законъ, или впредь будетъ издавать ихъ сама, безъ

призыва ихъ? — На это Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ знать волю и намѣренія всемилостивѣйшей монархини, но предполагаетъ, что по примѣру этого собранія, если императрица будетъ довольна ихъ трудами и найдетъ въ нихъ пользу, она и впослѣдствіи по премудрости своей вѣроятно уже не приступитъ къ какой-либо важной мѣрѣ, касательно интересовъ всѣхъ, не собравши снова депутатовъ. Не успѣлъ онъ кончить свой отвѣтъ, какъ услыхалъ за ширмами съ шумомъ отодвинутое кресло и шуршаніе удаляющагося платья императрицы. Съ тѣхъ поръ она стала холодна къ Бибикову, и онъ снова былъ вызванъ на политическое поприще только въ виду развитія и опасности пугачевскаго бунта".

Очевидно, отвѣчая на запросъ депутата, А. И. Бибиковъ смотрѣлъ на комиссію такъ, какъ смотрѣла на нее императрица прежде; онъ не зналъ, что взглядъ ея измѣнился. Это измѣненіе воззрѣній еще усилилось въ 80-хъ годахъ, когда Екатерина стала считать сочиненія законовъ уже своимъ исключительнымъ правомъ, и на вопросъ Фонъ-Визина (присланный въ журналъ „Собесѣдникъ"):

„Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?"

Рѣзко отвѣтила:

„Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго".

Общественная дѣятельница, сама преслѣдовавшая сатирой пороки, и слѣдовательно возбуждавшая негодованіе общества противъ лицъ, хотя и не изобличенныхъ на судѣ, но достойныхъ общественнаго презрѣнія, императрица впослѣдствіи измѣнила свой взглядъ на взаимныя отношенія государства и общества, и судъ общественный стала считать простымъ отголоскомъ суда государственнаго. На вопросъ Фонъ-Визина:

„Отчего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?"

она отвѣтила:

„Оттого, что на судѣ не изобличены".

Идею „просвѣщеннаго деспотизма", побудившую Екатерину дать комиссіи выборныхъ людей такое подробное руководство, какъ „Наказъ", можно замѣтить и въ частностяхъ „Наказа". Такъ, императрица придаетъ черезчуръ большое значеніе внѣшнему закону и администравнымъ органамъ власти, — значеніе *воспитательное* по отношенію къ народу. Законъ мо-

жетъ, по ея мысли, исправлять пороки, создавать добрые нравы. Ст. 82-я „Наказа“ говоритъ про „умѣренное управленіе“:

„гражданскіе законы тамъ гораздо легче *исправлять будутъ пороки* и не будутъ принуждены употреблять столько усилія“; а въ 83-й статьѣ читаемъ:

„Въ сихъ областяхъ не только потщатся наказывати преступленія, какъ предупреждать оныя и приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы *вселить узаконеніями добрые нравы* въ гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями“.

Встрѣчается въ „Наказѣ“ и мысль о томъ, что воспитаніе должно всецѣло принадлежать государству. Въ статьѣ 350-й высказывается такого рода сожалѣніе:

„Невозможно (говорится тамъ) дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ; и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ“.

Въ подобныхъ заботахъ о воспитаніи дѣтей выражается какое-то недовѣріе къ семьѣ, что совершенно гармонируетъ съ общими педагогическими воззрѣніями императрицы.

Интересенъ взглядъ автора „Наказа“ на значеніе губернаторской власти: губернаторъ представляется какъ бы отцомъ города, а граждане — его дѣтьми. „Въ начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія“, въ главѣ „Объ управленіи нравовъ“ читаемъ слѣдующее:

„Вообщее многія мѣста надзираютъ надъ вещами, касающимися до нравовъ. Каждый градоначальникъ обязанъ наблюдать въ подчиненныхъ своихъ благопристойность нравовъ такъ, какъ каждый хозяинъ въ своихъ домашнихъ“.

Авторъ сочиненія „Екатерина II какъ писательница“, г. Щебальскій, совершенно справедливо говоритъ, что „кругъ, оставленный Екатериною для правительственнаго дѣйствія, еще слишкомъ обширенъ по нынѣшнимъ понятіямъ“.

Таково вліяніе на „Наказъ“ одной стороны философіи XVIII-го вѣка. Но слѣдуетъ указать въ немъ и слѣды вліянія другой стороны этой философіи — истинно „освободительныхъ“ идей.

„Наказъ“ совершенно отмѣняетъ пытку.

„Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію (говорится въ статьѣ 123-й); само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена“.

„Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорити правду“ (поясняетъ ст. 194). Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго“.

„Наказъ“ ратуетъ противъ жестокихъ наказаній, которыя признаетъ несообразными и вредными; въ немъ проводится мысль, что преступленія лучше всего предупреждать распространеніемъ образованія.

„Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича (читаемъ мы въ ст. 88-й), и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся“.

„Искусство научаетъ насъ (говорится нѣсколько раньше, въ ст. 85-й), что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердца гражданъ оными столько же поражаются, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими“.

„Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилося между людьми“.

учитъ статья 245-я; а 248-я прибавляетъ:

„самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія“.

Особенно интересны отношенія императрицы Екатерины въ „Наказѣ“ къ крестьянамъ и ихъ судьбѣ. Въ этихъ отношеніяхъ также бросается въ глаза двойственность.

Статья 260-я, прямой переводъ изъ Монтескьё, говоритъ:

„Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“.

Это положеніе не особенно благопріятствуетъ, конечно, освобожденію крестьянъ; но все, что можно было сдѣлать для крѣпостныхъ въ предѣлахъ такого совѣта, императрица хотѣла сдѣлать. Она желала, чтобы крестьяне имѣли собственность и чтобы они постепенно освобождались отъ крѣпостной зависимости.

„Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества".

— говоритъ статья 161-я; а 295-я прибавляетъ:

„Не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго".

Статья 256-я требуетъ нѣкотораго ограниченія власти помѣщиковъ:

„Петръ Первый (читаемъ мы въ ней) узаконилъ въ 1712 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По 1-й статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася — неизвѣстно".

Въ первоначальномъ видѣ „Наказа" императрица желала, для ослабленія произвола помѣщиковъ, учредить особый крестьянскій судъ, по образцу Финляндіи.

Не ограничиваясь этимъ, императрица положительно хотѣла освобожденія крѣпостныхъ, — она предлагала опредѣлить срокъ рабства и точно обозначить сумму выкупа отъ господина.

„Могутъ еще законы опредѣлить (писала она) уреченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ".

(Впрочемъ, какъ можно бы было примѣнить это къ нашей жизни, „Наказъ" не пояснилъ). — Гарантировать крѣпостнымъ право на имущество Екатерина находила нужнымъ для того, чтобы они могли купить себѣ свободу.

Но благородныя мысли императрицы о свободѣ крестьянъ не встрѣтили сочувствія въ средѣ окружавшихъ ее людей. Извѣстно, что „Наказъ" былъ подвергнутъ ею, прежде появленія его въ свѣтъ, двумъ цензурамъ: во 1-хъ „людей разныхъ", близкихъ къ ней; во 2-хъ „людей разномысленныхъ". Статьи объ освобожденіи крѣпостныхъ сквозь цензуру не прошли.

Интересны возраженія на эти статьи Сумарокова и ѣдкоостроумныя замѣчанія императрицы на возраженія поэта.

„Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ вольными нельзя (писалъ Сумароковъ): скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать своихъ слугъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе

между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанно будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ *(и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ*, — прибавила здѣсь императрица своею рукою), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища". „Мнѣ въ деревняхъ вовѣки не жить; но всѣ дворяне, а можетъ быть и крестьяне сами такою вольностью довольны не будутъ, ибо съ обѣихъ сторонъ умалится усердіе. А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ и крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, и нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ" *(и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи*, — замѣтила Екатерина).

„Г. Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ (прибавила она). Чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ".

Недовольство императрицы своими цензорами ярко сказалось въ приведенныхъ замѣчаніяхъ ея, какъ сказалось въ нихъ и здравое пониманіе положенія дѣлъ. Но пойти противъ мнѣнія дворянства и разрубить гордіевъ узелъ, освободивъ крестьянъ своею властью, она не рѣшилась: она исключила изъ „Наказа" неодобренныя статьи. Конечно, здѣсь дѣйствовало и вліяніе Вольтера и другихъ мыслителей: мы знаемъ, какое сочиненіе о крестьянахъ писалъ въ это время Вольтеръ на тему, предложенную Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ; мы знаемъ и то, что императрица поступила согласно съ его мыслями: освободивъ крестьянъ монастырскихъ, она не посягнула на крѣпостныя права дворянъ.

Незеленовъ.

Мысли Монтеня о преподаваніи.

Монтень вступилъ въ борьбу съ существовавшимъ способомъ преподаванія. „Не удивительно, что при способѣ и родѣ нашего обученія ни учителя, ни ученики не дѣлаются способнѣе для житейскихъ условій, хотя и пріобрѣтаютъ много учености. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ попеченія и расходы нашихъ родителей тратятся лишь на то, чтобы набить наши головы науками; но вовсе не помышляютъ о томъ, чтобы снабдить ихъ также разсудкомъ и добродѣтелью. Провозгласите на

улицѣ — „Вотъ ученый мужъ“, а затѣмъ также о другомъ — „Вотъ дѣльный человѣкъ“, и народъ ни на мигъ не отведетъ своихъ взоровъ и своего уваженія отъ перваго. Намъ слѣдовало бы спрашивать, кто *лучше* обученъ, а не кто *больше* обученъ. Мы стараемся лишь набить память, а умъ и сердце оставляемъ впустѣ. Мы сумѣемъ сказать: „Цицеронъ выразился такъ“, „Платонъ сдѣлалъ то и то“, „вотъ что сказалъ Аристотель“; но что говоримъ мы сами? какъ разсуждаемъ мы? что сами дѣлаемъ? Вѣдь повторять сказанное попугай можетъ такъ жъ хорошо, какъ и мы“. „Что толку нагружать желудокъ мясомъ, если не перевариваемъ его, если оно не претворяется въ насъ, такъ чтобы питать и укрѣплять насъ? Мы слишкомъ много опираемся на чужія руки, такъ что наши собственныя лишаемъ послѣдней силы. Когда хочу вооружиться противъ боязни смерти, я обращаюсь къ Сенекѣ; когда ищу утѣшенія себѣ или другому, то заимствую его у Цицерона. Вѣдь я обрелъ бы его въ самомъ себѣ, если бъ меня пріучали къ этому. Терпѣть не могу это нищенское полусуществованіе; хотя и возможно поумнѣть чужимъ умомъ, но умудриться можемъ лишь собственною мудростью“. „Я всегда удивлялся, что обогащенная познаніемъ многихъ вещей душа не становится отъ того ни живѣе, ни дѣятельнѣе. Кому приходится воспринимать столько чужихъ, обширныхъ, сильныхъ мозговъ, сказала мнѣ разъ, вспоминая о комъ-то, одна дѣвица, тотъ поневолѣ долженъ стиснуть свои собственные мозги и сузить ихъ, лишь бы дать мѣсто другимъ. Скажу отъ себя: подобно тому какъ растенія гибнутъ отъ излишней тучности и лампы тухнутъ отъ излишняго масла, точно то же совершается и съ дѣятельностью ума отъ излишнихъ ученій и черезчуръ многихъ предметовъ, такъ какъ вслѣдствіе слишкомъ большого разнообразія предметовъ онъ становится неспособнымъ распутаться, и такое бремя гнететъ и уродуетъ его“. — „Впрочемъ, это не совсѣмъ вѣрно. Наша душа расширяется по мѣрѣ того, какъ наполняется, и изъ примѣровъ древности мы напротивъ убѣждаемся, что мужи, отправлявшіе общественныя должности, великіе полководцы и совѣтники въ государственныхъ дѣлахъ въ то же время были весьма учены. Ошибка нашего воспитанія поэтому заключается не въ излишнемъ восприниманіи, — а въ *излишнемъ пристрастіи къ интеллектуальному и нерадѣніи къ этическому, въ через-*

чуръ настойчивомъ упражненіи памяти и пренебреженіи полезнаго. Посмотрите на ученыхъ. Они знаютъ теорію всѣхъ и всякихъ вещей; а поищите такого, который примѣнилъ бы эту теорію къ дѣлу? Какой же прокъ въ наукѣ безъ ума? Если ученіемъ наша душа не достигаетъ лучшаго направленія, если мы этимъ путемъ не добиваемся болѣе здравыхъ сужденій, то пусть ужъ лучше воспитанникъ мой проводитъ свое время играя въ мячъ; это, по крайней мѣрѣ, укрѣпитъ его тѣло. Взгляните на него послѣ столь многихъ, проведенныхъ въ университетахъ лѣтъ: окажется ли кто другой неспособнѣе его къ занятію какой-либо должности? выходитъ, что латынь и греческое сдѣлали его только глупѣе, чѣмъ онъ былъ, уходя изъ дому. Ему слѣдовало бы вернуться съ напитанною полною душою, а онъ вернулся лишь съ надутою".

Бывшему доселѣ воспитанію Монтень противоставляетъ свои собственныя новыя воззрѣнія. „Я хотѣлъ бы, чтобы для ребенка тщательно избрали *гувернера* скорѣе съ свѣтлымъ и яснымъ умомъ, нежели исполненнымъ учености; чтобы, конечно, имѣли въ виду и то и другое, но болѣе нравы и разсудокъ, нежели знаніе; и чтобы онъ въ своемъ дѣлѣ поступалъ не на старый ладъ. Въ преподаваніи ученикамъ то и дѣло кричатъ въ уши, словно вливаютъ въ воронку, и послѣднимъ остается лишь повторять подсказанное имъ. Я, напротивъ, желалъ бы, чтобы гувернеръ поступалъ цѣлесообразнѣе и съ первыхъ же поръ началъ съ того, чтобы предоставить порученной его воспитанію душѣ, по мѣрѣ ея способностей, самой усвоивать, избирать и умѣло различать вещи. Пусть онъ иногда наводитъ воспитанника на путь, а иной разъ заставляетъ его самого отыскивать дорогу. Онъ не долженъ задавать постоянно тонъ и говорить все самъ: пусть выслушаетъ также ученика и побуждаетъ его говорить въ свою очередь. Хорошо бы, если бъ онъ заставилъ воспитанника пройтись при себѣ, чтобы изучить такимъ образомъ его походку и обсудить, насколько самому ему надо спуститься, чтобы приспособиться къ его силамъ. Если не исполнимъ этого условія, то все испортимъ. Угадать это и точнѣе къ тому приноровиться, — вотъ самая настоятельная изъ обязанностей, какихъ я требую отъ гувернера: спуститься до дѣтскаго развитія и руководить имъ — это дѣло высокой и весьма сильной души. Когда по господствующей нынѣ привычкѣ нѣкоторые изъ воспитателей пытаются

одинаково обучать и на одинъ и тотъ же ладъ воспитать многихъ дѣтей различныхъ умственныхъ способностей и различнаго нрава, то не удивительно, если изъ всей толпы едва найдутся двое или трое, вынесшихъ хоть какую-нибудь пользу изъ такого воспитанія. Гувернеръ долженъ требовать отъ своего воспитанника не только отчета о словахъ его урока, но также и о смыслѣ и содержаніи послѣдняго. Объ извлеченной изъ того воспитанникомъ пользѣ онъ долженъ судить не по свидѣтельству памяти, но по образу его жизни. Онъ долженъ побуждать его разсматривать въ разныхъ видахъ все, чему тотъ учился, и примѣнять къ различнымъ предметамъ, чтобы убѣдиться, вѣрно ли онъ постигъ и усвоилъ себѣ все это. Если пища возвращается изъ желудка въ томъ же видѣ, какъ ее проглотили, то это служитъ признакомъ неудобоваримости. Значитъ, желудокъ не совершилъ своего отправленія, если по веществу и формѣ не измѣнилъ того, что „дано ему переварить". Пчелы то тутъ, то тамъ собираютъ соки съ цвѣтовъ, но изъ этого выдѣлываютъ медъ, вполнѣ имъ свойственный, не похожій ни на тиміанъ, ни на душицу: точно такъ же и воспитанникъ долженъ измѣнить и претворить все, что заимствуетъ у другихъ, чтобы образовать изъ этого вполнѣ ему свойственное произведеніе". Насъ до того избаловали помочами, что мы отвыкли ходить свободно: у насъ не стало ни воли, ни силъ". „Пусть гувернеръ побуждаетъ воспитанника изслѣдовать каждое мнѣніе и да не вбиваетъ ему въ голову ничего такого, что опирается на одну только вѣру въ авторитетъ. Онъ не долженъ заставлять его присягать ни на принципъ Аристотеля, ни на принципъ Эпикура или стоиковъ. Пусть изложитъ онъ передъ воспитанникомъ различныя мнѣнія; если послѣдній въ состояніи самъ выбрать между ними, тѣмъ лучше, если же нѣтъ, то пусть его сомнѣвается. Въ самомъ дѣлѣ, мы дѣлаемъ нашихъ питомцевъ раболѣпными и робкими оттого, что не даемъ имъ воли поступать по-своему. Спрашиваетъ ли хоть кто-нибудь своего ученика, какого онъ мнѣнія о реторикѣ, о грамматикѣ, о томъ или другомъ изреченіи Цицерона. Намъ вдалбливаютъ въ голову эти вещи словно изреченія оракула, вся суть которыхъ заключается въ буквахъ и слогахъ. Но знать наизусть — отнюдь не самое знаніе, это не что иное, какъ сохраненіе въ памяти того, что передано ей на сбереженье. Что мы знаемъ какъ слѣдуетъ, тѣмъ и распоряжаемся, не обращая вни-

манія на авторитетъ и не заглядывая сперва въ свою книгу. Посмотрѣлъ бы, какъ танцовщики Паловель или Помпе научили бы насъ своимъ прыжкамъ, давая намъ только смотрѣть на нихъ, такъ чтобы мы сами и не шевельнулись; точно такъ же хотятъ обучить и нашъ умъ, не заставляя его работать. Или, пускай научатъ насъ править лошадью, владѣть копьемъ, играть на лютнѣ, пѣть, не упражняя насъ въ этомъ: вѣдь такъ же и у насъ хотятъ научить разсуждать и говорить, не упражняя насъ ни въ разговорахъ, ни въ сужденіямъ". „*Первыя сообщаемыя воспитаннику ученія должны имѣть цѣлью направить его нравъ и мысли, научить его познавать самого себя, праведно жить и умереть.* Изъ свободныхъ искусствъ начнемъ прежде всего съ искусства, которое насъ сдѣлало бы свободными. Преподавъ воспитаннику все необходимое для того, чтобы стать мудрѣе и лучше, можно ознакомить его съ логикой, физикой, геометріей и реторикой; потомъ онъ уже скоро овладѣетъ любой наукой, какую бы ни избралъ, оттого что образовалъ свой разсудокъ. Пусть ученіе сообщается ему то въ разговорахъ, то посредствомъ книгъ. Пускай учитель иногда даетъ ему самому въ руки цѣлесообразныхъ писателей; а иногда только сокъ и суть послѣднихъ. Не слѣдуетъ притомъ запирать воспитанника, ни предавать его на произволъ злобы и мрачнаго настроенія свирѣпаго учителя. Я не хочу губить его душу, заставляя его по принятому обыкновенію по четырнадцати и до пятнадцати часовъ въ день, словно носильщика, потѣть за работой. Я не одобрилъ бы также, если бъ при нелюдимомъ меланхолическомъ темпераментѣ онъ не въ мѣру предался чтенію книгъ и если бъ его въ томъ поддерживали. Все это дѣлаетъ молодыхъ людей неловкими въ обращеніи и отвлекаетъ ихъ отъ лучшихъ занятій. Мнѣ пришлось встрѣчать не мало людей, которые поглупѣли отъ чрезмѣрной алчности къ наукѣ!" „*Ученикъ мой долженъ не столько наизусть знать свой урокъ, а скорѣе разработать его; онъ повторяетъ его на дѣлѣ.* Тогда увидимъ, съ умомъ ли берется онъ за свое дѣло, обнаруживаетъ ли въ поступкахъ своихъ доброту и справедливость, господствуютъ ли благоразуміе и прелесть въ его рѣчахъ, твердость въ болѣзняхъ, скромность въ играхъ, умѣренность въ его радостяхъ, — порядокъ въ экономическомъ отношеніи, — все ли одинаково приходится ему по вкусу, что бы ни предложили — мясо или рыбу, вино или

воду. Нашъ умъ всего правдивѣе отражается въ ходѣ нашей жизни. Нѣтъ никакой надобности пріучать воспитанника къ словамъ. Если онъ владѣетъ запасомъ предметовъ, то слова придутъ за ними, а въ противномъ случаѣ онъ и самъ привлечетъ ихъ". „Я люблю простую, естественную рѣчь, какъ въ письмѣ, такъ и въ разговорѣ, — рѣчь сильную, убѣдительную, такъ чтобы она была коротка и сжата, не столько нѣжна и гладка, а скорѣе пылка и внушительна. Вотъ какъ надо учиться говорить воспитаннику. Онъ не долженъ говорить, какъ его книга. Умъ и чувство нельзя ни у кого занять, подобно тому какъ занимаютъ шинель или платье". „*Прежде всего я хотѣлъ бы изучить свой родной языкъ и языкъ нашихъ сосѣдей, съ которыми мы въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ.* Знать греческое и латынь — дѣло, безъ сомнѣнія, хорошее и великое, но обходится черезчуръ дорого. Изучать ихъ безъ грамматики и правилъ, безъ розогъ и слезъ возможно только при помощи разговоровъ, такъ чтобы вокругъ насъ говорилось не иначе какъ по-латыни и т. п. Въ такомъ случаѣ и преподаваемые уроки, не связанные ни временемъ, ни мѣстомъ, пройдутъ такъ, что мы и не замѣтимъ. *Даже игры наши и тѣлесныя упражненія: бѣгъ, борьба, музыка, танцы, верховая ѣзда, фехтованіе и охота составятъ значительную долю нашего обученія.* Я хочу, чтобы заодно съ душою образовались и наружная пристойность и пріятный нравъ. Доводите въ особенности воспитанника до того, чтобы онъ, убѣдившись въ истинѣ, клалъ передъ ней оружіе и сдавался ей, хотя бы увидѣлъ ее на сторонѣ своего противника, или, одумавшись, — въ своемъ собственномъ умѣ. Изъ рѣчей воспитанника должны выясняться его совѣсть и добродѣлель; руководителемъ ихъ да будетъ одинъ только умъ его. Объясните ему, что сознаться въ ошибкахъ, открываемыхъ имъ въ собственныхъ его рѣчахъ, хотя бы ихъ никто кромѣ него не замѣтилъ, доказываетъ благоразуміе и откровенность, — эти важнѣйшія качества, къ которымъ онъ стремится; наоборотъ, упрямство и духъ противорѣчія — низкія качества и встрѣчаются большею частью только у мелкихъ душъ. Скажите ему: одуматься, исправить свое мнѣніе, отказаться даже въ пылу спора отъ неправаго дѣла, все это обнаруживаетъ рѣдкій, сильный и философскій строй мыслей". „*Воспитываютъ не только душу, не только тѣло, но человѣка цѣликомъ.* Мы не должны двоить его. Душа

гибнетъ отъ напряженія, если тѣло не поддерживаетъ ее; ей слишкомъ много дѣла, если она должна исполнять двѣ должности. *Читая книги, я часто замѣчаю, что авторы въ своихъ твореніяхъ иногда выдаютъ за величіе души и силу ума то, что по настоящему зависитъ скорѣе отъ толстоты кожи и твердости костей.* Необходимо пріучать воспитанника къ труду и къ суровости тѣлесныхъ упражненій, такъ чтобы сдѣлать его нечувствительнымъ ко всѣмъ возможнымъ болямъ. Но, обучая его, обращайтесь съ строгою кротостью. Необходимо возбудить въ немъ жажду и охоту къ занятіямъ; а иначе воспитаютъ лишь навьюченнаго книгами осла; бичуя. вы наполняете его карманы наукою и увѣщеваете лишь не терять ничего. *Прочь всякое принужденіе и насиліе!* Ничто не унижаетъ и не притупляетъ такъ сильно даже и хорошо одаренную натуру. Если хотите, чтобы воспитанникъ боялся позора и наказанія, то не закаляйте его противъ нихъ. Отучайте его отъ излишней мягкости; пріучайте ко всему; сдѣлайте изъ него не пошлаго волокиту, а, напротивъ, дюжаго, крѣпкаго молодца. Теперешнія учебныя заведенія — настоящія тюрьмы забранныхъ въ плѣнъ юношей. Ихъ дѣлаютъ лѣнивыми и распутными, наказывая какъ лѣнивыхъ и распутныхъ, прежде даже чѣмъ они стали такими. Какая превосходная манера придавать нѣжнымъ и робкимъ дѣтскимъ душамъ охоту къ ученію, побуждая ихъ къ тому раскраснѣвшимся отъ ярости лицомъ и съ бичомъ въ рукѣ! Было бъ гораздо пристойнѣе усыпать классы цвѣтами и листьями, а не волокнами окровавленныхъ березокъ. Я велѣлъ бы на стѣнахъ школы изобразить веселье и радость, Флору и Грацій, какъ сдѣлалъ въ своей школѣ философъ Спевсиппъ?"

Монтень у французовъ и для нихъ то же, что у англичанъ и для нихъ былъ Бэконъ. Будучи съ головы до пятокъ французомъ съ его легкомысліемъ и страстностью, онъ въ то же время представляетъ собою истинно французское противодѣйствіе схоластицизму и формализму, господствовавшему надъ школами его эпохи, — противодѣйствіе пустословію и всякому педантству. Онъ обращается къ дѣятельному образованію, требуетъ самостоятельнаго сужденія, превозноситъ реальное въ противность словесной виртуозности и добивается здоровыхъ тѣлесныхъ упражненій и свѣтлаго нрава. Вліяніе его на практическую учебную систему, такъ же какъ и Рамуса,

на первыхъ порахъ было не очень значительно. Но у него научались Локкъ и Руссо, и не умерло то, что въ смѣлой заносчивости металъ онъ изъ своего животворящаго духа.

Шмидтъ.

„Мысли о воспитаніи“ Локка.

Въ 1690-мъ году Локкъ написалъ свои „*Мысли о воспитаніи дѣтей*“ (Some thoughts concerning Education); это собственно не научная педагогика, а просто наставленіе для молодого англійскаго джентльмена, и потому относится главнѣйше къ воспитанію аристократическаго англійскаго юношества; все это не примѣнимо къ болѣе обширнымъ низшимъ слоямъ народа, исполнено однако глубокаго вникновенія въ природу дитяти, въ его развитіе; это основа абстрактно-человѣчнаго воспитанія; это, наконецъ, тѣ коренныя черты, которыя филонтропистами и др. доведены до крайности.

Локкъ въ своей системѣ воспитанія прежде всего настаиваетъ, чтобы *изслѣдовали индивидуальность воспитанника, а потомъ по его особеннымъ способностямъ устроили воспитаніе и обученіе.* Эта индивидуальность познается *по играмъ дитяти,* въ которыхъ его особенныя свойства проявляются всего свободнѣе и чаще — одна изъ тѣхъ истинъ, которыя въ педагогическихъ попыткахъ Фридриха Фребеля получили фактическое выраженіе. Изслѣдуйте поэтому, какія у ребенка господствующія страсти и преобладающія наклонности, буенъ ли онъ, или кротокъ, смѣлъ или робокъ, сострадателенъ или жестокъ, откровененъ или скрытенъ и пр., потому что съ этими отличіями его должно сообразовать также и обращеніе, средство и способъ руководить и управлять имъ. Однако природныя наклонности, которыя коренятся въ особенностяхъ организма, или въ темпераментѣ, не могутъ быть измѣняемы ни предписаніями, ни прямыми противодѣйствіями, а тѣмъ еще менѣе такія, которыя источникомъ своимъ имѣютъ страхъ и упадокъ духа, хотя, поступая искусно, большею частью, и можно улучшить ихъ и направить къ благимъ цѣлямъ. Но хотя бы въ этомъ отношеніи и сдѣлали все, что можно, все-таки перевѣсъ останется на той сторонѣ, на которую съ самаго начала склонялась природа, и кто въ первыхъ проявленіяхъ жизни тщательно наблюдаетъ за нравомъ ребенка, тотъ

впослѣдствіи легко угадаетъ направленіе его идей и намѣреній какъ бы ни усложнялись замыслы взрослаго юноши и какъ бы ни скрывались они подъ различными видами. Къ этой природной основѣ характера и долженъ потомъ примкнуть *нравственный элементъ воспитанія:* излишними нравоученіями и наставленіями нравственная натура ребенка не развивается правильно, а скорѣе искажается; когда воспитанникъ, благодаря примѣрамъ и личному навыку, позналъ сначала добродѣтель, то пусть онъ усвоитъ себѣ нравственныя поученія изъ Библіи и въ крайности еще изъ „Должностей" Цицерона. Впрочемъ *дѣти съ самаго начала должны воспитываться какъ разумные люди, конечно сообразно ихъ возрасту и зрѣлости, и пусть они убѣдятся, что съ ними поступаютъ не по произволу и прихоти, а руководятся напротивъ основательными причинами во всемъ, что отъ нихъ требуется.*

Высшая цѣль воспитанія, по мнѣнію Локка, здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ. Mens sana in corpore sano вотъ полное изображеніе счастливаго состоянія на свѣтѣ, а слѣдовательно, и цѣль воспитанія. Чья душа неразумно направлена, тотъ никогда не попадаетъ на истинный путь; чье тѣло слабо и болѣзненно, тотъ далеко не уйдетъ. Кто одержимъ однимъ изъ этихъ недостатковъ, тому и все остальное мало поможетъ.

Хотя душа главный предметъ воспитанія, а все-таки нельзя пренебрегать и *тѣломъ.* Дѣтей слѣдуетъ одѣвать *не слишкомъ тепло,* даже зимою. Они должны ходить много, какъ днемъ, такъ и ночью, и въ ведро, и въ ненастье. Вѣдь лицо наше при рожденіи такъ же нѣжно, какъ и всѣ остальныя части тѣла; но благодаря привычкѣ оно закаляется и способно переносить холодъ. Каждый день дѣти должны мыть *ноги въ холодной водѣ* и закалить ихъ отъ сырости такъ же, какъ закалены ихъ руки. Отъ одной только привычки и зависитъ разница въ чувствительности и впечатлительности рукъ и ногъ относительно холода. Холодное *купанье* производитъ удивительное дѣйствіе, особенно на слабыя личности. *Плавать* должны умѣть всѣ мальчики; также гулять во всякое время года на чистомъ воздухѣ. *Узкія платья* вредны, особенно корсеты для дѣвочекъ. Пускай сама природа образуетъ тѣло такъ, какъ сочтетъ за лучшее. *Маленькимъ дѣтямъ давать никакъ не мясо,* а напротивъ молоко. *Слишкомъ прѣсная*

и соленая пища вредна имъ. Въ промежуткахъ *немногихъ по возможности трапезъ* дѣтямъ давать одинъ только хлѣбъ: если они не жадны, а дѣйствительно голодны, то онъ будетъ имъ по вкусу. Лучше всего давать мальчику *по одному разу мясо,* приготовленное безъ затѣй, и всякій разъ одного только рода; при этомъ отнюдь не соблюдать установленнаго времени, а, напротивъ, лучше мѣнять его хоть каждый день, потому что, если желудокъ разъ привыкаетъ питаться непремѣнно въ извѣстное время и если пища попадетъ иной разъ не вó-время, то онъ заболѣетъ и утратитъ аппетитъ. Для питья пусть служитъ полпиво, но не вино: отнюдь не давать пить вспотѣвши. Принять за правило *рано вставать, рано ложиться спать;* 8 часовъ сна достаточно; но, назначая число часовъ, необходимо сообразоваться съ возрастомъ, натурою и тѣлесною организацією. Будить не пугая. Ложе пусть будетъ жесткое, на матрацѣ, но не на пуховикѣ: жесткое ложе укрѣпляетъ члены, отъ лежанья на пуховикѣ тѣло нѣжится и слабѣетъ.

Подъ вліяніемъ Монтеня и благодаря Локку гигіена впервые вошла во всеобщее употребленіе въ педагогику. Побольше свѣжаго воздуха и тѣлесныхъ упражненій, не черезчуръ мало сна; умѣренность, отсутствіе вина и крѣпкихъ напитковъ, по возможности менѣе или никакихъ лѣкарствъ; не слишкомъ теплая и не узкая одежда; голова и ноги холодныя, послѣднія чаще мыть въ холодной водѣ и подвергать сырости, чтобы закалить ихъ; вотъ что укрѣпляетъ тѣло и дѣлаетъ его способнымъ служить душѣ: таковы гигіеническія правила Локка.

Пристрастіе его къ домашнему воспитанію и отвращеніе отъ публичнаго возникли болѣе всего вслѣдстіе грубаго состоянія тогдашнихъ общественныхъ школъ (— хотя къ этому присоединились еще болѣе положительныя причины —). *Домашнее воспитаніе* предпочитается публичному. Въ школахъ благонравіе приносится въ жертву языкамъ. Чѣмъ больше учениковъ въ учебномъ заведеніи, тѣмъ очевиднѣе вредъ, наносимый ими другъ другу. Воспитаніе внѣ родительскаго дома придаетъ, правда, мальчику смѣлость и умѣнье обходиться съ людьми; а соперничество также содѣйствуетъ ученію. Но при этомъ цѣломудріе подвергается опасности изъ-за клочковъ латыни и греческаго; а смѣлость извращается обыкновенно въ грубость и безстыдство. Лучше пусть воспитан-

ный въ родительскомъ домѣ мальчикъ будетъ напротивъ того робокъ и застѣнчивъ: это пройдетъ само собою, когда онъ вступитъ въ свѣтъ. Трудно сказать, что можетъ пріобрѣсти отрокъ прельстительнаго для отца среди пестрой толпы буйныхъ мальчишекъ, какіе обыкновенно собираются въ школѣ отъ родителей всѣхъ возможныхъ классовъ. А потому лучше взять въ домъ наставника, который сообщилъ бы мальчику лучшіе нравы, болѣе доблестные помыслы и чувство добра и благопристойности, содѣйствовалъ бы большему успѣху въ знаніяхъ всякаго рода, скорѣе могъ бы довести его до зрѣлости степеннаго возраста, чѣмъ то возможно въ какомъ-нибудь переполненномъ учебномъ заведеніи. Наставникъ обязанъ, конечно, не только знать латынь и логику; онъ долженъ также быть благовоспитанъ, образованъ среди и для хорошаго общества; а иначе его ученость покажется педантствомъ, его прямодушная простота — мужицкимъ нравомъ, его добродушіе — низкою лестью. Онъ долженъ также обладать знаніемъ свѣта, чтобы передать это воспитаннику, и пріучить его наблюдать людей и считать ихъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, — ни лучшими, ни худшими. Такая житейская мудрость для воспитанника важнѣе латыни и мелочныхъ знаній. Пусть онъ учится тому, что можетъ пригодиться въ зрѣломъ возрастѣ.

Поэтому прежде всего надо обратить вниманіе *на нравственное воспитаніе. Самообладаніе* — вотъ высшая его задача. Душа должна быть способна не допускать ничего, что противорѣчитъ достоинству и превосходству разумнаго существа. Какъ здоровье тѣла заключается въ томъ, что оно способно противостоять вреднымъ вліяніямъ, точно такъ же и душа должна пріобрѣсти способность воздерживаться отъ своихъ собственныхъ похотей, преодолѣвать свои собственныя наклонности и слѣдовать однимъ лишь велѣніямъ разума. Воспитаніе ведетъ къ этому уже сызмала, и все разумное съ самаго дѣтства уже дѣлается привычкою. Животныхъ, назначенныхъ служить намъ, мы отдаемъ въ ученье, пока они еще молоды; а къ нашимъ собственнымъ дѣтямъ мы часто нерадѣемъ, и, испортивъ ихъ уступчивостью, баловствомъ и пр., все еще надѣемся, что изъ нихъ выйдутъ честные люди. Родители своимъ примѣромъ также прививаютъ пороки и недостатки дѣтской душѣ; мало того, многіе ясными словами прямо на-

учаютъ ихъ грѣхамъ и пороку, и прежде еще чѣмъ дѣти начинаютъ ходить, въ нихъ уже залагается основа насилія и мстительности. „Ударь меня, а я его ударю!“ вотъ это слышимъ мы изо дня въ день, и думаемъ себѣ, это ничего не значитъ, вѣдь у ребенка рука еще слаба, такъ что онъ не въ состояніи причинить боли; а развѣ ребенокъ такимъ путемъ не научается прибѣгать къ насилію? — Подавить желаніе, когда оно осуждается разумомъ, — вотъ начало всякой добродѣтели. Такая власть надъ собою достигается только привычкою; привычка становится легкою, если заранѣе упражняютъ ее. *Самоотреченіе и самообладаніе* слѣдуетъ поэтому упражнять заблаговременно. *Дѣтскимъ недостаткамъ* нельзя потворствовать, они разрастаются въ недостатки зрѣлаго возраста. *Прихотямъ дѣтей* отнюдь не потакать: дѣтей прежде всего необходимо пріучать къ безусловному повиновенію, а потомъ уже съ лѣтами и къ свободѣ, такъ чтобы они изъ послушныхъ дѣтей сдѣлались друзьями. Утвердите, по возможности, ранѣе авторитетъ надъ вашими дѣтьми, такъ чтобы онъ вліялъ на нихъ какъ естественный принципъ, источникъ котораго дѣти не постигаютъ. Пусть они боятся и любятъ васъ: боязнь должна вамъ дать власть надъ ихъ душою, а любовь и дружба въ позднѣйшіе годы должны поддержать эту власть. Пусть по мѣрѣ того, какъ подрастаютъ дѣти, приказанія отступаютъ на задній, — а искренніе, дружескіе совѣты и обсужденія выходятъ на первый планъ. Чѣмъ ранѣе съ отрокомъ обращаются какъ съ взрослымъ, тѣмъ онъ скорѣе возмужаетъ. Противъ властолюбія и корысти надо дѣйствовать заблаговременно. Отнюдь не уступайте ребенку, если онъ добивается чего-нибудь буйствомъ, крикомъ и упрямствомъ; удовлетворяйте, напротивъ того, истиннымъ его потребностямъ. Только во время отдыха и игръ можно давать дѣтямъ свободу. Отъ властолюбія проистекаютъ жалобы дѣтей на ихъ товарищей; слѣдуетъ, вообще, не обращать на это вниманія; а иногда можно возстановить миръ. Необходимо искоренить въ ребенкѣ *алчность,* этотъ корень всякихъ золъ; напротивъ, внушать ему *готовность услужить.* Когда онъ оказываетъ услугу, то вознаграждайте его каждый разъ безъ изъятія и съ лихвою; пусть онъ пойметъ, что оказывать любовь людямъ не безвыгодно, а что, напротивъ, за это, въ свою очередь, воздается также любовью. Побуждайте дѣтей *къ добросовѣстной*

честности, къ уваженію чужой собственности: мелкія плутни дѣтей разрастаются въ мошенничества въ зрѣломъ возрастѣ. Необходимо строго противодѣйствовать *упорному крику;* не усиливайте вашимъ соболѣзнованіемъ крикъ отъ боли, напротивъ, закаляйте дѣтей. Отучайте ихъ отъ *страха,* но такъ, чтобы они не дѣлались нахальными, развивайте въ нихъ настоящее *мужество;* оно окажется мощнымъ во всякой опасности и во всякомъ страданіи добросовѣстнымъ. Не дѣлайте дѣтей пугливыми, пріучайте ихъ къ виду гадкихъ животныхъ, лягушекъ и т. п., закаляйте ихъ такъ, чтобы они терпѣливо сносили боли. Надо подавлять склонность дѣтей *къ жестокости,* особенно въ *обращеніи съ животными:* обыкновенно поступаютъ наоборотъ, — дѣтей учатъ бить и потѣшаются этимъ; юношу учатъ удивляться завоевателямъ, этимъ палачамъ человѣческаго рода! *Ложь* представьте въ гнусномъ видѣ, какъ дѣло недостойное имени и характера мужа, такъ что дорожащій хоть сколько-нибудь этимъ именемъ неспособенъ снести обвиненія во лжи. Уличивъ въ первый разъ ребенка во лжи, не дѣлайте ему выговоръ какъ за обыкновенный проступокъ, а заявите только свое удивленіе какъ бы дѣлу весьма необычайному. Если это не отвратитъ отъ новой лжи, то въ другой разъ сдѣлайте ему строгій выговоръ, и пусть отецъ, мать и всѣ окружающіе ребенка, узнавши объ этомъ, выскажутъ величайшее негодованіе. Если, наконецъ, и это не поможетъ, то остается прибѣгнуть къ побоямъ, потому что въ такомъ случаѣ на преднамѣренную ложь надо всегда смотрѣть какъ на упорство. Поддерживайте *любознательность.* Спрашивающаго ребенка не слѣдуетъ отстранять недружелюбно или подтрунивать надъ нимъ превратными отвѣтами. Чтобы подстрекнуть любознательность, разсказывайте въ присутствіи ребенка о знаніяхъ другихъ людей. Дѣтямъ, пристрастнымъ къ играмъ. но лѣнивымъ къ ученью, велите серьезно играть цѣлый день такъ, чтобы имъ надоѣло это; а на ученье ихъ смотрите, напротивъ того, какъ на отдыхъ, не дѣлая изъ него занятія для нихъ. Для лѣнивыхъ полезенъ также тѣлесный трудъ, особенно если польстить ихъ тщеславію предметами, могущими пригодиться имъ. *Игрушекъ* отнюдь не покупайте. Такимъ образомъ устраните черезчуръ великое разнообразіе въ игрушкахъ, вслѣдствіе чего дѣти заражаются безпокойною страстью къ перемѣнамъ и избытку, и то и дѣло требуютъ

чего-нибудь новаго, не зная сами, чего они хотятъ, и никогда не довольствуясь тѣмъ, что имѣютъ. Такимъ-то образомъ высокомѣріе, тщеславіе и жадность рѣшительно прививаются дѣтямъ, чуть ли даже не прежде, чѣмъ они начинаютъ говорить. Напротивъ того, дѣти сами должны дѣлать или, по крайней мѣрѣ, попытаться сдѣлать себѣ игрушки. Если они начали изобрѣтать что-нибудь подобное, то необходимо поддержать ихъ въ этомъ; но не давать имъ ничего, когда они сидятъ себѣ спокойно и ничѣмъ незанятыя ждутъ, не принесутъ ли имъ чего-нибудь для ихъ забавы. Доставьте имъ, впрочемъ, игрушки, которыя они сами сдѣлать не могутъ, но употребленіе которыхъ необходимо связано съ трудомъ и размышленіемъ. Вообще всѣ игры и развлеченія должны бы имѣть цѣлью благія и полезныя привычки. Потому что дѣти ко всему прилагаютъ привычки — какъ хорошія, такъ и дурныя. (Опять-таки мысли, которыя также рѣшительно повліяли на Фридриха Фрёбеля).

Итакъ, если дитя воспитано нравственно, то оно и по наружности окажется и должно быть на дѣлѣ благонравно и скромно. Искусство ловко и осмотрительно устроивать свои дѣла въ свѣтѣ должно быть изучаемо. Для этого необходимы умъ и честность: *а потому образуйте практическій смыслъ дѣтей и воздерживайте ихъ отъ лукавства.* Должно избѣгать глупой стыдливости и безстыдной небрежности. *Вѣжливость* — это: побужденіе никого не обижать; *а благовоспитанность* — это: навыкъ пріятнымъ образомъ обнаруживать такое побужденіе. Если дѣти питаютъ это благое побужденіе, то, обращаясь съ благовоспитанными людьми, они сами собой окажутся такими же. *Поэтому не докучайте имъ слишкомъ рано искусствомъ говорить комплименты* и т. п. Но наблюдайте, чтобы они не прерывали ничьей рѣчи, особенно чтобы не дѣлали этого нахально. *Такъ называемымъ манерамъ дитя научается скорѣе въ обращеніи съ благовоспитанными людьми, нежели посредствомъ предписаній.* Нѣкоторыя неловкости можетъ исправить учитель танцованія: танцамъ можно уже рано обучать, оттого что они придаютъ благопристойную смѣлость и добронравное поведеніе. Не напоминайте младшимъ дѣтямъ то и дѣло о манерахъ; современемъ многое сдѣлается само собою. *Родители отнюдь не должны предоставлять своихъ дѣтей слугамъ, а напротивъ, держать ихъ по возможности*

болѣе около себя, но не стѣсняя ихъ. При всемъ томъ не обременяйте ихъ черезчуръ многими правилами, вѣдь дѣти едва въ состояніи запомнить ихъ; а настаивая потомъ на исполненіи ихъ, вы будете слишкомъ строги, при слабомъ же соблюденіи ихъ подрывается авторитетъ. Старайтесь, напротивъ того, постояннымъ ласковымъ напоминаніемъ пріучить ихъ къ тому, что для нихъ должно сдѣлаться навыкомъ, при чемъ не требуйте слишкомъ многаго заразъ и ничего такого, къ чему дѣти еще неспособны; иначе дитя пріучится къ притворству, такъ что наружные поступки его не будутъ согласоваться съ внутреннимъ настроеніемъ, или настроеніе это обнаружится въ несообразномъ видѣ. *Лучше простая, грубая, сама себѣ предоставленная, нежели до притворства выдрессированная натура.*

Къ важнѣйши *воспитательнымъ средствамъ* для такой нравсвенности и такой благопристойности относятся *похвала и порицаніе.* Все, что вдалбливается, возбуждаетъ въ ребенкѣ отвращеніе, отъ побоевъ же дитя становится, сверхъ того, робкимъ и раболѣпнымъ. Не слѣдуетъ также чувственными приманками, лакомствами, деньгами, нарядами и т. п. поощрять къ добру или вознаграждать за него. Изъ всѣхъ мотивовъ, способныхъ трогать разумную душу, самыми сильными оказываются *честь* и *позоръ,* лишь бы открыли разъ тайну сдѣлать дѣтей воспріимчивыми для такихъ впечатлѣній. *Внушить дѣтямъ любовь къ репутаціи: вотъ великая тайна воспитанія.* Насколько можете, сдѣлайте душу мальчика воспріимчивою къ похвалѣ и порицанію. Достигнувъ этого, вы сообщите ему такого двигателя, который будетъ вліять на всѣ его дѣйствія, даже въ вашемъ отсутствіи, и вы будете обладать стволомъ, къ которому послѣ можете привить истинныя правила нравственности и религіозности. Дѣти отъ природы воспріимчивы къ похвалѣ и порицанію; это усиливается, если отецъ хвалитъ ихъ каждый разъ за добрые поступки и, наоборотъ, относится къ нимъ холодно и съ презрѣніемъ, когда они провинились въ чемъ-нибудь. Дѣти должны убѣдиться, что за добрыя дѣла они будутъ всѣми любимы, а въ противномъ случаѣ презираемы и пренебрегаемы. Такимъ образомъ въ нихъ возникаетъ желаніе добиться одобренія и избѣгать всего, что заслуживаетъ презрѣнія. Это стремленіе должно быть мотивомъ у дѣтей, пока въ болѣе зрѣломъ возрастѣ они не бу-

дутъ руководиться сознаніемъ своего долга и внутреннимъ довольствомъ, какое дается покорностью Творцу. *Похвалы, заслуженныя дѣтьми, слѣдуетъ выражать имъ при постороннихъ, потому что награда усугубляется распространеніемъ. Наоборотъ, не разглашайте ихъ проступковъ;* потому что оглашеніе проступковъ притупляетъ. *При наказаніяхъ будьте безстрастны. Не ругайте* дѣтей. *Побои* заслуживаютъ они лишь за упрямство и сопротивленіе. Пусть тутъ даже дѣйствуютъ болѣе стыдъ и срамъ, нежели боль. Побоями надлежитъ сломить волю: и не должно отступать отъ нихъ, пока этого не достигнешь. Потому-то ихъ и не слѣдуетъ примѣнять въ маловажныхъ случаяхъ; имѣйте терпѣнье, но отнюдь лишь не съ злонамѣренностью. Побои не должны слѣдовать тотчасъ же за проступкомъ, иначе къ нимъ примѣшается страстность. И лучше было бы наказывать ихъ чрезъ посредство разсудительнаго слуги, такъ чтобы боль исходила непосредственно отъ руки другого, хотя бы и по приказанію и въ присутствіи родителей. Этимъ поддержится достоинство родителей и отвращеніе ребенка, возбужденное болью, обратилось бы къ лицу, которое непосредственно причинило ее. (Крайне опасное правило!)

Религія также ведетъ къ добродѣтели, и въ развитіи нравственности ее нельзя упускать изъ виду. Мы заложимъ для нея основаніе, если въ душѣ отрока заблаговременно запечатлѣемъ истинное понятіе о Богѣ, — если представимъ Его высшимъ существомъ, творцомъ и создателемъ всѣхъ вещей, отъ Котораго мы получаемъ всякое благо, и Который любитъ насъ какъ отецъ, всевидящій и всеслышащій, что мы дѣлаемъ, и надѣляющій всякимъ добромъ тѣхъ, кто любитъ Его и повинуется Ему. Такимъ образомъ дитяти внушается любовь и страхъ Божій. Далѣе этого не слѣдуетъ итти, чтобы не подать повода къ ложнымъ представленіямъ, приводящимъ какъ разъ или къ суевѣрію, къ боязни духовъ и привидѣній, или къ атеизму. Если дѣтей непремѣнно заставлять каждое утро и каждый вечеръ читать простую и короткую, съ ихъ возрастомъ и способностями сообразную, молитву къ Богу, какъ къ творцу, спасителю и благотворителю ихъ, то они въ пониманіи религіи и въ добродѣтели сдѣлаютъ больше успѣховъ, нежели пытаясь дойти своимъ умомъ до непостижимой сущности Божіей.

Сверхъ того, во всемъ, что дѣлаютъ съ ребенкомъ и для него, надо по возможности указывать на причины, — конечно, сообразныя съ его возрастомъ, и особенно на *примѣры.* Надо съ ребенкомъ разсуждать. Онъ понимаетъ это тогда уже, когда вообще начинаетъ говорить, и ранѣе даже, чѣмъ мы подозрѣваемъ, желаетъ, чтобы съ нимъ обращались какъ съ разумнымъ существомъ. Эту гордость слѣдовало бы тщательно въ немъ поддерживать и сдѣлать ее самымъ важнымъ орудіемъ для управленія имъ.

Однако съ двумя разными дѣтьми по причинѣ *ихъ особенностей* нельзя обращаться по одному и тому же методу. Притомъ способъ воспитанія *для различныхъ сословій* долженъ быть *различный.*

Знанія самый неважный предметъ въ воспитаніи, а между тѣмъ ихъ-то и считаютъ обыкновенно самымъ важнымъ, и даже единственнымъ. Когда вижу, какъ сильно хлопочутъ о томъ, чтобы сообщить ребенку немного латыни и греческаго, сколько лѣтъ тратится на это и какой безплодный шумъ подымается изъ-за того, то никакъ не могу отрѣшиться отъ мысли, что сами родители не избавились еще отъ страха школьной розги, которую привыкли считать единственнымъ воспитательнымъ орудіемъ, — какъ будто одинъ или два языка составляютъ единственный предметъ образованія! Какъ же понять иначе, что дитя въ теченіе семи, восьми и до десяти лучшихъ лѣтъ своей молодости приковывается къ роковой скамьѣ для того только, чтобы изучить два языка; которые, какъ мнѣ кажется, можно бы усвоить съ гораздо меньшею тратою времени и трудовъ и почти играя? Не слѣдуетъ, конечно, пренебрегать вовсе изученіемъ языка; но это, по возможности, должно соединять съ реальными знаніями, съ естественными науками, съ изученіемъ жизни и съ житейскимъ опытомъ. Чтеніе, письмо и счетъ также необходимы; но все это отнюдь еще не главное дѣло. Я полагаю, вы сочли бы глупымъ человѣкомъ того, кто добродѣтельнаго и мудраго мужа не цѣнилъ бы безконечно выше какого-нибудь великаго ученаго. Я отнюдь не считаю ученіе неважнымъ средствомъ, какъ для одного, такъ и для другого, при соотвѣтственныхъ для того способностяхъ. Но нельзя не сознаться, если послѣднихъ не окажется, то знаніе послужитъ лишь для того, чтобы сдѣлать человѣка еще глупѣе и хуже. Итакъ, знаніе должно

служить лишь средствомъ къ достиженію высшихъ цѣлей и качествъ.

Изъ этихъ основныхъ взглядовъ должны истекать какъ воспитаніе, такъ и преподаваніе. Въ преподаваніи прежде всего требуется любовь къ учителю и къ учебному предмету. *Не обременяйте дѣтей уроками словно поденною работою, иначе это опротивѣетъ имъ.* Имъ опротивѣло бы даже играть, если бъ игру стали приказывать. Дѣти хотятъ быть такъ же свободны и независимы, какъ и самый гордый взрослый человѣкъ. *Внушите имъ охоту къ ученію* и *тутъ* даже заставляйте ихъ вообще работать лишь тогда, когда они расположены къ тому. Дитя научится втрое болѣе, если охотно примется за дѣло; и наоборотъ, потребуется вдвое болѣе времени и труда, если оно учится съ отвращеніемъ. Ребенокъ не всегда бываетъ расположенъ къ извѣстнымъ занятіямъ. Какъ бы сильно напр. оно ни любило чтеніе, письмо и музыку, — но иногда все-таки можетъ случиться, что и эти вещи ему не понравятся. Если бы дитя, что легко можетъ случиться, было черезчуръ рѣдко расположено къ извѣстнымъ необходимымъ занятіямъ, то пусть воспитатель сообразнымъ обхожденіемъ побудитъ его къ нимъ, и это вовсе не трудно для наставника, хорошо изучившаго своего воспитанника. Такимъ образомъ сбережемъ много времени и избавимся отъ скуки. *Убѣдившись въ этомъ отъ всей души, вы позволите дѣтямъ вдоволь и до устали наиграться и за всѣмъ тѣмъ останется еще довольно времени для ученья.* Если съ умѣньемъ взяться за дѣло, то преподаваніе извѣстныхъ предметовъ послужитъ для нихъ отдыхомъ, а игра поученіемъ. Трудъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Они вообще не боятся труда, а напротивъ, любятъ его. Разница лишь та, что въ игрѣ они дѣйствуютъ свободно и добровольно предаются труду, тогда какъ въ ученьи къ нему принуждаются. *Доведите ихъ до того, чтобы они просили васъ поучить ихъ, какъ и сами они часто поступаютъ относительно своихъ товарищей; тогда вы доставите имъ такое же наслажденіе, какъ настоящею игрой.* Однако и это также не слѣдуетъ доводить до крайности и не упускать изъ виду другую заботу, а именно, ребенка заранѣе пріучать къ самообладанію. Все искусство, достойное нашихъ усилій, состоитъ въ томъ, чтобы душа дитяти добилась господства надъ самой собою и пріучалась по предварительномъ обсужденіи легко и охотно перехо-

дить отъ однихъ ревностныхъ занятій къ другимъ. *Дѣтей сильнѣе всего отталкиваетъ отъ учебныхъ предметовъ то, что ихъ до устали держатъ при одной и той же отрасли преподаванія.* Заведите смѣну какъ между игрой и трудомъ, такъ точно и между различными работами и играми, и вы увидите, что дѣти скоро съ охотой послѣдуютъ за учителемъ.

Когда мальчикъ умѣетъ говорить, то пусть учится *читать*. Но это должно быть для него не работою, а игрою. Возрастъ его ненавидитъ принужденія. Пусть игрушки служатъ для обученія чтенію. Такъ напр. многогранникъ съ 25 плоскостями; на каждой изъ нихъ имѣется по буквѣ и назначается премія за ту, которая выпадетъ. Когда мальчикъ ознакомился такимъ образомъ съ отдѣльными буквами, то переходите къ складамъ и чтенію. Первою книгою для чтенія могутъ служить Эзоповы басни, снабженныя по возможности картинками. *Дѣти получаютъ первыя представленія не чрезъ слова, а черезъ предметы и изображенія предметовъ.* — Отче нашъ, символъ вѣры и заповѣди мальчикъ долженъ заучить не чтеніемъ, а чрезъ подсказыванье на словахъ. *Библія вообще не книга для дѣтскаго чтенія;* изъ нея надо пользоваться только извлеченіями, служащими для упражненія въ чтеніи и для назиданья. — *Писать* начинайте съ указанія какъ держать перо; потомъ заставляйте по краснымъ буквамъ водить черными чернилами.

Изъ *иностранныхъ языковъ,* когда мальчикъ уже въ состояніи говорить на родномъ, пусть онъ учится прежде всего французскому, потому что этому обучаютъ единственно вѣрнымъ способомъ, а именно посредствомъ разговоровъ. Надо рано приступать къ изученію французскаго языка, оттого что впослѣдствіи труднѣе пріобрѣсть хорошій выговоръ. — *Латынь* слѣдовало бы, такъ же какъ и французское, изучать посредствомъ разговора и чтенія, — но не отъ людей, которые всю свою остальную жизнь вовсе не занимаются этимъ языкомъ. Избавьте дитя отъ латинской грамматики. Латинскіе разговоры должны быть поучительны также по содержанію и толковать о географіи, астрономіи, хронологіи, анатоміи, исторіи, вообще о предметахъ, находящихся въ предѣлахъ чувственнаго постиженія. *Если нѣтъ никого хорошо говорящаго по-латыни, то возьмите какую нибудь занимательную книгу, хоть Эзоповы басни, и напишите англійскій, по возможности бук-*

вальный переводъ между строками такъ, чтобы надъ каждымъ латинскимъ словомъ стояло соотвѣтствующее ему англійское. Заставляйте мальчика каждый день читать и перечитывать этотъ переводъ, пока онъ не пойметъ совершенно латинскаго текста; потомъ онъ можетъ перейти къ другой баснѣ и, по-возможности, чаще повторять ту, которую уже знаетъ, такъ чтобы удержать ее въ памяти. Пусть онъ списываетъ эти басни и при этомъ учитъ наизусть спряженія и склоненія. Послѣ Эзопа можно читать Юстина или Эвтропія; ученикъ можетъ воспользоваться какимъ-нибудь англійскимъ переводомъ. *Болѣе точную грамматику слѣдовало бы преподавать ему только тогда, когда онъ уже говоритъ на этомъ языкѣ;* она послужила бы ему подготовкой къ реторикѣ. Пусть ученикъ переводитъ съ латинскаго на свой родной языкъ и пріобрѣтаетъ при этомъ реальныя свѣдѣнія, напр. знаніе минераловъ, растеній, животныхъ, особенно подѣлочнаго лѣса и плодовыхъ деревьевъ. *Не задавайте ему ни латинскихъ сочиненій, ни рѣчей, ни стиховъ;* крайне неразумно мучить ученика латинскимъ стихотворствомъ, если у него нѣтъ никакого поэтическаго таланта, да если бъ онъ и дѣйствительно обладалъ поэтическою жилкою, то подумайте только, что выиграетъ онъ, сдѣлавшись удачнымъ риѳмоплетомъ и добившись славы остроумнаго литератора, въ какихъ кружкахъ и мѣстахъ онъ будетъ расточать тогда свое время и сверхъ того свое состояніе. До сихъ поръ вѣдь очень рѣдко случалось, чтобы кто-нибудь открылъ золотые или серебряные пріиски на Парнассѣ. Но если вы хотите дѣйствительно сдѣлать изъ него стихотворца, то чтеніе лучшихъ греческихъ и латинскихъ поэтовъ послужитъ для этого гораздо лучшимъ средствомъ, нежели собственныя сочиненія плохихъ стиховъ не на родномъ языкѣ. Не заставляйте его выучивать наизусть большіе отрывки изъ классиковъ (языки изучаются путемъ чтенія и разговоровъ, а не затверживаньемъ большихъ отрывковъ изъ авторовъ); пусть изучаетъ только избранныя мѣста. Изощряется ли память долбленьемъ наизусть, это еще вопросъ; потому что крѣпкая память дается счастливою натурою, а не есть добытая упражненіемъ способность. Что сильно увлекаетъ душу и что доставляетъ ей наслажденіе, то лучше всего и удерживается ею. — Ученому необходимо знать *греческій* языкъ, кто же не посвятилъ себя этому званію, для

того онъ лишній. Было бы безплоднымъ трудомъ и напрасною тратою времени изучать языкъ, которымъ воспитанникъ никогда не будетъ пользоваться въ своемъ званіи, и о которомъ, судя по природнымъ наклонностямъ отрока, можно разсудить впередъ, что послѣдній его совсѣмъ броситъ и забудетъ, когда достигнетъ зрѣлаго возраста и когда наставникъ покинетъ его.

Къ *землеописанію,* къ изученію странъ по глубусу и картамъ, можно рано приступить. Когда впечатлѣны въ памяти общія географическія свѣдѣнія, то можно приняться за начальныя правила *ариѳметики;* это самая легкая и, слѣдовательно, первая изъ лишенныхъ образовъ наукъ, которую способенъ воспринять дѣтскій умъ; притомъ она необходима въ практической жизни, такъ что безъ нея едва ли можно обойтись. Ни для кого не будетъ лишнимъ ни отличное знаніе счисленія, ни простое умѣнье считать; а потому мальчику необходимо, лишь бы онъ былъ къ тому способенъ, учиться счету и упражняться въ немъ каждый день. *Коммерческую ариѳметику и бухгалтерію* слѣдовало бы знать каждому образованному человѣку, не для того, чтобы нажить имущество, а съ тѣмъ чтобы благоразумно и осмотрительно беречь его, не дѣлая пустыхъ расходовъ. Потомъ примитесь за *астрономію* съ помощью небеснаго глобуса; далѣе за геометрію, за первыя шесть книжекъ Эвклида. Пусть мальчикъ вмѣстѣ съ географіей изучаетъ *хронологію,* безъ которой исторія будетъ сбивчива. Самую *исторію* можно прежде всего преподавать посредствомъ чтенія латинскихъ классиковъ. Впослѣдствіи юноша пусть читаетъ о должностяхъ Цицерона, о должности человѣка и гражданина Пуффендорфа, потомъ о правѣ войны и мира *Гроція* и естественномъ и родовомъ правѣ Пуффендорфа. Этимъ путемъ молодой человѣкъ посвящается въ происхожденіе и цѣль человѣческаго общежитія и въ вытекающія изъ того для единичнаго лица обязанности. А потому образованный человѣкъ долженъ всегда имѣть подъ рукой эти сочиненія. Сверхъ того необходимо еще знаніе *отечественной исторіи,* поучающей его, какъ возникли отдѣльные законы и учрежденія, и какое значеніе имѣютъ они для нашего времени. Юноша обязанъ изучить *государственные уставы:* знаніе ихъ необходимо для всякаго человѣка, какого бы то ни было сословія, такъ что переходя по всѣмъ должностямъ, начиная съ

мирового судьи въ деревнѣ и до государственнаго министра при дворѣ, мы ни одной изъ нихъ не можемъ исполнить безъ законовѣдѣнья. — *О логикѣ и реторикѣ*, которыя въ школахъ слѣдуютъ тотчасъ же послѣ грамматики, я не упоминалъ до сихъ поръ оттого, что молодые люди извлекаютъ изъ нихъ мало пользы; и дѣйствительно, мнѣ никогда еще не случалось видѣть, чтобы люди по логикѣ и реторикѣ научились вѣрно мыслить и изящно говорить. Чтобы научиться тому и другому, займитесь сочиненіями Цицерона. Пусть дѣти разсказываютъ короткія повѣсти и переводятъ для упражненія въ слогѣ Эзопа. Пуще всего настаивайте, чтобы они не столько по-латыни, но скорѣе на *родномъ языкѣ* научились вѣрно говорить и писать. Пріучайте ихъ выражать свои мысли ясно и точно, безъ искаженій, безъ путаницы и грубости. Упражняйте ихъ при этомъ въ *сочиненіи писемъ*, необходимомъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, такъ что безъ этого не обойдется ни одинъ человѣкъ съ нѣкоторымъ званіемъ. Не забывайте никогда: какими бы иностранными языками ни занимался молодой человѣкъ (чѣмъ болѣе онъ знаетъ ихъ, тѣмъ лучше), — но родной языкъ всегда долженъ сохранить за собою преимущество, и въ немъ онъ обязанъ упражняться ежедневно для достиженія яснаго и изящнаго выраженія. *Натурфилософія*, наука о происхожденіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ вещей, распадается на ученіе *о духѣ*, — *метафизика*, и о тѣлахъ, — *физика*. Первая должна предшествовать и заимствуется изъ библіи, потому что иначе власть чувственнаго міра заглушитъ вѣру въ сверхчувственное. Пусть молодой человѣкъ читаетъ Декарта, чтобы ознакомиться съ ходячими мыслями въ философіи Для изученія физики предлагается несравненный Ньютонъ: въ его превосходной книгѣ „Математическія начала естественной философіи" („Philosophiae naturalis principia mathematica") — дается образецъ, какъ математика, примѣняемая къ естествознанію, отъ наглядныхъ предметовъ доводитъ до пространственнаго постиженія всей природы.

Всякія научныя занятія должны итти въ извѣстномъ порядкѣ. Въ исторіи сообразуются съ временемъ. Въ философіи съ тѣмъ порядкомъ, какой господствуетъ и блюдется въ природѣ. То же относится и къ душѣ. *Отъ знанія, которымъ дитя уже обладаетъ, переходятъ къ тому, что ближе всего*

къ извѣстному. Такимъ порядкомъ подвигаются съ одной ступени на другую до высшей цѣли, какой стремятся достичь, и которая достигается, если только дитя, по возможности, само допытывается пріобрѣтаемыхъ имъ знаній, вмѣсто того что-бы заучивать наизусть, не переваривъ ихъ.

Кромѣ всего изучаемаго въ наукахъ и чрезъ книги, для юноши знатнаго рода необходимы еще разныя *искусства,* пріобрѣтаемыя упражненіемъ, для которыхъ необходимо отвести извѣстное время и назначить особыхъ учителей. Если мальчикъ пріобрѣлъ красивый и быстрый почеркъ, то долженъ не только поддерживать его тщательнымъ упражненіемъ въ письмѣ, но еще усовершенствовать свое искусство посредствомъ *рисованья.* Въ путешествіяхъ и т. п. рисованье послужитъ въ пользу молодому человѣку; часто немногими чертами онъ въ состояніи будетъ изобразить — зданія, машины, одежды и пр., — чего не объяснить никакими многословными описаніями. Но я не хочу, чтобы онъ сдѣлался живописцемъ; на это потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ сколько остается у него отъ другихъ важнѣйшихъ занятій. Ему достаточно пріобрѣсти знаніе перспективы и умѣнье рисовать настолько, чтобы онъ могъ набросать на бумагѣ очерки встрѣчающихся предметовъ, за исключеніемъ человѣческаго лица. Если онъ одаренъ способностью къ рисованью, то скоро выучится; если же нѣтъ, то нечего ему напрасно трудиться. Ибо nihil invita Minerva, т.-е. оставьте то, къ къ чему вы не одарены отъ природы: вотъ правило для всѣхъ не безусловно необходимыхъ предметовъ. — Танцы придаютъ грацію нашимъ движеніямъ, и этому слѣдовало бы учиться, по возможности, ранѣе. Но учитель танцевъ долженъ знать, въ чемъ состоитъ грація; а иначе онъ не годится, и тогда лучше, если бъ его вовсе не было. Прыжки и фигурные танцы изгоняются. *Музыка* сродни танцамъ и весьма уважается многими. Но требуется слишкомъ много времени для того только, чтобы молодой человѣкъ научился хотя посредственно играть на инструментѣ. Сверхъ того онъ вслѣдствіе этого часто попадаетъ въ разныя безпутныя общества, а потому многіе того мнѣнія, что лучше было бы сберечь это время. Могу только замѣтить: между высокопоставленными и научными людьми я рѣдко слышалъ, чтобы хвалили и уважали кого-нибудь за музыкальное искусство, а потому изъ всѣхъ предметовъ музыкѣ я отвожу послѣднее

мѣсто. Наша жизнь коротка, такъ что мы не въ состояніи достичь всего: оттого и духъ нашъ не можетъ находиться въ непрерывномъ напряженіи; за всякимъ трудомъ долженъ слѣдовать отдыхъ, и отнюдь нельзя отказать въ немъ молодымъ людямъ, если не хотимъ преждевременно довести ихъ до могилы или до второго дѣтства. Поэтому-то и слѣдуетъ посвящаемое ученію время употреблять на самые полезные предметы и стараться достичь ихъ кратчайшимъ путемъ. — Молодой человѣкъ изъ знати долженъ обучаться *верховой ѣздѣ*. *Фехтованье* полезно для здоровья; но настолько ли оно важно и стоитъ ли того, чтобы изъ него дѣлать особый урокъ, на что тратится болѣе времени, чѣмъ требуется для здоровья, — объ этомъ предоставляю судить родителямъ и педагогамъ. — Пусть юноша изъ высшаго сословія для отдыха изучаетъ ремесло, въ городѣ плотничье, столярное, токарное, а въ деревнѣ садоводство и сельское хозяйство, — частью ради движенія и развитія тѣла, частью ради пользы самаго предмета и для пріобрѣтенія болѣе вѣрнаго пониманья жизни и людей. — *Играть* въ карты и кости никому не слѣдуетъ: но такъ какъ все-таки приходится жить въ свѣтѣ, котораго не передѣлаешь, къ которому, напротивъ того, необходимо примѣниться, насколько то допускается благоразуміемъ и добродѣтелью; такъ какъ игра сама по себѣ не запрещена и Богъ не возбраняетъ человѣку отдыха послѣ трудовъ, такъ какъ, наконецъ, въ большихъ обществахъ благодаря игрѣ предупреждаются, большею частью, чрезмѣрныя попойки, дурныя рѣчи и т. п., — то я нахожу, что лучше самому научить молодого человѣка игрѣ, нежели предоставить это другимъ, лишь бы внушить ему притомъ главное правило, чтобы онъ отнюдь не имѣлъ въ виду выигрышъ, но игралъ бы единственно для доставленія удовольствія себѣ и другимъ. — Самое неудобное время для *путешествія* съ цѣлью изучать иностранные языки, отъ 16 до 20 лѣтняго возраста, когда юноша слишкомъ уже старъ для изученія языковъ и слишкомъ еще молодъ для того, чтобы пріобрѣсти знаніе людей, но какъ разъ въ настоящей порѣ для того, чтобы вести распутную жизнь. Если непремѣнно хотите путешествовать, то дѣлайте это лучше всего въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда будете въ состояніи наблюдать самостоятельно, когда ознакомитесь съ жизнью родного края настолько, чтобы обмѣняться личными знаніями и опытомъ

съ тѣми, кого посѣтите въ чужой странѣ. Отсюда выйдетъ настоящая польза. Непонятно въ самомъ дѣлѣ, какую прибыль извлечетъ юноша при гувернерѣ, если послѣднему придется за него все дѣлать и обо всѣмъ думать, такъ что молодой человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ стать на собственныя ноги.

Педагогика Локка — это педагогика полезнаго и практическаго. Его идеалъ — благовоспитанный и благонравный свѣтскій человѣкъ. Человѣкъ съ хорошей головой — прибавляетъ Локкъ — послѣ самъ собою пріобрѣтетъ ученость; Ньютонъ самоучкой сдѣлался однимъ изъ величайшихъ математиковъ. — Локкъ былъ человѣкомъ практической жизни. Это обнаруживается какъ въ его педагогическихъ правилахъ, такъ и въ *религіозныхъ воззрѣніяхъ.* Основную мысль его религіознаго взгляда составляетъ идея чисто человѣческой нравственности. Насколько религія не извратилась въ суевѣріе и обманъ со стороны духовенства, настолько и откровеніе согласно съ человѣческимъ разумомъ. Ни одна изъ существующихъ церквей не пользуется особеннымъ превосходствомъ. *Евангеліе любви и терпимости достигнетъ всеобщаго владычества.* Свѣтъ и вѣра гражданъ только тогда подлежатъ власти и суду правительства, когда само религіозное общество ведетъ къ безнравственнымъ преступнымъ поступкамъ.—

Трезвый, одаренный проницательнымъ умомъ, но скуднымъ чувствомъ и ограниченною идеальностью, Локкъ оказалъ услугу тѣмъ, что устранилъ всѣ Декартовы мечты о прирожденныхъ идеяхъ. Если онъ душу принимаетъ за чистый листъ (tabula rasa), который исписывается лишь отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, то онъ, что касается духовнаго содержанія, вполнѣ правъ, и вслѣдствіе этого строго доказаннаго имъ воззрѣнія, его слѣдуетъ считать отцомъ новѣйшей нѣмецкой психологіи, которая, въ лицѣ Гербарта и Бенеке, приходитъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ. Но они точно такъ же, какъ и онъ, упускаютъ изъ виду, что всякій человѣкъ представляетъ собою „особое сочетаніе человѣческихъ элементовъ", всякая особь — оригиналъ, и они потому не могутъ постичь ни человѣческой индивидуальности, ни оригинальности, ни геніальности богоодаренныхъ особей. Трезвость Локкова воззрѣнія вполнѣ отвѣчаетъ англійскому духу, поскольку послѣдній не стѣсняется рутиннымъ догматическимъ правовѣріемъ и

не сдерживается имъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. *Локкъ — англичанинъ до мозга костей, и его принципъ воспитанія тотъ же самый, по которому развивается англійскій народъ. Въ свое время онъ былъ энергическою оппозиціею противъ преобладавшаго до него протестантски-схоластическаго воспитанія, дѣйствительнымъ протестомъ противъ тогдашняго ученаго школьнаго педантизма; — а для всемірно-историческаго развитія педагогики онъ послужилъ толчкомъ къ тому, что воспитаніе стало основываться на психологическихъ здравыхъ воззрѣніяхъ и обращать существенное вниманіе на дисциплину и образованіе характера вообще,* — это трезвый Руссо, добивающійся отъ единичной особи того же, что французскій философъ переводитъ на коллективную особь, на народъ, — требующій отъ дѣтей высшихъ званій того же, что Руссо поставляетъ теоріей для всѣхъ сословій, вообще — имѣющій въ своихъ педагогическихъ правилахъ въ виду практическую примѣнимость, тогда какъ французъ, въ своей страстной оппозиціи противъ существующаго, становится одностороннимъ и отвлеченнымъ, — это спокойный англійскій реформаторъ, на плечи котораго сталъ и оперся французскій революціонеръ.

Англійскія школы во время Локка не имѣли никакого понятія о тѣхъ условіяхъ и требованіяхъ, какія великій англійскій педагогъ предъявлялъ воспитанію. Онѣ поставили себѣ задачею отстоять стародавнія начала и школьную рутину. Во всемъ обнаруживалась дрессировка — „чистая разсудочная культура, сдѣлавшая даже отношеніе между учениками и учителями внѣшнимъ только дѣломъ, лишеннымъ всякаго нравственнаго и задушевнаго вліянія послѣднихъ, словомъ — грамматико-педагогическое школярство". Въ высшихъ слояхъ процвѣтала, какъ мѣтко замѣчаетъ Шереръ, дрессировка — черезъ французскихъ аббатовъ и нянекъ, а въ среднихъ — благодаря тугой школьной филологіи и ограниченью преподаванія сухими формами языка, при полномъ пренебреженіи реальной стороны не только знанія вообще, но также и предметовъ, почти исключительно тогда изучаемой науки древности. Противъ этого духа дрессировки, тяжкимъ гнетомъ налегавшаго какъ на англійскія, такъ и вообще на европейскія школы, и не дававшаго вздохнуть индивидуальности учениковъ, возставалъ уже духъ свободы. *Монтенъ и Шарронъ* пытались уже разорвать крѣпкія узы; *янсенисты* настаивали на возбужденіи

духовной самостоятельности и нравственной чистоты противъ реалистической и натуралистической натаски іезуитскихъ школъ; *А. Варетъ* написалъ наставленіе для воспитанія дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ; *П. Николь* обратилъ уже вниманіе на отношеніе между интеллектуальнымъ и нравственно-религіознымъ образованіемъ. Тогда явился Локкъ и, слѣдуя общему потоку эпохи, пытался своимъ сочиненіемъ „О воспитаніи“ расторгнуть закоснѣлыя и крѣпкія узы, налагаемыя на юные умы. И дѣло это, служившее выраженіемъ злобы дня, не могло не оказать сильнаго вліянія. Тотчасъ же, по выходѣ въ свѣтъ книги, друзья Локка стали производить опыты надъ новымъ методомъ воспитанія. Другъ его, членъ Дублинскаго парламента Молинё и семейство Машамъ, съ которымъ онъ занималъ одинъ домъ, воспитали своихъ дѣтей по этому методу, и 7-го мая 1695-го года Молинё уже писалъ автору: „Если бъ я не боялся показаться чрезчуръ тщеславнымъ, то сообщилъ бы вамъ о чрезвычайныхъ успѣхахъ, какіе вашъ методъ оказалъ на моихъ дѣтей“.

Шмидтъ.

Педагогическія идеи Монтеня и Локка.

Екатерина II находилась въ центрѣ тогдашняго ученаго и образованнаго міра, зорко слѣдила за совершавшимся умственнымъ движеніемъ, за появленіемъ и обращеніемъ новыхъ идей, читала и перечитывала каждое болѣе или менѣе замѣчательное сочиненіе и усвоивала себѣ каждую новую мысль; ей извѣстны были и успѣхи новѣйшей педагогіи, по крайней мѣрѣ, въ произведеніяхъ наиболѣе представительныхъ педагогическихъ писателей. Изъ послѣднихъ, служившихъ предметомъ чтенія Екатерины II, для насъ въ настоящемъ случаѣ важны слѣдующіе: Монтень, Локкъ, Руссо и Базедовъ, произведенія которыхъ занимаютъ весьма почетное мѣсто въ историко-педагогической литературѣ. Чтеніе ихъ имѣло весьма сильное вліяніе на собственныя ея педагогическія сочиненія, и въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, особенно важны Монтень и Локкъ, первый потому, что сообщилъ общій характеръ, общее направленіе педагогическимъ убѣжденіямъ Екатерины II, а второй потому, что его сочиненіе послужило для нея источникомъ и руководствомъ въ самыхъ подробно-

стяхъ. Что же касается до Руссо, то мы думаемъ, что его воспитательная система, какъ ни замѣчательна она по остроумію и оригинальности, противорѣча главнымъ началамъ общественной и частной жизни, не могла возбудить къ себѣ сочувствіе императрицы. Выборъ упомянутыхъ двухъ писателей въ наставники и руководители педагогической дѣятельности вполнѣ соотвѣтствуетъ ея вкусу, обозначенному принцемъ де Линемъ: оба они принадлежатъ къ числу первыхъ педагоговъ, съ необыкновенною силою вооружившихся противъ господствовавшей небрежности въ воспитаніи и противъ безжизненнаго формализма въ обученіи.

Монтень первый выступилъ противъ господствовавшаго порядка въ воспитаніи и обученіи, и въ живой, рѣзкой и остроумной рѣчи, въ формѣ, чуждой всякой системы, обнаружилъ пагубныя злоупотребленія того и другого, указавъ въ то же время на единственно вѣрныя, по его мнѣнію, воспитательныя и дидактическія положенія. Локкъ, врачъ и практическій воспитатель, принявъ и распространивъ основанія, высказанныя Монтенемъ, изложилъ ихъ въ отдѣльномъ сочиненіи, заключающемъ болѣе порядка и системы, обративъ особенное вниманіе на тѣлесное воспитаніе. Сочиненія обоихъ имѣли вліяніе на Руссо и Базедова. Свобода и естественность, принятыя Монтенемъ и Локкомъ за основаніе воспитанія и обученія, послужили темою для педагогическаго умозрѣнія Руссо; въ развитіи этой темы онъ впалъ въ крайность, и плодомъ этого развитія явилась педагогическая теорія, блистательная и поучительная въ подробностяхъ, но въ сущности противорѣчащая всеобщимъ убѣжденіямъ и существующему общественному порядку. Базедовъ былъ усерднымъ проводникомъ въ жизнь новыхъ педагогическихъ положеній, какъ результатовъ предшествовавшихъ теорій. Постараемся точнѣе опредѣлить значеніе и существенныя черты ученія Монтеня и Локка.

Со времени возрожденія наукъ, все вниманіе образованнаго міра было обращено на пріобрѣтеніе и усвоеніе новыхъ сокровищъ знанія, на изслѣдованіе древне-классическихъ языковъ и литературъ. Новость предмета, богатство заключающихся въ немъ свѣдѣній, въ противоположность скудному и одностороннему запасу средневѣковаго образованія, свобода мысли, которая такъ долго закована была въ узкія формы схоластики — все это съ необыкновенною силою дѣйствовало

на умы образованнаго европейскаго населенія, возбуждало любознательность и увлекало въ міръ древній, давно забытый, но богатый произведеніями науки и искусства. Но здѣсь, какъ и должно было ожидать, повторилось то общее историческое явленіе, что каждый переворотъ въ жизни, наукѣ и искусствѣ неизбѣжно влечетъ за собою крайность: интересы изслѣдователей были возбуждены такъ сильно, что они не замедлили преувеличить важность и значеніе предмета, а вслѣдъ за тѣмъ и породили мысль, что классическіе языки и литературы составляютъ единственный и исключительный источникъ всякаго знанія и всякаго обученія. Увлеченіе не остановилось и на этой мысли: въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи она получила болѣе тѣсную форму убѣжденія, что знаніе древнихъ языковъ, и преимущественно латинскаго, составляетъ верхъ образованія, а слѣдовательно, и конечную цѣль обученія. Можно себѣ представить, какъ гибельны были слѣдствія этого убѣжденія, когда оно проникло въ семейства и школы и овладѣло умами тѣхъ, въ вѣдѣніи которыхъ находилось воспитаніе и образованіе новаго поколѣнія. Воспитаніе, потерявъ самостоятельное значеніе, стало равносильнымъ обученію, а обученіе почти ограничивалось усвоеніемъ формъ латинскаго языка и правильнымъ употребленіемъ его въ разговорѣ и письмѣ. Цѣлые десятки лѣтъ посвящались пріобрѣтенію такихъ свѣдѣній. Въ извѣстномъ разговорѣ Еразма: „Ciceronianus, sive de optimo dicendi genere“ Назопонъ говоритъ, что онъ семь лѣтъ читаетъ исключительно одного Цицерона и выучиваетъ его почти наизусть, потомъ семь лѣтъ употребляетъ на подражаніе Цицерону, для чего всѣ слова произведеній послѣдняго собираетъ въ алфавитномъ порядкѣ въ одинъ лексиконъ, въ другой, также въ алфавитномъ порядкѣ, всѣ фразы Цицерона, въ третій – всѣ стопы (pedes), которыми онъ начинаетъ и оканчиваетъ періоды; далѣе, онъ располагаетъ слова по различію смысла, въ какомъ они встрѣчаются у Цицерона и пр.

Такова была крайность, противъ которой возсталъ Монтень всею силою своего убѣжденія и остроумія, а вслѣдъ за нимъ и Локкъ. Въ своихъ Essais первый посвятилъ двѣ главы (24 и 25) на безпощадное преслѣдованіе господствовавшаго превратнаго воспитанія и обученія, касаясь иногда того же предмета и въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія. Приведемъ здѣсь ихъ главныя воспитательныя и дидактическія положенія. Сво-

бода, чуждая всякаго принужденія, и самостоятельное образованіе посредствомъ упражненія суть два главныя условія воспитанія; воспитатель долженъ являться только помощникомъ и руководителемъ; отказывая дѣтямъ въ свободной дѣятельности, мы воспитываемъ въ нихъ рабство и трусость. Поэтому Монтень возстаетъ противъ всѣхъ сильныхъ принудительныхъ мѣръ, особенно противъ тѣлеснаго наказанія; противъ дѣтскихъ проступковъ своей дочери онъ употреблялъ одни кроткія убѣжденія. „Я не видалъ иныхъ послѣдствій отъ розогъ, говоритъ онъ, кромѣ робости и злобнаго упрямства; я желалъ бы кроткимъ обращеніемъ воспитать въ своихъ дѣтяхъ живую любовь и непритворное расположеніе къ себѣ“.

Тѣ же мысли въ сущности находимъ и у Локка. „Эта метода, говоритъ Локкъ, которая, не полагаясь на правила, повѣряемыя памяти, посредствомъ частаго упражненія и повторенія, подъ надзоромъ и руководствомъ наставника, пріучаетъ къ одному и тому же дѣйствію, пока не пріобрѣтается наклонность хорошо исполнять его, такъ полезна во всѣхъ отношеніяхъ, что должно удивляться, почему такъ мало обращаютъ на нее вниманія“. О необходимости любви и довѣрія къ дѣтямъ онъ разсуждаетъ въ особой главѣ. „Я часто не могу воздержаться отъ удивленія, говоритъ онъ, когда смотрю на отцовъ, которые такъ любятъ своихъ дѣтей и однако постоянно сохраняютъ суровый, напоминающій о власти видъ, держатъ себя въ отдаленіи, какъ будто бы они, въ обращеніи съ самыми дорогими для нихъ существами въ мірѣ, никогда и не думали имѣть ни малѣйшей радости, ни малѣйшаго утѣшенія; наша власть надъ дѣтьми будетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе она основана на кротости и довѣріи“. Что же касается до наказаній, то и относительно ихъ Локкъ въ сущности согласенъ съ Монтенемъ, хотя, разсматривая этотъ предметъ съ большою подробностью, онъ указываетъ на особенное, не встрѣчающееся у Монтеня, исправительное средство, — на стыдъ, которому, кажется, придаетъ излишнее и даже вредное значеніе. Коснувшись тѣлеснаго наказанія, онъ, путемъ здоровыхъ и вѣрныхъ соображеній, старается довести читателя до убѣжденія, что оно въ педагогическомъ отношеніи заключаетъ въ себѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы, и не только не исправляетъ дурныхъ наклонностей, но еще укрѣпляетъ ихъ. „Какими побужденіями въ этомъ случаѣ руководствуется дитя, въ удовлетвореніи

или неудовлетворенiи своей наклонности, какъ не предпочтенiемъ большого тѣлеснаго удовольствiя, или избѣжанiемъ большей тѣлесной боли? И всѣ его дѣйствiя, все его поведенiе будетъ опредѣляться подобными побужденiями". Впрочемъ, какъ ни ограничиваетъ Локкъ примѣненiе этой исправительной мѣры, выражая даже готовность изгнать ее изъ области практическаго воспитанiя, однако въ то же время признаетъ за нею нѣкоторую долю педагогическаго значенiя и назначаетъ ей опредѣленное мѣсто, съ точностью обозначая случаи ея употребленiя. „Побои и другiе роды рабскихъ и тѣлесныхъ наказанiй, говоритъ онъ, вовсе не обнаруживаютъ правильной дисциплины, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы воспитать благоразумныхъ, добрыхъ и благородно-мыслящихъ людей; поэтому они должны быть употребляемы весьма рѣдко и только въ самыхъ важныхъ случаяхъ и въ самой крайней нуждѣ... Есть, впрочемъ, проступки, и это суть единственные проступки, за которые дѣти, по моему мнѣнiю, должны быть наказываемы тѣлесно, именно — за *упорство или упрямство*". Такая нетвердость убѣжденiя Локка относительно тѣлесныхъ наказанiй едва ли не объясняется характеромъ его взгляда на воспитанiе и направленiемъ его сочиненiя. Какъ практическiй воспитатель, онъ хотѣлъ только высказать нѣсколько правилъ для практики воспитанiя, а еще болѣе имѣлъ въ виду доказать весь вредъ и всю нелѣпость господствовавшихъ въ его время воспитательныхъ и дидактическихъ прiемовъ, такъ что все его сочиненiе имѣетъ болѣе отрицательное, чѣмъ положительное значенiе. И въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ современнымъ ему обычаемъ, признававшимъ за тѣлеснымъ наказанiемъ безусловное значенiе и допускавшимъ неограниченное его примѣненiе. Извѣстна дисциплина въ семействѣ и школѣ въ XVI и XVII столѣтiяхъ, вооружавшая воспитателей и наставниковъ бичомъ, какъ неизмѣннымъ ихъ атрибутомъ. Противъ этой-то дисциплины вооружился Локкъ, и нужно видѣть, съ какимъ усердiемъ, съ какимъ жаромъ онъ старается предупредить и опровергнуть всѣ возраженiя своихъ современниковъ и довести ихъ до сознанiя вреда тѣлесныхъ наказанiй. Прослѣдивъ развитiе его мыслей относительно разсматриваемаго предмета, мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что если бы онъ излагалъ теорiю воспитанiя и обученiя свободно и независимо отъ современныхъ зло-

5*

употребленій и предразсудковъ, то тѣлесныя наказанія подверглись бы безусловному осужденію и рѣшительному изгнанію. Сообщивъ же своему сочиненію строго-практическое значеніе и зная силу обычая и вѣру въ него, онъ рѣшился сдѣлать уступку въ видахъ ослабленія господствовавшаго злоупотребленія.

Чѣмъ же замѣняетъ Локкъ общеупотребительный въ его время способъ исправленія дѣтскихъ недостатковъ? — „Расположеніе и нерасположеніе, вниманіе и презрѣніе другихъ, суть могущественнѣйшія между всѣми возбужденіями души, если только послѣдняя имѣетъ къ нимъ воспріимчивость".

Отсюда, разсчитывая на воспріимчивость дѣтей къ похвалѣ и порицанію, онъ выводитъ два главнѣйшія и единственныя средства возбужденія ихъ къ добру и уклоненія отъ зла: *честь* (Ehrfurcht), направленная на пріобрѣтеніе и сохраненіе расположенія другихъ, и стыдъ (Schaam), какъ слѣдствіе сознанія невниманія къ себѣ и презрѣнія. Самыя тѣлесныя наказанія, если только должны оставаться въ практикѣ воспитанія, должны быть основаны на чувствѣ стыда, а не на чувствѣ тѣлесной боли. — Не будемъ входить въ доказательства Локка въ этомъ отношеніи, потому что всѣ они такъ же несостоятельны, какъ и предложенныя имъ средства. Всякій легко можетъ видѣть, какъ опасны и вредны эти средства, особенно во власти неопытныхъ воспитателей. Не говоря уже о томъ, что они вовсе не отличаются нравственною чистотою, возбуждая дѣтей къ добру и уклоняя отъ зла только ради расположенія и нерасположенія другихъ, а не ради самаго добра и зла, съ чѣмъ соглашается и самъ Локкъ (стр. 143), мы укажемъ только на опасность излишняго развитія чувства чести и стыда въ дѣтяхъ. Первое, дѣйствуя сильно и раздражительно на душу дѣтей, мало-по-малу пріучаетъ ихъ разсматривать вниманіе и невниманіе другихъ, похвалу и порицаніе, какъ конечную цѣль дѣйствій и какъ единственную мѣру нравственности своего поведенія; внутреннія и чисто нравственныя побужденія замѣняются внѣшними, которыя постепенно образуются въ положительныя правила, въ форму закона. Развиваясь потомъ самостоятельно, вслѣдствіе пріобрѣтенной наклонности, чувство чести можетъ достигнуть тѣхъ размѣровъ, примѣры которыхъ представляетъ и современная намъ жизнь. Стыдъ есть чувство еще болѣе нѣжное и требующее еще большей осторожности

въ возбужденіи. Давать ребенку чувствовать за его проступки презрѣніе другихъ, возбуждать въ немъ сознаніе нравственнаго униженія, значитъ ослаблять его самодѣятельность, живость и веселость, обезсиливать нравственно и дѣлать менѣе способнымъ къ самостоятельнымъ нравственнымъ дѣйствіямъ. Если мы присоединимъ сюда еще то обстоятельство, что чувство стыда такъ же легко возбуждается, какъ и легко притупляется отъ частаго повторенія, то мы поймемъ, что частое пристыженіе, притупивъ однажды чувство стыда, можетъ довести дѣтей до совершеннаго равнодушія къ презрѣнію другихъ, можетъ породить привычку къ состоянію нравственнаго униженія, а, слѣдовательно, можетъ скорѣе сдѣлать ихъ безнравственными, чѣмъ нравственными. Притомъ средство, предложенное Локкомъ, въ замѣну тѣлеснаго наказанія, есть крайнее средство: дитя, сдѣлавшееся равнодушнымъ къ стыду отъ частаго его возбужденія, не способно возбуждаться никакими другими исправительными мѣрами. Повидимому, Локкъ самъ предвидѣлъ опасность отъ своей мѣры, когда говорилъ, что „стыдъ то же, что женская стыдливость: и тотъ и другая погибли, когда на нихъ слишкомъ часто дѣйствуютъ", когда совѣтовалъ обращаться къ дѣтямъ съ порицаніемъ наединѣ, а съ похвалою — въ присутствіи другихъ. — Также согласно въ основномъ взглядѣ ученіе Монтеня и Локка относительно тѣлеснаго воспитанія, нравственнаго воспитанія и обученія.

По своимъ убѣжденіямъ о тѣлесномъ воспитаніи Монтень также находился въ прямой противоположности съ господствовавшими въ его время убѣжденіями о томъ же предметѣ. Современная неестественность тѣлеснаго воспитанія породила въ немъ мысль о необходимости суроваго воспитанія, съ цѣлью возможно бо́льшаго укрѣпленія тѣла. Такая крѣпость тѣла, говоритъ онъ, необходима и для души, потому что послѣдняя не выдержитъ напряженія, не будучи поддерживаема тѣломъ, и почитаетъ ее столь важною, что даже не совѣтуетъ воспитывать дѣтей въ присутствіи ихъ родителей: любовь къ дѣтямъ дѣлаетъ слишкомъ нѣжными и снисходительными даже самыхъ благоразумныхъ родителей. „Они не способны, говоритъ Монтень, ни наказывать ихъ за ихъ проступки, ни смотрѣть равнодушно на ихъ грубую пищу, какая однако необходима и смѣло должна быть предлагаема; имъ тяжело смотрѣть, когда они въ поту и пыли будутъ возвращаться отъ

своихъ упражненій, пить то горячее, то холодное, когда они скачутъ на упрямыхъ лошадяхъ, или стоятъ предъ противникомъ съ саблею въ рукахъ... А нѣтъ другого средства: кто хочетъ воспитать порядочнаго человѣка, тотъ, безъ сомнѣнія, не долженъ щадить его въ этомъ возрастѣ и часто долженъ итти наперекоръ предписаніямъ медицины. Читая книги, я часто примѣчаю, что мои наставники въ своихъ сочиненіяхъ считаютъ великодушіемъ и храбростью то, что болѣе зависитъ отъ толстоты кожи и крѣпости костей".

Усвоивъ себѣ основную мысль Монтеня о тѣлесномъ воспитаніи, Локкъ, какъ врачъ, обратилъ на нее особенное вниманіе и развилъ ее въ большей послѣдовательности и подробности, что и составляетъ главную и лучшую часть его сочиненія, доселѣ не утратившую своего педагогическаго значенія. Инструкція Екатерины II въ этой части такъ сближается съ разсужденіемъ Локка, что мы въ послѣдующемъ ея разборѣ ограничимся сопоставленіемъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ мыслей обоихъ сочиненій.

Нравственное воспитаніе составляетъ слабую сторону сочиненій Монтеня и Локка. Немногія мысли перваго, относящіяся сюда, носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ живого, веселаго, но въ то же время слишкомъ легкаго и страдающаго непрочностью религіозныхъ убѣжденій взгляда на жизнь и ея назначеніе; такого взгляда недостаточно для основательнаго и болѣе или менѣе полнаго разумѣнія нравственности и ея основанія. Свобода мысли и здравый, развитый самостоятельнымъ упражненіемъ, смыслъ съ одной стороны, умѣнье познавать себя, хорошо жить и умирать и знаніе искусства, дѣлающаго человѣка свободнымъ, съ другой — составляютъ все его нравоученіе, хотя онъ въ то же время и утверждаетъ, что должно болѣе обращать вниманіе на нравственность и разсудокъ, чѣмъ на знаніе. „Рѣчь воспитанника должна быть отраженіемъ его совѣсти и добродѣтели и руководиться только разумомъ. Должно внушать ему, что признаніе ошибки въ своей собственной рѣчи, еще прежде, чѣмъ кто-либо ее примѣтитъ, обнаруживаетъ здравомысліе и чистосердечіе, составляющія главныя достоинства, которыхъ онъ ищетъ; упорство же и противорѣчіе суть низшія качества, принадлежащія обыкновеннымъ характерамъ; умѣть одуматься, отказаться отъ несправедливаго мнѣнія въ пылу спора — качество рѣдкое, сильное, фи-

лософское.... Мнѣ кажется, что первыми разговорами для образованія ума должны быть тѣ, которые даютъ направленіе нравственности и здравому смыслу, которые научали бы познавать себя, хорошо умирать и хорошо жить (изъ свободныхъ искусствъ предлагаю начинать съ того, которое дѣлаетъ насъ свободными)". Такова сущность правоученія Монтеня, не отличающаяся ни полнотою, ни глубиною, не имѣющая прочнаго основанія и проникнутая болѣе поэзіей Анакреона и Горація и епикурейскою философіей, чѣмъ истинно-христіанскимъ духомъ.

Болѣе полноты и основательности въ развитіи этой важной стороны воспитанія у Локка, хотя и у него правила касательно нравственнаго воспитанія не изложены систематически, не исходятъ изъ одного начала, а представляютъ отдѣльныя, органически не связанныя между собой статьи. Важнѣйшая обязанность воспитанія, по ученію Локка, состоитъ въ сообщеніи истиннаго направленія душѣ воспитанника, чтобы она была способна одобрять только то, что соотвѣтствуетъ достоинству и благородству разумнаго существа. Если справедливо то, что все различіе въ характерахъ и талантахъ людей зависитъ отъ воспитанія, то необходимо обращать особенное вниманіе на образованіе души воспитанника и дать ей то направленіе, которое было бы господствующимъ во всю послѣдующую его жизнь. Въ чемъ же состоитъ это направленіе? „Первое основаніе всякой добродѣтели и всякой заслуги, говоритъ Локкъ, состоитъ въ умѣньѣ отказываться отъ собственныхъ желаній, дѣйствовать только соотвѣтственно рѣшенію разума, вопреки собственнымъ наклонностямъ. Единственное и вѣрнѣйшее средство сообщить дѣтямъ это нравственное направленіе состоитъ *въ пріученіи, въ своевременномъ и постепенномъ упражненіи.* „Мы обыкновенно умѣемъ обращаться съ животными, говоритъ Локкъ, и съ раннихъ поръ, когда они еще молоды, стараемся отучать и пріучать ихъ: не заботимся только о собственномъ потомствѣ, и, воспитавши дурныхъ дѣтей, безразсудно ожидаемъ, что они будутъ добрыми людьми... Кто въ молодости не пріучался подчинять своей воли разуму другихъ, тому трудно будетъ впослѣдствіи повиноваться и своему собственному, и легко предвидѣть, какихъ людей будетъ отпускать въ свѣтъ такое воспитаніе". Этотъ взглядъ Локка имѣетъ историческую важность: между новѣйшими педагогами преимуще-

ственно и прежде онъ призналъ пріученіе важнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ и отвелъ ему почетное мѣсто въ области нравственнаго воспитанія. И много поучительной правды заключается въ разсужденіи Локка. Воспитанію принадлежитъ возрастъ, еще не способный понимать основаній тѣхъ правилъ, которыя предлагаются ему для выполненія, и оно, очевидно, погрѣшило бы, если бы признало своею обязанностью преждевременно объяснять эти основанія: оно подорвало бы тѣмъ дѣйствительность самыхъ правилъ. А между тѣмъ быстро развивающаяся духовная дѣятельность дѣтей не можетъ быть представлена самой себѣ: получивъ направленіе, она можетъ образовать такія наклонности, которыя будутъ находиться въ прямомъ противорѣчіи съ назначеніемъ человѣка; да и самое воспитаніе въ такомъ случаѣ не имѣло бы значенія. Отсюда вытекаетъ мысль о необходимости *пріученія* дѣтей къ добру и отученія ихъ отъ зла. Справедливость этой мысли была признаваема — и въ древнія и въ новыя времена, и въ теоріи и практикѣ воспитанія, хотя новѣйшая педагогія представляетъ образцы такихъ педагогическихъ воззрѣній, напр. Руссо, на основаніи которыхъ пріученіе признается средствомъ недостойнымъ человѣка и приличнымъ животнымъ. Разсматривая въ другомъ мѣстѣ самое содержаніе нравственнаго воспитанія въ обширномъ смыслѣ, Локкъ говоритъ: добродѣтель, благоразуміе (Klugheit), образъ жизни (Lebensart) и знанія — вотъ все, что долженъ желать сообщить дѣтямъ каждый нравственный и заботливый воспитатель. Отсюда видно, что добродѣтель, по мнѣнію Локка, образуетъ собою всю нравственность въ тѣсномъ смыслѣ, хотя изъ ея опредѣленія и не замѣтно, чтобы онъ глубоко разумѣлъ ея сущность. „Добродѣтель, говоритъ онъ, есть первое и необходимое качество человѣка, или образованнаго мужа: оно необходимо ему для пріобрѣтенія уваженія и любви другихъ и для довольства самимъ собою; безъ нея нельзя быть счастливымъ ни въ этомъ, ни въ будущемъ свѣтѣ". Основаніе добродѣтели составляетъ истинное богопознаніе, которое предполагаетъ истину въ словахъ и дѣйствіяхъ, любовь и благоволеніе къ другимъ.

Мы увидимъ ниже, что императрица перенесла въ свою Инструкцію почти все содержаніе нравоученія Локка.

Взглядъ Монтеня и Локка на значеніе и характеръ обученія заключаетъ въ себѣ болѣе сходства. Первый, какъ мы видѣли,

прямо утверждаетъ, что главное вниманіе должно обращать на нравственность, а не на познаніе: „qu'on y requist tous les deux, mais plus les moeurs et l'entendement". Еще яснѣе и положительнѣе высказываетъ неоднократно эту мысль Боккъ. „Вы удивляетесь, конечно, говоритъ онъ, что въ самомъ концѣ говорю о познаніяхъ, а удивитесь еще болѣе, если я вамъ скажу, что я считаю ихъ самымъ маловажнымъ дѣломъ". Или въ другомъ мѣстѣ: воспитатель долженъ помнить, что его обязанность не состоитъ въ томъ, чтобы учить своего воспитанника всему, что человѣкъ можетъ знать, а скорѣе чтобы возбудить въ немъ любовь и уваженіе ко всему, достойному познанія, и сообщить ему надлежащее руководство къ пріобрѣтенію познаній и дальнѣйшему образованію себя, если онъ будетъ имѣть къ тому охоту". Много можно привести подобныхъ мѣстъ, потому что вся статья объ обученіи Локка проникнута однимъ и тѣмъ же взглядомъ. Вездѣ въ ней указывается на нравственность и добродѣтель, какъ на предметъ главнаго вниманія и преимущественнаго попеченія при воспитаніи. „Найдите человѣка, говоритъ Локкъ, который бы умѣлъ благоразумно образовать нравственность вашего воспитанника, отдайте его въ его руки и будьте увѣрены, что въ этихъ рукахъ онъ сохранитъ свою невинность, что его добрыя наклонности получатъ надлежащее попеченіе и пищу, а дурныя будутъ съ кротостью искореняемы, и добро обратится ему въ привычку. Это должно составлять главный предметъ вниманія, и если вы о немъ озаботились, то легко овладѣете науками и знаніями, и притомъ, по моему мнѣнію, за болѣе дешевую цѣну". Впрочемъ, этотъ взглядъ Монтеня и Локка находитъ себѣ оправданіе въ современномъ имъ состояніи воспитанія и обученія, когда нравственная сторона перваго находилась въ совершенномъ небреженіи, между тѣмъ какъ послѣднее приняло указанное нами выше превратное направленіе. Монтень и Локкъ выступили жаркими противниками этого направленія въ пользу новаго, болѣе соотвѣтствующаго природѣ дѣтей, способа пріобрѣтенія познаній. Много прекрасныхъ мыслей высказано было обоими касательно того, какъ должно понимать знанія и ихъ усвоеніе; много рѣзкихъ и остроумныхъ мыслей пущено ими въ ходъ противъ господствовавшаго педантизма, принесшихъ великую пользу въ свое время и приготовившихъ важный переворотъ въ области обученія въ пользу

реальнаго направленія. Но, въ жару своей полемики, они не удержали равновѣсія, не сохранили золотой середины и, увлекшись новостью своихъ идей, впали въ крайность, вредныя послѣдствія которой не замедлили обнаружиться и въ теоріи, и въ практикѣ воспитанія и обученія. Такъ Монтень, въ послѣдовательномъ развитіи своихъ мыслей, дошелъ до убѣжденія, что занятіе науками изнѣживаетъ нравы, ослабляя мужество и храбрость, и подтверждаетъ свою мысль примѣромъ могущественной въ то время турецкой имперіи, въ которой въ равной мѣрѣ цѣнится оружіе и презираются науки, примѣромъ Рима и проч. Не свободенъ отъ увлеченія и Локкъ, отказывая въ самостоятельности обученію и сводя его на игру. Увлеченіе, впрочемъ, естественное и извинительное, какъ плодъ благороднаго негодованія противъ безжизненнаго и пагубнаго для дѣтей направленія обученія и противъ тиранства школьной дисциплины. „Когда я подумаю, говоритъ Локкъ, какую тревогу поднимаютъ ради небольшого знанія латинскаго и греческаго языковъ, сколько тратятъ лѣтъ на то, не достигая цѣли, то не могу удержаться отъ мысли, что родители сами еще боятся розогъ учителя, когда смотрятъ на нихъ какъ на единственное средство въ воспитаніи и обученіи и когда всю цѣль послѣдняго поставляютъ въ томъ, чтобы научить одному или двумъ языкамъ. Простите же мнѣ, если я скажу, что не могу равнодушно думать о томъ, какъ загоняютъ ребенка въ стадо, какъ гоняютъ его плетью и бичомъ, какъ будто онъ долженъ постоянно бѣжать сквозь строй ad capiendum ingenii cultum“. „И пятнадцать или шестнадцать лѣтъ этихъ мученій, говоритъ Монтень, конечно, сдѣлаютъ свое дѣло: молодой человѣкъ сдѣлается, наконецъ, глупѣе и надменнѣе, чѣмъ какимъ онъ вышелъ изъ родительскаго дома, и возвратится домой съ душою надутою, но пустою“. Повторимъ еще разъ, что увлеченіе Монтеня и Локка естественно, извинительно и имѣетъ свое историко-педагогическое значеніе. Не такъ, повидимому, должно смотрѣть на точное усвоеніе и даже практическое примѣненіе этого взгляда въ 1784 году, когда обученіе успѣло уже развиться въ отдѣльную, самостоятельную отрасль педагогіи, когда самое понятіе о его значеніи давно уже вышло изъ предѣловъ односторонняго понятія XVI и XVII столѣтій, когда прекрасное выраженіе Монтеня: „il ne faut pas attacher le sçavoir à l'ame il l'y fault incorporer; il ne

l'ea fault pas arrouser, il l'en fault teindre" нашло себѣ даровитыхъ и усердныхъ представителей, не замедлившихъ, соотвѣтственно смыслу этого выраженія, представить опыты обработки дидактики, когда мысль того же Монтеня о вредѣ излишнихъ знаній выработалась въ дидактическое положеніе, требовавшее отъ образованія не столько объема, сколько силы и глубины. Въ наше время можетъ показаться странною мысль о нравственности безъ правильно установленнаго и, по возможности, полнаго образованія, потому что истинное образованіе есть основаніе истинной нравственности: пока не приведены въ надлежащую ясность, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія отношенія воспитанника къ окружающему міру и къ Творцу міра, важнѣйшіе интересы и вопросы его жизни, а вмѣстѣ и его назначеніе, до тѣхъ поръ не можетъ быть ни одного, въ строгомъ смыслѣ, нравственнаго рѣшенія, потому что послѣднее предполагаетъ сознательное и свободное опредѣленіе себя къ дѣйствію, независимое отъ преданія, привычки и авторитета. Въ наше время странно было бы разсуждать о томъ чудномъ грузѣ учености, о которомъ мечтали въ XVI и XVII вѣкахъ и противъ котораго вооружился Монтень своею живою, смѣлою и язвительною рѣчью; о накопленіи тѣхъ книжныхъ знаній, составляющихъ внѣшнее, отдѣльное отъ духовной сущности, достояніе ученаго, знаній, которыя приводятся въ движеніе только тогда, когда требуется доказать понесенные великіе труды и время, употребленное на нихъ пріобрѣтеніе, чтобы вниманіемъ къ этимъ трудамъ и времени вызвать искомую долю уваженія. Такое накопленіе знаній дѣйствительно должно сдавить собственный мозгъ ихъ владѣтеля, чтобы дать мѣсто множеству чужого мозга, и притомъ столь крѣпкаго. Не то было, конечно, въ эпоху борьбы стараго порядка въ воспитаніи и обученіи съ новымъ, защитниками котораго явились Монтень и Локкъ; но во многомъ измѣнилось положеніе дѣлъ ко времени составленія Инструкціи князю Н. И. Салтыкову. — Не распространяемся о подробностяхъ обученія, предлагаемаго обоими педагогами, потому что онѣ не имѣютъ важности для нашей цѣли. Мы почитали необходимымъ изложить на столько и такъ, на сколько и какъ это необходимо для болѣе полнаго и точнаго разумѣнія значенія и характера Инструкціи.

Лавровскій.

Педагогическіе взгляды Локка и Руссо.

Въ воспитаніи Локкъ стремится дѣйствовать прежде всего на физическую сторону питомца, чтобы развить въ немъ способность къ правильнымъ ощущеніямъ и укрѣпить его организмъ, на основаніи латинскаго изреченія: mens sana in corpore sano. Свои разсужденія о тѣлесномъ воспитаніи Локкъ формулируетъ такимъ образомъ: „самое необходимое для ребенка — свѣжій воздухъ, тѣлесныя упражненія и сонъ; пища его должна быть проста; вина и крѣпкихъ напитковъ вообще не надобно давать ему совсѣмъ; лѣкарства рѣдко или лучше никогда. Не должно одѣвать его въ слишкомъ узкое и теплое платье или держать въ теплѣ его голову и ноги и, въ особенности, эти послѣднія стараться пріучать къ холодной водѣ, не защищая притомъ ихъ отъ сырости". Переходя затѣмъ къ образованію души, Локкъ говоритъ, что твердость души, точно такъ же какъ и крѣпость тѣла, состоитъ преимущественно въ способности переносить трудности; *быть добродѣтельнымъ* — значитъ не слушаться своихъ внутреннихъ влеченій, противодѣйствовать своимъ наклонностямъ и неуклонно слѣдовать тому, что разумъ признаетъ за лучшее, хотя бы внутреннее расположеніе влекло въ противную сторону". Главнымъ факторомъ въ нравственномъ воспитаніи Локкъ считаетъ *пріученіе* (у Бецкаго — *подражаніе*) и удивляется тому, что „не довольно рано начинаютъ пріучать дѣтскую душу къ покорности извѣстнымъ правиламъ и велѣніямъ разсудка". Родители думаютъ, что вполнѣ благоразумно потворствовать маленькимъ грѣшкамъ дѣтей, а между тѣмъ, говоритъ Локкъ, „испытайте надъ собакой, лошадью или другимъ какимъ-нибудь животнымъ, — и вы увидите, легко ли бываетъ отвадить ихъ послѣ отъ дурныхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ ими съ раннихъ поръ". Но, чтобы пріученіе это было благотворно, необходимо, чтобы питомецъ былъ съ дѣтства окруженъ добрыми примѣрами, которымъ полезно подражать. „Я желалъ бы знать — спрашиваетъ Локкъ — какого порока не бываютъ причиною родители или вообще люди, находящіеся при дѣтяхъ?" На этомъ основаніи онъ совѣтуетъ родителямъ строго выбирать не только воспитателей, но и прислугу для своихъ дѣтей: воспитатель долженъ быть добрымъ и нравственнымъ человѣкомъ, и всѣ живущіе въ домѣ обязаны выказывать къ нему

„глубокое почтеніе“, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, перестанетъ уважать его и питомецъ, — а въ этомъ уваженіи заключается вся сила нравственнаго воспитанія. Если дѣти провинятся въ чемъ-нибудь (Локкъ не считаетъ виною неосторожную игру и суматоху дѣтей, потому что игра вообще полезна для физическаго развитія), то воспитатель долженъ выразить сначала недоумѣніе и оставить проступокъ безъ наказанія, дальше онъ можетъ прибѣгнуть къ стыду и порицанію, и только въ случаѣ крайняго упрямства дѣтей ему дозволяется приняться за розгу. Сдѣлавъ эту уступку господствующему обычаю, Локкъ приводитъ даже въ примѣръ „умную и добрую мать“, которая восемь разъ сряду высѣкла свою маленькую дочь, пока не переломила ея упорства. Но вообще, по мнѣнію Локка, „однажды утвержденное въ душѣ дѣтей уваженіе къ родителямъ (или воспитателямъ) лучше, чѣмъ брань, побои и другія рабскія наказанія“. Кромѣ нравственныхъ качествъ, образцовый воспитатель Локка долженъ обладать пріятными манерами, чуждыми аффекціи, и вообще быть, что называется, джентльменомъ. Это условіе очень важно: свой планъ воспитанія Локкъ предлагалъ для людей богатыхъ, принадлежащихъ къ англійской джентри, и на этомъ основаніи онъ толкуетъ въ особой главѣ о „внѣшнихъ манерахъ дѣтей“, при чемъ обращаетъ вниманіе на танцы, поклоны, надѣванье шляпы etc. Но учить музыкѣ Локкъ не считаетъ полезнымъ: „между талантливыми и дѣловыми людьми — говоритъ онъ — я такъ рѣдко слышалъ похвалу кому-нибудь за особенное искусство въ музыкѣ,. что, я думаю, ему должно отвести послѣднее мѣсто между всѣми возможными искусствами“. Эта же крайняя мысль выражена Екатериною въ Инструкціи кн. Салтыкову: виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства“. Бецкій также допустилъ обученіе музыкѣ только въ одномъ Смольномъ монастырѣ. — Стоитъ замѣтить еще, рекомендуя дѣйствовать на дѣтей посредствомъ убѣжденій и доводовъ, Локкъ осуждаетъ „длинныя рѣчи и философскія разсужденія“, которыя сбиваютъ съ толку незрѣлый умъ, но желаетъ, чтобы воспитатели доказывали дѣтямъ, простымъ и понятнымъ языкомъ, что „всѣ предписанія и запрещенія ихъ истекаютъ изъ внушеній разума и желаній добра“. Въ противоположность Монтеню Локкъ защищаетъ семейное воспитаніе и предпочитаетъ его общественному:

„образованіе сердца и нравственности — говоритъ онъ при этомъ — требуетъ постояннаго наблюденія и особаго надзора за каждымъ мальчикомъ въ отдѣльности, а это рѣшительно невозможно при соединеніи большого числа дѣтей въ одномъ заведеніи“. Нравственную сторону въ воспитаніи Локкъ считаетъ важнѣйшей, а о пріобрѣтеніи познаній говоритъ въ самомъ концѣ своей книги „какъ о самомъ маловажномъ дѣлѣ“. Но и тутъ, несмотря на свой односторонній взглядъ, Локкъ высказалъ много полезныхъ правилъ. „Если что поселяетъ въ дѣтяхъ отвращеніе къ тому, чѣмъ мы хотимъ занимать ихъ — говоритъ онъ — такъ это насиліе, принужденіе. Мы представляемъ имъ ученіе какимъ-то тяжелымъ трудомъ; суровостью и раздражительностью собственнаго поведенія поселяемъ въ нихъ какой-то страхъ: возможно ли, чтобы при такой обстановкѣ дѣти охотно принимались за дѣло? Если ученикъ охотно занимается дѣломъ, то мы держимъ его за нимъ слишкомъ долго, до совершеннаго утомленія и пресыщенія. Всѣ подобныя дѣйствія воспитателей составляютъ незаконное посягательство на ту естественную свободу, которая такъ пріятна дѣтямъ, и которою они такъ дорожатъ“. Въ обученіи языкамъ Локкъ сходится съ Монтенемъ: начинать слѣдуетъ съ родного языка, потомъ перейти къ французскому, „языку сосѣдей“; изъ древнихъ же языковъ полезенъ для джентльмена одинъ латинскій, но и то обучать ему нужно практически, не надоѣдая грамматикой: цѣль этого изученія состоитъ не въ томъ, чтобы усовершенствовать стиль или добиться какого-то формальнаго развитія, но единственно въ томъ, чтобы ученикъ могъ свободно читать и понимать произведенія римской литературы. Распредѣленіе учебныхъ предметовъ зависитъ у Локка отъ степени умственнаго развитія учениковъ: географія относится къ нагляднымъ познаніямъ, и потому ее слѣдуетъ начинать раньше ариѳметики, которая представляетъ уже первый родъ отвлеченнаго мышленія. При обученіи географіи надо тотчасъ показывать дѣтямъ глобусъ и карту. Астрономію Локкъ причисляетъ къ географіи и совѣтуетъ приступать къ ней послѣ того, какъ дѣти привыкнутъ къ счисленію. По геометріи онъ указываетъ на шесть книгъ Эвклида, и къ числу пособій по этому предмету относитъ глобусъ. Вообще онъ старается связать между собой всѣ предметы въ преподаваніи, придавъ обученію характеръ единства и практичности. Обра-

зовательное значеніе исторіи Локкъ ставитъ весьма высоко. но оно начинается уже тогда, когда умъ воспитанника созрѣетъ настолько, что будетъ въ состояніи усвоить себѣ основныя идеи правды и неправды, изъ которыхъ выводятся нами общественныя обязанности. Сначала слѣдуетъ читать латинскихъ историковъ, а потомъ переходить къ книгамъ Пуффендорфа и Гуго Гроція. Реторику и логику Локкъ не признаетъ за отдѣльные предметы и сильно охуждаетъ тогдашній пріемъ — развивать на диспутахъ логическія способности. „Правильное сужденіе, по словамъ Локка, исходитъ не отъ однихъ лишь *предикаментовъ* и *предикабилей,* равно какъ и не выражается только одними заученными формами, тропами и фигурами. Если только назначеніе и цѣль правильнаго мышленія та, чтобы хорошо понимать и здраво судить о вещахъ, различать истину отъ лжи, хорошее отъ дурного и согласно съ этимъ дѣйствовать, — то отнюдь не допускайте вашего сына до искусства и формальностей диспута... Вмѣсто благоразумнаго человѣка вы сдѣлаете изъ него мелочного спорщика, сварливаго собесѣдника... Онъ возьметъ себѣ, наконецъ, въ голову, что во всѣхъ разговорахъ дѣло не въ сущности предмета, а собственно въ томъ, чтобы выиграть диспутъ, упорствуя передъ очевидною правдою".

Еще энергичнѣе и радикальнѣе Локка возсталъ противъ современнаго ему воспитанія Ж. Ж. Руссо въ своемъ педагогическомъ романѣ: Emile ou de l'éducation. Локкъ дѣлаетъ нѣкоторыя уступки рутинѣ и обычаю и, кромѣ того, педагогическій планъ, предложенный въ его книгѣ, пригоденъ не для всѣхъ; по крайней мѣрѣ, самъ авторъ предназначаетъ его для людей извѣстной страны и даже извѣстнаго общества въ этой странѣ, хотя основные взгляды его примѣнимы ко всякому воспитанію. Руссо идетъ уже гораздо дальше его; но при этомъ самъ впадаетъ въ крайность и, желая вполнѣ отдѣлаться отъ предразсудковъ, теряетъ изъ-подъ ногъ фактическую, реальную почву. Исходный тезисъ какъ педагогическихъ, такъ и политическихъ воззрѣній Руссо состоитъ въ томъ, что намѣренія природы, всегда благія и полезныя, искажаются въ человѣческомъ обществѣ, и вѣковая традиція убиваетъ самостоятельность и здравый смыслъ отдѣльнаго индивидуума. На этой противоположности между природой и человѣческимъ заблужденіемъ Руссо строитъ свою философскую

систему; личная воля и разумъ человѣка для него выше всѣхъ общественныхъ гуртовыхъ понятій и предразсудковъ. Нѣтъ спора, что эта мысль, высказанная страстно и увлекательно, принесла большую пользу: многія общественныя явленія (а тѣмъ болѣе современныя Руссо) дѣйствительно не удовлетворяютъ естественной справедливости, и подвергнуть ихъ критикѣ, во имя этой справедливости, было дѣломъ необходимымъ для дальнѣйшаго развитія общества; но провести рѣзкую границу между природою и человѣческимъ обществомъ, отнеся все дурное къ людямъ и все хорошее къ природѣ, — невозможно уже потому, что природа дѣйствуетъ не всегда благотворно и истребляетъ подчасъ плоды разумнаго человѣческаго труда. Впрочемъ, Руссо и самъ ежеминутно сбивается: подъ этой утопическою природою онъ то разумѣетъ *представленіе*, образовавшееся въ насъ путемъ чувственныхъ воспріятій (собственно внѣшняя природа), то разумѣетъ *понятіе*, которое можно выразить лучше словами: соотвѣтствіе съ законами природы и человѣческаго развитія. Выраженіе *естественность* Руссо часто употребляетъ вмѣсто нормальный порядокъ, а слово *природа* ставитъ тамъ, гдѣ нужно бы сказать: здравый смыслъ или здравая логика. Въ своемъ „Эмилѣ" Руссо часто цитируетъ Локка и почти постоянно оспариваетъ его. Такъ напр. одобряя у Локка программу физическаго воспитанія, Руссо отрицаетъ тѣ немногія предосторожности, которыя предписываются Локкомъ для сохраненія здоровья и безстрашно совѣтуетъ, чтобы дѣти пили, разгорячась, холодную воду и ложились спать на сырой землѣ. Но еще больше расходится онъ съ англійскимъ эмпирикомъ во взглядахъ на нравственное воспитаніе. Прежде всего онъ ставитъ воспитанію совсѣмъ другую цѣль: оно должно приготовлять человѣка не для какого-нибудь опредѣленнаго общественнаго положенія, но вести его такъ, чтобы онъ былъ способенъ занять всякое мѣсто въ обществѣ. „При естественномъ строѣ, говоритъ онъ, гдѣ всѣ люди равны, общее для всѣхъ призваніе — быть человѣкомъ, а кто хорошо воспитанъ для этого, тотъ не можетъ дурно выполнить должностей, которыя могутъ ему выпасть на долю". Однимъ словомъ, цѣль воспитанія — создать человѣка природы (l'homme de la nature), въ противоположность человѣку искусственному (l'homme de l'homme). Чтожъ такое природа и гдѣ начинается въ насъ вліяніе искусственной среды? „Мы родимся

чувствительными, отвѣчаетъ на это Руссо, и съ самого рожденія окружающіе предметы производятъ на насъ различныя впечатлѣнія. Какъ скоро мы начинаемъ, такъ сказать, сознавать наши ощущенія, является расположеніе искать или избѣгать предметовъ, которые ихъ производятъ. Эта склонность развивается и укрѣпляется по мѣрѣ того, какъ мы становимся чувствительнѣе и просвѣщеннѣе; но, стѣсняемая нашими привычками, она болѣе или менѣе измѣняется въ зависимости отъ нашихъ мнѣній. До такого измѣненія склонности эти составляютъ то, что я называю въ насъ природою" (Соч. Руссо, т. I, стр. 3 и 4). Идя къ другой цѣли, воспитатель Руссо долженъ употреблять и средства, различныя отъ тѣхъ, которыя рекомендуются Локкомъ. Авторъ „Эмиля" отвергаетъ *пріученіе* мальчика къ извѣстному житейскому порядку: „вся наша житейская мудрость, говоритъ онъ, заключается въ раболѣпныхъ предразсудкахъ; всѣ наши обычаи не иное что, какъ повиновеніе, стѣсненіе, насилованіе. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ сохраняетъ свой человѣческій образъ, онъ скованъ нашими учрежденіями" (стр. 7). Вліяніе воспитателя должно ограничиваться одними *отрицательными* мѣрами, т.-е. онъ долженъ удалять отъ своего питомца все то, что могло бы произвести на него дурное впечатлѣніе. Руссо соглашается, что изолировать мальчика отъ всякаго вліянія среды — вещь довольно затруднительная и что, пожалуй, придется искать ему мѣста „на лунѣ или на необитаемомъ островѣ"; но онъ признаетъ однако, что при извѣстномъ стараніи всѣ эти трудности могутъ быть побѣждены воспитателемъ. Разсуждать съ мальчикомъ (по совѣту Локка), урезонивать его, въ случаѣ проступка, различными доводами, указывая на долгъ, нравственность, презрѣніе другихъ людей, Руссо считаетъ излишнимъ: „не дѣлайте вашему воспитаннику, говоритъ онъ, никакихъ выговоровъ, предоставьте ему получить ихъ изъ опыта; не наказывайте его — онъ не знаетъ, что значитъ быть виноватымъ; никогда не заставляйте его просить прощенія — онъ не можетъ васъ оскорбить". Въ первомъ возрастѣ питомца, его нужно воздерживать не разсужденіемъ или запрещеніемъ, но единственно силою вещей, *уздою необходимости;* нужно устроить дѣло такъ, чтобы мальчикъ не имѣлъ возможности поступить иначе и *самъ* отступалъ передъ внѣшними препятствіями. „Пусть онъ (т.-е. воспитанникъ) всегда думаетъ, что онъ господинъ,

лишь бы на дѣлѣ господиномъ всегда были вы. Нѣтъ болѣе полнаго подчиненія, какъ то, которое имѣетъ видъ свободы... Развѣ вы не располагаете относительно ребенка всѣмъ, что его окружаетъ? Развѣ вы не властны въ его ощущеніяхъ? Развѣ его занятія, игры и пр. не въ вашихъ рукахъ? Конечно, онъ долженъ дѣлать только то, что хочетъ; но *онъ долженъ хотѣть только того, чего вы хотите,* чтобъ онъ дѣлалъ; онъ не долженъ ступить шага, котораго вы не предугадали бы". Здѣсь Руссо впадаетъ уже въ противорѣчіе съ самимъ собою: предоставляя воспитателю право выбирать всю обстановку для воспитанника, распредѣлять (хотя и нечувствительно) его игры и занятія, авторъ „Эмиля" нарушаетъ свою шаткую границу между отрицательнымъ и положительнымъ вліяніемъ на ребенка. Что можетъ быть *положительнѣе* вліянія обстановки на человѣка? Съ лѣтами Руссо замѣняетъ законъ необходимости стимуломъ пользы (стр. 158) и только въ послѣднемъ періодѣ воспитанія (отъ 15 лѣтъ до женитьбы) совѣтуетъ познакомить юношу, посредствомъ изученія исторіи, „съ соціальными отношеніями, съ естественнымъ и гражданскимъ неравенствомъ людей". Въ это же время слѣдуетъ давать и первыя наставленія въ религіи, которой сверхчувственная сторона была бы непонятна въ дѣтскомъ возрастѣ; по этому вопросу Руссо опять расходится съ Локкомъ. Собственно обученіе, въ планѣ Руссо, занимаетъ такое же незначительное мѣсто, какъ и у Локка; но, отрицая традицію въ нравственномъ воспитаніи, Руссо отрицаетъ ее и въ учебныхъ занятіяхъ. „Возбудите, говоритъ онъ, въ вашемъ воспитанникѣ вниманіе къ явленіямъ природы, и скоро онъ сдѣлается любопытнымъ... Дайте ему доступъ къ вопросамъ, и предоставьте ему самому разрѣшать ихъ. Пусть онъ достигаетъ знанія не чрезъ васъ, а чрезъ самого себя; *пусть онъ не заучиваетъ науку, но выдумываетъ ее самъ.* Ради этой самостоятельности мышленія, Руссо отвергаетъ всѣ учебныя пособія, какъ-то: книги, карты, глобусы, циркули, машины и пр. Инструментъ, пригодный для обученія, долженъ быть изобрѣтенъ, хотя бы и въ грубомъ видѣ, самимъ воспитанникомъ при легкой помощи его наставника, и, во всякомъ случаѣ, опытъ долженъ предшествовать инструменту. Въ этой части „Эмиля", рядомъ съ крайностями и увлеченіями, Руссо высказываетъ великолѣпныя педагогическія мысли: такъ напр. онъ, первый, предложилъ начинать

обученіе географіи съ того мѣста, гдѣ живетъ воспитанникъ, и первый же обратилъ вниманіе педагоговъ на многія обыденныя явленія, въ которыхъ выражается просто и наглядно извѣстный научный законъ. Раньше 12 или даже 15 лѣтъ не слѣдуетъ, по мнѣнію Руссо, учить дѣтей иностраннымъ языкамъ. „Если бы, говоритъ онъ, изученіе языковъ состояло только въ изученіи словъ, то это изученіе могло бы годиться для дѣтей, но языки, измѣняя обозначенія, измѣняютъ также идеи, обозначаемыя ими. Складъ головы зависитъ отъ языка, мысли принимаютъ оттѣнки нарѣчій", а этихъ оттѣнковъ не можетъ усвоить себѣ не вполнѣ развитый дѣтскій умъ. „Чтобы скрыть неспособность дѣтей къ изученію языковъ — продолжаетъ Руссо — ихъ заставляютъ изучать преимущественно мертвые языки, относительно которыхъ не существуетъ судей, которыхъ нельзя было бы отвергнуть". Эмиль читаетъ впослѣдствіи древнихъ писателей, но не съ филологической цѣлью, а съ тѣмъ, чтобы воспользоваться у нихъ уроками политической мудрости. Кромѣ обученія наукамъ, Эмиль долженъ еще выучиться какому-нибудь ремеслу, но притомъ грубому и полезному для всѣхъ. „Я не хочу, говоритъ онъ, чтобы Эмиль былъ золотошвеемъ или золотильщикомъ, или лакировщикомъ, какъ дворянинъ Локка... Мнѣ лучше хочется, чтобы онъ былъ башмачникомъ, нежели поэтомъ; мнѣ лучше хочется, чтобы онъ мостилъ большія дороги, нежели рисовалъ цвѣты на фарфорѣ". Такимъ образомъ, выходя съ Локкомъ изъ одного общаго начала, — изъ опыта и наблюденія, — Руссо демократизировалъ его взгляды и довелъ ихъ до крайняго логическаго предѣла.

Несмотря на уступчивость Локка и болѣзненную мечтательность Руссо, ихъ педагогическія системы принесли, въ свое время, громадную пользу и открыли дорогу новому, реальному направленію въ воспитаніи и обученіи. Свобода, самостоятельность въ развитіи учениковъ, жизненность въ преподаваніи — эти великіе принципы, провозглашенные ими, вошли въ жизнь европейской школы и, подвергнувшись дальнѣйшей разработкѣ, подорвали мертвый классицизмъ. Но вмѣстѣ съ важными достоинствами это направленіе въ педагогикѣ имѣло также и свои недостатки. Эти недостатки обусловливаются оппозиціоннымъ характеромъ, съ которымъ появились на свѣтъ новыя системы: въ прежнихъ школахъ обученіе имѣло чисто фор-

мальный и принудительный характеръ, розги и слезы (по выраженію Монтеня) были необходимыми его атрибутами; противники же этого порядка впали въ другую, противоположную крайность и, желая изгнать изъ школы элементъ принужденія, ослабили въ ней элементъ труда. Въ учебномъ трудѣ, въ пріобрѣтеніи разностороннихъ познаній, Локкъ не замѣтилъ сильнаго воспитательнаго средства, которое не меньше, чѣмъ добрый примѣръ наставниковъ, способствуетъ нравственному развитію питомцевъ. „Незнаніе никогда не было причиною зла... я съ сожалѣніемъ смотрю на того, кто гоняется за познаніями", говоритъ, вслѣдъ за нимъ, и Руссо. Нравственность является у нихъ чѣмъ-то отдѣльнымъ и вполнѣ независимымъ отъ умственнаго развитія человѣка. Между тѣмъ, въ такомъ пониманіи нравственности кроется капитальная ошибка. Нравственныя истины неподвижны, но эта неподвижность формы, въ которую можно вложить то или другое содержаніе. Почему же, спрашивается, общественное развитіе въ Европѣ стоитъ выше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Японіи или на Отаитскихъ островахъ? Причина заключается единственно въ превосходствѣ умственнаго развитія, которое дается познаніями. Образованный европеецъ не такъ понимаетъ добро — свое и своего ближняго; у него не тѣ желанія и не такія страсти, какъ у дикаря; вслѣдствіе того измѣняется и содержаніе нравственныхъ формулъ. Невѣжество въ соединеніи съ чистѣйшею нравственностью производило въ исторіи гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Пятковскій.

Система воспитанія Бецкаго.

Сообразивъ нравственное общественное положеніе и видя недостатокъ разумнаго воспитанія во всѣхъ сословіяхъ, Бецкій убѣдился, что въ такомъ обществѣ трудно идеальному человѣку осуществиться во многихъ личностяхъ. Онъ зналъ изъ многихъ наблюденій, „что добрые или худые нравы каждаго человѣка во всю его жизнь зависятъ отъ перваго его добраго или худого воспитанія", и потому напалъ на мысль составить изъ малолѣтнихъ дѣтей особенный міръ, устранить отъ него всякое общественное вліяніе и, такимъ образомъ, воспитывать ихъ по извѣстнымъ правиламъ, образуя людей честныхъ,

правдивыхъ, трудолюбивыхъ, вкореняя въ нихъ все истинное, доброе, прекрасное, словомъ, приготовляя такихъ людей, въ какихъ современность чувствовала сильный недостатокъ. Образовавъ такимъ образомъ юношей и дѣвицъ, и стараясь, по возможности, чтобъ они вступали между собою въ бракъ, Бецкій надѣялся, что они будутъ воспитывать и своихъ дѣтей въ тѣхъ же правилахъ, и слѣдственно составятъ *новую породу отцовъ и матерей,* которые будутъ родоначальниками новаго общества, украшеннаго всѣми лучшими качествами. Эта мысль новая, смѣлая, идеальная увлекла и Екатерину, тѣмъ болѣе, что она въ это время уже задумывалась надъ мыслью объ идеальномъ государствѣ, мыслью, которая потомъ и выразилась въ ея знаменитомъ „Наказѣ". Плодомъ бесѣдъ Бецкаго съ императрицею были слѣдующія положенія; мы приводимъ ихъ вполнѣ, потому что они весьма замѣчательны, какъ основаніе всего плана воспитанія, которымъ занялся Бецкій.

„Съ давняго уже времени имѣетъ Россія Академію и разныя училища и много употреблено иждивенія на посылку россійскаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде совсѣмъ ничего, существенныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямыя токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ недоставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было. Изъ посланныхъ еще при государѣ Петрѣ Великомъ дворяне съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться. Другіе, изъ простого народа къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ; но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отъ чего и людей такого состоянія, которые въ другихъ мѣстахъ *третьимъ степенемъ* или *среднимъ* называется, Россія до сего времени и произвести не могла. Искусство доказало, что *одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ*

воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце его не вкоренены, а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго степени людей въ государствѣ ожидать всуе себя и ласкать. *По сему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе;* достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила *единое* токмо средство остается, т. е. *произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей,* которые могли бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя правила воспитанія въ сердце вселить, какія получили они сами, а отъ нихѣ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ, *и такъ слѣдовали бы изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки*".

„Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ инаго способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе какъ по пятому и по шестому году. Излишно было бы доказывать, какъ въ тѣ самые годы начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія, а еще неразсудительнѣе вѣрить, якобы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ худой нравъ, чѣмъ онъ заразился и, поправляя его, тѣ правила добродѣтели твердо въ сердце его вкоренять, кои ему имѣть было потребно. Итакъ о воспитаніи юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, *отъ пятаго и шестого до осьмнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія.* Во все же то время не имѣть имъ *ни малѣйшаго съ другими сообщенія,* такъ что и самые близкіе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не иначе какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые примѣры и образцы добродѣтелей".

„При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношество страхъ Божій,

утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобъ страшились праздности какъ источника всякаго зла и заблужденія, научить пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ, и сколько въ ономъ есть полезнаго; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ; однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію и которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ".

„Такія и тому подобныя правила, когда посѣются въ сердцахъ воспитываемаго юношества, надѣяться можно тѣмъ лучшій плодъ произведутъ, что согласоваться будутъ съ младостью и непорочностью ихъ возраста. Просвѣщая притомъ ихъ разумъ науками и художествами по природѣ, полу и склонности каждаго, обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, *что прежде нежели станутъ обучать какому художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣнію его склонности и охоту и выборъ оныхъ оставить ему самому*. Душевныя его склонности всемѣрно долженствуютъ въ томъ надъ всѣми прочими уваженіями преимуществовать, ибо давно доказано, что *не предуспѣетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилежать по неволѣ, а не по своему желанію*. Притомъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ училищахъ, т.-е. дабы для юношества все то наблюдаемо было, что къ жизни, цѣлости здравія и крѣпости сложенія служить можетъ, какъ-то въ построенныхъ жилищахъ приводомъ чистаго воздуха, неупотребленіемъ всякаго званія мѣдной посуды, также и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять, и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе, а напротивъ того искоренять все то, что *токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ назваться можетъ;* и сего правила изъ памяти не выпускать".

„Отъ сихъ первыхъ учрежденій зависитъ все воспитаніе, какое дано будетъ первому отъ оныхъ новой породы происхо-

жденію. Почему само собою понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ; имъ надобно быть всѣмъ извѣстной и доказанной честности и праводушія; а поведеніе ихъ и нравы долженствуютъ быть напередъ вѣдомы и непорочны; особливо же надлежитъ имъ быть терпѣливымъ, разсмотрительнымъ, твердымъ и правосуднымъ, и однимъ словомъ таковыми, чтобы воспитывающееся юношество любило ихъ и почитало и во всемъ добрый отъ нихъ примѣръ получало".

„Сего ради остается въ дополненіе изъяснить, что все сіе единственно зависитъ отъ особливаго учрежденія и даваемыхъ наставленій, кои надлежитъ сочинить съ великимъ размышленіемъ и осторожностью, дабы все соображено было ясно, понятно и точно, и чтобъ ничего того пропущено не было, что надлежитъ до учителей, до учениковъ, поведенія тѣхъ и другихъ и до общаго въ сихъ училищахъ наблюдаемаго порядка. Ибо при начинаніи сего надобно сперва за точное принять правило: *или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное, или такъ оставить и не начинать*".

Всѣ эти мысли ясно выражаютъ согласныя стремленія Екатерины и Бецкаго, и хотя многія изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь съ тѣми, которыя были высказаны уже прежде другими лицами при разныхъ случаяхъ, но нельзя не замѣтить, что до этого времени идея воспитанія только прояснялась въ правительствѣ, не опредѣлившись во всемъ своемъ объемѣ; теперь же она выразилась довольно полно и притомъ въ опредѣленной формѣ, въ ясномъ идеалѣ, съ тѣми рѣшительными мѣрами, которыя, казалось, нужно было принять для совершеннаго ея выполненія. Здѣсь уже нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ. Бецкій думалъ создать воспитаніемъ не только нравственныхъ людей, но даже цѣлое сословіе, котораго у насъ почти не было, и которое такъ плѣняло его въ европейскихъ государствахъ. Это такъ называемое третье или среднее сословіе, само себя образовавшее на Западѣ трудолюбіемъ, изобрѣтательностью, науками, художествами, обѣщало и Россіи много пользы и богатства; но пока еще оно представлялось въ идеальномъ образѣ. Бецкій не ошибался, что одно разумное воспитаніе могло ускорить образованіе этого сословія,

хотя не обратилъ вниманія на нѣкоторыя другія, весьма неблагопріятныя обстоятельства, которыя даже и теперь мѣшаютъ его успѣшному развитію.

На приготовленіе способныхъ воспитателей, учителей и учительницъ Бецкій смотрѣлъ какъ на основаніе этого сословія, и потому не жалѣлъ трудовъ въ начертаніи для нихъ самыхъ подробныхъ правилъ, которыя по своей основательности имѣютъ и для насъ свое практическое значеніе. Образовывать людей для средняго сословія назначалось Академіи художествъ и особенно Воспитательнымъ домамъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ Бецкому. Его доброе, сострадательное сердце внушило ему первую мысль о нихъ — дать пріютъ несчастнымъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, которыхъ изъ стыда или нищеты матери покидаютъ и даже умерщвляютъ при самомъ ихъ рожденіи.

Къ этой первой мысли такъ естественно и легко примѣнялась и другая — мысль объ образованіи третьяго сословія посредствомъ воспитанія. Такимъ образомъ съ богоугоднымъ дѣломъ соединялось и возможное удовлетвореніе государственной нужды.

Много жару, ревности и любви къ человѣчеству выказалъ Бецкій въ этомъ дѣлѣ. Государыня была вполнѣ согласна съ нимъ, опредѣлила въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ обширныя мѣста для воспитательныхъ домовъ, назначила значительныя суммы денегъ, дала важныя привилегіи, наконецъ позволила обратиться къ общественной благотворительности, на которую Бецкій много разсчитывалъ...

Надъ составленіемъ проекта и плана Воспитательнаго дома вмѣстѣ съ Бецкимъ трудился профессоръ Московскаго университета Барсовъ, который не разъ излагалъ свои здравыя сужденія о воспитаніи. Получивъ проектъ, императрица поручила разсмотрѣть его князю Шаховскому, Н. И. Панину и графу Миниху. Въ донесеніи своемъ они объявили, что „разумныя въ томъ планѣ установленія для построенія дома, для его управленія, да что главнѣйшее и для воспитанія въ немъ въ пользу общества пропадающихъ донынѣ безчеловѣчно бѣдныхъ и невинныхъ младенцевъ приносятъ много чести изобрѣтателю сего благочестиваго дѣла“. Такимъ образомъ, утвердивъ проектъ, Екатерина объявила манифестомъ 1 сентября 1763 года объ основаніи Московскаго Воспитательнаго Дома...

По образцу Московскаго былъ учрежденъ Воспитательный домъ и въ Петербургѣ, въ 1770 году. При немъ, по мысли Бецкаго, были устроены сохранная и ссудныя казны, гдѣ съ частными капиталами соединилась общественная выгода и благотворительное дѣло; онѣ принесли неисчислимую пользу и государству, и частнымъ лицамъ. Чтобы пріобрѣсти довѣріе публики къ новому учрежденію, Бецкій не задумался продать свои помѣстья, и, обративъ такимъ образомъ недвижимость въ капиталъ, внесъ четыреста тысячъ въ сохранную казну.

Но не объ одномъ Воспитательномъ домѣ были заботы Бецкаго. По его представленію императрица опредѣлила учредить воспитательныя училища при Академіи художествъ, при Смольномъ монастырѣ для двухсотъ дворянскихъ дѣвицъ и во всѣхъ губерніяхъ имперіи. Бецкій не могъ исполнить только послѣдняго; во всемъ же прочемъ сдѣлалъ еще болѣе: заботясь о всѣхъ сословіяхъ, онъ впослѣдствіи открылъ при Смольномъ монастырѣ отдѣленіе и для мѣщанскихъ дѣвушекъ; на пожертвованіе Демидова, заботился объ основаніи въ Москвѣ Коммерческаго училища въ 1772 году; ему же было ввѣрено въ 1766 году главное начальство надъ Сухопутнымъ шляхетнымъ корпусомъ. И для всѣхъ этихъ воспитательныхъ заведеній онъ писалъ проекты, уставы, соображенія. Изъ нихъ-то мы сдѣлаемъ строгій выборъ, чтобъ опредѣлить его систему воспитанія, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ.

Взглядъ на сущность и способы Бецкій составилъ себѣ болѣе по педагогическимъ сочиненіямъ иностранныхъ писателей, особенно Монтеня и Локка. Г. Лавровскій въ своей книгѣ довольно обстоятельно показываетъ значеніе этихъ послѣднихъ въ исторіи, выводя и отношеніе ихъ по взгляду императрицы Екатерины. Потому мы не будетъ повторять его, отсылая любопытныхъ къ упомянутой книгѣ*). Здѣсь же только замѣтимъ, что Локкъ и Монтень имѣютъ болѣе непосредственное отношеніе къ системѣ Бецкаго, чѣмъ ко взгляду Екатерины; потому что Екатерина писала свою инструкцію почти черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ Бецкаго и видимо имѣла подъ рукою всѣ его начертанія, съ которыми и оказываются такъ сходны всѣ ея педагогическія правила.

Конечно, здѣсь же слѣдуетъ прибавить, что и Бецкій выда-

---

*) Чит. извлеченіе изъ кн. Лавровскаго въ этомъ вып.

валъ свои уставы и приводилъ ихъ въ исполненіе не безъ согласія императрицы, и можетъ быть даже пользовался ея совѣтами; но все же главный трудъ мы должны отнести къ нему, потому что ему были ввѣрены всѣ заботы о воспитаніи, и отъ него выходили всѣ бумаги по этой части; у императрицы же даже не было возможности въ короткое время спеціально изучить этотъ предметъ, какъ изучилъ его Бецкій, весь предавшись ему.

Слѣдственно, Екатерина только благоразумно пользовалась трудами своего вельможи; а подписывая и утверждая его постановленія и уставы, этимъ самымъ показывала, что согласна съ нимъ. Отсюда понятно, что взглядъ ея на воспитаніе образовался согласно со взглядомъ Бецкаго; отсюда ясно и посредственное отношеніе сочиненій Монтеня и Локка къ императрицѣ.

Въ своихъ важныхъ соображеніяхъ о разумномъ и правильномъ воспитаніи Бецкій, какъ человѣкъ образованный и умный, долженъ былъ воспользоваться трудами и опытами европейскихъ ученыхъ. Слѣдственно, собственный его трудъ состоялъ въ выборѣ и оцѣнкѣ правилъ, въ ихъ примѣненіи къ плану русскаго воспитанія; при этомъ же условія русской современности необходимо заставляли его вникать во многія подробности, до которыхъ не касались его образцы. Кромѣ того, онъ пользовался совѣтами доктора Саншеса, португальца, бывшаго въ русской службѣ и, какъ видно, спеціалиста въ дѣтскихъ болѣзняхъ. Такимъ образомъ составилась у Бецкаго своя система воспитанія; хотя по своимъ началамъ она болѣе всего приближается къ системѣ Локка, но имѣетъ и свои особенности въ примѣненіи къ русской дѣйствительности.

Какое направленіе общественное воспитаніе должно было принять въ Россіи, по мысли Бецкаго и Екатерины, можно видѣть изъ тѣхъ соображеній государыни и ея вельможи, которыя мы привели прежде. Ихъ дополняютъ слѣдующія слова Бецкаго, сказанныя въ другихъ его докладахъ: „Ваше императорское величество хощете, чтобы *съ изящнымъ разумомъ изящнѣйшее еще соединилось сердце; ибо качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ; оно украшаетъ оныя, а не составляетъ*". Не нужно разъяснять силу и достоинство этихъ словъ; они говорятъ каждому сами за себя, и есть прямое слѣдствіе, выведенное изъ наблюденій надъ исторіей человѣчества и явленіями современности. Сохранить въ чистотѣ сердце, направивъ его къ добру, развить

умъ, давъ ему столько, сколько онъ принять можетъ, вотъ главныя основы, на которыхъ построилась система Бецкаго. Примѣнить ее къ дѣлу онъ считалъ возможнымъ по той мысли, что „натура въ происхожденiяхъ своихъ дѣйствуетъ единообразно“, слѣд. и дѣти въ первые годы не могутъ во многомъ различаться между собою. Онъ сравниваетъ младенца съ новою древесною отраслью, которую садовникъ обращаетъ по своей волѣ легче, чѣмъ нѣсколько застарѣлую, и можетъ изъ нея произвести здоровое, лучшее и плодовитое растенiе *въ своемъ родѣ;* но, прибавляетъ онъ, „никогда не должно хотѣть противъ здраваго разсудка и возможности, *чтобы напримѣръ яблоня приносила ананасы*“. Это ясно показываетъ, что Бецкiй специальнее образованiе допускалъ только тогда, когда въ воспитанникѣ выкажется къ тому склонность, и до этого опредѣлялъ лишь воспитанiе общее, которое приготовляло каждаго быть въ своемъ кругу добрымъ христiаниномъ и гражданиномъ.

Воспитанiе Бецкiй разсматриваетъ съ четырехъ сторонъ — со стороны физической, физико-моральной, чисто-моральной и ученiя. Такъ какъ въ здравомъ тѣлѣ и здравый духъ, то на воспитанiе физическое предписывается обращать особенное вниманiе; оно должно быть исключительное въ первые годы ребенка, чтобы приготовить его къ успѣшному моральному воспитанiю. „Есть средство, говоритъ онъ, слѣдовать по стопамъ натуры, не превозмогая и не переламывая ее, но способствуя ей наклонять мало-по-малу отъ вреднаго къ полезному“. Эта постепенность въ природѣ служитъ примѣромъ для физическаго воспитанiя, гдѣ должна быть естественность и свобода въ развитiи, на чемъ основывался и Локкъ. Такъ какъ пища и воздухъ — два основанiя жизни и здоровья, то на нихъ обращается все вниманiе воспитателей, которымъ предлагаются подробныя правила, какъ вести дѣтей отъ перваго дня ихъ рожденiя. Какъ важна была въ глазахъ Бецкаго эта часть воспитанiя доказывается тѣмъ, что онъ собралъ наставленiя лучшихъ европейскихъ педагоговъ, преимущественно же Локка, и вмѣстѣ съ совѣтами доктора Саншеса привелъ все въ нѣкоторую систему и издалъ подъ именемъ „Физическихъ примѣчанiй о воспитанiи дѣтей отъ рожденiя до юношества“. По указу императрицы, въ концѣ 1766 года, сенатъ разослалъ ихъ во множествѣ экземпляровъ по всемъ городамъ и присут-

ственнымъ мѣстамъ Россіи съ тѣмъ, чтобы они были общедоступны народу. При такой мѣрѣ нужно было ожидать спасительнаго переворота въ народномъ воспитаніи; но по застарѣлымъ привычкамъ и небреженію малообразованныхъ обществъ самыя лучшія мѣры образованнаго правительства обыкновенно оказываются безуспѣшны. Такъ случилось и тутъ: несмотря на простоту и явную пользу всѣхъ совѣтовъ и правилъ, сколько можно догадываться, очень немногіе воспользовались ими; большинство же и до сихъ поръ воспитывается по стариннымъ преданіямъ. Конечно, „Физическія примѣчанія“ во многомъ противорѣчатъ этимъ преданіямъ, вотъ отчего не могли и утвердиться въ русскихъ семействахъ. Впрочемъ тамъ есть статьи, которыя одобряютъ и нѣкоторые народные обычаи, какъ напр. употребленіе бань, хотя и осуждаются крайности, съ какими многіе ими пользуются. О пользѣ русскихъ бань докторъ Саншесъ писалъ цѣлую диссертацію. Его же свидѣтельство приводится и въ „Физическихъ примѣчаніяхъ“: „Дай Боже, говоритъ онъ, чтобъ физики и врачи въ Россіи испытали пользу, которую весь народъ отъ бани получить можетъ. Они будутъ увѣрены и скажутъ, что по законамъ политическимъ во всякомъ россійскомъ городѣ, селѣ и деревнѣ быть должно банямъ по числу жителей *подъ хорошимъ присмотромъ*“.

Физическое воспитаніе разсматривается Бецкимъ по возрастамъ: 1) отъ рожденія до отнятія отъ груди, 2) до пяти или шести лѣтъ, 3) до десяти лѣтъ, 4) до пятнадцати. Привожу статью, озаглавленную вопросомъ: „*что должно наблюдать при воспитаніи*“, гдѣ высказывается направленіе физическаго воспитанія.

„Ежели кто ведетъ жизнь одинокую, тотъ ни къ какой перемѣнѣ неспособенъ. Не худо приготовлять помалу дѣтей ко всѣмъ чрезвычайнымъ случаямъ, дабы они все сносить могли, когда нужда ни потребуетъ, а особливо въ пищѣ, въ содержаніи тѣла, и иному бы правилу не слѣдовали, какъ только тому, чтобъ не имѣть никакого правила. Тотъ можетъ все сносить, кто ко всему пріученъ. Дѣтямъ должно привыкать къ перемѣнамъ, не дѣлая натурѣ принужденія. Она современемъ на все преклонится. Симъ способомъ нечувствительно привыкнутъ къ трудамъ, побѣдятъ наконецъ все, къ чему они имѣли прежде отвращеніе, будутъ въ состояніи, когда нужда ни востребуетъ, сносить голодъ, жажду, жаръ и стужу: не

повредитъ имъ роса вечерняя, ни долговременное бдѣніе, отъ пота и безпокойства силы ихъ не истощатся и пр.; „*но при всемъ томъ надлежитъ вѣдать, что воздержность и работа суть лучшія лѣкарства для человѣка*".

„Если соображаясь со всѣмъ писаннымъ (въ Физическихъ Примѣчаніяхъ), говоритъ Бецкій, смотря по крѣпости и слабости дѣтскихъ сложеній, будетъ ведена физика, тогда успѣхъ спасенія не сомнителенъ. Но хотя сія часть укрѣпляетъ здоровье, безъ котораго, еще повторяю, человѣкъ не можетъ быть ни къ чему способенъ, однако безъ моральнаго оное будетъ только питаніе или воскормленіе, а не воспитаніе. Прежде нежели дойдемъ до объясненія одной душевной морали, надлежитъ сказать, что съ оною физика должна быть тѣсно связана и одна другой помогать. То еще немного, что человѣкъ здоровъ, если привыкъ къ лѣни и бездѣйствію. Какая польза въ жизни его, когда онъ наклоненъ всегда къ покою, къ нѣгѣ? и достоинъ ли жить, содѣлавшись лѣнивцемъ, тунеядцемъ, не находящимъ въ себѣ самомъ никакихъ способовъ, и потому старающимся жить на счетъ другихъ, что производитъ всѣ пороки, не терпимые ни въ какомъ обществѣ. Кажется, что таковыхъ сама натура наказываетъ, ибо пребывающій въ безпрестанномъ спокойствіи, портитъ кровь, цѣпенѣетъ и наконецъ погибаетъ".

Средство отвратить такую порчу нрава Бецкій видитъ въ физико-моральномъ воспитаніи, которое основываетъ на слѣдующей мысли: „*праздность — мать всѣхъ пороковъ, а трудолюбіе — отецъ всѣхъ добродѣтелей*".

„Одними трудами по мѣрѣ силъ своихъ и непрестаннымъ тѣлодвиженіемъ, отгоняя лѣность, уныніе, грусть, сіи предшественники дурныхъ нравовъ, человѣкъ *сохраняетъ силу, бодрость и веселость духа, толь нужныя и для здоровья и для доброты сердца*. А потому, какъ скоро младенцы въ состояніи понимать и дѣйствовать, надлежитъ всякимъ образомъ стараться приваживать ихъ не только къ мастерствамъ, рукодѣліямъ; но какъ человѣка участь неизвѣстна и онъ ко всему долженъ быть готовъ, то и ко всѣмъ домашнимъ и хозяйственнымъ, *какого бы они званія ни были*, работамъ; однако такъ чтобъ *дѣти сами находили въ томъ удовольствіе, ибо все то отвратительно, что отягощаетъ;* и мало-по-малу прибавлять

ихъ труды смотря по умноженію не только лѣтъ, но силъ и способностей"...

Говоря объ играхъ, которыя должны занимать духъ дѣтей, Бецкій прибавляетъ: „впрочемъ, какъ бы ихъ рѣзвости опасны ни казались, приставникамъ не должно показывать страшливости. Часто излишняя благоразумія предосторожность внушаетъ робость, видя бѣду тамъ, гдѣ нѣтъ ея, и чрезъ то лишаетъ духъ бодрости. Предводительствовать ихъ въ играхъ также не надлежитъ, ибо по приказанію веселиться невозможно, а тѣмъ менѣе дѣтямъ, которымъ всякое принужденіе несносно... Могутъ быть, что весьма рѣдко, изъ дѣтей сложенія печальнаго; сіе приставникамъ должно отъ нихъ какъ отраву отвращать"...

„Можетъ быть, говоритъ онъ далѣе, невникающему въ сущность воспитанія покажется, что о всемъ этомъ не стоитъ и говорить; но на дѣлѣ опыты показываютъ, что кромѣ всего сказаннаго забавы приносятъ еще и ту пользу, что преклоняютъ къ чувствамъ дружества, рождаютъ проворство, ловкость и *по замысламъ въ играхъ открываютъ природныя способности дѣтей, о чемъ воспитателямъ необходимо знать, чтобы предвидѣть къ чему кого должно употребить*".

Третью часть воспитанія, по взгляду Бецкаго, составляетъ *чистая мораль,* или *нравоученіе,* что столько же важно для души, замѣчаетъ онъ, сколько физика для тѣла. Здѣсь не должно разумѣть *мораль школьную,* по которой люди не исправляяся, *выученое наизусть такъ добродѣтельно говорятъ и такъ порочно поступаютъ.* Зная, что не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ, здѣсь должно быть нравоученіе самому естественному, а именно *удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ*".

„На сіе-то надлежитъ устремлять весь свой разумъ, какъ на самое труднѣйшее и важнѣйшее дѣло для составленія истиннаго благонравія, *ибо безъ сего всѣ наставленія никуда не годятся.* Быть можетъ, спросятъ, продолжаетъ онъ, какимъ же образомъ предостеречь отъ зла того, кто его не знаетъ? и можно ли заставить гнушаться порокомъ, когда неизвѣстно ребенку, что такое порокъ? Сей вопросъ подобенъ тому, отвѣчаетъ онъ, что если бы человѣкъ безпрестанно наслаждался при солнечномъ сіяніи зрѣніемъ однихъ красотъ натуры, не видя ея безобразій, не ужаснулся ли бы онъ, когда бы вдругъ

настала мрачная и ненастливая ночь? конечно болѣе, нежели тотъ, который уже привыкъ“.

„Но еще мало только не знать порочнаго, объясняетъ Бецкій, а надлежитъ быть при томъ и добродѣтельнымъ, и полезнымъ, и угоднымъ обществу. Такъ какъ въ гибкомъ и чувствительномъ сердцѣ ребенка и юноши сильно впечатлѣвается всякое видимое дѣйствіе, то въ моральномъ воспитаніи выше всего ставятся живые примѣры воспитателей; они, по словамъ Бецкаго, дѣйствительнѣе всякихъ словесныхъ наставленій, какъ скоро дѣло касается благонравія“. Эта мысль проходитъ черезъ всѣ разсужденія Бецкаго о воспитаніи и если-бы она оказалась ложною, то рушилась бы и вся его система. Но противъ нея спорить невозможно; она опирается на сильныя доказательства апріорическія и эмпирическія. Живой примѣръ въ моральномъ воспитаніи у Бецкаго то же, что у Локка — привычка, и оба они правы въ своихъ основаніяхъ. При такомъ убѣжденіи, конечно, Бецкій долженъ былъ обратить особенное вниманіе на самихъ воспитателей, и отсюда у него создался идеалъ воспитателя, который онъ старается обрисовать во многихъ своихъ разсужденіяхъ. Онъ признается, что ни у одного изъ извѣстныхъ ему писателей не нашелъ разсужденій о томъ, что нужно хорошему воспитателю, и этимъ свидѣтельствуетъ, что тутъ съ его стороны нѣтъ большихъ заимствованій. Конечно его идеалъ нѣкоторыми своими сторонами сталъ въ явное противорѣчіе съ современной дѣйствительностью, и оно не укрылось отъ глазъ Бецкаго; онъ самъ указалъ на него, и сильно напалъ на тѣ явленія, которыя мѣшали моральному воспитанію.

„Сынъ знатной особы, говоритъ онъ, изнуряется большимъ числомъ учителей, для чего? Для того, что такой отецъ приличное дворянству ученіе признаетъ необходимо нужнымъ, разсуждая, что сынъ его безъ сей науки не можетъ отправлять должностей по чинамъ въ арміи, во флотѣ или при дворѣ. Имѣя крѣпостныхъ людей, не думаетъ онъ, чтобъ они полезны и надобны были къ иному чему, кромѣ обыкновенной въ домѣ службы, либо за нимъ ѣздить. Утверждаетъ при томъ смѣло, что наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, имъ не только не потребно, но еще неполезно и вовсе ненадобно. Въ заключеніе суровымъ голосомъ скажетъ: *не хочу, чтобы философами были тѣ, кои мнѣ служитъ*

должны. Коль бѣденъ человѣкъ, такимъ образомъ ослѣпившійся! Иль того не видишь, *что тотъ самый крѣпостной, котораго ты столь презираешь и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникомъ твоему сыну, въ которомъ однакожъ ты все свое полагаешь благополучіе и всю надежду.* Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная первый будетъ наперсникъ или наперсница, первый другъ или подруга сыну или дочери твоей. Дѣти твои, коихъ ты любишь какъ утробу свою, напитаются съ первымъ млекомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостью и всѣми худыми разговорами отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо и столь надменно пренебрегаешь. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣдуютъ они невѣжество, развратные нравы: въ ихъ мысли вперяются разсказы тѣмъ гнуснѣйшіе и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешь съ рабами. Такіе-то плоды пріобрѣтаетъ человѣкъ, воспитанный тамъ, гдѣ глупость и коварство, гдѣ общество подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормилицъ и безстыдныхъ служанокъ обитаютъ, и жалуются безпрестанно, что несчастныхъ имѣютъ дѣтей, не оказывающихъ почтенія родителямъ, ненавидящихъ всякое наставленіе и трудъ, праздныхъ, живущихъ въ нечистотѣ и утопающихъ въ пьянствѣ или звѣрскомъ буйствѣ. Отецъ (говорю о разумномъ, потому что многіе родители и того не чувствуютъ) болѣзнуетъ непрестанно о своемъ сынѣ, всему полагаетъ причиною злую природу бѣднаго сего юноши, думаетъ, что родился подъ худою планетою. Смѣшная мечта, съ давняго времени за справедливую почитаемая! Но никогда въ мысль ему не приходитъ, что сіе отъ того единственно произошло, когда сихъ дѣтей подлые рабы первыми учителями, сверстниками и друзьями были и вкоренили въ ихъ сердце и разумъ то, что ему толь горестно кажется"...

Бецкій болѣе всего хлопочетъ, чтобы родители и начальники всѣми мѣрами старались возвысить лица, которымъ они ввѣряютъ воспитаніе своихъ дѣтей или даже простой надзоръ за ними. Передъ глазами дѣтей онъ не допускаетъ даже самаго малѣйшаго раболѣпства; на нихъ должна вѣять совершенная свобода духа, отъ котораго зависятъ всѣ лучшія качества души: рабъ не можетъ быть примѣромъ для подражанія.

„Неминуемо требуется, говоритъ онъ, чтобы дѣти почитали и любили своихъ наставниковъ и наставницъ какъ совершенныхъ отцовъ и матерей. Но всуе себя о томъ ласкать, когда начальники не поступятъ съ требуемою осторожностью, которая въ томъ состоитъ, чтобъ никогда не оказывать симъ мнимымъ отцамъ и матерямъ грубости, злобы или брани, а паче при дѣтяхъ. Хотя въ числѣ приставниковъ находятся и такіе, кои родилися и воспитаны въ рабствѣ, однакожъ необходимость требуетъ, чтобы всѣ начальники поступали съ ними *пріятно, ласково и съ учтивствомъ,* дабы такое обхожденіе поверженный ихъ духъ возвышало. Когда слѣдовано и въ основаніе принято будетъ сіе *о кротости* предписаніе, безъ сомнѣнія привлечетъ оное ихъ самихъ *съ любовью* поступать съ питомцами *такъ же,* какъ начальники съ ними обходиться будутъ. Какое *изящество,* какая *добродѣтель,* какое *праводушіе* могутъ произрасти въ сердцахъ дѣтей, когда съ тѣми, коихъ они родителями себѣ по справедливости признаютъ и почитаютъ, поступать будутъ какъ съ невольниками... Все принадлежащее къ воспитанію, должно дѣтямъ пріобрѣтать слухомъ и зрѣніемъ, т.-е. подражая *добрымъ примѣрамъ,* которые бы имъ побудительны были и привлекали ихъ къ себѣ каждый день и каждую минуту. Сіе подѣйствуетъ больше всѣхъ предписаній и больше всѣхъ правилъ и увѣщаній. Если въ таковыхъ *образцахъ,* предлагаемыхъ имъ для подражанія, предстоятъ всегда *добродѣтель, трезвость, кротость, снисхожденіе и любовь...* нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣтяхъ заблаговремено вкоренится привычка къ добрымъ дѣламъ такъ же, какъ обыкновенно привыкаютъ говорить на своемъ родномъ языкѣ. Словомъ, буде начальники хотятъ, чтобъ дѣти научились добродѣтели, должно имъ прежде всего учинить *учителей и приставниковъ добродѣтельными и примѣра достойными*".

„Ни единой бѣдной женщины, кормилицы или служанки уничижать, ниже подлыми и презрѣнія достойными признавать не должно; ибо и самаго нижняго чина люди, содѣйствующіе общему благополучію, великой цѣны достойны. Кто презираетъ ихъ, тотъ самъ, какого бы рода ни былъ, не достоинъ начальствовать оными..."

Для полной обрисовки идеала воспитателя представляю еще описаніе, какое Бецкій сдѣлалъ главному надзирателю заведенія. „Ему должно быть человѣку безъ *предъувѣреній и правду*

любящему, не своенравному, но человѣколюбивому. Хотя другіе приставники и служители состоятъ подъ его повелѣніями, но онъ признавать ихъ долженъ не какъ подчиненныхъ, но какъ друзей своихъ, защищать ихъ, всякому по заслугѣ безпристрастно воздавать справедливость и награжденіе, управлять ими съ любовью, увѣщевать и побуждать къ наблюденію знанія... Нѣтъ нужды, чтобъ главный надзиратель былъ ученый человѣкъ въ разсужденіи наукъ, того менѣе надобно быть ему всегда изъ знатныхъ людей: потребенъ *человѣкъ разумъ имѣющій, здоровыя и достаточныя силы разсудка, сердце непорочное, мысли вольныя, нравъ къ раболѣпству непреклонный и не такое великодушіе, которое въ гордость и высокоуміе превращается; говорить долженъ какъ думаетъ, и дѣлать какъ говоритъ;* отъ неправды и притворства при всякомъ случаѣ убѣгать, какъ отъ самыхъ мерзкихъ дѣлъ...“

Хотя Бецкій и вполнѣ сознавалъ, какъ трудно найти воспитателей, которые бы подходили подъ этотъ идеалъ, но совершенно былъ увѣренъ, что безъ нихъ воспитаніе ненадежно. „Всѣ наставленія будутъ безполезны, говоритъ онъ, когда приставники сами не окажутъ примѣровъ исполненія *честностью своею, скромностью, трезвостью и кротостью.* Въ ихъ особѣ и въ ихъ поступкахъ представляются *питомцамъ всѣ нравоучительныя книги...*“

Зато, если найдется подобный воспитатель, Бецкій совѣтуетъ не щадить для него ничего, заботиться объ его благосостояніи, покоѣ, чести, всѣми силами подкрѣплять благія его намѣренія, защищать его при всякомъ случаѣ отъ зависти, клеветы, гоненій и пр. Вотъ награда достойная воспитателю! Одна она уже показываетъ, съ какой возвышенной точки образованный вельможа смотрѣлъ на дѣло воспитанія. Но онъ уже съ сокрушеннымъ сердцемъ признается, какъ мало представлялось надежды имѣть достаточное число лицъ съ нужными качествами. „Можетъ быть, говоритъ онъ, нужда велитъ намъ довольствоваться тѣмъ только, чтобъ приставники не подвержены были хотя двумъ симъ мерзкимъ и въ простомъ народѣ толь сильно вкоренившимся порокамъ: *пьянству и праздности.* Счастливы будемъ еще, когда, избѣжавъ сей язвы, одарены будутъ хотя мало *кротостью и здравымъ разумомъ,* дабы по крайней мѣрѣ въ состояніи были слѣдовать письменнымъ инструкціямъ“.

Въ Физическихъ Примѣчаніяхъ Бецкій совѣтуетъ удалять отъ дѣтей всѣхъ жадныхъ, пьяницъ, лѣнивыхъ, дерзкихъ, жестокихъ, злыхъ людей, и болѣе всего сластолюбцевъ.

Конечно, исполнить всѣ эти условія едва ли возможно при нашемъ воспитаніи, хотя и нельзя согласиться съ ихъ разумностью. Но нужно имѣть въ виду, что Бецкій замышлялъ отдѣлить рождающееся поколѣніе отъ дѣйствующаго общества и устранить неблаготворное вліяніе этого послѣдняго на воспитаніе. При такомъ условіи представлялось больше возможности примѣнить къ дѣлу всѣ упомянутыя предписанія.

Изъ нашихъ выписокъ читатель уже могъ замѣтить, что съ воспитаніемъ Бецкій соединялъ родительскія чувства — *кротость и любовь.* Отсюда опредѣляется и самый характеръ наказаній, безъ которыхъ нельзя обойтись воспитателю. Здѣсь Бецкій поступилъ рѣшительнѣе Локка, который, возставая противъ тѣлесныхъ наказаній, въ то же время не рѣшался изгнать ихъ совершенно изъ практическаго воспитанія, уступая преданіямъ и обычаямъ современности. Бецкій рѣшительно запрещалъ тѣлесное наказаніе всякаго рода, не только надъ дѣтьми, но даже и надъ нижними служителями воспитательнаго заведенія, *дабы юношество не пріобучить къ суровости*[4]. Хотя онъ и здѣсь становился въ явное противорѣчіе съ обычаями своей современности, но, имѣя въ виду создать новое общество, онъ ни въ чемъ не уступалъ старому....

Послѣднюю часть воспитанія, по взгляду Бецкаго, составляетъ *обученіе.* На него онъ смотрѣлъ глазами Монтеня и Локка, не видя въ немъ никакого образовательнаго вліянія. Развитіе умственныхъ силъ предоставлялось природѣ и отдавалось на долю нравственныхъ наставленій; а обученіе признавалось необходимымъ только потому, что необходимы намъ нѣкоторыя знанія какъ для гражданской жизни, такъ и для добыванія куска хлѣба. При такомъ взглядѣ, разумѣется, Бецкій не могъ сочувствовать тѣмъ воспитателямъ, которые сажали дѣтей за книгу отъ ранняго ихъ дѣтства. Въ этомъ онъ видитъ насиліе и возстаетъ противъ него въ защиту дѣтей. Онъ хочетъ, чтобы дитя училось играючи, и нельзя во многомъ не согласиться съ нимъ, если имѣть въ виду только дѣтскій возрастъ; но онъ распространяетъ эту мысль на весь курсъ обученія и хочетъ, чтобы науки доставались безъ всякаго труда и усилія. Здѣсь онъ, какъ будто, противорѣчитъ

самъ себѣ; потому что пріучать къ труду считаетъ одною изъ обязанностей воспитанія; а что лучше можетъ развить силы и заставить свыкнуться съ трудомъ, какъ не строгое научное обученіе! Здѣсь онъ увлекся доводами Монтеня и Локка, которые въ своихъ сужденіяхъ впали въ крайность, возставая противъ другой крайности, господствовавшей тогда въ Европѣ, именно противъ обычая обременять дѣтскія головы всевозможными знаніями, часто мертвыми, схоластическими и ни къ чему непригодными.

„Я думаю, говоритъ Бецкій, справедливо мнѣніе тѣхъ писателей, почтенныхъ друзей человѣчества, которые для пользы онаго всю жизнь посвятили на изслѣдованіе всего, что служитъ къ блаженству обществъ. Они желали бы, чтобы и въ училищахъ, опредѣленныхъ для произведенія ученыхъ, науки были легко, т.-е. самыя первоначальныя только правила оныхъ, преподаваемы безъ утомленія юношества, которое, чувствуя обремененіе, теряетъ и врожденное. Если бы, говорятъ они, такимъ образомъ поступали, тогда освобожденные отъ оковъ принужденія и побуждаемые желаніемъ славы, сами собою неодолимою склонностью устремлялись бы къ тому, для чего они рождены и оставили бъ далеко назади даже своихъ учителей. Прочіе жъ неспособные по крайней мѣрѣ не будутъ утомлены и могутъ быть полезны въ другомъ...“

„Всякое противъ природы и склонности отягощеніе, вмѣсто того, чтобы изощрять, притупляетъ чувства. *Надлежитъ или отречься отъ воспитанія, или вести дѣтей, такъ сказать, играя и съ пріятностью.* А паче всего внушая вкусъ къ чтенію, открывать и истинный путь природному разуму, который, если умѣютъ давать ему свободу самому дѣйствовать, летитъ на крыльяхъ; *когда же налагаютъ на него бремя педантической методы,* то едва двигается, ползаетъ...“

„Иные думаютъ скорѣе получить пользу, спѣша дѣтей скорѣе преклонить къ наукамъ и трудамъ; симъ образомъ не токмо совсѣмъ поступаютъ вопреки, но удаляются отъ полезныхъ средствъ часъ отъ часу больше, и дѣлаютъ только вредъ, котораго наконецъ отвратить не можно“.

Въ Физическихъ Примѣчаніяхъ Бецкій говоритъ объ ученіи слѣдующее: „приводить дѣтей къ ученію подобно какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле. Тернія, въ ономъ находящіяся, раздражаютъ природу, особливо сначала, а сіе про-

исходитъ единственно отъ неразумія воспитателей. Чтобъ дѣти съ веселіемъ исполняли свою должность, надлежитъ стараться всемѣрно вперить въ нихъ любовь къ ученію такъ, чтобъ оное награжденіемъ себѣ почитали. Сіе единое способствуетъ къ большему просвѣщенію ихъ разума. Неумѣренное ученіе вредно здоровью. Не должно тревожиться, видя умы не скоро зрѣющіе, а желать надобно, чтобъ дѣти имѣли только здоровый разумъ и доброе сердце, о чемъ паче всего прилагать должно стараніе съ самаго ихъ младенчества, также и о томъ, чтобъ они были крѣпкаго сложенія"...

Повторимъ еще разъ, что за всѣми этими положеніями нельзя не признать основательности, если имѣть въ виду одинъ дѣтскій возрастъ, которому нужно дать болѣе времени для свободныхъ игръ, чѣмъ для уроковъ. Нельзя не согласиться и со слѣдующими словами Бецкаго: „Назначая питомцамъ уроки при нѣжномъ ихъ возрастѣ, принуждаютъ сидѣть ихъ по два и по три часа поутру и столько же послѣ обѣда. Насильное сіе положеніе тѣла, угнетаемое еще страхомъ и должностью оказывать почтеніе предсидящимъ учителямъ и наставникамъ, истощаетъ наконецъ силы и дѣлаетъ ихъ разслабленными"...

Идеалъ, который создался въ воображеніи Бецкаго для воспитателя, во всемъ согласенъ и съ идеаломъ учителя. Онъ долженъ обладать всѣми тѣми же качествами, долженъ такъ же разсчитывать на благотворное вліяніе добрыхъ примѣровъ и сдѣлать себя предметомъ подражанія. Въ своемъ разсужденіи о новомъ устройствѣ кадетскаго корпуса Бецкій дополняетъ новыми чертами описаніе идеальнаго учителя:

„Если учители, говоритъ онъ, будутъ поступать съ благоразсужденіемъ и наставлять питомцевъ своихъ съ *любовью и ласкою,* если учить ихъ станутъ больше *разговорами* и *разсужденіями,* нежели заставляя сидѣть безпрерывно надъ урокомъ въ принужденномъ и здоровью ихъ вредительномъ наклоненіи, то юношество окажетъ великіе во всемъ успѣхи, чего только отъ возраста его требовать можно... *Отвергнемъ на часъ грозный и повелительный взглядъ и голосъ учителей и дядекъ,* увидимъ съ удовольствіемъ, какъ дитя подражаетъ намъ поступками, разговоромъ и самымъ произношеніемъ... Все зависитъ отъ удачнаго выбора начальниковъ и учителей, одаренныхъ здравымъ разумомъ и благонравіемъ, *а не заразившихся надутымъ видомъ и угрюмостью. Педантизмъ есть су-*

щая пагуба воспитанію юношества вообще, а благороднаго особливо. Если должно выбирать изъ двухъ золъ меньшее, то лучше взять учителя нѣкоторымъ недостаткамъ подверженнаго, нежели *педанта, ученіемъ своимъ надутаго и во всемъ поведеніи столь же нестерпимаго, сколь смѣху достойнаго*"...

Но, рисуя такой идеалъ учителя, Бецкій мало надѣялся найти довольное число людей, которые бы подходили подъ этотъ совершенный образъ. Онъ даже приводитъ слова Ришелье, который говорилъ, что совѣтовалъ бы устроить училища словесныхъ наукъ въ каждой деревнѣ, если бы легко было находить хорошихъ учителей.

По предписанію Бецкаго, науки должны были преподаваться на русскомъ языкѣ. „Если ученики, говоритъ онъ, станутъ обучаться исторіи, географіи и другимъ наукамъ не на своемъ природномъ языкѣ, то *изъ того польза будетъ не велика.* Пускай дитя отъ пяти и шести лѣтъ своего возраста учится понѣмецки и по-французски, но по прошествіи 14 и 15 лѣтъ не будетъ оно еще имѣть объ исторіи и географіи прямого понятія. Если онъ тому обучился на чужомъ языкѣ, то ему покажутся сіи науки совсѣмъ новыми и неслыханными на своемъ природномъ... Что въ томъ есть великая разность, на какомъ языкѣ науки преподаются, ясные видимъ мы опыты изъ того, что нынѣ въ корпусѣ кадеты лифляндцы и другіе иноземцы скорѣе и больше изучаются нежели россійскіе, потому что *всему учатся на своемъ языкѣ*"...

Въ то же время Бецкій возсталъ противъ стараго обычая начинать учиться грамотѣ съ церковно-славянскаго языка и не обращать никакого вниманія на изученіе русскаго, на томъ основаніи, что ученикъ и безъ того долженъ знать свой природный языкъ. „Смѣха достойный присвоили мы обычай, говоритъ онъ, учить дѣтей въ школахъ грамотѣ по книгамъ на языкѣ и буквахъ славенскихъ и *провождать въ семъ ученіи по нѣсколько лѣтъ.* Не вводить сего способа ученія, ибо дѣтямъ прежде начатія славянскаго, должно учить букварп, печатанныя на употребляемомъ нынѣ языкѣ"...

„Извѣстно, что всякому человѣку въ обществѣ должно знать всю силу и все пространство языка своего отечества. Безъ сего познанія не будетъ разумѣть правъ, уложенія и законовъ издаваемыхъ отъ монарховъ, не можетъ надежно вступить

въ обязательства, въ нужныя переписки и пр. и, того меньше, въ важные договоры"...

Обращаю здѣсь вниманіе на доводы, которые приводятся въ доказательство, что изученіе отчественнаго языка необходимо; въ наше время они могутъ показаться слишкомъ слабыми, но въ то время они имѣли свою силу, потому что нашъ письменный языкъ, какъ административный, такъ и литературный, былъ далекъ отъ обыкновеннаго разговорнаго, слѣдственно, чтобы вполнѣ *разумѣть* его, нужно было обучаться ему; въ этомъ пока выразилась первая цѣль изученія отечественнаго языка, на который до тѣхъ поръ въ школахъ не обращали вниманія.

Изученіе славянскаго языка Бецкій также считаетъ нужнымъ, чтобы понимать языкъ церкви и особенно „дабы россійскимъ писать правильно и краснорѣчиво". Эта послѣдняя цѣль является въ строгой связи съ грамматикой и реторикой Ломоносова, перваго законодателя нашего литературнаго языка. Впрочемъ нужно замѣтить, что изученіе славянскаго языка, по взгляду Бецкаго, было необходимо только тѣмъ, которые готовили себя къ жизни спеціальными занятіями въ наукахъ и искусствахъ, т.-е. къ жизни въ обществѣ образованномъ.

Самымъ главнымъ и основнымъ предметомъ обученія Бецкій, по справедливости, считаетъ Законъ Божій, на которомъ должно основываться нравственное воспитаніе дѣтей. Заботы объ этомъ онъ предоставляетъ благоразумымъ духовнымъ лицамъ, и только совѣтуетъ не устрашать дѣтей разсказами о мученіяхъ ада, потому что „ничто такъ не вредитъ дѣтямъ какъ эти разсказы; нѣжныя сердца, таковымъ ужасомъ единожды пораженныя, во всю жизнь дѣлаются робкими и боязливыми".

Первый періодъ обученія Бецкій ограничиваетъ временемъ отъ пятилѣтняго возраста до тѣхъ поръ, пока дѣти сами могутъ одѣваться. Онъ справедливо защищаетъ этотъ возрастъ отъ преждевременныхъ занятій, за которыя воспитатели усаживаютъ дѣтей. „Всѣ отцы и матери, начальники и приставники стараются обучать дѣтей, какъ скоро начинаютъ говорить; иные заставляютъ ихъ непрестанно твердить молитвы и пр. Намѣреніе само въ себѣ хорошее; но безвременное въ томъ упражненіе вредитъ слабому еще понятію дѣтскому... Не должно инымъ способомъ къ ученію приводить сего возраста питомцевъ, какъ совѣтомъ и подавая случай къ подражанію".

Обученіе здѣсь должно было ограничиться первыми понятіями о Богѣ, рисованіемъ и чтеніемъ „для того только, чтобъ зрѣніемъ привыкали къ познанію литеръ". „Важность учительскаго искусства, замѣчаетъ при этомъ Бецкій, состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы питомцы полагали въ семъ упражненіи свою забаву".

Съ той поры, какъ дѣти сами могутъ одѣваться, до одиннадцатаго года, Бецкій дозволяетъ имъ быть въ школѣ только одинъ часъ въ день и учиться тамъ читать и первымъ основаніямъ вѣры, чтобы заблаговременно вкоренился въ нихъ страхъ Божій. Но совѣтуетъ: „не принуждать дѣтей учить много наизусть, и довольно для отроческаго ихъ возраста, когда вытвердятъ и поймутъ *Отче нашъ, символъ вѣры, десять заповѣдей* и молитвы вечернія и утреннія. Время драгоцѣнное заставляетъ терять тотъ, замѣчаетъ онъ, кто приказываетъ имъ твердить уроки по *нынѣшнему обыкновенію:* въ великую слабость приводятъ сложеніе тѣла ихъ, порабощая разумъ и требуя отъ нихъ то знать, чего не понимаютъ и вовсе не разумѣютъ".

Дѣти должны были начинать учиться писать тогда только, когда научались нѣсколько свободно рисовать: „писать и изображать цыфирь легко уже покажется имъ, какъ скоро свободно рисовать начнутъ". Такое предписаніе основано на томъ соображеніи, что дѣти въ самомъ раннемъ дѣтствѣ охотно хватаются за карандашъ и чертятъ разныя фигуры; отсюда очень легко сдѣлать переходъ къ письму.

Въ этомъ же возрастѣ Бецкій опредѣляетъ начинать учить иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ и географіи. Въ спеціальныхъ же училищахъ прибавляются сюда еще нѣкоторыя науки, нужныя по цѣли заведенія. Но на образовательное вліяніе, какъ видно, Бецкій нигдѣ не разсчитываетъ; науки у него преподаются какъ полезныя въ примѣненіи къ гражданской жизни. Нравственнаго значенія онъ не придаетъ имъ и не замѣчаетъ, какое важное вліяніе онѣ оказываютъ и на моральное воспитаніе. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться со словами г. Лавровскаго, который, разсуждая о такомъ же взглядѣ Екатерины, замѣчаетъ: „Въ наше время можетъ показаться странною мысль о нравственности безъ правильно установленнаго и, по возможности, полнаго образованія, потому что истинное образованіе есть основаніе истинной нравственности; пока не приведены въ надлежащую ясность по

крайней мѣрѣ важнѣйшія отношенія воспитанника къ окружающему міру и къ Творцу міра, важнѣйшіе интересы и вопросы его жизни, а вмѣстѣ и его назначеніе, до тѣхъ поръ не можетъ быть ни одного, въ строгомъ смыслѣ, нравственнаго рѣшенія, потому что послѣднее предполагаетъ сознательное и свободное опредѣленіе себя къ дѣйствію, независимое отъ преданія, привычки и авторитета". А на такую точку, прибавимъ мы, ставитъ человѣка лишь наука.

Какой ничтожный смыслъ въ воспитаніи имѣло научное обученіе, по взгляду Бецкаго, видно особенно въ томъ ограниченномъ числѣ наукъ, которыя опредѣлялось преподавать въ женскихъ заведеніяхъ: кромѣ языковъ и Закона Божія, ариѳметика, географія, исторія, вотъ и все, и это до восемнадцатилѣтняго возраста. Конечно, если имѣть въ виду, какъ образовывалась русская женщина до этого времени, то нельзя не отнестись къ Бецкому съ полною благодарностью; но здѣсь мы только разсуждаемъ объ его взглядѣ на значеніе науки.

Бецкій прекрасно понялъ, какъ важно образованіе женщины, и всѣми мѣрами старался распространить эту идею. „Кто бы не желалъ, писалъ онъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными. Будучи матерями, лучше и разсудительнѣе воспитаютъ своихъ и чужихъ ввѣренныхъ имъ дѣтей; будучи въ *супружествѣ,* прилежнѣе исполняютъ свою должность; будучи *кормилицами* или *нянькамн* прежде или послѣ отлученія дѣтей отъ груди, не помрачатъ ихъ пустыми разсказами, странными повѣстьми о привидѣніяхъ, превращеніяхъ, колдовствахъ. Напротивъ того разговоры ихъ будутъ подражанія достойны, страсти обузданы, обхожденіе пріятно и человѣколюбія исполнено"...

Прекрасно понималъ онъ и нѣжную женскую природу, и зато какъ деликатно заботился о развитіи лучшихъ ея сторонъ. Воспитывая ее, онъ хотѣлъ указать ей, что содержанія для своей жизни она должна искать въ семействѣ и въ своихъ семейныхъ обязанностяхъ.

Нельзя между прочимъ не замѣтить, что Бецкій считалъ бухгалтерію необходимою для всѣхъ сословій, чтобы каждый могъ устроить разумный порядокъ въ своихъ дѣлахъ, чего недоставало большинству семействъ. Онъ ссылается и на Локка, который совѣтовалъ дворянамъ въ молодыхъ лѣтахъ весьма

прилежно учиться этому искусству. „Но, по несчастью, замѣчаетъ Бецкій, удобнѣе желать, нежели приводить въ дѣйствіе; ибо не малою сему причиною злоупотребленіе, которое вошло поневолѣ въ обычай: большая часть нашихъ доходовъ состоитъ въ собираніи съѣстныхъ припасовъ не для чего какъ для содержанія большаго числа служителей, причиняющаго только неустройство и замѣшательство, что обыкновенно приводитъ къ расточенію. Сей источникъ несчастія, которому многіе подвергаются, видимъ мы изъ ежедневныхъ опытовъ“....

Такимъ образомъ Бецкій постоянно старался черезъ воспитаніе снабдить русскаго человѣка тѣми средствами, которыя онъ можетъ съ успѣхомъ противопоставить современныхъ несообразностямъ. Эти соображенія достойны особеннаго вниманія.

„На пятнадцатомъ году, говоритъ Бецкій, въ юношѣ начинаетъ оказываться свойство сложенія, которое будетъ впослѣдствіи въ немъ владычествовать“. Съ этого времени онъ велитъ тщательно наблюдать, къ чему будутъ выказываться склонности въ молодой душѣ. Въ уставѣ для Корпуса онъ даетъ даже нѣкоторыя правила, какъ это производить: „дѣлать прилежные опыты склонностямъ питомцевъ, дабы узнать, кто къ какому званію способнѣе. Опытами разумѣется то, чтобъ въ разныхъ родахъ наукъ и экзерцицій примѣчать, къ чему точно они способны окажутся во время гулянья, забавъ и при другихъ случаяхъ, наблюдая при томъ, чтобъ не нарушался порядокъ ихъ ученія, для того стараться, чтобы всѣ игры и гулянья служили имъ въ пользу и въ увеселеніе и оставлять имъ благопристойную вольность выбирать оныя по своимъ лѣтамъ такъ, чтобъ самыя забавы не оказались имъ должностью. Симъ способомъ спознавать ихъ склонности, дабы тѣмъ удобнѣе употребить оныя въ ихъ пользу“...

Разсуждая объ обученіи въ воспитательныхъ домахъ, Бецкій дѣлитъ дѣтей по ихъ дарованіямъ на три разбора: „первому состоять изъ тѣхъ, которые очевидно могутъ отличиться въ наукахъ и художествахъ; второму, и который конечно величайшее число въ себѣ заключаетъ, изъ опредѣленныхъ быть ремесленниками и рукодѣльниками; а третьему, коихъ понятія тупы, изъ простыхъ работниковъ. По извѣданнымъ опытамъ, продолжаетъ онъ, такое распоряженіе сходствуетъ съ самою натурою, которая, равно какъ во всемъ, такъ и въ людяхъ, рѣдко чрезмѣрныя крайности производитъ, т.-е. отмѣнно

остроумныхъ или совершенно тупыхъ; а большая часть посредственныхъ, рожденныхъ жить не столько замысловатостью головы, сколько искусствомъ рукъ"...

Особенно заботился Бецкій о томъ, чтобы не были заглушены дарованія и своевременно были поставлены на тотъ путь, къ которому они стремятся. Такимъ образомъ онъ опредѣлилъ оказавшихъ склонность къ наукѣ отсылать въ Академію наукъ или въ Московскій университетъ, юношей со стремленіями къ живописи, ваянію или архитектурѣ, переводить въ Академію художествъ. Вообще артистическимъ натурамъ предоставлялся легкій исходъ на всѣ поприща: для музыкантовъ назначались музыкальные уроки; для актеровъ — домашніе спектакли. Равнымъ образомъ по своимъ склонностямъ питомцы выбирали и мастерство. Но надъ всѣми этими спеціальностями должно было господствовать образованіе нравственное. „Сіе только одно не выше возможности добродѣтельнаго и разумнаго попеченія, пишетъ заботливый Бецкій: чтобы *образовать человѣка такъ, дабы онъ великія ль малыя ль способности имѣя, могъ въ кругѣ имъ занимаемомъ быть полезенъ себѣ и обществу,* не только во время свой жизни, но и навсегда оставя добрые нравы своимъ потомкамъ. Впрочемъ, *къ чему бы и съ какою бы остротою онъ ни былъ произведенъ, художникъ ли, ученый ли или что-нибудь другое, не имѣя души возвышенной благонравіемъ, рождающимъ благородныя мысли и чуствованія, никогда въ своемъ искусствѣ не можетъ дойти до превосходства отличныхъ людей;* а если какимъ чудеснымъ образомъ и достигнетъ, *что въ талантѣ, когда человѣка нѣтъ.* Итакъ, что касается до дарованій, которыхъ требуютъ науки и художества, сіе есть дѣло натуры, и того, если кто не имѣетъ врожденнаго. никакое человѣческое стараніе дать не можетъ, а только испортитъ".

По такому взгляду наука приходилась на долю очень немногихъ. Къ тому же Бецкій строго держался той мысли, „чтобъ предпринимать просвѣщеніе питомцевъ не больше того, чего требуетъ званіе, къ которому они назначаются". Эта мысль даже поставила его въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою: для дворянскаго званія оказалась необходимость знать множество наукъ, тогда какъ, по его убѣжденію, никакъ не слѣдовало обременятъ науками воспитывающееся юношество, а учить его шутя, играючи. Разсуждая о пре-

образованіи кадетскаго корпуса, онъ замѣчаетъ: „изъ исторіи древнихъ и новыхъ временъ видно, что преславные полководцы неустрашимое свое мужество украшали такими науками, какія нужно и *законодателю и побѣдителю*". Это заставило уступить необходимости и ввести въ кругъ обученія кадетовъ значительное число наукъ. Здѣсь же Бецкій часто указываетъ на наставленія Монтеня и Вагеція, издавшаго въ 1759 г. сочиненіе „О томъ, какъ сдѣлать человѣка здоровымъ и способнымъ сносить воинскіе труды".

О способахъ преподаванія онъ нигдѣ не распространяется, хотя и говоритъ, что „усмотрѣнные понынѣ недостатки въ воспитаніи юношества вообще состоятъ въ затрудненіяхъ отъ вредительныхъ способовъ ученія, которымъ питомцевъ подвергаютъ". Впрочемъ онъ признаетъ превосходство практическаго обученія надъ теоретическимъ; допускаетъ также, чтобы учитель употреблялъ лучшихъ учениковъ „къ наученію другихъ, отчего всегда между ними возрастаетъ охота къ подражанію, и увидитъ онъ съ удовольствіемъ и въ другихъ ученикахъ успѣхи и себѣ облегченіе получитъ"....

Кромѣ того онъ признаетъ за полезное обучать морали наглядным способомъ, т. е. надъ всѣми дверьми внутри и внѣ покоевъ и на стѣнахъ въ залахъ написать большими буквами общія правила нравоученія, какъ напр. *Не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь. Поступай съ другими, какъ хочешь, чтобъ съ тобой поступали. Не дѣлай зла и не досаждай никому. Не лги. Не будь никогда празденъ и пр.* Учителя, обходясь съ питомцами своими, изъяснять имъ должны съ пристойными доводами все, что заключается въ сихъ правилахъ, дабы сіе впечатлѣлося въ ихъ сердца".... Конечно, при этомъ требуется, чтобы наставники и сами собственнымъ примѣромъ оправдывали всѣ эти изреченія, безъ чего Бецкій не ожидалъ отъ нихъ никакой пользы.

Нельзя не замѣтить, что способъ нагляднаго обученія употреблялся и въ другихъ предметахъ. По свидѣтельству Павла Сумарокова, ограда въ саду Кадетскаго шляхетскаго корпуса изображала разныя страны, столицы, города, рѣки, горы, съ именами государей по хронологическому порядку; оттого она называлась *говорящею стѣною*. Дѣти, гуляя и рѣзвясь, безъ уроковъ и принужденія нечувствительно почерпали познанія.

Стоюнинъ.

Педагогическая система Бецкаго.

Воспитаніе, по взгляду Бецкаго, должно разсматривать съ четырехъ сторонъ: 1) со стороны физической, 2) физико-моральной, 3) собственно-моральной и 4) дидактической или обученія. Физической сторонѣ въ воспитаніи Бецкій придавалъ большое значеніе и указывалъ для нея весьма раціональныя правила, преимущественно заимствованныя у Локка, съ прибавкою нѣкоторыхъ совѣтовъ доктора Саншеса. „Пользуясь, — говоритъ Бецкій, — тѣмъ неопровержимымъ правиломъ, что натура въ произведеніяхъ своихъ дѣйствуетъ единообразно, т.-е. все рождается, растетъ, созрѣваетъ, я могу сравнить младенца съ самою новою отраслью, которую искусный садовникъ легче, нежели уже нѣсколько застарѣлую, обращая по волѣ своей, можетъ изъ нея произвести здоровое, лучшее и плодоноснѣйшее растеніе въ своемъ родѣ; но не долженъ никогда противу здраваго разсудка и возможности хотѣть, чтобы напр. яблоня производила ананасы. А потому часть физическая есть средство слѣдовать по стопамъ натуры, не превозмогая ее и не переламывая; но, способствуя ей, наклонять мало-по-малу отъ вреднаго къ полезному" (См. Собр. учрежд. и предпис. Т. I Предварительн. объясненіе). Физическое воспитаніе подраздѣлялось по возрастамъ. На каждый возрастъ мы находимъ въ Физическихъ Примѣчаніяхъ особые совѣты. Главнѣйшее вниманіе обращается на воздухъ, одежду и пищу. Дѣтямъ слѣдуетъ чаще быть на свѣжемъ воздухѣ, въ особенности во время движенія: „труды и вольный воздухъ укрѣпляютъ въ дѣтяхъ тѣлесное сложеніе, умножаютъ веселье и отъ всѣхъ будущихъ недостатковъ предохраняютъ: напротивъ того, отъ лѣности и худого воздуха вырастаютъ они такъ слабы, что весь свой вѣкъ въ болѣзняхъ препровождаютъ". Заботясь о физическомъ развитіи дѣтей, Бецкій осуждаетъ однако излишнюю бережливость въ сохраненіи ихъ здоровья; онъ совѣтуетъ пріучать дѣтей съ ранняго возраста къ перенесенію стужи, влаги и непостоянной погоды, позволять имъ бѣгать въ ясные и пасмурные дни по песку, по кочкамъ, по пашнѣ, по горамъ и крутымъ мѣстамъ, ходить босикомъ по каменному полу и оставаться даже въ стужу съ открытою головою и грудью. „Если жъ, говорится въ Физическихъ Примѣчаніяхъ, случится печаянно,

что дитя простудится, то продолжать все то же, не пользуя ничѣмъ инымъ, кромѣ воздержности въ пищѣ. Не должно въ семъ случаѣ слѣдовать совѣтамъ малодушныхъ, но стараться, чтобъ жили дѣти въ хорошемъ воздухѣ, отдаленномъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оный зараженъ худыми парами". Привычка къ чистому воздуху, укрѣпляя дѣтскій организмъ, избавляетъ, по мнѣнію Локка, отъ необходимости прибѣгать къ лѣкарствамъ, которыя должны быть употребляемы только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и отнюдь не въ видѣ предосторожности противъ возможныхъ, но еще не наступившихъ болѣзней. Въ пищѣ Бецкій устраняетъ все, что можетъ разстроить и ослабить физическій организмъ ребенка, какъ-то: кофе, шоколадъ, вино, водка, пряные коренья. „Всего лучше, — говоритъ онъ, — вести жизнь нѣсколько сурово, привыкать ѣсть все, что ѣсть только можно, и въ выборѣ приправъ къ кушанью не быть прихотливу; но стараться, чтобъ было все, сколько можно, просто; притомъ за вѣрное утвердить можно, что всѣхъ лучше позывъ на ѣду происходитъ отъ тѣлодвиженія". Что касается до тѣлодвиженій или дѣтскихъ игръ, то имъ не только не должно препятствовать и принуждать дѣтей быть въ покоѣ противъ ихъ склонности, но надобно вымышлять и изыскивать различныя гимнастическія упражненія, которыя полезны какъ для возбужденія хорошаго аппетита, такъ и для того, чтобы дѣти не впадали въ уныніе и, по этой причинѣ, не слабѣли и не сохли. „Склонность (по словамъ Бецкаго), которую вселяетъ природа въ сіи блаженныя лѣта къ игрѣ и къ увеселенію, есть главное средство къ умноженію здоровья и къ укрѣпленію тѣлеснаго сложенія". Когда же въ этихъ играхъ и рѣзвостяхъ дѣти чѣмъ-нибудь зашибутъ себя, то родители худо сдѣлаютъ, если будутъ бранить ихъ или наказывать: результатъ можетъ выйти тотъ, что дѣти, боясь наказанія, никому не скажутъ о своемъ ушибѣ и поврежденіи и скроютъ болѣзнь до тѣхъ поръ, пока она не приметъ серьезныхъ размѣровъ. „Сколько жалки тѣ бѣдныя дѣти, — восклицаетъ авторъ Физическихъ примѣчаній, — которыя за игру и невинныя забавы, лѣтамъ ихъ необходимо потребныя, предаются столь часто на жертву ненавистному гнѣву и своенравію родителей или дядекъ: приличнѣе называть таковыхъ тиранами, нежели воспитателями". Одежда дѣтей должна быть такъ же проста и невзыскательна, какъ ихъ пища: „не давать дѣтямъ одѣянія узкаго

и не стягивать ихъ тугою вязкою; въ дорогое или богатое платье не одѣвать, дабы они свободно и безпрепятственно играть, прыгать и работать могли, не подвергая себя строгости". Мѣховое платье дозволялось употреблять только въ долгомъ пути или на большомъ морозѣ; обычай кутаться въ шубу при малѣйшемъ холодѣ названъ безразсуднымъ. Съ развитіемъ физическаго организма все больше и больше опредѣляется въ человѣкѣ свойство его темперамента, такъ что около 15-ти лѣтъ уже начинаетъ обнаруживаться замѣтно для наблюдателя. Для распознаванія этихъ темпераментовъ „Физическія примѣчанія" указываютъ много вѣрныхъ примѣтъ, сообразно съ которыми должна направляться и дѣятельность воспитателя. Такъ напр., если воспитанники будутъ сложенія флегматическаго или сырого, то „надлежитъ ихъ поощрять къ тѣлодвиженіямъ нѣсколько труднымъ, ибо они склонности къ тому не имѣютъ, удалять ихъ отъ покоя, который имъ всего пріятнѣе". При темпераментѣ вспыльчивомъ (холерическомъ) полезно, наоборотъ, воздерживать излишнюю пылкость природы, потому что „такой человѣкъ добровольно бываетъ во всегдашнемъ упражненіи"; вино и всѣ раздражающіе напитки особенно вредны холерику. Самымъ лучшимъ сложеніемъ признается сангвиническое, худшимъ — меланхолическое, которое обнаруживается позже другихъ и, всего чаще, переходитъ по наслѣдству отъ родителей. Коль скоро замѣчена будетъ въ дитяти наклонность къ меланхоліи, обусловленная темпераментомъ, то „надлежитъ пріучать его къ упражненіямъ пріятнымъ, но непродолжительнымъ.... стараться всячески, безъ принужденія, развеселять и разбивать задуманныя его мысли, удалять его отъ людей печальныхъ, вывозить на увеселительныя позорища" и пр. Съ темпераментомъ надо сообразоваться не только въ физическихъ упражненіяхъ и въ выборѣ пищи, но также и въ способахъ нравственнаго вліянія на воспитанника. „Есть темпераменты, или сложенія (говорится въ предварительномъ объясненіи къ уставу Воспитательнаго дома), иные горячѣе, другіе холоднѣе: вотъ вся разность, съ которою натура производитъ людей. Умѣть первыхъ удерживать, другихъ поощрять — вотъ великое искусство воспитанія, потому что правила не инаковы быть могутъ какъ общественны, а степени сложеній безчисленно многообразны... При медленныхъ же успѣхахъ иныхъ не должно отчаиваться; ибо бываютъ умы,

которые не въ примѣръ позднѣе созрѣваютъ, но, пришедъ въ зрѣлость, превосходятъ прочихъ. Многіе, бывшіе даже въ совершенномъ возрастѣ съ тупыми понятіями, послѣ сдѣлались искусными и въ своемъ дѣлѣ великими людьми". Придавая такое значеніе физической сторонѣ въ воспитаніи, Бецкій пускался въ подробности и высказывалъ вещи крайне новыя и странныя для большинства тогдашняго общества; поэтому онъ, собираясь говорить о важности здоровой пищи и чистаго воздуха, предупреждаетъ своихъ читателей, что многіе поверхностные умы „почитаютъ подробности воспитанія не стоющими вниманія, упорствуютъ всѣмъ шутить" и готовы даже на колкости, лишь бы отстоять свои невѣжественные и ограниченные взгляды. „Но я дерзаю утверждать, — говоритъ Бецкій, — что никакое дѣло, а наипаче толь трудное и запутанное, не можетъ быть совершенно исполнено, если всѣ его и послѣднія мелкости не выработаны... и желаю лучше подвергнуться колкости, нежели обвинить себя въ совѣсти, что пропустилъ малѣйшее для пользы человѣчества и общества".

Физическое воспитаніе, укрѣпляя тѣло, способствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, развитію душевныхъ способностей, и для воспитателя является новая обязанность — направлять физическія упражненія такимъ образомъ, чтобы они имѣли образовательное вліяніе на душу ребенка. „Хотя физическая часть, — разсуждаетъ Бецкій, — укрѣпляетъ здоровье, безъ котораго человѣкъ не можетъ быть ни къ чему способенъ, однако безъ моральнаго оное будетъ только питаніе, или воскормленіе, а не воспитаніе. И для того приступимъ теперь къ попеченію о нравахъ. Прежде, нежели дойдемъ до объясненія одной душевной морали, надлежитъ сказать, что съ оною физика должна быть тѣсно связана и одна другой помогать. То еще не много, что человѣкъ здоровъ, если привыкъ къ лѣни и бездѣйствію. Какая польза въ жизни его, когда онъ наклоненъ всегда къ покою, къ нѣгѣ, и достоинъ ли жить, содѣлавшись лѣнивцемъ, тунеядцемъ, не находящимъ въ себѣ самомъ никакихъ способовъ и потому старающимся жить на счетъ другихъ, что производитъ всѣ пороки, не терпимые ни въ какомъ обществѣ. Кажется, что таковыхъ сама натура наказываетъ, ибо пребывающій въ безпрестанномъ спокойствіи портитъ кровь, цѣпенѣетъ и, наконецъ, погибаетъ". Здѣсь начинается въ воспитаніи новая часть, которую Бецкій называетъ *физико-моральной*

и въ основаніи ея кладетъ мысль, что „праздность — мать всѣхъ пороковъ, а трудолюбіе — отецъ всѣхъ добродѣтелей“. Какъ скоро дѣти начинаютъ сознавать свои дѣйствія („двухъ лѣтъ или около того, — сказано въ „Физическихъ примѣчаніяхъ“, — чувствительная въ дѣтяхъ происходитъ перемѣна: они начинаютъ понимать, разсуждать, помнить“ и пр.), всѣ старанія воспитателей должны быть устремлены къ тому, чтобы пріучать ихъ не только къ мастерствамъ и рукодѣльямъ, но какъ человѣка участь неизвѣстна, и онъ ко всему долженъ быть готовъ, то и ко всѣмъ домашнимъ и хозяйственнымъ работамъ, однако такъ, чтобы дѣти сами находили въ томъ удовольствіе, ибо все то отвратительно, что отягощаетъ“. Пріученіе это слѣдуетъ вести разумнымъ образомъ, смотря по лѣтамъ, силамъ и способностямъ дитяти. „Знать всему вѣсъ и мѣру, — осторожно замѣчаетъ при этомъ Бецкій, — кажется сіе слово самое простое; однако, если, прилагая мысль его ко всему, прилежно разобрать, то сіе только одно составляетъ весь разумъ человѣческій, и безъ того никто ничего съ успѣхомъ сдѣлать не можетъ, а наипаче воспитатели. Во всемъ прочемъ можно перевѣсить хотя и не безъ вреда, но въ человѣкѣ отъ того зависитъ счастіе и несчастье. Чтобы дѣти въ свободные часы отъ работъ и въ праздничные дни не чувствовали приманки къ спанью и лежанью, спальни ихъ запираются замками съ того времени, когда дѣти встанутъ и сами одѣнутся, до того, когда спать ложатся. Входъ же и выходъ должны быть настолько удобны, чтобъ дѣти могли отворять и затворять сами за собой двери, отправляясь въ то мѣсто, гдѣ на вольномъ воздухѣ для нихъ приготовлены разныя игры, которыя должны служить къ сильному тѣлодвиженію, какъ-то: бѣганье, скаканье, рытье рвовъ, дѣланье горъ зимой для катанья и все прочее, что разнообразіемъ можетъ возбуждать ихъ безпрестанное удовольствіе, такъ какъ юношество любитъ частыя перемѣны въ играхъ и занятіяхъ. Смотрители обязаны наблюдать, чтобы всѣ нужныя для игръ вещи находились готовыми на мѣстѣ и чтобы онѣ притомъ были сдѣланы прочно и не могли причинить вреда играющимъ дѣтямъ. Предводительствовать дѣтей въ играхъ также не надлежитъ (по словамъ Предварит. объясненія къ уст. Восп. дома), ибо по приказанію веселиться невозможно, а тѣмъ менѣе дѣтямъ, которымъ всякое принужденіе несносно; слѣдовательно, оставлять

сіе имъ на собственное произволеніе, примѣчая только, чтобы не было какой неблагопристойности“. Могутъ быть, — прибавлено къ этому, — изъ дѣтей и сложенія печальнаго (т.-е. меланхолическаго); сіе приставникамъ должно отъ нихъ, какъ отраву, отвращать; лучшій способъ къ тому есть тотъ, чтобъ они сами были всегда веселаго духа и старалися, съ ласкою и благопріятствомъ, такихъ соединять съ рѣзвыми и игривыми“. Быть можетъ, говоритъ Бецкій, въ заключеніи физико-моральной части, не вникающему въ существо воспитанія покажется нестоящимъ о томъ и говорить; но тѣмъ не менѣе дѣтскія игры и рукодѣлья, разумно устроенныя, не только укрѣпляютъ здоровье и умножаютъ физическія силы, но пріучаютъ также къ трудолюбію, питаютъ бодрость и веселость духа, искореняютъ злоумышленія и коварства, происходящія между дѣтьми отъ праздности и, наконецъ, соединяя дѣтей въ общихъ забавахъ, располагаютъ ихъ къ дружескимъ чувствамъ и служатъ къ выраженію природныхъ способностей, о чемъ необходимо знать воспитателямъ. Согласно съ этими мыслями, въ уставѣ кадетскаго корпуса предписано воспитателямъ: „дѣлать прилежно опыты склонностямъ питомцевъ, дабы узнать, кто къ которому званію способнѣе — къ воинскому ли, или гражданскому. Подъ опытами разумѣется то, чтобъ въ разныхъ родахъ наукъ и экзерцицій примѣчать, къ чему точно они способны окажутся во время гулянья, забавъ и при другихъ случаяхъ... для того стараться, дабы всѣ игры и гулянья служили имъ и въ пользу, и въ увеселеніе, и оставлять имъ благопристойную вольность выбирать оныя по своимъ лѣтамъ, такъ чтобы самыя забавы не казались имъ должностью. Симъ способомъ спознавать ихъ склонности, дабы тѣмъ удобнѣе употребить оныя въ пользу“.

За частью физико-моральною слѣдуетъ *душевная мораль* или *нравоученіе*, которому отведено самое почетное мѣсто въ педагогической системѣ Бецкаго. Приступая къ объясненію этой важнѣйшей части, Бецкій дѣлаетъ прежде всего слѣдующую оговорку: „Здѣсь не должно разумѣть мораль школьную, по которой люди, не исправляяся, выученное наизусть такъ добродѣтельно говорятъ и такъ порочно поступаютъ. Зная, что не все то до сердца доходитъ, что разумъ понимаетъ, здѣсь должно быть нравоученію самому естественному, а именно, во-первыхъ, *удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя*

тѣнь порока имѣетъ“ (См. Предв. объясн., стр. XII—XIII). „На сіе-то, — продолжаетъ онъ, — надлежитъ устремлять весь свой разумъ, какъ на самое труднѣйшее и важнѣйшее дѣло для составленія истиннаго благонравія, *ибо безъ сего всѣ наставленія никуда не годятся*“. Но тутъ представлялось новое возраженіе, которое Бецкій оспариваетъ, впрочемъ довольно слабо: „Быть можетъ, спросятъ, какимъ же образомъ предостеречься отъ зла, его не зная? и можно ли гнушаться порокомъ, когда неизвѣстно, что онъ такое? Сей вопросъ подобенъ тому, что если бы человѣкъ безпрестанно наслаждался при солнечномъ сіяніи зрѣніемъ однѣхъ красотъ натуры, не видя ея безобразій, — не ужаснулся ли бы онъ, когда бы вдругъ настала мрачная и ненастливая ночь? Конечно болѣе, нежели тотъ, который уже привыкъ“. Средствомъ къ устраненію отъ порока служило закрытое воспитаніе.„ Во-вторыхъ, какъ еще мало только не знать порочного, а надлежитъ быть добродѣтельнымъ, полезнымъ и угоднымъ обществу, и какъ въ гибкихъ и чувствительныхъ сердцахъ юношества всякое дѣйствіе видимое сильно впечатлѣвается, то надлежитъ въ дѣтей обоего пола вкоренить живыми, ихъ воспитателей и смотрителей, примѣрами, которые всякой словесной морали дѣйствительнѣе, все то, что нужно для благонравія, какъ то: чувствительность благодарности, ибо неблагодарный не достоинъ никакихъ благодѣяній, почтеніе къ начальникамъ, дружелюбіе, откровенность, благопріятность къ равнымъ, снисхожденіе и человѣколюбіе къ меньшимъ, бережливость, опрятность, чистоту, угодливость, учтивость, терпѣніе, трудолюбіе и прочія добродѣтели, которыя въ жизни столько же необходимы, какъ и сама жизнь, и безъ чего никто недостоинъ носить имя человѣка. Паче же всего истреблять въ нихъ гордость и высокомѣріе, показывающія слабодушіе и въ счастливыхъ людяхъ, а пагубныя для сиротъ. Наконецъ, какъ человѣкъ, вообразившій слишкомъ высоко о себѣ, не можетъ не только никогда достигнуть ни до чего, но и себя теряетъ, то внушать въ нихъ столько самолюбія, дабы, *не думая никогда, что уже совершенны, старались они часъ отъ часу лучше быть*. Сіе весьма удобно произвести поселеніемъ между ними соревнованія чрезъ похвалы и награжденія, свойственныя и безпристрастныя. Должно сказать, что только разумно управляемое воспитаніемъ чести желаніе, котораго сѣмена врождены въ сердцѣ каждаго человѣка, даетъ душѣ

крылья, возносящія ее до той степени, до которой достигнуть можетъ. На семъ правилѣ благовоспитаннымъ, въ случаѣ ихъ проступковъ, наказаніе однимъ выговоромъ или охужденіемъ несравненно дѣйствительнѣе всякихъ свирѣпостей, которыя, никогда не исправляя, только ожесточаютъ, приводятъ духъ въ застѣнчивость, въ робость, дѣлая подлыми, коварными, унижаютъ до чреды животныхъ и лишаютъ здравія и всѣхъ способностей".

Итакъ, „живой примѣръ" есть главная дѣйствующая сила въ моральномъ воспитаніи: отъ него зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ всего дѣла. Бецкій отлично понималъ рѣшительное вліяніе обстановки на дѣтскій возрастъ, и хотя та же мысль промелькнула прежде у Н. И. Панина, въ его планѣ обученія наслѣдника, но далеко не съ такою полнотою и отчетливостью. Къ родителямъ, не признающимъ этого вліянія, Бецкій обращался съ горькою укоризною: „Имѣя крѣпостныхъ людей, не думаетъ онъ (отецъ семейства), чтобъ они полезны и надобны были къ иному чему, кромѣ обыкновенной въ домѣ службы, либо за нимъ ѣздить. Утверждаютъ при томъ смѣло, что наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, имъ не только не потребно, но еще неполезно и вовсе ненадобно. Въ заключеніе суровымъ голосомъ скажетъ: *„не хочу, чтобъ философами были тѣ, кои мнѣ служить должны!"* Коль бѣденъ человѣкъ, такимъ образомъ ослѣпившійся. Иль того ты не видишь, что тотъ самый крѣпостной, котораго ты столь презираешь и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, первый будетъ наставникъ твоему сыну, въ которомъ однакожъ ты все свое полагаешь благополучіе и всю надежду. Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная — первый будетъ наперсникъ или наперсница, первый другъ или подруга сыну твоему или дочери твоей. Дѣти твои, коихъ ты любишь, какъ утробу свою, напитаются съ первымъ млекомъ, въ первые годы возраста, всѣми пороками, всею грубостью, всѣми худыми разговорами отъ сихъ рабовъ, которыхъ столь гордо и столь надменно пренебрегаешь. Дѣти твои будутъ у нихъ въ рукахъ и въ полной власти до самаго времени юношества и далѣе. Отъ сообщества съ ними наслѣдствуютъ они невѣжество, свирѣпство, развратные нравы; въ ихъ мысли вперяются разсказы тѣмъ гнуснѣйшіе и тѣмъ опаснѣйшіе, чѣмъ величавѣе и суровѣе поступаешь съ рабами. Такіе-то плоды пріобрѣтаетъ

человѣкъ, воспитанный тамъ, гдѣ глупость и коварство, гдѣ общества подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормилицъ и безстыдныхъ служанокъ обитаютъ. Жалуются непрестанно, что несчастныхъ имѣютъ дѣтей, не оказывающихъ почтенія родителямъ, ненавидящихъ всякое наставленіе и трудъ, праздныхъ, живущихъ въ нечистотѣ и утопающихъ въ пьянствѣ или звѣрскомъ буйствѣ. Отецъ (говорю о разумномъ, потому что многіе родители и того не чувствуютъ) болѣзнуетъ непрестанно о своемъ сынѣ, всему полагаетъ причиною *злую природу* бѣднаго сего юноши, думаетъ, что родился подъ худою планетою. Смѣшная мечта, съ давняго времени за справедливую почитаемая; но никогда въ мысль ему (отцу) не приходитъ, что сіе отъ того единственно произошло, когда у сихъ дѣтей подлые рабы первыми учителями, сверстниками и друзьями были и вкоренили въ ихъ сердце и разумъ то, что ему толь горестно кажется". (См. уставъ Моск. Восп. дома, ч. III, гл. VI, стр. 225—8).

По этимъ соображеніямъ, особенно справедливымъ въ примѣненіи къ русскому быту, Бецкій много заботился о томъ, чтобы дурныя нравственныя вліянія не проникали въ училища, созданныя по его плану. Въ уставѣ кадетскаго корпуса было запрещено кадетамъ держать свою собственную крѣпостную прислугу, что дозволялось имъ въ прежнее время. Всѣ воспитатели, учителя и даже простые служители, съ своимъ начальникомъ во главѣ, должны были образовать, по мысли Бецкаго, какъ бы одну любящую семью, въ которой жилось бы привольно и хорошо всѣмъ воспитываемымъ дѣтямъ. Главный надзиратель Воспитательнаго дома, такъ же точно, какъ генералъ-директоръ корпуса и начальница Смольнаго института, должны были служить образцомъ кроткаго и человѣколюбиваго обращенія, чтобы ихъ подчиненные, „служили съ удовольствіемъ, а вышедши, вспоминали бы объ нихъ съ похвалою". Не только съ воспитателями и учителями, но и съ комнатными служителями, „кои родились и воспитаны въ рабствѣ", начальники должны поступать, „пріятно, ласково и съ учтивствомъ, дабы такое обхожденіе поверженный ихъ духъ возвышало и чрезъ то бы въ благополучіе себѣ вмѣняли быть въ семъ домѣ". „Какое изящество, какая добродѣтель, *какое* праводушіе могутъ произрасти въ сердцахъ сиротъ нашихъ (т.-е. дѣтей Восп. дома)—спрашиваетъ Бецкій—когда съ тѣми,

коихъ они родителями себѣ по справедливости признаютъ и почитаютъ, поступать будутъ какъ съ *невольниками?* Главный надзиратель Восп. дома (человѣкъ несвоенравный, правдолюбивый и вольномыслящій, по требованію устава) долженъ былъ и кругомъ себя водворять ту же атмосферу нравственной свободы и независимости; директоръ корпуса, какъ человѣкъ военный, могъ быть нѣсколько строже, но и ему вмѣняется въ обязанность соединять „строгость съ пріятностью" и не дѣйствовать на своихъ подчиненныхъ однимъ „вредительнымъ страхомъ". Только въ крайнемъ случаѣ прямого нарушенія обязанностей позволялось начальнику отрѣшать отъ должности подчиненнаго или дѣлать ему строгіе выговоры и замѣчанія; но и тутъ строгія мѣры сопровождались въ уставѣ разными оговорками, съ цѣлью положить предѣлъ произволу начальниковъ. „Строгость и твердость, — говорится въ уставѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ, — суть *иногда* великія добродѣтели; но бываютъ временно и такіе случаи, въ коихъ требуется особливое искусство, чтобъ оныя согласить съ порядкомъ и тишиною во всемъ училищѣ". Если начальствующія лица и воспитатели будутъ сами удовлетворять всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ нихъ по уставу, то вліяніе ихъ на воспитанниковъ принесетъ громадную и вѣрную пользу. Бецкій не ставитъ даже никакихъ границъ этому вліянію, злой природы въ дѣтяхъ онъ не признаетъ вовсе, и потому дурной результатъ воспитанія въ заведеніи, устроенномъ по его плану, падаетъ исключительно и безраздѣльно на голову воспитателей. „Направленія сердца и разума къ добродѣтели, — говоритъ онъ въ уставѣ коммерческаго училища, — не инако достигнуть можно, какъ во всю ихъ бытность въ училищѣ никогда не дать такого случая ни видѣть, ни слышать, чтобъ могло произвесть худыя впечатлѣнія... При таковомъ стараніи и наблюденіи, когда худы будутъ воспитанники, т.-е. своенравны, сердиты, упрямы и прочіе имѣя отвратительные поступки, то *вина почесться должна буйству и нерадѣнію начальниковъ,* воспитателей, мастеровъ (т.-е. учителей), а не дѣтей; сіе на практикѣ каждому доказать легко". Но хотя всѣ наставленія безполезны, „когда приставники сами не окажутъ примѣровъ исполненія честностью своею, скромностью и трезвостью", хотя „въ особѣ ихъ и въ ихъ поступкахъ представляются питомцамъ всѣ нравоучительныя книги", но все-таки Бецкій, не выдержавъ на этотъ

разъ послѣдовательности, совѣтуетъ завести и нравоучительныя книжки, и даже моральныя надписи на стѣнахъ въ такомъ духѣ: 1) не дѣлай зла и не досаждай никому; 2) не вреди никакому животному и не озлобляй его; 3) не лги; 4) не будь празденъ. Полезность нравоучительной книжки Бецкій доказываетъ тѣмъ, что „общество людей дѣйствуетъ больше отъ подражанія, нежели отъ разсужденія и сравненій умственныхъ“, и что всякій „полагается на одно то утвердительное правило, которое извѣдалъ и призналъ за полезнѣйшее“. Такими-то правилами должны были явиться для каждаго юноши правила, изложенныя въ нравоучительной книгѣ, которую надо писать не теоретически, но просто, *явственно* и ощутительно для дѣтей. Въ этомъ проектируемомъ руководствѣ предполагалось объяснить юношамъ, въ ясныхъ и понятныхъ выраженіяхъ, всѣ главнѣйшія обязанности человѣка — религіозныя, семейныя и общественныя. Изложеніе религіозныхъ обязанностей проникнуто въ планѣ Бецкаго деистическимъ взглядомъ, заимствованнымъ у европейскихъ писателей; не останавливаясь совсѣмъ на догматической сторонѣ, Бецкій налегаетъ, главнымъ образомъ, на то, что предписанія добродѣтели, разумно понятыя, совпадаютъ съ пользою и собственнымъ благополучіемъ отдѣльнаго индивидуума, и что, дѣлая полезное и потребное обществу, человѣкъ тѣмъ самымъ угождаетъ верховному существу. Обязанности къ семейству и къ обществу выводятся также эмпирически изъ того положенія, что всѣ нужды человѣка не могутъ быть удовлетворены имъ самимъ, безъ помощи и сочувствія другихъ людей. Наши первыя нужды удовлетворяются родителями, которые дѣлаются такимъ образомъ нашими первыми благодѣтелями и наставниками. „Но понеже самыя тѣ же нужды умножаются ежедневно, чѣмъ ближе приходимъ въ возрастъ мужества, а умножаются еще больше, когда къ старости преклоняемся: слѣдуетъ, что нужно намъ *правосудіе* для сохраненія своего *имѣнія, чести, счастья и жизни* (курс. въ подлин.). Нужда имѣть мудраго вождя есть самая большая и важнѣйшая. Безъ его законовъ, безъ его попеченія, безъ его домостроительства, безъ его правосудія растерзали бы насъ дикіе звѣри въ жилищахъ нашихъ, не было бы у насъ свободныхъ дорогъ, ни земледѣлія, ниже другихъ художествъ, жизни человѣческой потребныхъ, не считая множества выгодъ, коими пользуемся и безъ ко-

торыхъ бы жить не могли“. Но нравственная солидарность между людьми распространяется и за предѣлы ихъ отечества: она связываетъ между собою общностью мыслей и интересовъ не только гражданъ одной земли, но всѣ націи и государства. Поэтому Бецкій предписывалъ „внушать питомцамъ, что каждый особливо и мы всѣ вообще принимаемъ участіе въ заключеніи, отъ котораго страждутъ ближніе наши сосѣди и единоземцы, не меньше же и въ томъ несчастіи, которому *чужія государства* подвергаются отъ потопа, опустошающаго поля, отъ моровего повѣтрія, отъ пожара, цѣлые города въ пепелъ обращающаго и проч. Хотя не прямо ввергаемся мы въ сіи несчастія, но въ послѣдующее время, по обстоятельствамъ, взаимно сопрягающимся, и мы принимаемъ участіе въ семъ разореніи и ущербѣ. Разумѣть имъ должно, что мы обязаны помогать и пользу приносить друзьямъ нашимъ, согражданамъ и единоземнымъ; ибо со всѣми поступать надобно, какъ съ братьями. Когда признаемъ, что мы участіе имѣемъ въ злоключеніяхъ единоземныхъ и сосѣдей нашихъ, надобно признавать, что равномѣрно участвуемъ и въ благополучіи, коимъ они пользуются. Потому и употреблять мы должны всѣ силы быть для нихъ полезными, ибо, трудясь о ихъ благоденствіи, трудимся купно и о своемъ“. Нельзя не замѣтить, что и это правило, сильно ограничивая всепоглощающій національный эгоизмъ во имя общечеловѣческихъ интересовъ, весьма благоразумно само въ себѣ; но, высказанное отвлеченно, безъ фактовъ и въ видѣ афоризма, оно врядъ ли могло принести всю ту пользу, на которую разсчитывалъ Бецкій. Изъ всего вышесказаннаго вытекаютъ четыре главнѣйшія добродѣтели: 1) страннопріимство, 2) миролюбіе, 3) терпѣніе и 4) непрерывные труды съ пріобрѣтаемымъ отъ нихъ искусствомъ. Каждый видъ добродѣтели объясняется въ проектѣ книжки посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Любопытенъ отвѣтъ на вопросъ: что есть *терпѣніе?* „Въ обществѣ, гдѣ мы находимся или гдѣ жить принуждены, есть по несчастью люди развратнаго поведенія, испорченныхъ нравовъ, легкомысленны, звѣрообразны, неистовы въ словахъ, въ поступкахъ и въ коварныхъ разговорахъ своихъ такъ нахальны и злы, что родилися, кажется, только для произведенія вражды въ обществѣ и для истребленія онаго. Примѣръ: кто слышитъ крикъ лютаго звѣря или бѣшенаго человѣка, ума лишившагося, тотъ,

конечно, отъ нихъ удаляется: равномѣрно убѣгать должно и сихъ людей, отъ человѣчества отрекшихся. Ежели намъ сего учинить не можно для того, что мы принуждены необходимо жить съ ними въ одномъ домѣ, путешествовать и пр., въ такомъ случаѣ должно имѣть терпѣніе, спокойно сносить всѣ приключенія и слѣдовательно быть совершенно *терпѣливыми.* Такимъ же образомъ поступать со всѣми, коихъ мнѣнія съ нашими не сходствуютъ, которые инако думаютъ въ дѣлахъ до гражданства, до всей жизни человѣческой и наипаче до вѣры касающихся. Ежели услышишь самоѣда, хвалящагося язычествомъ, татарина — магометанствомъ и прочихъ, полагающихъ непорочность въ своей вѣрѣ: сноси, не противоборствуй ни словами, ни дѣломъ, будь терпѣливъ; *ни малѣйшаго права не имѣешь управлять разумомъ другого: онъ такой же человѣкъ, какъ и ты*". Здѣсь выказалась въ довольно опредѣлительной формѣ идея вѣротерпимости, уже распространенная тогда между многими мыслящими людьми въ Европѣ, благодаря въ особенности раціональному направленію литературы.

Мы говорили уже, что Бецкій придавалъ всесильное значеніе доброму примѣру воспитателей и ихъ нравственному вліянію на дѣтей; изъ этого само собою слѣдуетъ, что онъ не могъ признавать и дѣйствительно не признавалъ никакой пользы за строгими наказаніями, съ помощью которыхъ старые рутинеры вбивали въ головы своихъ питомцевъ и науку, и дисциплинарныя правила. „Ежели съ младенчества поступятъ съ такимъ предусмотрѣніемъ и осторожностью, какъ узаконено, — говорится въ главѣ о *наказаніяхъ,* употребительныхъ въ Воспит. домѣ, — есть надежда, что наказанія будутъ весьма рѣдки и безполезны". Чтобы предохранить дѣтей отъ мелочныхъ и придирчивыхъ внушеній начальства, Бецкій даетъ воспитателямъ кадетскаго корпуса весьма мудрый и практическій совѣтъ: „Хотя рѣдко примѣчено, однако весьма вѣроятно, что у *дѣтей, во всякомъ возрастѣ, особливыя бываютъ свойства, мысли и разговоры.* Если кто наказываетъ ихъ за всякія погрѣшности, шутки и неосторожности, какъ обыкновенно дѣлаютъ угрюмые педанты, тотъ либо не имѣетъ о сей вещи понятія, либо хочетъ ихъ погубить и сдѣлать имъ жизнь несносною. Если дитя воспитываемо въ непрестанной неволѣ и всегда понуждаемо будетъ наблюдать маловажныя правила, — вселится въ немъ ненависть къ повиновенію... Словомъ, над-

лежитъ истребить всѣ мелочныя или пустыя наставленія... малыхъ ошибокъ, кои происходятъ отъ молодости, важными никогда не признавать, ниже выговаривать за оныя. *Худую имѣлъ бы я о десяти или двѣнадцатилѣтнемъ дитяти надежду, если бы оно столько же постоянно, тихо и осторожно было, какъ человѣкъ тридцати лѣтъ*". Противъ тѣлеснаго наказанія Бецкій возстаетъ съ рѣзкостью, объясняемой крайнимъ злоупотребленіемъ училищной власти. „Не должно никогда, — говоритъ онъ, — кадета бить шпагою или фухтелемъ. Сіе толь вредительное злоупотребленіе происходило прежде. Кто не видитъ, что жестокое сіе наказаніе отнюдь не прилично нѣжному ихъ возрасту... Болѣзненное сіе наказаніе, производя ужасъ, заражаетъ чувствія. Благородную душу должно воздерживать опасеніемъ пренебреженія или безчестія, а не страхомъ тѣлеснаго или вредительнаго наказанія". (См. Разсужд. объ установл. кад. корпуса, ч. I, гл. VIII). „Тѣлесныя наказанія — читаемъ въ уставѣ Восп. дома, — крайне запрещаются и надъ самыми нижными служителями, дабы юношество не пріобучить къ суровости". Людей, прибѣгающихъ къ такимъ мѣрамъ, Бецкій называетъ „угрюмыми, развратно живущими, въ страстяхъ и порокахъ утопающими". Вмѣсто побоевъ и розогъ Бецкій разрѣшаетъ, въ случаѣ необходимости, слѣдующія исправительныя мѣры: 1) заставлять дѣтей одинъ или два часа, смотря по лѣтамъ, стоять на одномъ мѣстѣ, ни на что не опираясь; 2) не пускать съ другими гулять; сіе весьма чувствительно дѣтямъ, ибо отъ природы не любятъ покоя и насилія, что и доказывается въ молодыхъ животныхъ; 3) дѣлать выговоръ наединѣ, побуждая къ раскаянію; 4) пристыжать публичнымъ выговоромъ; 5) хлѣбъ и вода на 12 или на 24 часа сносны для возраста отъ 5 до 10 лѣтъ; 6) смотря по ихъ возрасту, заставлять и поститься, т.-е. лишать завтрака, иногда и обѣда, но никогда не отымать ужина". Подобныя же наказанія были введены и въ кадетскомъ корпусѣ и къ нимъ прибавлены еще: 1) стоянье въ классѣ на колѣняхъ и 2) нарядъ въ караулъ на нѣсколько времени. Но и въ этихъ наказаніяхъ Бецкій желалъ умѣрить, сколько возможно, произволъ воспитателей; съ этою цѣлью онъ предписалъ составить „краткое сочиненіе", въ которомъ подробно опредѣлялись бы наказанія за лѣность, кражу, обиду и пр. Не приступая еще къ наказанію, воспитатель долженъ былъ объяснить на

словахъ виноватому, какъ его вину, такъ и соотвѣтствующее ей наказаніе, чтобы дѣти знали, „что не по пустому воображенію, не по прихоти и не по страсти, но праведно осуждаются отъ начальниковъ своихъ и наказываются силою устава“. Строгость, употребленная не по важности вины, бываетъ (по словамъ институтскаго устава) обыкновенно *поводомъ къ преступленію,* совершенно опровергаетъ порядокъ добраго воспитанія и приводитъ въ уныніе питомца, коего ожесточившееся тѣмъ сердце отвратится отъ своего воспитателя“. Кромѣ того запрещалось совершать наказаніе или дѣлать выговоры въ моментъ личнаго раздраженія. Всѣ эти человѣколюбивыя правила приходились, конечно, далеко не по сердцу большей части тогдашнихъ педагоговъ, привыкшихъ къ ежедневному избіенію младенцевъ, по правилу Домостроя: „аще жезломъ біеши сына, не умретъ, но здравъ будетъ“. Подобные воспитатели, оставшись совсѣмъ безъ практики, обращались къ Бецкому съ просьбою возстановить тѣлесныя наказанія. Бецкій гналъ вонъ отъ себя такихъ просителей, но зато онъ умѣлъ цѣнить и награждать людей, дѣйствительно способныхъ выполнить его гуманныя предписанія. Для хорошихъ воспитателей онъ совѣтуетъ *не щадить денегъ,* такъ какъ они убытку приносятъ меньше, нежели худые, не взирая, что сіи и малымъ довольствоваться могутъ“.

Возвысивъ значеніе моральнаго воспитанія, Бецкій оттѣснилъ на задній планъ дидактику, или *обученіе,* которому не придавалъ почти никакой цѣны. Воспитатели въ его заведеніяхъ и по классу должности, и по жалованью, стояли выше учителей: они были главными дѣйствующими лицами и руководили всѣмъ ходомъ воспитанія, тогда какъ роль учителей была до послѣдней степени маловажная и ограниченная. Здѣсь Бецкій повторилъ ошибку тѣхъ писателей, у которыхъ заимствовалъ свои основные взгляды. Наука являлась для него чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ воспитанія, какимъ-то случайнымъ и ненадежнымъ подспорьемъ нравственности; иногда эта наука ведетъ къ добру, но „во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце не вкоренены“, — какъ будто сама добродѣтель не видоизмѣняется, не становится чище и выше, смотря по степени умственнаго развитія. Воспитательное значеніе науки было не

вполнѣ ясно для Бецкаго: онъ не видѣлъ тѣсной связи между нею и тѣми нравственными идеями, которыя предписывалъ внушать своимъ питомцамъ. Но и не видя этой связи (заблужденіе общее всѣмъ лучшимъ писателямъ того времени), Бецкій высказалъ много прекрасныхъ замѣчаній о характерѣ и способахъ обученія. Прежде всего нападаетъ онъ на принудительный элементъ въ обученіи: „надлежитъ или отрещись отъ воспитанія, или дѣтей вести, такъ сказать, играя и съ пріятностью. А паче всего, внушая вкусъ къ чтенію, открывать истинный путь природному разуму, который, если умѣютъ давать ему свободу самому дѣйствовать, летитъ на крыльяхъ; когда же налагаютъ на него бремя педантической методы, то едва двигая ползетъ. Сіе можно доказать несмѣтными примѣрами: какое множество на свѣтѣ ученыхъ и сколь мало прямо разумныхъ! Нѣкоторый изъ славныхъ писателей говоритъ: „многоученіе, а особливо безмѣрное, наизусть, слишкомъ наполняя умъ мелочами, лишаетъ его природной силы. Тогда ученый, не столько на здравый разсудокъ, сколько на свою память надѣяся, все знаетъ, что другіе думали, а самъ ничего не умѣетъ мыслить. Къ сему должно присоединить, что отъ упорства слѣдовать издревле принятой методѣ, всѣмъ безъ мѣры и безъ вѣса навьючивать умъ, которая кажется потому только хороша, что старинная, *бываетъ часто къ стыду своему профессоромъ родившійся быть ремесленникомъ*“ (См. Предвар. объясн., стр. XIX). „Если учители, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — будутъ поступать съ благоразуміемъ и наставлять питомцевъ своихъ съ любовью и ласкою, если учить ихъ станутъ больше разговорами и разсужденіями, нежели заставляя безпрерывно сидѣть надъ урокомъ въ принужденномъ и здоровью ихъ вредительномъ наклоненіи, то юношество окажетъ великіе во всемъ успѣхи, что только отъ возраста его требовать можно. Отвергнемъ на часъ грозный и повелительный взглядъ и голосъ учителей и дядекъ, увидимъ съ удовольствіемъ, какъ дитя подражаетъ намъ поступками, разговоромъ и самымъ произношеніемъ. Паки подтверждаю: все зависитъ отъ удачнаго выбора начальствующихъ и учителей, одаренныхъ здравымъ разумомъ и благонравіемъ, а не заразившихся надутымъ видомъ и угрюмостью“. Всѣ эти совѣты были, безъ сомнѣнія, не лишними въ то время, когда наши доморощенные педагоги старались всѣми силами

доказать, *что корень ученія горекъ,* да и плоды-то не особенно сладки... По различію умственныхъ способностей Бецкій дѣлилъ сиротъ Восп. дома на три категоріи, и изъ нихъ только самые бойкіе мальчики приготовлялись въ Академію художествъ и въ Московскій университетъ, остальные же (наибольшее число) предназначались къ ремесленнымъ трудамъ разнаго рода. Всѣ науки должны были преподаваться на русскомъ языкѣ; этого желалъ Бецкій, приводилъ къ тому основательные резоны, и если намѣреніе его плохо осуществлялось, напр. въ Смольномъ, то виною былъ не онъ, а недостатокъ учителей изъ русскихъ, которымъ можно было бы поручить преподаваніе. Обученіе письму слѣдовало начинать уже тогда, когда дѣти пріобрѣтутъ навыкъ въ рисованіи: „писать и изображать цыфирь легко уже покажется имъ, какъ скоро свободно рисовать начнутъ". При этомъ учащіе должны показывать, какъ держать карандашъ и перо въ рукѣ, какъ бумагу и руки класть безъ принужденія, и въ какомъ положеніи слѣдуетъ быть тѣлу, чтобы насильственная и неловкая поза не разслабляла понапрасно ребенка и не повредила его здоровью. Въ дальнѣйшемъ обученіи Бецкій предписывалъ держаться правила Монтеня: что „истинному для юношества наставленію должно входить ушами, подобно какъ бы въ него вливалося, но потеряны будутъ и труды, и время, если непрестанно читать и наизусть учить станутъ". Обязанность *директора наукъ* (котораго должно отличать отъ генералъ-директора, какъ главнаго начальника заведенія) состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы распредѣлять уроки въ Кадетскомъ корпусѣ и „предписывать легчайшіе способы къ обученію". Практичность и наглядность преподаванія — вотъ главныя требованія отъ учителя. Такимъ образомъ, иностраннымъ языкамъ требовалось обучать „паче употребленіемъ, нежели твердженіемъ грамматики"; ариѳметикѣ и геометріи — больше опытами на твердыхъ тѣлахъ, нежели чертежами. Не приступая еще къ географіи, слѣдовало дать понятіе дѣтямъ о движеніи небесныхъ тѣлъ посредствомъ прибора, изобрѣтеннаго Мушенброкомъ, въ которомъ отъ придѣланнаго поворота ясно видно движеніе планетъ около солнца. Географіи дѣти обучались на большомъ глобусѣ, а не по картамъ; въ то же время проходили они и исторію въ сокращенномъ очеркѣ, примѣняясь къ географическимъ описаніямъ (Разсужд. о установл. кадет.

корп., ч. 2, гл. II). Преподаваніе Закона Божія также подчинялось общему правилу — не обременять память дѣтей безполезнымъ заучиваньемъ, но содѣйствовать, по возможности, ихъ нравственному развитію, возбуждая въ нихъ добрыя и человѣческія чувства. Если учитель увидитъ, что одинъ или два ученика особенно успѣваютъ въ его предметѣ, то онъ долженъ поручать имъ обученіе товарищей; отчего между нами появится соревнованіе, а учитель „увидитъ съ удовольствіемъ и въ другихъ ученикахъ успѣхи, и себѣ облегченіе получитъ". Чтобы возбудить это соревнованіе въ еще большей степени, въ послѣднихъ двухъ возрастахъ Кадетскаго корпуса раздавались, послѣ экзамена, достойнѣйшимъ ученикамъ золотыя и серебряныя медали различной величины. Мы видѣли уже, что цѣль нравственная (сообщеніе человѣколюбивыхъ понятій) совпадаетъ, при обученіи Закону Божію, съ цѣлью дидактической (знаніе священной исторіи и догматовъ церкви); но такое совпаденіе является случайнымъ и одинокимъ въ системѣ Бецкаго: оно допускается только потому, что здѣсь уже слишкомъ очевидна связь между фактомъ и нравственнымъ выводомъ, тогда какъ въ другихъ учебныхъ преметахъ связь эта требуетъ проницательнаго изслѣдованія и не бросается такъ рѣзко въ глаза. Столько же случайно должности *учителя* и *воспитателя,* раздѣленныя такъ, что одинъ можетъ совсѣмъ обойтись безъ помощи другого, — сближаются между собою въ одномъ пунктѣ устава. Основаніемъ къ сближенію служитъ *добрый примѣръ* — мотивъ, которому придается такое рѣшительное значеніе въ нравственномъ воспитаніи. „Вкусъ къ ученію, — говорится въ Физич. примѣчаніяхъ, — могутъ дѣти получать скорѣе отъ добраго примѣра и отъ обхожденія съ благоразумными людьми, нежели отъ руководства учителей, развратно живущихъ. Часто случается, что дѣти сверхъ чаянія *сами собой* пріобрѣтаютъ знанія только оттого, что видятъ и слышатъ, а что сами дѣлаютъ, о томъ размышляютъ и у другихъ спрашиваютъ". То-есть, по мнѣнію Бецкаго, естественное любопытство, развиваясь постепенно въ ребенкѣ, само побудитъ его обратиться къ учителю за разъясненіемъ возникающихъ вопросовъ; важно только, чтобы учитель не оттолкнулъ его отъ себя своимъ грубымъ и непривѣтливымъ обхожденіемъ. О развитіи этой естественной любознательности должны были заботиться и воспитатели, которые стоятъ ближе другихъ

къ дѣтямъ и имѣютъ больше возможности привлечь къ себѣ ихъ любовь и довѣріе. „Дѣти — гласитъ Генер. планъ Восп. дома — какъ новые путешественники въ мірѣ, когда только насиліемъ не угнетаются, отъ природы и подражанія, обыкновенно любопытствуютъ знать все, что видятъ и слышатъ. Польза требуетъ, чтобы воспитатели отвѣтствовали на всѣ ихъ вопросы; но важность состоитъ, чтобы въ семъ случаѣ наставляли благоразумно, основательно и съ ясностью, дѣтскому понятію приличною. Можно во время гулянья приводить ихъ къ различнымъ предметамъ, дабы чрезъ то умножать въ нихъ любопытство“ (Ч. III, гл. IX). Всѣ эти совѣты и замѣчанія не лишены основательности; но такъ какъ ученіе занимало послѣднее мѣсто въ Генеральномъ планѣ Восп. дома, а директору Корпуса предписывалось наблюдать, чтобы „прилежаніе къ наукамъ было умѣренное“, то легко сообразить, что эта часть не могла особенно процвѣтать въ заведеніяхъ Бецкаго. Правило „учить играючи“ весьма полезно для перваго возраста, когда воспитателю приходится поддерживать и осторожно развивать зарождающуюся любознательность ребенка; но съ теченіемъ времени въ это дѣло долженъ необходимо привзойти новый элементъ — самостоятельнаго труда, безъ котораго ни одна наука не можетъ быть усвоена вполнѣ прочно и сознательно. Для этого труда не было мѣста въ дидактической теоріи Бецкаго, и дурные результаты такого взгляда скоро обнаружились. Небрежности и упущенія стали замѣтны въ преподаваніи; къ 1784 г. они усилились уже до такой степени, что напр. въ Кадетскомъ корпусѣ, ни въ одномъ возрастѣ, не проходился вполнѣ учебный курсъ, назначенный по уставу. Комиссія училищъ, занимавшаяся въ это время пересмотромъ и исправленіемъ учебныхъ программъ, нашла, что въ первомъ возрастѣ „по причинѣ слабости понятія дѣтей“ были выпущены Законъ Божій и нѣмецкій языкъ; во второмъ возрастѣ — географія, исторія, геометрія и славянскій языкъ; въ третьемъ возрастѣ не преподавалась военная и гражданская архитектура „по незнанію ариѳметики и геометріи“, а бухгалтерія — по незнанію ариѳметики. Такимъ образомъ, цѣпляясь одинъ за другой, откладывались учебные предметы до послѣдняго возраста, а тамъ или проходились кое-какъ, или совсѣмъ упускались изъ виду. То же самое найдено было, годомъ раньше, и въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ; только стараніями Ян-

ковича де-Миріево учебная часть въ обоихъ заведеніяхъ была приведена въ нѣкоторый порядокъ (См. Янков. де-Мир., стр. 42). Впрочемъ, когда случились эти большія неисправности, Бецкій былъ уже дряхлъ и потерялъ свою прежнюю энергію; вскорѣ послѣ того (а именно въ 1786 г.) онъ и совсѣмъ оставилъ Шляхетный кадетскій корпусъ. Все сказанное здѣсь о воспитаніи Бецкій примѣнялъ, съ нѣкоторымъ различіемъ, какъ къ мужскому, такъ и къ женскому полу — и въ этомъ заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ его реформы. Положимъ, что воспитанницы Смольнаго не выносили оттуда ни особенныхъ познаній, ни блистательнаго развитія; но ими началось въ Россіи женское образованіе, противъ котораго всего дольше и усерднѣе воевали защитники доброй старины. Петръ Великій нарушилъ гаремное заключеніе женщинъ и выпустилъ на волю бѣдныхъ затворницъ, „умывавшихъ свои лица слезами", по выраженію Котошихина. Сбросивъ сарафаны и душегрѣйки, русскія дамы и дѣвицы стали появляться въ ассамблеяхъ, къ ужасу своихъ благовѣрныхъ мужей и родителей, весьма непріятно озадаченныхъ и менуэтами, и кубками „большого орла". Но участіе женщинъ въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ ограничивалось долгое время одними танцами и нарядами: образованіе, самое элементарное, считалось для нихъ положительно лишнимъ. „Меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ" — лаконически говорили старики и старушки. Бецкій первый понялъ, что вліяніе женщинъ на общество можетъ быть настолько сильно, что объ немъ стоитъ позаботиться и направить его болѣе полезнымъ и разсудительнымъ образомъ. „Сей нѣжный полъ (говорится въ извѣстіяхъ Восп. дома отъ 1779 г.), обладающій сердцами, имѣя сильное вліяніе на нравы обществъ, можетъ своею добродѣтелью способствовать къ исправленію оныхъ или, въ противномъ случаѣ, ослабляя души, преклонять къ пороку. Сіе доказано быть можетъ цѣлыми народами, торжествовавшими во славѣ многія столѣтія. Когда мужественныя спартанки, отпуская своихъ ближнихъ сражаться за отечество, говорили имъ, чтобъ они со щитомъ или на щитѣ возвращалися, тогда спартанцы были непобѣдимы; и едва ли не съ добродѣтелью римлянокъ окончилось геройство римлянъ, обладавшихъ міромъ".

Пятковскій.

Педагогическая реформа Бецкаго и его „Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоихъ половъ юношества“.

Незадолго до Бецкаго начали пробиваться въ русскомъ обществѣ новые, живые взгляды на воспитаніе; выразителями ихъ являются профессора московскаго университета: Шаденъ, Поповскій и Барсовъ. Профессоръ Поповскій перевелъ въ 1759 году на русскій языкъ книгу Локка о воспитаніи; Барсовъ составилъ учебники латинской и русской грамматики и былъ главнымъ сотрудникомъ Бецкаго по составленію устава Воспитательнаго дома. Какъ Поповскій, такъ и Барсовъ уже высказывали новый взглядъ на воспитаніе, не ограничивая его однимъ лишь усвоеніемъ знаній. „Знаніе,—говорилъ Барсовъ,—подобно оружію: и во благо и во зло употребить его можно.... знаніе должно быть дверью къ добродѣтели. Честное сердце предпочитается великому разуму“. Этими словами Барсовъ ставилъ для воспитанія (и притомъ очень крайнимъ образомъ) новую цѣль — содѣйствовать развитію въ питомцахъ строгихъ нравственныхъ убѣжденій, которыя выражаются въ общественной дѣятельности и не допускаютъ человѣка до грязныхъ сдѣлокъ съ своею совѣстью. Поповскій первый заговорилъ о великомъ значеніи примѣра для нравственнаго развитія юношества. Въ своемъ стихотворномъ посланіи къ И. И. Шувалову о пользѣ наукъ (1756 г.) онъ высказываетъ слѣдующія мысли:

Но много ли такихъ родителей сыскать,
Чтобъ честности дѣтей старались наставлять?
Неправеднымъ житьемъ, предерзкими дѣлами
Дорогу имъ ко злу показываютъ сами.
Когда ты, деньгами обклавшися, дрожишь,
Полушки нищему одной не удѣлишь,
Надѣешься ль, чтобъ сынъ не зналъ къ богатству страсти,
Чтобъ бѣдныхъ искупалъ изъ скудости, напасти?

. . . .

Ты въ роскоши уснулъ, во сладости погрязъ,
Друзьямъ и недругамъ ты лжешь на всякій часъ:
А хочешь, чтобъ былъ сынъ воздерженъ и умѣренъ,
Чтобъ тайну сохранялъ и въ словѣ былъ бы вѣренъ?
За то же ремесло, за кое и отецъ,

Принмается и сынъ, смотря на образецъ.
Купеческій сынокъ смекаетъ, какъ взять втрое,
Смекаетъ, какъ продать за цѣлое гнилое,
О картахъ и дитя съ слугами говоритъ,
Котораго отецъ надъ оными сидитъ, и проч. и проч.

Профессоръ Шаденъ извѣстенъ, какъ даровитый преподаватель и учредитель извѣстнаго пансіона, въ которомъ обученіе шло не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ другихъ частныхъ школахъ того времени. Знакомый съ теоріями передовыхъ европейскихъ педагоговъ Шаденъ перевелъ въ 1768 году книгу Амоса Коменіуса: Orbis visibilis и тѣмъ положилъ начало новому, болѣе осмысленному преподаванію языковъ, въ основѣ котораго лежалъ главный принципъ Коменіуса: „Слова безъ знанія предметовъ — пустыя слова". На этомъ основаніи въ книгѣ Коменіуса было изображено въ рисункахъ все, что могло занимать дѣтскій умъ; къ картинамъ прилагались описанія или объясненія. Тѣ же картины должны были служить пособіемъ при изученіи иностранныхъ, особенно древнихъ, языковъ.

Подобное же знакомство съ сочиненіями передовыхъ европейскихъ писателей можно предположить и у Никиты Ив. Панина, назначеннаго въ 1759 году воспитателемъ къ великому князю Павлу Петровичу; по крайней мѣрѣ, въ своемъ планѣ воспитанія, поданномъ императрицѣ Елизаветѣ, этотъ государственный человѣкъ высказывалъ мысли, замѣчательно сходныя съ мыслями Локка, Монтеня и другихъ. „Когда наслѣдникъ трона, говорилъ Панинъ, достигаетъ эпохи зрѣлости, въ которую развивается съ быстротою мысли жадное понятіе о достоинствѣ каждаго, (тогда онъ) очень скоро принимаетъ къ своему сердцу одно полезное, чего отъ природы самый добрый государь, если не былъ руководимъ истиннымъ назначеніемъ, не запечатлѣетъ въ памяти. Онъ не вознесется и до доброй славы, *если пренебрежетъ свой уставъ, отечество и его благо*. Наставникъ особенное долженъ обращать попеченіе на то, чтобы ничего *не дѣлали и не говорили предъ питомцемъ своимъ, что могло бы хотя малѣйше повредить или ослабить сердце его къ тихимъ добродѣтелямъ;* напротивъ еще обязанъ наклонять мягкую и юную душу къ добру и честности, обогащать умъ его разительными примѣрами торжества заслугъ и посрамленія людей недостойныхъ. Чтобы возросли

въ молодомъ сердцѣ плоды добра, не только надобно отвращать отъ всего дурного, но даже отъ того, что несовмѣстно съ скромностью. *Во все продолженіе воспитанія нужно изгнать пышность* и все то, что легко портитъ юность. Украшеніями его чертоговъ должны быть доброта и чистота души; время не опоздаетъ привлечь тьму ласкателей. Наставники, пока еще не окончится его воспитаніе, обязаны и по закону, и по долгу развивать въ немъ нравственныя мысли и предохранять ихъ отъ порочныхъ направленій, они и сами въ обращеніи съ нимъ должны быть во всемъ осторожны". Здѣсь Панинъ придаетъ большое значеніе образу жизни и характеру наставниковъ; онъ устраняетъ изъ воспитанія пышную обстановку, лесть окружающихъ и другія вредныя вліянія: всѣ эти мысли встрѣчаются, въ той или другой формѣ, въ сочиненіи Локка: Some thougths concerning education. Такъ же точно желая дѣйствовать на своего питомца посредствомъ стыда (мѣра, рекомендуемая Локкомъ), Панинъ приказалъ печатать особыя вѣдомости „изъ Петербурга", въ которыхъ упоминалось о всѣхъ проступкахъ и шалостяхъ великаго князя, и малютку увѣряли, что эти вѣдомости разсылаются по всей Европѣ. Но между отвлеченной мыслью и ея практическимъ выполненіемъ лежитъ еще цѣлая бездна. Заботясь объ устраненіи отъ великаго князя всѣхъ дурныхъ вліяній, Панинъ мало наблюдалъ за самимъ собою и за дѣйствіями своихъ помощниковъ: изъ записокъ Порошина мы видимъ, что его юный питомецъ очень рано подмѣтилъ (и частью перенялъ) у своихъ приближенныхъ нѣкоторыя далеко непохвальныя качества и наклонности, напр. пренебреженіе ко всему русскому, неосновательную рѣзкость въ приговорахъ и т. п.

Въ такое-то время и при такихъ условіяхъ началъ Бецкій свою педагогическую реформу.

Несмотря на нѣкоторыя хорошія начала, уже пробивавшіяся въ литературѣ и отчасти въ школьной жизни, теорія и практика русскаго воспитанія находилась до Бецкаго въ самомъ жалкомъ необработанномъ состояніи. На школу смотрѣли, какъ на государственную фабрику, изъ которой выпускались въ опредѣленный срокъ ходячія машины, способныя палить изъ пушекъ, строить корабли, возводить укрѣпленія; объ умственномъ развитіи этихъ субъектовъ не прилагалось почти никакого старанія. — Конечно, отвѣдавъ европейской науки,

хотя бы и въ сжатомъ, неудовлетворительномъ видѣ, многіе юноши не останавливались на этомъ и собственнымъ трудомъ добивались кое-какого умственнаго развитія; но такіе юноши встрѣчались не часто и составляли выгодное исключеніе въ толпѣ грубой и неотесанной молодежи. Объ одной изъ лучшихъ школъ, а именно о Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, Бецкій отзывался слѣдующимъ образомъ, въ моментъ его преобразованія: „Хотя происходящая государству отъ кадетскаго корпуса польза совершенно соотвѣтствуетъ тому намѣренію, съ каковымъ основанъ оный съ начала; но Ваше Императорское Величество прозорливо усмотрѣли, что сія польза можетъ быть несравненно большею и важнѣйшею. Тогдашнее намѣреніе состояло только въ томъ, чтобъ изъ сего корпуса получать для арміи исправныхъ офицеровъ; *Ваше Императорское Величество желаете теперь, чтобъ училище искусныхъ офицеровъ было училищемъ и знатныхъ граждан, и отечеству бы сугубую пользу приносило.* Должно справедливость отдать, что изъ офицерскаго токмо училища и воспитанія произошло много знаменитыхъ мужей; *но и признаться надобно, что за то счастливой ихъ паче природѣ, склонностямъ и собственному ихъ раченію, нежели воспитаніе сего училища, благодарить надлежитъ.* Происходили бы и впредь изъ онаго достойные къ отправленію важныхъ государственныхъ должностей люди; но Ваше Имп. Величество не соизволяете, чтобы толикое добро зависѣло отъ одной удачи: хощете, чтобы оное было плодомъ предусмотрительнаго государственнаго попеченія“ (См. Разсужденія объ установленіи кадетскаго корпуса). На этомъ основаніи въ новомъ уставѣ кадетскаго корпуса признано необходимымъ: „учредить его такъ, чтобы наученію въ немъ военной и гражданской наукѣ, по самый выпускъ кадета, *яко часть никогда не отдѣляемая въ юношѣ,* всегда сопутствовало воспитаніе, пристойное его званію и добродѣтельное“. Духовныя школы не приготовляли даже практически полезныхъ людей, ограничиваясь одной сухой (и лишенной смысла) схоластикой; частное обученіе въ рукахъ Брудастыхъ и Вральмановъ стояло ниже казеннаго. Физическая сторона въ воспитаніи такъ же пренебрегалась, какъ и нравственная.

Все это видѣлъ Бецкій и понималъ вредъ, отсюда проистекающій; знакомый съ лучшими педагогическими сочиненіями того времени, онъ уже выяснилъ себѣ тѣ вопросы, надъ кото-

рыми и не задумывалось большинство его соотечественниковъ. Вліяніе физическаго здоровья на умственное развитіе дитяти, дурные пріемы въ преподаваніи, наконецъ безобразная обстановка семейнаго быта, являющаяся преградой для всѣхъ благихъ намѣреній воспитателя — все это было взвѣшено и оцѣнено Бецкимъ прежде, чѣмъ онъ взялся за приложеніе своихъ взглядовъ къ практической жизни. Пользуясь особенной благосклонностью Екатерины II-ой, Бецкій въ частныхъ и продолжительныхъ бесѣдахъ съ нею развивалъ, безъ сомнѣнія, свою любимую мысль, что „воспитаніе дѣлаетъ въ насъ тѣ изгибы, которые, созидая наши тѣлесныя и душевныя сложенія, навѣки неизгладимы остаются, и которыхъ, прямы ли они, или кривы, никакъ совершенно ни испортить, ни исправить невозможно". Императрица, въ свою очередь, интересовавшаяся педагогическими вопросами, затронутыми въ европейской литературѣ, со вниманіемъ выслушивала любопытныя наблюденія Бецкаго и дѣлала на нихъ свои замѣчанія, которыя умный собесѣдникъ не пропускалъ мимо ушей, но ловилъ тщательно и затѣмъ формулировалъ про себя въ строгой связи и послѣдовательности. Когда эти бесѣды пришли къ опредѣленнымъ результатамъ, т.-е. когда Бецкій нашелъ возможнымъ установить главныя точки зрѣнія на предметъ, — онъ подалъ Екатеринѣ (12 марта 1764 г.) свое „Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества".

„Рѣдко великіе государи, — писалъ Бецкій въ своемъ знаменитомъ докладѣ, — о такихъ дѣлахъ крайнее имѣютъ попеченіе, которыхъ плоды медлительны, и которые чѣмъ большую обѣщаютъ пользу для потомства, тѣмъ большого труда и неистощимаго великодушія требуютъ. Слава скоротекущихъ дѣлъ чаще упражняетъ самыя величайшія души: въ ней находятъ они и скорое подвиговъ своихъ воздаяніе, и новое къ онымъ поощреніе. Преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу своему новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе, есть дѣло, совокупленное съ невѣроятными трудами, а прямая оныхъ польза остается вся потомству". Воздавъ справедливость благому намѣренію императрицы заняться дѣломъ, которое принесетъ не скорые, но вѣрные плоды, Бецкій формулируетъ такимъ образомъ ея и свои собственные мысли. „Съ давняго уже времени имѣетъ Россія академію и разныя училища и много употреблено иждивенія на посылку россій-

скаго юношества для обученія наукамъ и художествамъ; но мало, буде не совсѣмъ ничего, существительныхъ отъ того плодовъ собрано. Разбирая прямыя тому причины, не можемъ мы жаловаться на Провидѣніе и малую въ россійскомъ народѣ къ наукамъ и художествамъ способность; но можно неоспоримо доказать, что къ достиженію того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсѣмъ недоставало, о томъ совсѣмъ и помышляемо не было. Изъ посланныхъ еще при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ дворяне съ хорошими возвратились успѣхами въ томъ, чему они обучаться назначены были; но по возвращеніи, имѣя путь и право къ большимъ чинамъ и заслугамъ, не могли они въ томъ упражняться. Другіе, изъ простого народа къ наукамъ взятые, также весьма скоро успѣвали въ оныхъ, но скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились; отъ чего и людей такого состоянія, которое въ другихъ мѣстахъ *третьимъ степенемъ* или *среднимъ* называется, Россія до сего времени и произвести не могла. Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердце его не вкоренены, а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству (т.-е. взяточничеству) и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и третьяго степени людей въ государствѣ ожидать — всуе себя и ласкать".

„Посему ясно, что корень всему злу и добру *воспитаніе;* достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держаться сего неоспоримаго правила *единое* токмо средство остается, то-есть произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, *новую породу* или *новыхъ отцовъ и матерей,* которые могли бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить, какія они получили сами, и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды на будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для

обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году. Излишне было бы доказывать, что въ тѣ самые годы начинаетъ дитя приходить въ познаніе изъ невѣдѣнія, а еще неразсудительнѣе вѣрить, якобы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ худой нравъ, чѣмъ онъ уже заразился и, поправляя его, тѣ правила добродѣтелей въ сердце его вкоренить, кои ему имѣть было потребно. Итакъ о воспитаніи юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятаго и шестого до осьмнадцати и двадцати лѣтъ безвыходно въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое *съ людьми безъ разбору* обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые примѣры и образцы добродѣтелей".

„При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ (т.-е. юношей) къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ: возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобъ страшились *праздности,* какъ источника всякаго зла и заблужденія, научить пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ и несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей, обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго, особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію и которыми въ свое время, могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оного украшеніемъ. Такія и тому подобныя правила, когда посѣются въ сердцахъ воспитываемаго юношества, надѣяться можно, тѣмъ лучшій плодъ произведутъ, что согласоваться будутъ съ младостью и непорочностью ихъ возраста. Просвѣщая

притомъ ихъ разумъ науками и художествами, по природѣ, полу и склонности каждаго, обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что, прежде нежели отрока обучать каждому художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣть его склонности и охоту и выборъ оныхъ оставить ему самому. Душевныя его склонности всемѣрно долженствуютъ въ томъ надъ всѣми прочими уваженіями преимуществовать; ибо давно доказано, что не предуспѣетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилежать по неволѣ, а не по своему желанію, притомъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ училищахъ, то-есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что къ жизни, цѣлости здравія и крѣпости сложенія служить можетъ, какъ-то: въ построенныхъ жилищахъ проводомъ чистаго воздуха, неупотребленіе всякаго званія мѣдной посуды, также и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе, а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ назваться можетъ, и сего правила изъ памяти не выпускать. Отъ сихъ первыхъ учрежденій зависитъ все воспитаніе, какое дано будетъ первому отъ оныхъ *новой породы* происхожденію. Почему само собою понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными учрежденіями директоровъ и правителей. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ: имъ надобно быть всѣмъ извѣстной и доказательной честности и праводушія, а поведеніе ихъ и нравы долженствуютъ быть напередъ вѣдомы и непорочны; особливо же надлежитъ имъ быть терпѣливымъ, разсмотрительнымъ, твердымъ и правосуднымъ и, однимъ словомъ, таковымъ, чтобы воспитывающееся юношество любило ихъ и почитало и во всемъ добрый отъ нихъ примѣръ получало“.

„Сего ради остается въ дополненіе изъяснить, что все сіе единственно зависитъ отъ особливаго учрежденія и даваемыхъ наставленій, кои надлежитъ сочинить съ великимъ размышленіемъ и осторожностью, дабы все соображено было ясно, внятно и точно, и чтобъ ничего того пропущено не было, что надлежитъ до учителей, учениковъ, до поведенія тѣхъ и другихъ и до общаго въ сихъ училищахъ наблюдаемаго порядка. Ибо, при начинаніи сего, надобно сперва за точное принять

правило: *или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное, или такъ оставить и не начинать*". Исполняя волю государыни и свое собственное желаніе, Бецкій усердно принялся за составленіе уставовъ и инструкцій, въ которыхъ было бы соображено „ясно, внятно и точно" все то, что могло способствовать вѣрнѣйшему осуществленію радикальной мысли, высказанной въ Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи.

Пятковскій.

Общій взглядъ на воспитаніе по Инструкціи.

Въ какомъ отношеніи находится содержаніе Инструкціи къ изложеннымъ выше педагогическимъ убѣжденіямъ Монтеня и Локка? Екатерина II нимало не сомнѣвалась въ справедливости этихъ убѣжденій, усвоила ихъ себѣ и перенесла въ свою Инструкцію, приводя ихъ по другимъ педагогическимъ сочиненіямъ: та же свобода, кротость и довѣріе въ воспитаніи, то же самостоятельное образованіе посредствомъ упражненія и, наконецъ, то же отвращеніе отъ тѣлеснаго наказанія, замѣненнаго ею вездѣ стыдомъ.

Въ статьѣ „О дѣтскихъ забавахъ и веселости нрава" она съ особенною силою указываетъ на необходимость свободы въ дѣтскихъ упражненіяхъ, чуждой всякаго принужденія. „Не запрещайте имъ играть, сколько хотятъ... малыхъ неисправностей при игрѣ не унимать. Въ игрѣ ихъ приставникамъ не мѣшаться, развѣ они попросятъ, чтобы въ оной участвовали. Игры должны быть въ волѣ дѣтей, лишь бы тѣ игры невинны были и здоровье ихъ отъ оныхъ не потерпѣло бы вреда. Давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, скорѣе можно узнать нравы и склонность ихъ. Дѣтскія игры не суть игры, но прележнѣйшее упражненіе дѣтей. Вообще дѣти не любятъ быть праздными. Разнообразіе упражненія и свободность въ упражненіи дѣтямъ всегда пріятны и питаютъ въ нихъ веселость нрава. Вообще надлежитъ избѣгать частыхъ при игрѣ унимапій, дабы не уменьшилась дѣтская веселость нрава и откровенность съ приставниками... Неосторожность, небреженіе и рѣзвость суть свойства ребяческихъ лѣтъ, въ которыя нужно къ дѣтямъ имѣть снисхожденіе и терпѣніе. Поправленіе чинить тихое и пріятное, основанное на истинной пользѣ дѣтей и совокупленное съ разсужденіемъ краткимъ и дѣтямъ понимател-

нымъ". Той же свободы и кротости въ обращеніи съ дѣтьми требуетъ она и въ обученіи, и неоднократно повторяетъ свои требованія. „Буде въ дѣтяхъ свободность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столь же охотно, какъ въ игрѣ... Когда къ какому ученію въ которое время или часы охоты не имѣютъ, тогда ихъ высочествъ не принуждать, но прилежно избирать иной часъ или время, когда охоту къ тому имѣть будутъ. При всякомъ ученіи не держать дѣтей болѣе получаса сряду и кончить всегда прежде, нежели они станутъ скучать. Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ. Буде ихъ высочества окажутъ охоту точить или къ иному рукодѣлію или ремеслу, то отъ онаго ихъ не отвращать, чрезъ что отъ праздности отвращены будутъ и время займется, питая въ ихъ высочествахъ добрую волю, свободность духа, веселость нрава и прилежаніе". Такъ же обильны и настоятельны наставленія императрицы касательно образованія дѣтей посредствомъ упражненія; въ статьѣ объ обученіи она вездѣ сопоставляетъ упражненіе съ знаніемъ (обученіе) и требуетъ равно какъ того, такъ и другого. Такихъ мѣстъ весьма много, и мы ограничимся слѣдующимъ: „дѣти, перемѣняя упражненія тѣлесныя съ упражненіями ума, проводить время будутъ пріятно, заслуживая сверхъ того похвалы". И всегда эти упражненія, по требованію императрицы, должны совершаться свободно, самостоятельно, безъ вмѣшательства, а только подъ надзоромъ приставниковъ.

Такая свободность духа, веселость нрава, самостоятельность, положенныя въ основаніе воспитанія, несомнѣнно вызываютъ вопросъ: въ чемъ же состоятъ возбудительныя и исправительныя игры, предписываемыя Инструкціей? — Собравъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается о наказаніяхъ, мы можетъ съ достовѣрностію заключить, что императрица представляла ихъ себѣ въ слѣдующей постепенности. Первое средство, употребляемое при легкомъ уклоненіи отъ предписанныхъ правилъ, состоитъ въ *убѣжденіи*. „Буде таковое (обманъ и неправда) примѣтится, да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло; буде изъ воспитанниковъ или при нихъ кто солжетъ, то представить ему, что лгать есть дѣло стыдное и безчестное, влекущее за собою презрѣніе и недовѣріе всѣхъ людей; дѣти вообще неосторожны, забывчивы,

непостоянны и рѣзвы, и для того, когда провинятся отъ сихъ причинъ, а не отъ упрямства, то унимать ихъ съ тишиною и мало-по-малу приводить ихъ къ поправленію". Весьма замѣчательно, по нашему мнѣнію, то, что Екатерина II не ограничилась указаніемъ на эту исправительную мѣру въ однихъ общихъ выраженіяхъ, а подраздѣлила ее на слѣдующія двѣ мѣры: *напоминаніе* и *убѣжденіе въ собственномъ смыслѣ.* Это ясно видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: „буде же окажется въ нихъ упрямство, либо непослушаніе, или презрѣніе *къ напоминаніямъ,* тогда уже унимать ихъ, не мѣшкая; различать весьма нужно: первое, гдѣ или когда дѣтямъ *напоминать* то, что отъ нихъ требуется; второе, когда *унимать;* третіе, когда и за что *выговоръ* чинить прилично". Такое строгое и точное различеніе словеснаго убѣжденія сходно съ различеніемъ, находящимся и въ новѣйшихъ педагогическихъ сочиненіяхъ. Представивъ убѣжденіе, какъ первое исправительное средство, императрица въ то же время указала и на способъ привиденія его въ исполненіе: „Когда дѣтей унимать, тогда сіе чинить безъ сердца, безъ брани, безъ пристрастія, съ холодною кровію, представлять имъ сущее здравое разсужденіе, и для того употреблять слова умѣренныя, голосъ тихій и видъ степенный". За этою мѣрою слѣдуетъ *выговоръ*, какъ то видно изъ предложеннаго выше примѣра. Изъ случаевъ, въ которыхъ назначается выговоръ, приведемъ слѣдующіе: когда воспитанникъ будетъ замѣченъ во второй разъ во лжи, когда жалоба одного брата на другого будетъ найдена основательною; наоборотъ запрещается дѣтямъ чинить выговоры „ради ихъ дѣтской забавы и игры, или дѣтскихъ малыхъ неисправностей, и за все то, что само время и разсудокъ исправятъ". Способъ употребленія выговора совершенно одинаковъ съ способомъ, предписываемымъ Локкомъ: „выговоры чинить наединѣ и всегда съ степеннымъ видомъ и голосомъ; а хвалить, когда того достойны, при свидѣтеляхъ; чинить выговоръ наединѣ, а не при жалобщикѣ". Эта мѣра, будучи очень сильна и составляя нѣсколько рѣзкій переходъ отъ словеснаго убѣжденія, повидимому, можетъ предполагать какую-либо посредствующую мѣру, что едва ли несправедливо; по крайней мѣрѣ въ статьѣ „О лжи и обманѣ" между убѣжденіемъ и выговоромъ вставлено *удивленіе:* „буде кто изъ нихъ солжетъ, то первый разъ оказать о томъ удивленіе, какъ о поступкѣ странномъ, неожиданномъ, неслы-

ханномъ и неприличномъ". Удивленію здѣсь предшествуетъ убѣжденіе, обращенное, кажется, болѣе на тѣхъ, кто совретъ въ присутствіи воспитанниковъ. Выговоръ сопровождался *испрошеніемъ прощенія* у обиженнаго, когда дѣло касалось личной обиды: „буде жалоба котораго брата на другого основательна, то чинить выговоръ наединѣ, а не при жалобщикѣ, и принудить виновнаго просить у обиженнаго". Впрочемъ испрошеніе прощенія въ Инструкціи является мѣрою самостоятельною, независимою ни отъ выговора, ни отъ личной обиды, и направленною на самихъ надзирателей, что совершенно согласно съ мнѣніемъ Локка: „когда въ чемъ который провинится и охужденъ будетъ, тогда да никто ни дерзнетъ хвалить, дондеже провинившійся не будетъ просить прощенія, и не увидятъ, что старается поправить свое поведеніе". При этомъ такъ же, какъ у Локка, присоединено наставленіе, какъ долженъ поступать надзиратель съ испрашивающимъ прощеніе: „къ прощенію не надлежитъ приступать вдругъ". Что касается до педагогическаго значенія этой мѣры, то нѣтъ сомнѣнія, что она принадлежитъ къ числу весьма сильныхъ мѣръ, а потому и должна быть употребляема съ большою осторожностію. Во-первыхъ, она слишкомъ чувствительна для самолюбія дѣтей, весьма раздражительнаго въ дѣтскомъ возрастѣ, предполагаетъ слишкомъ сильное нравственное принужденіе, заставляющее его смириться до признанія своего проступка предъ самимъ оскорбленнымъ имъ. Кто хотя мало сохранилъ воспоминаніе о своемъ дѣтствѣ, тотъ согласится, что разсматриваемая мѣра тяжелѣе самаго тѣлеснаго наказанія: доказательствомъ того служитъ часто повторяющееся явленіе, что ребенокъ иногда вытерпитъ нѣсколько пріемовъ тѣлеснаго наказанія, прежде чѣмъ низойдетъ до этого открытаго признанія своего проступка. Во-вторыхъ, начало, въ силу котораго требуютъ исполненія этой мѣры: уваженіе личныхъ правъ и правъ собственности другого, необходимость взаимной любви, согласія и т. д., по своей возвышенности и отвлеченности слишкомъ далеко отъ ограниченнаго дѣтскаго разумѣнія, чтобъ ребенокъ могъ, хотя съ нѣкоторымъ сознаніемъ истины этого начала, выполнить требуемую отъ него исправительную мѣру; онъ тѣмъ менѣе способенъ понимать справедливость требованія, чѣмъ болѣе развито въ немъ понятіе о его собственныхъ правахъ. Потому-то нравственное принужденіе въ этомъ случаѣ и слишкомъ велико, а слѣдова-

тельно и самая мѣра слишкомъ сильна, что ребенокъ, не понимая основанія, долженъ, по требованію старшихъ, смирить свое самолюбіе, наступить на свои права. Отсюда, въ-третьихъ, само собою понятно то явленіе, что дѣти, почти безсознательно дѣйствуя въ этомъ случаѣ по волѣ другихъ, по побужденіямъ, для нихъ не понятнымъ, мало-по-малу усвоиваетъ себѣ неправильный взглядъ и вообще на характеръ нравственныхъ дѣйствій, пріобрѣтаютъ наклонность дѣйствовать по внѣшнимъ побужденіямъ, безотчетно, машинально, между тѣмъ какъ благоразумный воспитатель долженъ, по возможности, менѣе представлять положеній, правилъ, началъ, которыхъ дѣти не въ состояніи понимать. Наконецъ, въ-четвертыхъ, благоразумное воспитаніе должно щадить и хранить волю дѣтей, потому что только при этомъ желаніи возможно правильное развитіе самостоятельной воли, твердость характера. Наступая же часто на ихъ волю, мы легко можемъ стѣснить, даже подавить послѣднюю, а слѣдовательно воспитать людей безхарактерныхъ рабовъ чужой воли, людей, которые нерѣдко въ тягость себѣ и другимъ и большею частію вредны къ жизни общественной. Дѣйствуя такимъ образомъ, переломивъ и подавивъ волю дѣтей, мы, конечно, можемъ довести ихъ до того, что они, по первому требованію, будутъ открыто признавать свои погрѣшности и испрашивать прощенія, довести ихъ до жалкой готовности въ каждую минуту отрекаться отъ собственной воли и ставить себѣ непремѣннымъ закономъ чужую волю. Этого же домогаются родители, по преданію цѣпко придерживаясь упомянутаго воспитательнаго пріема, допуская обширное его примѣненіе. Нужно имѣть слишкомъ мало педагогическаго такта, слишкомъ мало знанія души ребенка, его интересовъ и побужденій, чтобы разсматриваемую мѣру низводить до значенія обыкновенной, вездѣ и всегда примѣняемой, обыденной мѣры. Повторимъ, что мы не исключаемъ ея изъ числа наказаній, а хотимъ только сказать, что она принадлежитъ къ самымъ сильнымъ мѣрамъ и требуетъ особенной предусмотрительности, осторожности въ своемъ примѣненіи, вопреки взгляду на нее въ практическомъ воспитаніи. Ея мѣсто только въ крайней нуждѣ, въ болѣе важныхъ и часто повторяющихся проступкахъ, и то подъ несомнѣннымъ условіемъ строгаго различенія особенностей дѣтской природы. Не такъ смотритъ на эту мѣру и современная намъ педагогическая практика, а еще непра-

вильнѣе смотрѣла на нее педагогическая практика XVI — XVIII столѣтіи, хотя между тою и другою важное различіе: первая находила себѣ полное оправданіе и въ современномъ педагогическомъ мышленіи, вторая — находитъ въ послѣднемъ рѣшительное ограниченіе себя, близкое къ отрицанію, держится только на изсохшемъ корнѣ преданія и невѣжества и ждетъ перваго луча педагогическаго свѣта, чтобы прекратить свое существованіе и занять приличное мѣсто въ области отжившихъ историко-педагогическихъ явленій. Не будемъ же удивляться, что Локкъ, а за нимъ наша императрица крѣпко стоятъ за означенную мѣру и уступаютъ ей въ своихъ сочиненіяхъ несравненно большія права, чѣмъ сколько признаетъ этихъ правъ современная наука и чѣмъ сколько ихъ нужно для нравственнаго благосостоянія дѣтей. Послѣдняя форма словеснаго напоминанія объ уклоненіи отъ предписанныхъ правилъ и послѣдняя форма словеснаго убѣжденія — привести поведеніе въ согласіе съ упомянутыми правилами есть *угроза*. Угроза въ сущности есть то же словесное убѣжденіе, только указывающее въ то же время на непріятныя послѣдствія, сопровождающія неоднократное повтореніе непохвальныхъ дѣйствій. Екатерина II въ своей Инструкціи только два раза упоминаетъ объ этой мѣрѣ, и въ одномъ изъ нихъ, повидимому, весьма тѣсно ограничиваетъ ея примѣненіе: въ случаѣ лѣности, когда всѣ виды словеснаго убѣжденія, самое пристыженіе, оказались недѣйствительными, повелѣвается „обходиться съ воспитанникомъ похолоднѣе на то время, грозя отнять у него книги, учителей и ученіе, дабы понапрасну не терять время и досугъ учителей на его наставленіе, и что его оставятъ съ однѣми игрушками“; въ другомъ мѣстѣ прямо указывается только на одинъ видъ угрозы: „угрозы же сіи да будутъ: сказать родителямъ и намъ“. Однако неосновательно было бы заключать, что Екатерина II допускала только этотъ видъ угрозы; неосновательно потому, что въ той же Инструкціи мы неоднократно встрѣчаемся съ такими наказаніями, которыя необходимо предполагаютъ впереди себя угрозу, какъ увидимъ ниже. На приведенное же мѣсто должно смотрѣть, какъ на выраженіе высшей степени угрозы, имѣющей своимъ слѣдствіемъ обращеніе къ вышей инстанціи въ порядкѣ лицъ, завѣдываемыхъ воспитаніемъ и образованіемъ великихъ князей; на него должно смотрѣть какъ на выраженіе той важности и той силы, какую

императрица хотѣла сообщить этой степени угрозы и какую эта послѣдняя должна была имѣть въ глазахъ воспитанниковъ, привыкшихъ дорожить вниманіемъ и мнѣніемъ о себѣ императрицы и своихъ родителей. Объ этомъ обращеніи къ высшей инстанціи, какъ о послѣдней мѣрѣ, ясно говорится въ другомъ мѣстѣ Инструкціи: „Поваживать воспитанниковъ къ непрекословному послушанію намъ и Императорской нашей власти. Да будетъ то, что бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобы имъ казалось столько же трудно то нарушить, какъ перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію". Для того, чтобы угроза имѣла надлежащее педагогическое значеніе, необходима твердость, съ какою она должна быть приведена въ исполненіе въ томъ случаѣ, когда не сопровождается немедленнымъ исправленіемъ. Такая твердость входила въ условія угрозы, по предписанію Екатерины II, сколько можно объ этомъ судить какъ изъ общаго направленія воспитанія, предлагаемаго Инструкціею, такъ и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, прямо сюда относящихся. Изъ послѣднихъ мы укажемъ здѣсь на то, въ которомъ требуется рѣшительная твердость при выполненіи угрозы въ случаѣ невнимательности къ ученью и лѣности котораго-либо изъ воспитанниковъ. Еще болѣе говоритъ въ пользу этой твердости воспитательный характеръ Инструкціи вообще: въ ней повсюду встрѣчаются предписанія обращаться съ дѣтьми твердо, не уступая самымъ настойчивымъ просьбамъ, когда послѣднія по какимъ-либо причинамъ не могутъ и не должны быть выполняемы. „Буде единожды приставники дѣтямъ отказали въ чемъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить (211); буде чего будутъ просить со слезами, или съ упрямствомъ, или упорно: то запрещается имъ давать, а при томъ сказывать надлежитъ, что не дается для того, что упорно, или со слезами, или съ упрямствомъ просятъ (213); что дѣтямъ приказывается или запрещается, то надлежитъ быть исполнено отъ дѣтей тотчасъ, безъ прикословія. Твердое поведеніе приставниковъ произведетъ въ дѣтяхъ почтеніе къ нимъ" (239). Какъ необходимою почитала императрица твердость въ обращеніи съ дѣтьми въ случаѣ ихъ уклоненія отъ предписанныхъ правилъ, еще яснѣе видно изъ воспитанія вел. кн. Павла Петровича. Въ Запискахъ Порошина можно найти весьма много чрезвычайно любопытныхъ въ педагогическомъ отношеніи случаевъ, когда Н. И. Панинъ,

главный воспитатель вел. кн., безъ сомнѣнія, также по требованію императрицы, сохранялъ непреклонную твердость въ отказѣ просьбъ вел. кн., когда ихъ, по его мнѣнію, не должно было удовлетворять. Хотя мы и не имѣемъ письменной инструкціи для Н. И. Панина, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что его воспитательная дѣятельность, совершавшаяся подъ тѣмъ же высокимъ наблюденіемъ, подробно, хотя и словесно, была опредѣлена императрицею, а потому Записки Порошина могутъ иногда служить къ объясненію и дополненію нѣкоторыхъ воспитательныхъ ея убѣжденій. Таковы были исправительныя мѣры Инструкціи, представляющія различныя степени силы *словеснаго* напоминанія объ уклоненіи отъ предписанныхъ правилъ.

За нимъ слѣдуетъ рядъ исправительныхъ мѣръ другого рода, сопровождавшихся приведеніемъ въ исполненіе тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, на которыя указываемо было въ мѣрахъ перваго рода, или родъ наказаній въ тѣсномъ смыслѣ. Сообразивши всѣ мѣста Инструкціи, сюда относящіяся, мы разсмотримъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) холодное и презрительное обхожденіе съ цѣлью возбужденія стыда, 2) лишеніе чего-либо, 3) принужденіе къ опредѣленнымъ занятіямъ, съ цѣлью направить вниманіе къ другимъ предметамъ и 4) тѣлесное наказаніе, основанное на той же цѣли. Въ такой послѣдовательности представляла себѣ эти наказанія императрица, сколько можно судить по одной статьѣ Инструкціи.

Такъ же, какъ и Локкъ, Екатерина II слишкомъ много разсчитывала на воспріимчивость дѣтей къ похвалѣ и порицанію, на ихъ заботливость о мнѣніи и расположеніи къ себѣ другихъ; такъ же, какъ и Локкъ, она признавала два главныя средства возбужденія дѣтей къ добру и уклоненія ихъ отъ зла — чувство чести и чувство стыда. А потому не удивительно, что въ Инструкціи допускается весьма обширное примѣненіе пристыженія, и вездѣ сообщается ему особенное значеніе. Имъ, какъ общимъ средствомъ *продолженія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру,* начинаетъ она второе наставленіе, имѣющее своимъ содержаніемъ нравственное воспитаніе, — и довольно одного этого мѣста, чтобы убѣдиться въ той степени силы и значенія, какую соединяла съ нимъ императрица. „Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ

дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу; а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе. Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно; кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества, и для того предписывается: твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ, кои прилежаніемъ и радѣніемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь и никто ихъ не похвалитъ" (209). Замѣчательные случаи примѣненія этой мѣры суть слѣдующіе: когда воспитанникъ вторично будетъ обличенъ во лжи (240); когда скрываетъ вину ложью (240); когда не помогаетъ убѣжденіе противъ лѣности (247), — и въ этомъ случаѣ стыдъ составляетъ только второе, слѣдовательно довольно легкое исправительное средство, имѣя предъ собою только одно словесное убѣжденіе. Впрочемъ, этихъ случаевъ нельзя принимать въ строгомъ смыслѣ: изъ нихъ только видно, что стыдъ, по смыслу Инструкціи, принадлежитъ далеко не къ числу сильныхъ мѣръ. Притомъ, и сама императрица высказываетъ мысль, что разсматриваемая мѣра принадлежитъ къ разряду обыкновенныхъ, общеупотребительныхъ: „стыдъ и похвалу употреблять кстати и случаю" (239); „познавая склонности, пороки и качества, надлежитъ поступать, воспрещая и стыдя ихъ за порочное и поощряя къ добродѣтельному похвалою" (241); а потому не различила строго случаевъ ея употребленія, допускала самое обширное примѣненіе, неуклонно слѣдуя убѣжденіемъ Локка.

Ничего нельзя сказать противъ основательности и естественности второго наказанія — лишенія чего-либо, потому что оно вытекаетъ изъ самаго существа вины воспитанника и во всякое время составляло одно изъ дѣйствительнѣйшихъ исправительныхъ средствъ въ воспитательной практикѣ. Съ другой стороны, должно сказать, что это наказаніе можетъ быть строго справедливо только въ томъ случаѣ, когда направлено на предметъ проступка (causam delicti), будетъ ли это вещь, или занятіе. Лишеніе же чего-либо, принадлежащаго дѣтямъ, вообще, безъ отношенія отнимаемаго къ существу проступка, весьма трудно и едва ли возможно согласить съ условіями строгой справедливости. Изъ всѣхъ случаевъ примѣненія этого

наказанія, находящихся въ Инструкціи, только одинъ представляется съ упомянутымъ общимъ характеромъ: „буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда лишить ихъ имъ принадлежащаго, дабы почувствовали, какова несправедливость“ (210). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ лишеніе направлено на самый предметъ проступка. Въ статьѣ объ *упрямствѣ* высказанъ и взглядъ на это наказаніе: „кто не слушается, тотъ боленъ, а слѣдовательно лишенъ выгодъ здороваго. Его содержать аки больного, и болѣзнь его не кончится инако, какъ съ возвращеніемъ здраваго разсудка, то-есть съ послушаніемъ и покорностью“ (213); или вообще: ребенокъ здоровъ, когда его поведеніе находится въ согласіи съ предписанными правилами, и тогда пользуется правами и преимуществами здороваго; пренебрегая и злоупотребляя послѣдними, онъ ихъ лишается. Другіе случаи примѣненія разсматриваемаго наказанія состоятъ въ отобраніи отъ дѣтей тѣхъ вещей, которыя они оставляютъ безъ попеченія (214); въ отобраніи перьевъ, чернилъ, бумаги, книгъ и проч., когда замѣчается настойчивая лѣность къ занятіямъ (224, 247); въ лишеніи предметовъ игры, когда они служатъ причиною запрещенныхъ или непристойныхъ дѣйствій (236). Относительно этой мѣры Инструкція до подробностей согласна съ предписаніями Локка, такъ же какъ и относительно слѣдующей.

Принужденіе дѣтей къ опредѣленнымъ занятіямъ, въ ряду наказаній за лѣность, занимаетъ послѣднюю степень: когда не дѣйствуетъ ни убѣжденіе, ни стыдъ, ни угроза, ни лишеніе книгъ, учителей и ученія, — тогда предписывается оставить воспитанника съ однѣми игрушками: „и въ самомъ дѣлѣ заставить его играть и поутру и ввечеру въ уреченный часъ; и въ то время за нимъ смотрѣть, чтобъ заподлинно игралъ до тѣхъ поръ, пока игры наскучатъ ему и самъ проситься будетъ учиться“ (247). Такое принужденное занятіе относится не къ однимъ играмъ, но и къ другой опредѣленной работѣ въ назначенные часы, и притомъ соединяется со стыдомъ: „предпринимать съ нимъ какую ни есть работу въ уреченные часы, чтобъ привести въ движеніе помалу. Соскучивъ оною, охотнѣе примется за книги и ученіе, наипаче когда та работа съ трудомъ и стыдомъ соединена; и по мѣрѣ какъ примется за ученіе, уменьшать и работу“. Что же касается до излишней и вредной для занятій наклонности къ игрѣ, то Екате-

рина II почитала это наказаніе вѣрнѣйшимъ исправительнымъ средствомъ: „буде желательно дѣтей отводить отъ игры, то на то вѣрный способъ есть принуждать ихъ нѣсколько часовъ сряду играть тою игрушкою“ (248). Справедливо замѣчаетъ Кампе, что это средство, будучи весьма дѣйствительно, требуетъ однако постояннаго и внимательнаго надзора, чтобы дитя, съ утра до вечера, ничѣмъ инымъ не занималось, какъ только одною и тою же игрою: допустивъ перемѣну въ игрѣ, отдохновеніе или другое занятіе, воспитатель рѣшительно не достигнетъ своей цѣли.

Намъ остается рѣшить вопросъ: какъ смотрѣла Екатерина II на тѣлесное наказаніе въ тѣсномъ смыслѣ? Много обстоятельствъ говоритъ въ пользу того мнѣнія, что она исключила тѣлесное наказаніе изъ своей воспитательной практики; но съ другой стороны есть поводъ думать, что она, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, излагая рядъ наказаній, отмѣтила на его долю одинъ недостатокъ, и въ то крайней степени его развитія.

Во-первыхъ, нельзя не признать совершенно естественнымъ ея отвращеніе отъ тѣлеснаго наказанія, если принять въ соображеніе ея полное сочувствіе къ педагогическимъ убѣжденіямъ Монтеня и Локка, которые въ одинъ голосъ отказываютъ ему въ истинно-педагогическомъ исправленіи. Правда, послѣдній, безъ сомнѣнія, уступая только силѣ современнаго ему воспитательнаго предразсудка, не посягнулъ на безусловное изгнаніе тѣлеснаго наказанія; но для императрицы эта уступка не имѣла смысла, а потому, какъ и должно ожидать, она могла усвоить себѣ только сущность взгляда Локка на этотъ предметъ. Во-вторыхъ, ту же мысль подтверждаетъ и характеръ самой императрицы, и общій характеръ ея педагогическихъ убѣжденій, которыя всѣ основаны на кротости, снисходительности, ласкѣ, любви въ обращеніи съ дѣтьми, на возбужденіи и сохраненіи въ нихъ веселости нрава и свободности духа. Всякая мѣра, хотя сколько-нибудь стѣсняющая живость и подвижность дѣтской природы, свободу и непринужденность ихъ занятій, устранена ею съ величайшею заботливостью. А такія условія воспитанія, при тщательномъ и непрерывномъ надзорѣ за дѣтьми, повидимому, уже сами по себѣ дѣлаютъ излишнимъ тѣлесное наказаніе. Обученіе же все было сведено на игру и не допускало ни малѣйшаго принужденія, такъ что,

разсматривая внимательно весь ходъ воспитанія и обученія, предписанный Екатериною II, затрудняешься въ отысканіи случаевъ примѣненія тѣлеснаго наказанія. Въ-третьихъ, за ту же мысль ручается и то обстоятельство, что въ Инструкціи вовсе не упоминается о тѣлесномъ наказаніи, что̀ было бы, кажется, неестественно, если бы императрица дѣйствительно имѣла его въ виду. Наконецъ, въ-четвертыхъ, еще яснѣе свидѣтельствуетъ о томъ же ходъ воспитанія В. К. Павла Петровича, совершавшійся подъ ея же наблюденіемъ и, разумѣется, согласно съ ея педагогическими убѣжденіями, по ея наставленіямъ, хотя вел. кн. уже на одиннадцатомъ году поступилъ подъ непосредственный надзоръ Порошина, вносившаго въ свои поденныя Записки все, касавшееся его воспитанія, слѣдовательно когда тѣлесное наказаніе должно было уступить мѣсто болѣе благороднымъ и болѣе соотвѣтствовашимъ возрасту наказаніямъ. Въ Запискахъ Порошина нигдѣ нѣтъ и намека даже на возможность примѣненія этой сильной исправительной мѣры, нѣтъ и слѣда угрозы, въ которую бы входила мысль о послѣдней. Самыя сильныя мѣры, какія употреблялъ Н. И. Панинъ въ такихъ случаяхъ, состояли или въ томъ, что онъ не приказывалъ вел. князю выходить изъ одной комнаты и запрещалъ говорить съ нимъ его приставникамъ, сопровождая эту мѣру строгимъ выговоромъ (259), или въ томъ, что онъ, глубоко огорченный, выходилъ изъ комнатъ в. князя и не приходилъ къ нему обѣдать (433). Нельзя сомнѣваться, что и кн. Н. И. Салтыковъ, для котораго написана Инструкція, руководился тѣми же правилами. Всѣхъ этихъ обстоятельствъ, взятыхъ вмѣстѣ, по нашему мнѣнію, достаточно, чтобы уяснить себѣ взглядъ Екатерины II на тѣлесное наказаніе и чтобы понять, что она, согласно съ этимъ взглядомъ, едва ли могла дать ему какое бы то ни было мѣсто въ воспитаніи своихъ внуковъ.

Но есть одно мѣсто въ Инструкціи, которое весьма трудно согласить съ послѣднимъ выводомъ, и въ которомъ, какъ кажется, императрица именно имѣла въ виду тѣлесное наказаніе. Приведемъ здѣсь это мѣсто: „буде кто изъ нихъ солжетъ, то первый разъ оказать о томъ удивленіе, какъ о поступкѣ странномъ, неожиданномъ, неслыханномъ и неприличномъ. Буде же паки найденъ будетъ во лжи, то чинить ему выговоръ и смотрѣть на него и обходиться съ нимъ холодно и съ пре-

зрѣніемъ всѣмъ тѣмъ, кои о томъ знаютъ. Буде, паче чаянія, не уймется, то *почесть ложъ за упрямство; упрямство же влечетъ за собою наказаніе, которое совокуплено быть имѣетъ со стыдомъ и съ опасеніемъ поношенія*" (215). Отсюда видно, что порядокъ наказаній за ложь слѣдующій: удивленіе, выговоръ, холодное и презрительное обхожденіе, возбуждающее стыдъ, и наконецъ за упрямство — *наказаніе, соединенное со стыдомъ и опасеніемъ поношенія.* Послѣдняя мѣра, безъ мысли о тѣлесномъ наказаніи, рѣшительно не можетъ быть понята и удовлетворительно объяснена по слѣдующимъ причинамъ: 1) мы видѣли уже изъ многихъ мѣстъ Инструкціи, что стыдъ, по предписаніямъ Екатерины II, составляетъ общее и довольно легкое средство, между тѣмъ какъ здѣсь оно послѣднее, крайнее, слѣдовательно самое сильное, въ чемъ заключается очевидное противорѣчіе; 2) если признать послѣднюю мѣру за стыдъ въ обыкновенномъ и общемъ смыслѣ, то какъ понимать холодное и презрительное обращеніе, слѣдующее за выговоромъ, предписаннымъ за вторичную ложь? 3) въ такомъ случаѣ долженъ извратиться весь порядокъ наказаній, который императрица, очевидно, хотѣла провести съ строгою послѣдовательностью, указавъ на три степени лжи и за каждую назначивъ особенное наказаніе; 4) слова *почесть ложъ за упрямство* получатъ здѣсь особенную важность, когда мы обратимъ вниманіе на то, что Екатерина II въ своей Инструкціи, большею частью, точно слѣдовала разсужденію Локка. Если мы припомнимъ, что послѣдній допускалъ тѣлесное наказаніе только въ одномъ случаѣ, именно *за упрямство;* если припомнимъ, что это наказаніе основано у него не на чувствѣ тѣлесной боли, а на чувствѣ стыда; если мы наконецъ припомнимъ, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ Инструкціи, по ходу мыслей и степенямъ проступка, должно ожидать болѣе сильнаго наказанія, чѣмъ какимъ представляется пристыженіе, и что послѣднее имѣло уже примѣненіе при вторичномъ обличеніи во лжи и тамъ было соединено еще съ выговоромъ: то думаемъ, что въ выраженіи: „упрямство же влечетъ за собою наказаніе, которое совокуплено быть имѣетъ со стыдомъ и съ опасеніемъ поношенія" нельзя разумѣть никакого другого наказанія, кромѣ тѣлеснаго. Эта статья Инструкціи — „О лжи и обманѣ" такъ близка къ мыслямъ Локка того же содержанія, что мы почитаемъ необходимымъ сопоставить ихъ здѣсь для сравненія.

Разсужденіе Локка. Allgem.

Revis IX, 401—402.

Lügen ist eine wohlfeile und allzeit fertige Decke für jede begangene Thorheit, und unter Leuten aller Art so gang und gäbe, dass ein Kind schwerlich umhin kann zu bemerken, wie sehr man bei allen Gelegenheiten davon Gebrauch macht, und also ohne die grösste Sorgfalt vor diesem Fehler kaum verwahrt werden kann. Und doch ist es ein so schlimmer Fehler, und die Mutter so vieler andern, die daraus entstehen und sich dahinter verstecken, dass ein Kind in dem grössten ersinnlichen Abscheu erhalten werden sollte. Man sollte in seiner Gegenwart (wenn dessen gelegentlich erwähnt wird) nicht anders als mit dem äussersten Abscheu davon reden, als von einer Eigenschaft, welche dem Namen und Character eines Mannes von Ehre so sehr widerspricht, dass Niemand, der einigen Anspruch darauf macht, die Beschuldigung einer Lüge ertragen kann; zum Beweise, dass jedermann das als die äusserste Beschimpfung ansieht, die einen Mann auf die tiefste Stufe der Niederträchtigkeit und mit dem verächtlichsten Theile der Menschen, den ausgemachtesten, von der ganzen Welt verabscheuten Bösewichtern in eine Klasse setzt, und von Niemand ertragen werden kann, der mit gesitteten Menschen umgehen oder irgend einige Achtung und Ehre in der Welt geniessen will. Wenn ein Kind das erste Mal über einer Lüge betroffen wird, so sollte man sie ihm nicht, wie andere gewöhnliche Fehler verweisen; sondern man sollte sie mit Verwunderung als etwas Ungeheures und Unnatürliches bemerken. Wenn das Kind dadurch nicht abgeschreckt wird, ein zweites Mal darein zu verfallen, so muss es einen scharfen Verweis darüber erhalten, und Merkmale des äussersten Misfallens von seinem Vater, seiner Mutter und allen, die mit ihm umgehen und darum wissen, erhalten. Und wenn das noch nicht hinreicht, euren Kranken zu heilen: *so müsst ihr zu Schlägen greifen.* Denn nach solchen Warnungen muss eine vorsetzliche Lüge nicht anders als eine Widerspenstigkeit angesehen werden und nie ungestraft ausgehen.

ИНСТРУКЦІЯ, стр. 215.

Ложь и обманъ запрещать надлежитъ какъ дѣтямъ самимъ, такъ и окружающимъ ихъ, даже и въ шуткахъ не употреблять; но отвращать ихъ отъ лжи. Буде кто изъ воспитанниковъ, или при нихъ кто солжетъ, то представить ему, что лгать есть дѣло стыдное и безчестное, влекущее за собою презрѣніе и недовѣріе всѣхъ людей. Буде кто изъ нихъ солжетъ, то первый разъ оказать о томъ удивленіе, какъ о поступкѣ странномъ, неожиданномъ, неслыханномъ и неприличномъ. Буде же паки найденъ будетъ во лжи, то чинить ему выговоръ и смотрѣть на него и обходиться съ нимъ холодно и съ презрѣніемъ всѣмъ тѣмъ, кои о томъ знаютъ. Буде, паче чаянія, не уймется, то почесть ложь за упрямство; упрямство же влечетъ за собою *наказаніе, которое, совокуплено быть имѣетъ со стыдомъ и съ опасеніемъ поношенія.*

Изъ сравненія обоихъ мѣстъ, ясно обнаруживающихъ вмѣстѣ способъ и характеръ заимствованія, кажется, можно заключить, что Екатерина II въ своемъ извлеченіи устранила только нѣсколько жесткое выраженіе — zu Schlägen greifen и замѣнила его болѣе общимъ, за то менѣе понятнымъ.

Какъ согласить такое разногласіе въ Инструкціи относительно тѣлеснаго наказанія? — Можно допустить три предположенія: или Екатерина II, увлекшись послѣдовательностью въ возвышеніи степени наказанія за ложь, заключающеюся въ принятомъ ею для руководства сочиненіи, не много заботясь о строгомъ единствѣ во взглядѣ на исправительныя мѣры, допустила въ этой статьѣ Локкову мѣру, измѣнивъ только ея выраженіе и отказывая ей, можетъ быть, въ то же время въ практическомъ примѣненіи, или представляя опредѣленіе наказанія за столь важный проступокъ, если онъ *паче чаянія* совершится, непосредственному своему обсужденію; или она дѣйствительно, подъ своимъ общимъ выраженіемъ, принимала мѣру Локка въ буквальномъ смыслѣ, даже и относительно ея практическаго значенія, почитая упорство во лжи слишкомъ важнымъ и вреднымъ недостаткомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣтскихъ проступковъ; или, наконецъ, разумѣла подъ своимъ общимъ выраженіемъ какую-либо сильнѣйшую, необъясненную ею степень пристыженія. Въ пользу перваго предположенія говоритъ общій характеръ состава

Инструкціи, страдающаго недостаткомъ порядка и единства и обнаруживающаго нѣкоторую поспѣшность, а, можетъ быть, и непривычку къ строго-систематическому изложенію. Въ подтвержденіе послѣдняго предположенія можно бы было указать не предложенную выше въ Инструкціи мѣру за упрямство вообще: „содержать виновнаго аки больного“ (213), сводя къ ней и разсматриваемый проступокъ и слѣдовательно разумѣя подъ наказаніемъ, соотвѣтствующимъ Локкову выраженію — zu Schlägen greifen, только соединенное со стыдомъ и опасеніемъ попошенія содержаніе виновнаго какъ больного: если бы указанный недостатокъ въ общемъ составѣ Инструкціи не лишалъ такое объясненіе надлежащей силы и если бы безпрерывно встрѣчающіяся повторенія однѣхъ и тѣхъ же мѣръ даже относительно маловажныхъ проступковъ не заставляли ожидать повторенія и въ настоящемъ важномъ случаѣ. Основательно ознакомившись съ характеромъ Инструкціи, мы признаемъ болѣе дѣйствительнымъ первое предположеніе, держась твердо высказаннаго выше мнѣнія о взглядѣ императрицы на воспитаніе вообще и на тѣлесное наказаніе въ особенности.

Таково отношеніе общаго взгляда на воспитаніе въ Инструкціи къ тому же взгляду въ сочиненіяхъ Монтеня и Локка.

Лавровскій.

О нравственномъ воспитаніи Инструкціи.

Отдѣлъ о нравственномъ воспитаніи въ разсужденіи Локка не отличается систематическимъ изложеніемъ, а представляетъ отдѣльныя, органически не связанныя между собою статьи. Можно полагать, что Екатерина II понимала этотъ недостатокъ и потому измѣнила порядокъ изложенія не только по отношенію къ отдѣльнымъ статьямъ, какъ то можно видѣть въ отдѣлѣ о тѣлесномъ воспитаніи, но и по отношенію къ общему ходу мыслей. Послѣднее обстоятельство важно и потому, что уясняетъ взглядъ на составъ и характеръ Инструкціи: внимательно всматриваясь въ послѣднюю и сравнивая ее по главнымъ мыслямъ и ихъ развитію съ разсужденіемъ Локка, видишь какъ бы предъ глазами совершающуюся умственную работу императрицы, осязаешь, такъ сказать, самый процессъ

составленія Инструкціи. Послѣ многократнаго чтенія сочиненія Локка, усвоивъ въ точности его мысли касательно нравственнаго воспитанія, органически сочетавъ ихъ съ мыслями о томъ же предметѣ, заимствованными у другихъ писателей и съ своими собственными убѣжденіями, при письменномъ и самостоятельномъ ихъ изложеніи, она, по естественнымъ законамъ духовной производительности, не давая даже себѣ въ томъ отчета, должна была сообщить имъ иной порядокъ, соотвѣтствовавшій совершившемуся въ ея собственномъ умѣ процессу сочетанія идей.

Такъ, согласно съ ея собственными убѣжденіями, самымъ важнымъ и основнымъ условіемъ нравственнаго воспитанія должна быть наклонность къ добру, добродѣтель, основанная на религіи, а потому она даетъ первое мѣсто предписаніямъ объ образованіи наклонности къ добру, раздѣливъ эту часть на два отдѣла, изъ которыхъ первый, кажется, долженъ заключать въ себѣ правила касательно самаго приготовленія упомянутой наклонности и указать на общія средства къ этому приготовленію, второй — долженъ разсмотрѣть различные виды добродѣтели и, наоборотъ, недостатки и пороки, вмѣстѣ съ средствами укрѣпленія первыхъ и ослабленія и искорененія вторыхъ.

Главнымъ и могущественнымъ средствомъ приготовленія въ воспитанникѣ наклонности къ добру, добродѣтельной жизни, Локкъ признавалъ *пріученіе*. Изъ разсужденія Локка прямымъ путемъ и съ тѣмъ же значеніемъ пріученіе перешло и въ Инструкцію, что одно составляетъ важную педагогическую заслугу Екатерины II. „Душевная крѣпость, пишетъ она, оказывается въ преодолѣніи собственныхъ хотѣній и подчиненіи хотѣній здравому разсудку, и для того отъ младенчества надлежитъ хотѣніе дѣтей подчинить здравому разсудку и справедливости, дабы отъ младости поважены были повиноваться совѣту здраваго разсудка и справедливости, прежде еще, нежели умъ созрѣетъ (212). Кто съ младенчества не поваженъ повиноваться приказанію и совѣту родителей и приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать совѣта здраваго разсудка и справедливости (213). Ни въ какомъ случаѣ отъ младенчества не отдаляться отъ предписанныхъ правилъ, показывая вещи въ прямомъ видѣ, отдаляя умъ *Ихъ Высочествъ* отъ лжи и тонкости, поваживая къ откровенному по-

веденію, почитать правду, повиноваться здравому разсудку, обходиться съ людьми въ обществѣ вѣжливо“ (221) и т. д. Подобныя мысли разсѣяны въ Инструкціи по всему отдѣлу о нравственномъ воспитаніи.

Въ обѣихъ означенныхъ статьяхъ Екатерина II съ особенною силою указываетъ на необходимость образованія къ добродѣтели и старается направить дѣятельность надзирателей къ этой цѣли; доказательствомъ тому служатъ неоднократныя повторенія однихъ и тѣхъ же предписаній касательно добродѣтели, и притомъ не только въ упомянутыхъ двухъ статьяхъ, но и въ послѣдующихъ, имѣющихъ особенное содержаніе. Но въ то же время императрица понимала, что прежде всего необходимо приготовить почву, на которой обильно оплодотворялись бы всѣ наставленія для добродѣтельной жизни, необходимо выработать условія, которыя бы обезпечивали успѣхъ нравственныхъ внушеній, вооружить воспитанника средствами, съ которыми бы онъ смѣло выступилъ на путь добродѣтели, — словомъ установить такой взглядъ на себя и на все, его окружающее, который бы благопріятствовалъ дѣйствію на него каждой мѣры нравственнаго воспитанія. Такими приготовительными условіями и средствами Екатерина II признавала: кромѣ истиннаго богопознанія, повиновеніе верховной власти, почтеніе къ родителямъ, довѣренность къ приставникамъ и благоволеніе ко всѣмъ людямъ. „Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностью къ приставникамъ, совокупленнымъ съ любовью и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано“ (216).

Въ чемъ же состоитъ самая добродѣтель, по смыслу Инструкціи? Собравъ въ однородныя группы существенныя черты нравственнаго ученія, безъ строгаго порядка разсѣянныя по обѣимъ статьямъ, мы выразимъ ихъ такъ: истинное познаніе Бога, справедливость, основанная на любви къ ближнему, и благоволеніе ко всему, одаренному жизнью, подчиненіе воли здравому разсудку и справедливости составляютъ существо добродѣтели, къ осуществленію которой должно стремиться нравственное воспитаніе. Всѣ же остальныя черты нравоученія представляются второстепенными: онѣ или предполагаются тѣми основными положеніями, или составляютъ необходимыя ихъ слѣдствія. Сюда относятся мысли о послушаніи, объ

упрямствѣ, о кротости въ обращеніи съ людьми и животными, о лжи и обманѣ, о худыхъ и порочныхъ примѣрахъ, о смѣлости и о пустомъ страхѣ и опасеніи. Обращаясь къ главнымъ нравственнымъ положеніямъ, мы замѣчаемъ въ нихъ и тѣсную связь съ разсужденіемъ Локка и нѣкоторыми мыслями Монтеня, и нѣкоторую самостоятельность, частью въ расположеніи предметовъ, частью въ самомъ содержаніи мыслей. Такъ императрица выставила на первый планъ основную черту добродѣтели — истинное богопознаніе, между тѣмъ какъ у Локка это основаніе добродѣтели обставлено статьями: *о лжи и обманѣ и о благоразуміи.* Требованіе справедливости и благоволенія ко всему, одаренному жизнью, находимъ у Локка (417), хотя въ Инструкціи оно высказано съ большею самостоятельностью и заняло особый отдѣлъ. Что касается до третьяго положенія, то оно содержаніемъ своимъ напоминаетъ и Монтеня и Локка: первый разсматриваетъ его по отношенію къ рѣчи, требуя отъ своего воспитанника умѣнья владѣть своею рѣчью, строгаго подчиненія ея разсудку; второй придаетъ этому обстоятельству особенную важность, помѣщая его въ самомъ началѣ своего разсужденія о духовномъ образованіи.

Высказавъ правила и условія нравственнаго воспитанія въ собственномъ смыслѣ, императрица посвящаетъ особую статью на разсмотрѣніе внѣшней образованности, которую она называетъ *учтивостью.* Причина, почему она придавала такую важность учтивости, могла заключаться въ соображеніи назначенія воспитанниковъ. Что же касается до содержанія этой статьи, то оно составляетъ извлеченіе, и то не совсѣмъ удачное, изъ статьи въ разсужденіи Локка, подъ заглавіемъ: Von der feinen Lebensart (421—435). Локкъ изложилъ этотъ предметъ въ порядкѣ, съ приличными подраздѣленіями, между тѣмъ какъ въ Инструкціи извлечены только главныя мысли, и то безъ наблюденія надлежащей точности. Утративъ изъ памяти, а можетъ быть и нашедши излишнимъ въ своемъ краткомъ извлеченіи, принятое Локкомъ разграниченіе понятій, напр. Verschämtheit и Nachlässigkeit, Unachtsamkeit im Betragen, Höflichkeit и Wohlgezogenheit, и соединивъ всѣ въ одно, она естественно перемѣшала самыя наставленія, а потому не избѣжала частыхъ повтореній одной и той же мысли. Такъ въ Инструкціи — предостереженіе отъ презрѣнія и неуваженія къ людямъ и, наоборотъ, совѣтъ — пріобрѣтать по-

чтеніе и благоволеніе другихъ — повторяются нѣсколько разъ на двухъ страницахъ.

Чтобы предотвратить излишнее развитіе учтивости до тонкости, даже утонченности, а слѣдовательно до неестественности, предполагающей въ свою очередь притворство, Инструкція вслѣдъ за тѣмъ назначаетъ особую статью для указанія надлежащихъ предѣловъ учтивости и для точнѣйшаго опредѣленія правилъ касательно *поведенія дѣтей*. „Понеже желается видѣть въ дѣтяхъ сердце доброе, почтеніе къ истинѣ, склонность ко всякому добру, нравъ, наполненный учтивостью и благоволеніемъ къ людямъ и всякой твари, для того поведеніе дѣтей не должно быть основано на ничего не значащей тонкости (220). Поведеніе Ихъ Высочествъ да не будетъ притворное; учтивость же да будетъ аки природная и свойственная“ (221). Въ этой же статьѣ предлагаются наставленія касательно постепеннаго приготовленія воспитанниковъ ко вступленію въ свѣтъ, ознакомленія ихъ съ порядкомъ и отношеніями, существующими между людьми, касательно предостереженія противъ пороковъ, ласкательства и т. д. — „Кто не имѣетъ ни добродѣтели, ни учтивости, ни поведенія добраго, ни знанія людей и вещей, тотъ не будетъ никогда въ людяхъ человѣкъ достойный почтенія“ (223) — такъ заключаетъ императрица свою статью о нравственномъ воспитаніи.

Лавровскій.

Взглядъ на физич. воспитаніе Екатерины II и Бецкаго.

Въ 1766-мъ году И. И. Бецкимъ составлено было: „Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества“, которое разослано было, при особомъ указѣ Правительствующаго Сената, во всѣ присутственныя мѣста россійской имперіи для всеобщаго вѣдѣнія. Это наставленіе касается главнѣйшихъ предметовъ тѣлеснаго воспитанія отъ рожденія ребенка до 16-го года включительно, раздѣляя этотъ періодъ времени на три возраста и предписывая родителямъ и воспитателямъ для каждаго возраста особыя правила попеченія и предосторожности, необходимыя въ правильномъ и безвредномъ воспитаніи. Не говоря о томъ, что обнародо-

ваніе Физическихъ примѣчаній, составляя рѣдкое и поучительное явленіе въ области педагогическихъ явленій въ нашемъ отечествѣ, служитъ краснорѣчивымъ выраженіемъ просвѣщенной заботливости императрицы объ установленіи на разумныхъ началахъ воспитанія и о предотвращеніи и устраненіи вредныхъ послѣдствій господствовавшей тогда небрежности въ воспитаніи; не говоря о неизмѣримой пользѣ и обширномъ благотворномъ вліяніи, какъ естественныхъ слѣдствіяхъ ихъ обнародованія: мы обратимъ вниманіе на ихъ содержаніе и общее достоинство, потому что и то и другое необходимо для правильнаго разумѣнія значенія предписаній о тѣлесномъ воспитаніи, заключающихся въ Инструкціи.

Сравненіе послѣднихъ съ правилами о томъ же воспитаніи въ Физическихъ Примѣчаніяхъ можетъ привести къ положительному заключенію, если не о посредственномъ заимствованіи или извлеченіи всего этого отдѣла въ Инструкціи изъ Физическихъ Примѣчаній, то, по крайней мѣрѣ, о совершенномъ согласіи во взглядѣ на предметъ императрицы и Бецкаго, а равно и о томъ, что одни и тѣ же педагогическія и медицинскія предписанія служили источниками и руководствомъ при составленіи Инструкціи и Физическихъ Примѣчаній. Указавъ въ общихъ чертахъ на правила благоразумнаго первоначальнаго воспитанія дѣтей, Бецкій разсматриваетъ главныя условія тѣлеснаго воспитанія въ слѣдующихъ возрастахъ: одежду, пищу, сонъ, сохраненіе и возстановленіе здоровья дѣтей, правила, касающіяся ихъ духовнаго состоянія, на сколько оно зависитъ отъ состоянія тѣла. Въ основномъ взглядѣ на всѣ перечисленные предметы тѣлеснаго воспитанія Инструкція и Физическія Примѣчанія представляютъ совершенное согласіе, а этотъ взглядъ въ сущности есть взглядъ на тотъ же предметъ Монтеня и Локка, съ нѣкоторыми дополненіями, содержаніе которыхъ заимствовано изъ другихъ источниковъ, преимущественно изъ гигіеническихъ и медицинскихъ предписаній доктора Санхеса, или Саншеса. То же рѣшительное отрицаніе всякаго рода и вида искусственности, то же рѣшительное требованіе свободнаго и самостоятельнаго развитія посредствомъ упражненія, ту же главную цѣль тѣлеснаго воспитанія — крѣпость тѣла, пріученнаго къ трудамъ и лишеніямъ находимъ въ сочиненіяхъ Монтеня и Локка, Физическихъ Примѣчаніяхъ и въ Инструкціи. Близость послѣднихъ преимуще-

ственно къ разсужденію Локка такъ замѣчательна, что мы позволимъ себѣ для нагляднаго сравненія сопоставленіе нѣкоторыхъ наиболѣе сходныхъ мѣстъ.

Наставленіе Инструкціи *касательно здравія и сохраненія тѣла* начинается, какъ и у Локка и какъ въ Физическихъ Примѣчаніяхъ, предписаніями относительно одежды. „Да будетъ одежда Ихъ Высочествъ, пишетъ императрица, лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь. Чтобъ платье ихъ было какъ возможно простѣе и легче (203). Тѣ же предписанія, нѣсколько распространенныя, находятся и въ Физическихъ Примѣчаніяхъ. Das erste, wofür man sorgen muss, говоритъ Локкъ, ist, dass die Kinder nicht zu warm gekleidet oder bedeckt werden, es sey im Winter oder im Sommer... Die Kleider des Knaben müssen nie eng sein, am wenigsten um die Brust,“ и вслѣдъ за тѣмъ распространяется о вредномъ обычаѣ шнуровать дѣтей.

Пища и питіе да будутъ простыя, безъ пряныхъ зелій, или такихъ кореній, кои кровь горячатъ, и безъ многой соли.

Die Diät des Knaben muss ganz schlicht und einfach sein (37)... Salze man seine Speisen nur wenig und gewöhne ihn ja nicht zu scharf gewürzten Sachen (41)...

Буде кушать захотятъ между обѣда и ужина, давать имъ кусокъ хлѣба.

So oft er (Knabe) zwichen den Mahlzeiten zu essen verlangt, gebt ihm nichts als trocken Brod (42—46)...

Запрещается имъ давать вина инако, какъ развѣ по докторскому предписанію.

Sie müssten sonst nie ein geistiges Getränk trinken, als wenn es zur stärkenden Arzenei dient und vom Arzte vorgeschrieben wird (54).

Лѣтомъ вмѣсто завтрака и между обѣда и ужина давать можно вишенъ, земляники, смородины, яблокъ и грушъ спѣлыхъ.

Erdbeeren, Kirschen, Johannisbeeren oder Stachelbeeren können ihnen, dünkt mich, ohne Gefahr, und noch dazu reichlich gegeben werden... Man sollte sie vorher oder zwischen den Mahlzeiten essen und Kinder sollten sie zum Frühstück bekommen (57—58)...

Чтобы не кушали, когда сыты, и не пили, не имѣя жажды, и чтобы когда сыты, ихъ не потчевали пищею или питіемъ; чтобъ не пили холоднаго, вспотѣвши, или когда разгорячены,

и вспотѣвши, не пили инако, какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.

Ferner werdet ihr auch das gewinnen, dass ihr ihn nicht lehrt mehr und öfter essen, als die Natur verlangt (43)... Es ist für die Gesundheit und Nüchternheit gleich zuträglich, nicht mehr zu trinken, als ein natürlicher Durst verlangt (53)... So lange der Knabe erhitzt ist, müsste er überhaupt nicht trinken. Wenigstens wird durch ein gutes Brod, welches er vorher isst, so viel Zeit gewonnen, dass das Bier blutwarm wird, und dann kann er's sicher trinken (51).

Чтобъ какъ возможно *Ихъ Высочества* лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ, когда сіе не можетъ вредить ихъ здоровью. Зимою же колико возможно рѣже быть имъ возлѣ огня. — Чтобъ лѣтомъ играли на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ, на вѣтру. На огаръ лица и рукъ отъ солнца не смотрѣть. Вспотѣвши, не ложиться на мокрой травѣ.

Ferner ist est für jedermanns und insbesondere der Kinder Gesundheit sehr vortheilhaft, viel in freier Luft zu sein, und so wenig als möglich beim Feuer, selbst im Winter. (28).... Wenn ich den Rath gebe, man solle den Knaben in Wind und Sonne ohne Hut seine Spiele treiben lassen, so mögte man das unerträglich finden. Man würde mir Tausend Einwendungen machen, die alle nichts weiter sagen, als: die Sonne wird ihn schwarz brennen etc. (29)... Beim Spiel im Freien ist, so viel ich weiss, nur eine Gefahr zu fürchten, nämlich, dass der Knabe sich auf den kalten oder feuchten Boden niedersetze oder niederlege, wenn er sich durch Laufen erhitzt hat (30—31)...

Статья *о мыльнѣ и купальнѣ* начинается предписаніемъ употреблять баню, чего, разумѣется, нѣтъ у Локка, но что еще съ большею подробностью находится въ Физическихъ Примѣчаніяхъ. „По опытамъ оказалось, что то и другое (т.-е. баня и купанье) здравіе ихъ (Вел. князей) подкрѣпляетъ, и для того зимою и лѣтомъ, недѣли черезъ четыре или пять, водить ихъ въ баню и дозволять имъ париться и купаться". Должно сказать, что въ этомъ случаѣ императрица и Бецкій, независимо отъ всеобщаго народнаго обычая, основывались на рѣшительномъ мнѣніи въ пользу бань доктора Санхеса. Вотъ съ какимъ восторгомъ говоритъ послѣдній о баняхъ: „Дай Боже, чтобы физики и врачи въ Россіи испытали пользу, которую

весь народъ отъ бани получить можетъ! они будутъ увѣрены и скажутъ, что по законамъ политическимъ во всякомъ россійскомъ городѣ, селѣ и деревнѣ быть должно банямъ по числу жителей подъ хорошимъ присмотромъ". То же повторяетъ онъ и въ письмѣ Бецкому: „я обойтися не могу, чтобъ вамъ не представить: крайне надобно ввести бани въ употребленіе, какъ надежнѣйшее предохраненіе отъ многихъ болѣзней и средство къ укрѣпленію человѣческаго тѣла. Хотя отъ суевѣрія нынѣ въ Европѣ бани уничтожены, да тѣмъ въ то же время и сила и множество живущихъ на полдень европейцевъ исчезли; но сіе доказываетъ токмо, что безразсудные ревнители охотнѣе смотрѣли на изнеможеніе и разслабленіе своего народа, нежели на здоровье и укрѣпленіе онаго". Мнѣніе Санхеса и его предписанія касательно самаго способа употребленія бань приняты были императрицею и Бецкимъ за непогрѣшительныя и повторены — первою въ Инструкціи, вторымъ — въ Физическихъ Примѣчаніяхъ и въ „Разсужденіяхъ, служащихъ руководствомъ къ новому установленію Шляхетнаго кадетскаго корпуса". Предписанія касательно способа употребленія бань императрицею выражены такъ: „баню же приготовить должно по предписаніямъ доктора Санхеса, т.-е.: мокрымъ паромъ, поддавая холодною водою на горячіе каменья, прежде нежели войдутъ въ мыльню, дабы Ихъ Высочества сухой паръ не глотали;" подробнѣе эти предписанія перечисляются въ Физическихъ Примѣчаніяхъ.

Вслѣдъ за предписаніемъ о банѣ въ Инструкціи помѣщены предписанія, представляющія тоже сходство съ совѣтами того же содержанія въ разсужденіи Локка.

„Сверхъ того поваживать ихъ, чтобъ часто ноги мыли въ холодной водѣ для избѣжанія простуды и мозолей на ногахъ. Сіе, начавъ съ весны или лѣта и продолжая во всякое время года, предупредитъ многія простуды. — Лѣтомъ же купаться, сколько сами пожелаютъ, лишь бы предъ симъ не вспотѣли. — Чтобъ Ихъ Высочества спали не мягко, но на тюфякахъ, какъ привыкли, а отнюдь не на перинахъ, и чтобъ ихъ одѣяла были легкія, лѣтомъ простыя ситцевыя, подшитыя простынею, зимою стеганье, или стеганыя".

Ebenso wollte ich rathen, den Knaben täglich seine Füsse in kaltem Wasser waschen zu lassen (17).... Weil der Hauptzweck nur dahin geht, diese Theile durch öfteren Gebrauch

des kalten Wassers abzuhärten, und allem dem Unwesen vorzubeugen, welches gewöhnlich die zufällige Nässe an den Füssen, bei allen anders erzogenen Menschen, begleitet etc. (21)... Hierzu kommt, dass man damit auch den Leichdornen vorbeugt. (21)... Aber fangt im Frühjahre mit lauwarmem Wasser an, nehmet von Tage zu Tage kälteres; ihr werdet bald dahin kommen, dass ihr ganz kaltes nehmen könnt, und dann fahret Sommer und Winter damit fort. (21)... Das Bette des Knaben sei hart, und man gebe ihm lieber Matratzen als Federn. Ein hartes Lager stärkt den Körper; hingegen die Gewohnheit, sich alle Nächte in Federn zu vergraben, schmelzt ihn und löset ihn auf, wird oft die Ursach eines siechen Lebens und der Vorbote eines frühen Todes (69)...

„Спать имъ, чтобъ ночью голова не была покрыта или закутана, колико хотятъ, понеже сонъ дѣтямъ здоровъ; но какъ вставать рано здорово же, и для того поваживать Ихъ Высочества ложиться рано“.

Man sollte den Kindern in den zartesten Jahren so viel Schlaf verstatten, als sie nur verlangen... Alles, was hierin der Regel unterworfen werden muss, ist die Zeit, wenn die Kinder schlafen sollen, und sie wird durch die einzige Bemerkung bestimmt, dass es sehr nützlich ist, die Kinder zum Frühaufstehen zu gewöhnen .. Wenn nun die Kinder des Morgens früh aufstehen sollen, so folgt von selbst, dass sie Abends zeitig zu Bette gehen müssen (61)...

„За семь лѣтъ отъ осьми до девяти часовъ сна, кажется, довольно быть можетъ. — Когда же ихъ будить нужно, тогда оное чинить не вдругъ, но съ осторожностью, дабы не испугались, кликая ихъ по имени не громко“.

Ueberhaupt kann man, glaub ich, in dem Alter zwischen sieben und vierzehn Jahren... anfangen, sie stufenweise auf acht Stunden Schlaf einzuschränken (64)... Muss man sich sorgfältig hüten, dass man sie nicht hastig, oder mit lauter kreischender Stimme, noch mit irgend einem andern plötzlichen starken Geräusche wecke... Wollt ihr Kinder aus dem Schlafe wecken, so beginnet mit einem leisen Ruf und einer sanften Berührung, gehet in diesem Verfahren stufenweise fort, gönnet ihnen freundliche Worte, behandelt sie liebreich, bis sie ganz zu sich selbst kommen und ihr, nachdem sie völlig angekleidet

sind. keinen Zweifel mehr haben könnt, dass sie wirklich wach sind (66—67).

Представленныхъ для сравненія мѣстъ довольно, чтобы опредѣлить характеръ и значеніе отдѣла о тѣлесномъ воспитаніи въ Инструкціи, а равно и его отношеніе къ Физическимъ Примѣчаніямъ и къ отдѣлу того же содержанія въ разсужденіи Локка. Такое же сходство представляютъ и остальныя статьи: статья *о бользни и лькарствахъ* соотвѣтствуетъ 79—81 стр. Разсужденія Локка и статьи *о лькарствахъ* въ Физическихъ Примѣчаніяхъ (П С. З. Р. И. XVII, 1055); статья *о слезахъ* соотвѣтствуетъ особой статьѣ того же содержанія въ Локковомъ Разсужденіи: „Von dem Weinen und Schreien der Kinder" (стр. 329—338) и неоднократнымъ указаніямъ на тотъ же предметъ въ Физическихъ Примѣчаніяхъ.

Лавровскій.

Объ обученіи по Инструкціи.

Въ статьѣ объ обученіи или, какъ она озаглавлена въ Инструкціи въ „Наставленіи касательно знанія и того, что потому отъ дѣтей требуется" необходимо различать двѣ стороны: общую, въ которой излагается взглядъ на значеніе обученія, и частную, въ которой указывается порядокъ и ходъ обученія. Въ первой, какъ и должно было ожидать, императрица слѣдуетъ избранному ею руководству; во второй, гдѣ должно было начертать планъ обученія и назначить его предметы, соотвѣтственно особенному и высокому назначенію воспитанниковъ, она иногда отступаетъ отъ руководства, обнаруживая замѣчательную самостоятельность.

Взглядъ на значеніе и характеръ обученія въ Инструкціи тотъ же, какой мы видѣли въ сочиненіяхъ Монтеня и особенно Локка. „Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе, сходственное рожденію Ихъ Высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ... Ученіе же, или знаніе, да будетъ имъ единственно отращеніемъ отъ праздности и способомъ къ познанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію... Не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить свое

знаніе". Изъ этихъ мѣстъ видно, что Екатерина II не только не видѣла образовательной важности въ обученіи, но и отказала ему въ самостоятельности, признавъ его только средствомъ для отвращенія отъ праздности, для познанія способностей и для пріученія къ труду и прилежанію. Повторимъ и здѣсь, что не понимаемъ совершенства добродѣтели, предписываемой Инструкціею, когда послѣдняя низводитъ обученіе, или знаніе, до средства отвращенія воспитанниковъ отъ праздности и пріученія ихъ къ труду и прилежанію. Въ какой средѣ должна вращаться такая добродѣтель, какъ не въ средѣ привычки и авторитета? Вникнувъ съ одной стороны въ положеніе императрицы, не допускавшей возможности строго слѣдить за постепеннымъ развитіемъ взгляда на значеніе дидактики, съ другой — въ положеніе тогдашняго русскаго общества, остававшагося чуждымъ совершавшемуся тогда въ Германіи педагогическому движенію, никто не можетъ быть взыскателенъ ко внесенію въ Инструкцію понятія Монтеня и Локка о значеніи обученія. Мы признаемъ весьма важнымъ педагогическое значеніе Инструкціи уже потому, что она, усвоивъ существенныя черты сочиненій упомянутыхъ авторовъ, тѣмъ самымъ устранила вліяніе вредныхъ предразсудковъ, господствовавшихъ тогда въ области воспитанія и обученія. Инструкція, въ сравненіи съ современной ей воспитательной практикой, все еще заключаетъ въ себѣ важныя и драгоцѣнныя преимущества. Не забудемъ и того, что императрица имѣла въ виду питомцевъ, изъ которыхъ старшему только что исполнилось семь лѣтъ: для такого возраста и трудно возстановить болѣе или менѣе самостоятельное и правильное обученіе, хотя должно сказать, что въ Инструкціи высказанъ общій взглядъ на значеніе послѣдняго. Нисколько не сомнѣваемся, что императрица предоставила собственному своему усмотрѣнію съ годами усиливать занятія в. князей, а съ тѣмъ вмѣстѣ сообщать большую самостоятельность и самому обученію. Это подтверждаетъ и слѣдующее мѣсто разсматриваемаго наставленія: „предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ"; то же, и еще болѣе, подтверждаетъ ходъ обученія в. князя Павла Петровича: изъ Записокъ Порошина видно, что оно шло самостоятельно, занимало лучшую и опредѣленную часть дня; установленный порядокъ нарушался только на время болѣзни вел.

князя, или въ случаѣ особыхъ событій при дворѣ, требовавшихъ его присутствія. Изъ сказаннаго нами взгляда на значеніе обученія, высказаннаго въ Инструкціи, можно заключить, что хотя этотъ взглядъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправданъ здравыми педагогическими соображеніями, хотя онъ былъ несовременен и для конца прошедшаго столѣтія, тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ права строго обсуживать его, принимая во вниманіе всѣ условія составленія Инструкціи.

Понятіе о характерѣ обученія, также заимствованное, состоитъ въ томъ, что обученіе должно совершаться не иначе какъ подъ условіемъ собственнаго желанія и охоты воспитанниковъ, съ рѣшительнымъ устраненіемъ принужденія.

Главная мысль Инструкціи въ настоящемъ случаѣ: „чтобы воспитанники отъ игры къ ученію приступали столь же охотно, какъ къ игрѣ“ составляетъ сущность этого характера и повторяется весьма часто, что служитъ явнымъ доказательствомъ важности, какую придавала ей императрица. „Отнюдь Ихъ Высочествъ не принуждать къ ученію, но представлять имъ, что учатся ради себя и для своей пользы... Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть“ и т. д. Всѣ наставленія относительно этого предмета представляютъ повтореніе одной приведенной нами главной мысли. Повторяю, что при такомъ характерѣ обученія не могло быть мѣста страху — господствовавшему и общеупотребительному средству принужденія не только во время Монтеня и Локка, но и во время составленія Инструкціи. Нѣтъ нужды, конечно, распространяться о педагогической несостоятельности и вредѣ этого средства, нѣкогда могущественнаго, но давно отверженнаго не только теоріею, но и практикою воспитанія и обученія; для насъ довольно убѣжденія, что императрица вполнѣ раздѣляла мысли о немъ Монтеня и Локка; она даже удержала буквальное сравненіе, которое въ этомъ случаѣ употребилъ послѣдній; „страхомъ научить нельзя, ибо въ душу, страхомъ занятую, не болѣе вложить можно ученія какъ на дрожащей бумагѣ написать“. Объ одномъ только вспомогательномъ средствѣ для возбужденія охоты къ ученію упоминается въ Инструкціи: оно состоитъ въ примѣрѣ именно для этой цѣли приставленныхъ къ в. князьямъ молодыхъ людей, *Клавдія съ товарищи,* при чемъ сказано, что это средство употребляемо было при воспитаніи в. князей еще до посту-

пленія ихъ подъ наблюденіе кн. Салтыкова: „Буде къ которой новой наукѣ охоты не имѣютъ, тогда при нихъ посадить учить приставленныхъ къ нимъ молодыхъ людей, Клавдія съ таварищи, какъ и по сію пору при нихъ заведено“. Продолжительность каждаго пріема занятій опредѣлена точно получасомъ, и то подъ условіемъ охоты самихъ питомцевъ къ занятіямъ; въ противномъ случаѣ предписывается прекратить ученіе: „кончить всегда прежде, нежели они станутъ скучать“. Такъ Екатерина II постановила непремѣнымъ и постояннымъ условіемъ обученія своихъ внуковъ ихъ собственное желаніе, ихъ собственную охоту, и устранила даже мысль о возможности хотя малѣйшаго принужденія, а потому предоставила наставникамъ и воспитателямъ только право и обязаноость внимательно всматриваться въ ихъ дѣтскія занятія и, пользуясь обыкновеннымъ стремленіемъ дѣтей къ разнообразію, направлять эти занятія такъ, чтобы они незамѣтно и добровольно усвоивали полезныя и необходимыя знанія. На примѣръ приставленныхъ къ нимъ дѣтей она указала только какъ на вспомогательное средство для возбужденія охоты къ ученью, и то, какъ видно, въ особенныхъ случаяхъ: „буде къ которой новой наукѣ охоты не имѣютъ“.

Ничего нельзя сказать противъ такого взгляда на характеръ обученія, если принять во вниманіе тотъ возрастъ, который императрица имѣла въ виду. Благоразумное обученіе дѣтей этого возраста предполагаетъ осторожность и особенный педагогическій тактъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ опредѣленномъ количествѣ положительныхъ знаній, которыя непремѣнно должны быть сообщены дѣтямъ въ давное время, хотя и современная дидактическая практика, опираясь на обычаи и преданіе, доселѣ не теряетъ вѣры въ эту рѣчь. Съ одной стороны привесть въ ясность пріобрѣтенный уже, независимо отъ обученія, запасъ свѣдѣній посредствомъ правильно установленныхъ умственныхъ упражненій, опредѣлить взглядъ на предметы, ихъ связь и взаимныя отношенія, показать, что существуетъ та же связь и существуютъ тѣ же взаимныя отношенія между ихъ собственными мыслями, и тѣмъ самымъ довести ихъ до болѣе правильнаго, связнаго и послѣдовательнаго выраженія мыслей; съ другой — уяснить ихъ взглядъ и установить точку зрѣнія на тѣ предметы, съ которыхъ они должны начать свою учебную дѣятельность, приготовить наклонность, расположеніе

и любовь къ учебнымъ занятіямъ — вотъ въ чемъ должны состоять содержаніе и цѣль первоначальнаго обученія. Время, употребленное на эти занятія, хотя бы оно было и довольно продолжительно, такъ же мало можно считать потеряннымъ, какъ и время, употребленное на приготовительныя упражненія во всякомъ искусствѣ и ремеслѣ. Понятно, что они не могутъ терпѣть ни однообразныхъ и строго опредѣленныхъ пріемовъ, ни строго опредѣленныхъ часовъ, а должны отличаться живостію, свѣжестью и разнообразіемъ, чѣмъ отличается дѣтская природа. Что же должно сказать о тѣхъ наставникахъ, которые, какъ снѣгъ на голову, являются предъ неприготовленными дѣтьми и цѣлый часъ строго-учительскимъ тономъ объясняютъ имъ общія грамматическія опредѣленія; что должно сказать о состояніи дѣтей въ продолженіе этого часа, когда имъ толкуютъ то, чего они не могутъ понять, несмотря на искусство толкователя; что должно сказать о тѣхъ родителяхъ, которые, очевидно, любятъ своихъ дѣтей и однако добровольно отдаютъ ихъ на эту безсмысленную пытку? Мы видѣли, что наша императрица, хотя и руководствуясь убѣжденіями другихъ, успѣла составить болѣе и правильное, и здравое понятіе о характерѣ и потребностяхъ дѣтской природы и, согласно съ послѣдними, опредѣлила характеръ первоначальнаго обученія. Съ этой точки зрѣнія установленный императрицею характеръ обученія получаетъ важное педагогическое значеніе особенно въ своей противоположности съ господствовавшими у насъ въ то время понятіями о томъ же предметѣ. Повторимъ, что все, сказанное нами, относится къ тому возрасту, для котораго императрица писала свои наставленія. Вмѣстѣ съ годами, по мѣрѣ развитія умственныхъ способностей воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, должны были видоизмѣняться и дидактическіе пріемы, принимать болѣе опредѣленную форму. Вотъ почему тотъ же взглядъ на характеръ обученія въ разсужденіи Локка, распространяющемъ его на болѣе обширный періодъ дѣтскаго развитія, внушаетъ къ себѣ менѣе довѣрія: принятый безотносительно и неизмѣнно проведенный по всему процессу обученія, онъ скорѣе можетъ сообщить ложное и даже превратное понятіе о значеніи и достоинствѣ сообщаемыхъ познаній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о самомъ образованіи.

Нельзя не замѣтить болѣе самостоятельности въ наставленіи касательно предметовъ обученія. Здѣсь императрица не могла

ограничиваться сужденіями другихъ, потому что, при указаніи и распредѣленіи предметовъ обученія, необходимо было принять въ соображеніе назначеніе питомцевъ, условія мѣста и времени. Что же касается до порядка въ распредѣленіи предметовъ, то его здѣсь такъ же мало, какъ и въ разсмотрѣнныхъ выше статьяхъ. Недостатокъ порядка обнаруживаетъ и здѣсь упомянутую нами непривычку къ систематическому изложенію и нѣкоторую поспѣшность. Такъ предписанія касательно преподаванія Закона Божія помѣщены въ статьѣ о добродѣтели, въ статьѣ же объ обученіи императрица начинаетъ съ языковъ, отдѣляя ихъ отъ самыхъ знаній и сводя на искусство, что совершенно согласно съ предлагаемымъ ею разговорнымъ способомъ обученія языкамъ. За ними слѣдуютъ чтеніе и письмо, рисованіе и ариѳметика; за указаніемъ на географію, астрономію, хронологію и математику слѣдуютъ предписанія не обременять памяти излишнимъ заучиваньемъ; за ними — обученіе военной, сухопутной и морской, службѣ и т. д. Объ одномъ и томъ же предметѣ повторяется нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ, напр. о географіи, исторіи, о законахъ, о военномъ искусствѣ; повторяются неоднократно и самыя наставленія, напримѣръ касательно памяти.

Первое мѣсто въ ряду предметовъ обученія занимаетъ Законъ Божій, на знаніе котораго императрица указываетъ какъ на первую добродѣтель. Не входя въ подробное разсмотрѣніе способа и характера преподаванія, она въ этомъ случаѣ полагается на опытность избраннаго ею законоучителя, Софійскаго протоіерея Самбурскаго, въ полной увѣренности, что „онъ несомнѣнно въ сей важной части соразмѣрно дѣтскому понятію поступать будетъ“. Составленный для народныхъ школъ катихизисъ она признаетъ весьма полезнымъ и удобнымъ для дѣтей руководствомъ. Особенно важны ея наставленія, обращенныя ею къ приставникамъ: предписывая имъ говорить съ достодолжнымъ почтеніемъ о Законѣ, когда о немъ зайдетъ рѣчь, она самое ихъ обращеніе съ воспитанниками и отношенія къ послѣднимъ приводитъ въ связь съ преподаваніемъ Закона Божія, вмѣняя имъ въ обязанность подкрѣплять разговорами и дѣйствіями наставленія законоучителя: „приставники, при которыхъ сіи наставленія даваемы будутъ, имѣютъ въ разговорахъ и при удобныхъ случаяхъ сообразжаться съ сими постановленіями“. Этого одного наставленія

достаточно, чтобы понять, какъ смотрѣла императрица на законоученіе и какъ старалась сообщить религіозный характеръ всему воспитанію.

Послѣ Закона Божія въ Инструкціи говорится съ большею, сравнительно съ другими предметами, подробностію о языкахъ, при чемъ русскій языкъ обращаетъ на себя вниманіе императрицы, хотя, по ея предписанію, одновременно съ нимъ должно итти обученіе иностраннымъ языкамъ. „Языкамъ не иначе учить, какъ разговаривая съ ними на тѣхъ языкахъ, но чтобъ притомъ не забывали своего языка русскаго, и для того читать и говорить съ дѣтьми и по-русски, и стараться, чтобъ говорили по-русски хорошо. Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобъ знали какъ возможно лучше". Способъ обученія языкамъ, предписываемый Инструкціею, есть тотъ самый, который такъ живо изображенъ Монтенемъ, испытавшимъ на самомъ себѣ его пользу, то-есть практическій, разговорный. Слѣдуя Монтеню, и Локкъ совѣтуетъ учить языкамъ „nicht durch die Regeln der Grammatik, sondern dadurch, dass man sie im Umgang, durch fortgesetzten Gebrauch derselben den Kindern einschwatzt". Согласно съ мнѣніемъ послѣдняго, императрица предписываетъ вмѣстѣ и сообщеніе различныхъ полезныхъ знаній на тѣхъ языкахъ, которымъ дѣти обучаются: „Минералогію на латинскомъ, произращеніе на нѣмецкомъ, звѣрей на французскомъ"; даже Евангеліе предписывается читать на разныхъ языкахъ, сличая съ русскимъ. Все сказанное, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, относится къ латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. Но можно заключать, что въ то же время обучали в. князей и греческому языку, который, какъ говоритъ императрица, „долженъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ языковъ, кои Ихъ Высочествамъ полезны быть могутъ". Причины такого преимущества греческаго языка, приводимыя въ Инструкціи, весьма основательны: во-первыхъ, неудовлетворительность переводовъ, въ которыхъ всегда болѣе или менѣе утрачиваются красоты подлинниковъ, неудовлетворительность, происходящая не столько отъ неискусства переводчиковъ, сколько отъ слабости и недостатка другихъ языковъ; во-вторыхъ, изъ него заимствованы общепринятыя техническія слова для наукъ и художествъ, означающія существо самой вещи; въ-третьихъ, самый языкъ отличается пріятною гармоніею, игрою мыслей и изобиліемъ.

Одновременно съ практическимъ обученіемъ языкамъ должно было происходить обученіе чтенію, письму, рисованію и ариѳметикѣ, даже искусству писать подъ титлами; въ это же время предписывается начать обученіе географіи: „пока дѣти учатся языкамъ, начать географію общую и частную Россійской Имперіи“. Всѣ эти занятія, по предписанію императрицы, должны были совершаться одновременно, что̀, при практическомъ способѣ обученія языкамъ, конечно, не представляло затрудненія. Преподаванію же географіи въ это время полагалось только начало, а потому, послѣ перечисленія предметовъ первоначальнаго обученія, Инструкція упоминаетъ о ней снова и ставитъ ее на первомъ мѣстѣ въ ряду слѣдующихъ за тѣмъ предметовъ обученія. Замѣчательно также, что преподаваніе географіи въ Инструкціи прямо предписывается начинать съ Россіи: „географія, начавъ съ Россіи, астрономія, хронологія, математика“. Что должно въ настоящемъ случаѣ разумѣть подъ астрономіею, видно изъ слѣдующихъ словъ Локка: „когда ученикъ ознакомился съ земнымъ глобусомъ, можно перейти къ небесному, и, повторивши съ нимъ всѣ круги (съ болѣе подробными замѣчаніями касательно эклиптики), для большаго уясненія и утвержденія ихъ въ памяти, ознакомить его съ видомъ и положеніемъ различныхъ созвѣздій, показывая ихъ сначала на глобусѣ, а потомъ и на небѣ; послѣ достаточнаго ознакомленія съ созвѣздіями нашего полушарія, можно сообщить ему понятіе о нашей планетной системѣ; при этомъ весьма полезно показывать ему рисунки Коперниковой системы, объясняя положеніе планетъ, ихъ различное разстояніе отъ солнца, какъ центра ихъ движеній. Это самое легкое и естественное средство объяснить ему движеніе и теорію планетъ вообще“. Здѣсь, какъ и при изложеніи всякаго предмета обученія, Локкъ настоятельно требуетъ съ строжайшею постепенностію переходить отъ легчайшаго къ труднѣйшему и не обременять памяти ученика. Что касается до отдѣленія хронологіи и генеалогіи отъ исторіи, то оно также заимствовано у Локка, который называетъ хронологію отдѣльною наукою, необходимою для изученія исторіи. Почитаемъ излишнимъ всякое замѣчаніе о такомъ отдѣленіи, признавая въ то же время хронологію, какъ прекрасно объясняетъ и самъ Локкъ, необходимою принадлежностію исторіи. За поименованными предметами обученія въ Инструкціи слѣдуютъ предписанія каса-

тельно преподаванія исторіи, нравоученія и правилъ закона гражданскаго. Инструкція, къ сожалѣнію, оставила безъ опредѣленія, въ чемъ должно состоять нравоученіе, подъ которымъ, очевидно, должно разумѣть особый предметъ обученія. Разсужденіе Локка въ этомъ случаѣ не можетъ объяснить дѣла, потому что въ немъ высказано мнѣніе не въ пользу нравоученія, какъ самостоятельнаго предмета обученія дѣтей. „Если познаніе добродѣтели, говоритъ Локкъ, сообщаемо было неизмѣнно съ начала, при каждомъ удобномъ случаѣ, и притомъ больше на дѣлѣ, чѣмъ въ правилахъ, и если воспитанникъ пріученъ не къ удовлетворенію всѣхъ своихъ желаній и къ честолюбію, то я не знаю, нужно ли ему преподавать наставленія о нравственности, независимо отъ того, что онъ можетъ найти въ Библіи, и нужно ли преподавать ему систему нравоученія, прежде чѣмъ онъ будетъ въ состояніи читать книги Цицерона *Объ обязанностяхъ,* не для языка, какъ школьникъ, а для извлеченія изъ нихъ основаній и предписаній добродѣтели, для установленія своей будущей жизни“. Должно полагать, что нравоученіе составляло особую часть Закона Божія, какъ это видно изъ преподаванія того же предмета Павлу Петровичу. Обученію правиламъ закона гражданскаго, какъ и должно ожидать, придается весьма важное значеніе, какъ по самому существу предмета, такъ и по положенію и по значенію воспитанниковъ: „не знавъ оныхъ (законовъ), и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ“. Содержаніе этого предмета главнымъ образомъ должны составлять: „Наказъ Коммиссіи уложенія и учрежденія для управленія губерній Россійской Имперіи, законы россійскіе“. Изъ другихъ предметовъ обученія только по имени упоминаются слѣдующіе: естественная исторія и художества, подъ чѣмъ, кажется, разумѣлось искусство снимать чертежи и дѣлать разные опыты; древность и миѳологія, которыя, по малому значенію ихъ для воспитанниковъ, предписывается учить только для того, „чтобы не могли сказать о томъ, что не свѣдущи“; физика и исторія художествъ; всѣ части военной сухопутной, конной и морской службы. Изъ этого перечня однихъ именъ наукъ видно, что Инструкція, особенно въ статьѣ объ обученіи, отличается характеромъ программы, даже бѣглыхъ замѣтокъ, указывающихъ только на самый предметъ, изрѣдка — на степень его важности, рѣже на содержаніе и еще рѣже на способъ преподаванія. Изъ об-

щихъ замѣчаній касательно обученія можно найти только одно, заключающее въ себѣ запрещеніе обременять память воспитанниковъ излишнимъ заучиваньемъ наизусть: „сіе памяти не подкрѣпляетъ, ибо добрая память отъ добраго сложенія, а не отъ чего иного происходитъ". Исключеніе допущено только въ пользу избранныхъ краткихъ правилъ изъ писателей, „кои служить могутъ дѣтямъ для украшенія ума и основаніемъ въ поведеніи".

Если признать справедливымъ сдѣланное выше предположеніе касательно раздѣленія въ Инструкціи предметовъ обученія на два порядка по двумъ возрастамъ, то можно бы было заключить, что для послѣдняго возраста (11—15 лѣтъ) императрица намѣренно хотѣла обратить содержаніе обученія преимущественно на познаніе Россіи, что было бы также согласно съ положеніемъ и назначеніемъ воспитанниковъ. Справедливость заключенія подтверждается отчасти словами императрицы, указывающими именно на особенную важность основательнаго познанія Россіи, отчасти поименованными здѣсь предметами обученія. „Предписывается отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія, лишь примѣняясь къ оной, представлять надлежитъ, и для того приказать по временамъ составить таблицы частей, водя Ихъ Высочества отъ части до части" (230). Отсюда видно, что познаніе Россіи выдвинуто на первый планъ и на него указано какъ на средоточіе занятій в. князей, между тѣмъ какъ всѣ остальные предметы признаны второстепенными, преподаваніе которыхъ должно совершаться только въ примѣненіи къ главному. И можно полагать, что по отношенію къ этому предмету, если не со стороны строгаго порядка въ распредѣленіи матеріала, то со стороны обилія послѣдняго, не могло быть недостатка. Подробное описаніе каждой губерніи, составленное на мѣстѣ и полученное отъ генералъ-губернаторовъ, могло служить богатымъ источникомъ свѣдѣній и нуждалось только въ правильномъ выборѣ, основанномъ на знаніи дѣла и педагогическомъ тактѣ. и въ дидактической способности самихъ наставниковъ. Нельзя сомнѣваться, что послѣднія условія, совокупными и ревностными усиліями избраннаго обще-

ства воспитателей и наставников в. князей, выполнялись такъ, какъ только они могли выполняться въ концѣ прошедшаго вѣка.

Въ ряду предметовъ, обращенныхъ на познаніе Россіи, прежде всѣхъ останавливаетъ на себѣ вниманіе Русская Исторія, важность которой императрица могла оцѣнить едва ли не основательнѣе, чѣмъ кто-либо изъ ея подданныхъ и вообще изъ ея современниковъ. Съ любовію посвящая свои досуги на изученіе отечественной исторіи, съ усердіемъ занимаясь составленіемъ извлеченій изъ древнихъ лѣтописей и даже критическою оцѣнкою послѣднихъ, съ радостію встрѣчая и внимательно обсуживая каждое явленіе на необработанномъ тогда полѣ русской исторической литературы, она, безъ сомнѣнія, не замедлила внушить воспитателямъ в. князей все значеніе и весь интересъ предмета для ихъ питомцевъ. И кто знаетъ просвѣщенную любовь преимущественно одного изъ этихъ питомцевъ ко всему русскому вообще и къ Русской Исторіи въ особенности; кто знаетъ его постоянныя и полныя любви къ Россіи и наукѣ о ней сношенія съ нашимъ исторіографомъ, его царственное вниманіе къ трудамъ послѣдняго; кто знаетъ, что онъ и въ царскихъ чертогахъ, и на пути, и въ походной палаткѣ наканунѣ страшной битвы углублялся въ чтеніе отечественной исторіи: тотъ пойметъ всю неизмѣримую силу и всѣ благодѣтельныя послѣдствія внушеній императрицы, пойметъ истинный источникъ характера дѣйствій этого питомца среди грозныхъ событій начала нашего вѣка, а вмѣстѣ пойметъ всю силу воспитанія и всю важность науки о воспитаніи. Мы не знаемъ, въ чемъ состояло руководство для преподаванія Русской Исторіи, упоминаемое въ Инструкціи, вѣроятно, въ болѣе или менѣе осмысленномъ изложеніи замѣчательнѣйшихъ событій, и притомъ въ примѣненіи къ назначенію в. князей, какъ по крайней мѣрѣ можно судить по указаніямъ императрицы на существенно-важное въ содержаніи Всеобщей Исторіи.

Законовѣдѣніе и правосудіе, политико-экономическія свѣдѣнія и военное искусство во всѣхъ его отрасляхъ въ этомъ отдѣлѣ предметовъ обученія разсматриваются также по отношенію къ Россіи. Знаніе военнаго искусства требуется и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ: „военное искусство содержитъ двѣ части: одну, которую можно

узнать, не бывъ въ полѣ, а другую не инако какъ бывъ въ полѣ. Первая есть военное устроеніе, а другая полководительство" (231). Наконецъ и самую Всеобщую Исторію, содержаніе которой разсматривается здѣсь съ большею подробностію, предписывается преподавать въ примѣненіи съ одной стороны къ положенію и назначенію воспитанниковъ, съ другой — къ тому же познанію Россіи во всѣхъ ея частяхъ, такъ что и этотъ предметъ обученія, повидимому, разсматривается только какъ средство для расширенія и уясненія взгляда на собственное отечество; цѣль одна и та же. Такъ, во-первыхъ, изъ всего обширнаго содержанія Всеобщей исторіи, въ формѣ краткаго изложенія, должны быть сообщаемы слѣдующія извѣстія: „1-е о началѣ Государства, 2-е о знатныхъ происшествіяхъ, 3-е о важнѣйшихъ и похвальныхъ дѣлахъ Государей, 4-е о несчастіи послѣдствій порочныхъ дѣлъ, 5-е наслѣдственное или нѣтъ, 6-е ограничена ли власть Государя, 7-е какъ правится, 8-е и какими мѣстами, 9-е о военной силѣ сухопутной и морской, и въ чемъ примѣчательна, 10-е о многолюдствѣ, 11-е о доходахъ, богатствахъ, торговлѣ, естественномъ положеніи; имѣетъ ли всѣ выгоды природныя, либо получаетъ оныя изъ иныхъ странъ, 12-е о законѣ каждой земли, 13-е какія намѣренія имѣть могутъ въ разсужденіи своихъ сосѣдовъ"? (231). Во-вторыхъ, въ Инструкціи сказано, что „чтеніе похвальныхъ дѣлъ въ исторіи отличившихся людей полезно быть можетъ *аки поощреніе къ подражанію*". Изъ другихъ предметовъ обученія въ этомъ отдѣлѣ упоминается только о Естественой Исторіи, въ практическомъ ея примѣненіи, и о познаніи человѣка вообще, при чемъ относительно послѣдняго предмета въ Инструкіи не сказано ни слова о его содержаніи, порядкѣ и способѣ преподаванія*).

Изъ предложеннаго обзора предметовъ обученія по двумъ отдѣламъ видно, что послѣдній составляетъ лучшую и важнѣйшую заслугу императрицы и украшеніе Инструкціи, какъ по своей самостоятельности, такъ и особенно по направленію. О заимствованіи здѣсь не можетъ быть рѣчи по самому существу дѣла: выборъ этихъ предметовъ обученія обнаруживаетъ зрѣлое соображеніе высокаго назначенія воспитанниковъ и

*) Независимо отъ преподаванія поименованныхъ предметовъ, предписывается читать предъ воспитанниками избранныя лучшія сочиненія, для умноженія познаній, для сообщенія общеполезныхъ свѣдѣній. Сравн. Зап. Порошина.

проницательную заботливость привести все обученіе въ точное соотвѣтствіе этому назначенію. Можно бы было найти и другую черту, характеризующую тотъ и другой порядокъ предметовъ обученія: въ первомъ представляется преобладающимъ общее, а во второмъ частное направленіе, — и это распредѣленіе предметовъ обнаруживало бы правильный педагогическій взглядъ. Въ первую пору обученія, по чрезвычайной подвижности дѣтской природы и постоянному стремленію къ разнообразію, въ дѣтяхъ не успѣваютъ образоваться болѣе или менѣе сознательныя расположенія и наклонности, а потому едва ли было бо своевременно, а слѣдовательно и образовательно, заботиться о внушеніяхъ патріотическаго содержанія и вообще объ опредѣленномъ направленіи ихъ занятій. Эту пору императрица, конечно, имѣла въ виду, когда писала слѣд. строки: „прочихъ знаній основанія въ досужіе часы Ихъ Высочествамъ показывать можно, *буде охоту окажутъ, дозволяя имъ избирать по ихъ вкусу, къ которому болье прилежанія употребить желаютъ*“ (236); при чемъ дѣйствительно устраняемо было всякое стѣсненіе даже относительно самаго содержанія сообщаемыхъ знаній. Иныя явленія представляетъ та пора развитія, когда, на основаніи пріобрѣтеннаго запаса знаній и чувствъ и на основаніи однороднаго опредѣленія себя къ дѣйствію, постепенно образуются опредѣленныя наклонности, и притомъ, по причинѣ силы и глубины первыхъ впечатлѣній, отличающіяся особенною живостію, свѣжестію и прочностію: въ образованіи этихъ наклонностей могутъ и должны принимать участіе предметы обученія съ опредѣленнымъ направленіемъ. Такими соображеніями мы хотѣли только осмыслить замѣченное нами въ Инструкціи распредѣленіе предметовъ обученія по возрастамъ и особенность направленія въ этомъ распредѣленіи. Въ пользу приведенныхъ соображеній много говоритъ и то обстоятельство, что въ воспитаніи в. кн. Павла Петровича, поступившаго подъ непосредственное наблюденіе Порошина 10-ти лѣтъ, обнаруживается именно то же рѣшительное направленіе обученія къ познанію Россіи во всѣхъ ея частяхъ; это направленіе обнаруживается не только въ обученіи, но и во всей обстановкѣ воспитанія, въ разговорахъ и проч.

Изъ искусствъ упомянемъ прежде о музыкѣ, при чемъ скажемъ нѣсколько словъ и о стихотворномъ искусствѣ. И то

и другое искусство не нашло себѣ мѣста въ Инструкціи, что мы почитаемъ слѣдствіемъ вліянія на императрицу убѣжденій Локка. Нападая на современный ему обычай въ школахъ мучить дѣтей латинской версификаціей, Локкъ и вообще возстаетъ противъ обученія стихотворному искусству. „Если воспитанникъ не имѣетъ поэтическаго дарованія, то самое безсмысленное дѣло въ мірѣ мучить его и заставлять тратить время на занятіе, которое ему никогда не удастся. Если бы даже онъ и дѣйствительно имѣлъ поэтическое призваніе, то чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить отца, который бы желалъ или позволилъ питать и усиливать это призваніе. Я думаю, что родители должны, сколько возможно, стараться объ его истребленіи или подавленіи" и т. д.*). Продолжая весьма рѣзко высказывать свой далеко не поэтическій взглядъ на поэзію, онъ говоритъ, что на Парнассѣ весьма рѣдко открывали золотые или серебряные рудники, что тамъ пріятный воздухъ, но безплодная почва, что съ поэтическою наклонностію можно скорѣе потерять и послѣднее состояніе, чѣмъ пріобрѣсти что-нибудь**). Если еще можно согласиться съ нѣкоторыми мыслями Локка относительно стихотворнаго искусства, и то въ примѣненіи къ школамъ его времени, то уже никакъ нельзя согласится съ его взглядомъ на занятіе музыкой и на ея образовательное значеніе. Въ наше время, конечно, странною покажется слѣд. мысль замѣчательнаго педагога XVII столѣтія: „музыка отнимаетъ столько времени у молодаго человѣка, даже для достиженія посредственнаго искусства, и ради ея онъ часто попадаетъ въ такія пустыя общества, что нѣкоторые держатся того мнѣнія, чтобы сберечь это время для другихъ занятій. Между талантливыми и дѣловыми людьми я такъ рѣдко слышалъ похвалу кому-нибудь за особенное искусство въ музыкѣ, что, я думаю, ему должно отвести послѣднее мѣсто между всѣми возможными искусствами". Можно сомнѣваться, чтобы такая мысль Локка встрѣтила одобреніе большинства даже современнаго ему общества, если музыка, какъ и самъ онъ говорилъ, и въ его время у многихъ людей была въ большомъ уваженіи. Для насъ этотъ взглядъ на значеніе стихотворнаго искусства и музыки весьма важенъ: императрица

---

*) Allgem. Revis. IX. p. 515.

**) Ibid. p. 518—519.

вполнѣ раздѣляла его, повторила его въ своей Инструкціи и дѣйствительно исключила и то и другое искусство изъ круга предметовъ обученія, назначенныхъ ею для внуковъ. „Виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства". Въ какой мѣрѣ и какъ долго этотъ взглядъ имѣлъ дѣйствительное значеніе для практическаго воспитанія великихъ князей, ничего не можемъ сказать положительнаго; по крайней мѣрѣ извѣстно, что изъ числа предметовъ обученія, назначенныхъ для в. кн. Павла Петровича, не была исключена музыка.

Лавровскій.

Педагогическія руководства Екатерины II.

Всматриваясь въ содержиніе всѣхъ руководствъ Екатерины II, мы замѣчаемъ въ нихъ два главныя явленія: 1) постепенность въ распредѣленіи матеріала, соразмѣряемую, хотя болѣе съ внѣшней стороны, съ постепенностью въ развитіи дѣтскихъ понятій и 2) рѣшительно преобладающій нравоучительный, назидательный характеръ.

Постепеннотть въ распредѣленіи матеріала замѣтна и по отношенію ко всѣмъ сочиненіямъ вообще, и по отношенію къ каждому изъ нихъ отдѣльно. Въ первомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, ихъ должно распредѣлить въ слѣдующемъ порядкѣ: *Сказки о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ, Выборныя россійскія пословицы, Гражданское начальное ученіе, Продолженіе начальнаго ученія* и *Записки первой части.* Такой порядокъ отличается отъ порядка, въ какомъ перечислены самою императрицею тѣ же сочиненія въ Инструкціи (стр. 255). Но съ перваго же взгляда можно замѣтить, что, при перечисленіи ихъ въ Инструкціи, императрица вовсе не имѣла въ виду послѣдовательности ихъ распредѣленія. Такъ, *Продолженіе начальнаго ученія,* которое, по самому своему названію, а по содержанію еще болѣе, должно непосредственно слѣдовать за *Гражданскимъ начальнымъ ученіемъ,* въ Инструкціи отдѣлено отъ послѣдняго пятью сочиненіями; то же должно сказать о „Запискахъ первой части" по отношенію къ *Продолженію начальнаго ученія;* сказки о царевичѣ Февеѣ и о царевичѣ Хлорѣ, и по содержанію и по формѣ, очевидно, принадлежащія къ одному и тому же разряду, также отдѣлены одна отъ другой четырьмя

сочиненіями. Императрица и не имѣла нужды въ этомъ заботиться о порядкѣ въ ихъ перечисленіи, потому что главный періодъ образовательнаго вліянія этихъ книгъ уже прошелъ, и ея воспитанники, какъ она сама выражается, читали и перечитывали тѣ книжицы и правила тѣ уже въ нихъ вселены и имъ свойственны и привычны" (226). Въ Инструкціи она вмѣняетъ только въ обязанность приставникамъ, при удобныхъ случаяхъ, напоминать дѣтямъ заключающіяся въ этихъ книгахъ правила и ссылаться на нихъ, какъ было прежде, справедливо утверждая, что *тѣ начертанныя правила и впредь во многихъ случаяхъ годиться могутъ*. Порядокъ же, предложенный нами, основанъ на существѣ содержанія и формѣ, въ какую оно облечено. Съ этой точки зрѣнія сказкамъ неотъемлемо принадлежитъ первое мѣсто по времени. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ и характеръ дѣтской природы и характеръ сказокъ. Излишне распространяться здѣсь объ общеизвѣстной наклонности дѣтей къ сказкамъ, особенно съ примѣсью чудеснаго, вслѣдствіе весьма сильнаго и понятнаго развитія воображенія. Такая наклонность дѣтей объясняется не только ихъ природою и существомъ содержанія сказокъ, но и формою послѣднихъ. Дѣйствительно, форма разсказа есть самая удобная и самая доступная для первоначальнаго дѣтскаго пониманія. Здѣсь вся работа дѣтскаго ума и воображенія состоитъ въ наблюденіи за нитью разсказа посредствомъ простого присоединенія послѣдующаго явленія къ предыдущему; здѣсь явленія слѣдуютъ одно за другимъ, смѣняютъ другъ друга и потому не требуютъ для своего усвоенія особенной силы вниманія и особеннаго напряженія умственныхъ способностей вообще. Форма описанія уже требуетъ болѣе усилія отъ дѣтскаго ума, потому что въ ней явленія сопоставляются между собою, и ребенку необходимо одновременно и совокупно представить ихъ въ своемъ воображеніи, чтобы усвоить себѣ данное изображеніе. Если бы императрица намѣренно и не назначила сказкамъ перваго мѣста, то уже самый интересъ дѣтей упрочилъ бы за ними это первенство, особенно если принять во вниманіе главное положеніе, принятое при ихъ обученіи: не допускать ни малѣйшаго принужденія и все представлять собственной ихъ охотѣ. Разсматривая же остальныя сочиненія, всякій легко убѣдится, что содержаніе ихъ расположено въ порядкѣ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ крат-

кихъ изреченій и разсказовъ къ болѣе пространнымъ, отъ предметовъ, окружающихъ дѣтей, къ общимъ опредѣленіямъ; всякій, впрочемъ, въ то же время убѣдится, что это восхожденіе отъ легчайшаго къ труднѣйшему основано не столько на сущности сообщаемыхъ свѣдѣній, сколько на степени ихъ краткости, не столько на содержаніи ихъ, сколько на объемѣ.

Такъ, „Начальное гражданское ученіе“ состоитъ изъ краткихъ изреченій, вопросовъ и отвѣтовъ въ двѣ три строки, между тѣмъ какъ въ „Продолженіи начальнаго ученія“ встрѣчаются разсказы и даже общія опредѣленія значительнаго объема; еще пространнѣе изложеніе въ Запискахъ, гдѣ уже и самое содержаніе свѣдѣній представляетъ отличный характеръ. Нельзя однако утверждать, чтобы то же начало господствовало въ распредѣленіи свѣдѣній и по отношенію къ самому существу послѣднихъ. Яснымъ доказательствомъ отсутствія такого начала въ последнемъ отношеніи служитъ то, что во всемъ „Начальномъ ученіи нѣтъ ни одного разсказа, и только восемь вопросовъ, относящихся къ общеполезнымъ свѣдѣніямъ: все остальное состоитъ изъ краткихъ изреченій исключительно нравственнаго содержанія. Понятно, что нравственныя изреченія, и притомъ облеченныя въ сжатую форму, съ одной стороны наименѣе доступны дѣтскому разумѣнію, съ другой — наименѣе способны возбуждать, привлекать и питать вниманіе дѣтей. Нравственное изреченіе, какъ нравственное положеніе, есть высшее отвлеченіе изъ множества отдѣльныхъ дѣйствій; изреченія же Платона, Аристотеля, Діогена, Ксенократа, Віаса, Анаксагора, Хрисиппа, приведенныя въ „Начальномъ ученіи“, заключаютъ въ себѣ сущность ихъ продолжительныхъ и глубокихъ умозрѣній. Можно ли предлагать подобныя свѣдѣнія дѣтямъ въ самую начальную пору ихъ умственнаго развитія, можно ли ожидать отъ дѣтей сознательнаго ихъ усвоенія и заключается ли въ нихъ хотя небольшая доля интереса для дѣтей? Отвѣтъ такъ ясенъ, что всякое разсужденіе оказывается излишнимъ. Ребенокъ, ограничивающій всю свою духовную дѣятельность созерцаніемъ и воспріятіемъ отдѣльныхъ чувственныхъ предметовъ, съ трудомъ отличающій одно отъ другого отдѣльныя дѣйствія, читая подобныя изреченія: „всякому младенцу предлежатъ два великіе пути: первый — справедливости, второй — любви къ ближнему; не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было“ и т. д., рѣшительно неспособенъ созна-

тельно усвоить себѣ ни содержанія предлагаемыхъ изреченій, ни цѣли, для которой принуждаютъ ихъ читать, говорю — принуждаютъ, потому что нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ самъ съ охотою принялся за ихъ чтеніе. А что сказать о слѣдующихъ изреченіяхъ, заимствованныхъ, большею частью, изъ Наказа: „всякъ, въ обществѣ живущій, подверженъ общественнымъ законамъ; все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь; власть судейская состоитъ въ исполненіи законовъ" и т. д. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что упомянутое выше начало не принято въ основаніе при распредѣленіи матеріала соотвѣтственно постепенному развитію умственныхъ способностей дѣтей, что это начало не было сознано императрицею во всей его высокой педагогической важности, а усвоена и понята только внѣшняя его сторона. Если справедливы эти соображенія, то, безъ сомнѣнія, будетъ справедливо и то, что пословицы, въ силу внѣшней стороны того же начала, должны занять первое мѣсто въ ряду всѣхъ нравственныхъ изреченій и положеній. Выражая также нравственное положеніе, облеченное въ сжатую и легкую форму, онѣ представляютъ и то преимущество для начальнаго чтенія, что созвучіе, заключающееся въ большей ихъ части, весьма облегчаетъ ихъ усвоеніе и сохраненіе въ памяти. Въ пользу этой мысли говоритъ и то обстоятельство, что въ сочиненіи Базедова — Elementarwerk отдѣлъ нравоученія именно начинается пословицами (Lehren in Sprüchwörtern); мы уже говорили выше о несомнѣнномъ знакомствѣ императрицы съ этимъ сочиненіемъ. О преобладаніи нравоучительнаго характера пословицъ и гражданскаго начальнаго ученія можно заключить изъ сказаннаго нами. Тѣмъ же характеромъ отличаются сказки, „Продолженіе начальнаго ученія" и „Записки первой части".

Обѣ сказки — о царевичѣ Февеѣ и о царевичѣ Хлорѣ, по смыслу своего содержанія, направленію и характеру, весьма сходны между собою и отличаются, главнымъ образомъ, формою разсказа: первая въ простой, а вторая въ аллегорической формѣ изображаютъ идеалъ молодого царевича, тщательно воспитаннаго въ правилахъ добродѣтели и, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ и искушеніямъ, идущаго прямою дорогою къ указанной ему цѣли — той же добродѣтели. Господствующая идея ихъ одна: добродѣтель, въ ея разнообразныхъ проявле-

ніяхъ въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, должна составлять все содержаніе и всю цѣль жизни человѣка, она одна можетъ даровать истинное и полное счастье, а потому къ ней должны быть направлены и воспитаніе, и образованіе, какъ единственно надежныя средства для заготовленія упомянутаго содержанія жизни и для сообщенія достаточной силы къ достиженію упомянутой цѣли. Это-та идея, которая положена въ основаніе всѣхъ педагогическихъ сочиненій Екатерины II и которая сообщаетъ имъ нравственный характеръ. Но обѣ сказкѣ, сближаясь по сущности самой идеи, различаются между собою по характеру и полнотѣ ея выраженія. Первая олицетворяетъ добродѣтель въ самомъ царевичѣ и представляетъ, такъ сказать, ея развѣтвленія на отдѣльныя нравственныя качества и дѣйствія; вторая представляетъ добродѣтель внѣ его, вдали, какъ отдаленную цѣль его стремленій, рисуетъ жилище добродѣтели и путь къ ней, усѣянный терніемъ и исполненный трудовъ, препятствій и искушеній, — и поэтому пути ведетъ царевича къ цѣли. Первая изображаетъ царевича уже во владѣніи добродѣтелью и самое овладѣніе, какъ дѣйствіе, уже совершившееся; вторая изображаетъ самый процессъ овладѣнія добродѣтелью. Первая представляетъ осуществленіе добродѣтели подъ вліяніемъ непрерывнаго и заботливаго воспитанія и образованія; вторая изображаетъ ту же добродѣтель, пріобрѣтаемую въ самой жизни, въ борьбѣ духа съ внѣшними и внутренними препятствіями. Естественно, что въ послѣдней добродѣтель представляется прочнѣе, полнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ первой; самое содержаніе, по своей изобрѣтательности, и самая форма, по своей иносказательности, заключаетъ въ себѣ болѣе интереса, способнаго занять вниманіе дѣтей, если не возбудить ихъ нравственнаго чувства. Съ другой стороны также естественно, что первая сказка заключаетъ въ себѣ болѣе указаній на ходъ воспитанія и образованія, а слѣдовательно точнѣе и непосредственнѣе обнаруживаетъ воспитательныя убѣжденія императрицы. Приведемъ здѣсь существенныя черты этихъ двухъ идеаловъ воспитанія и образованія къ добродѣтели, потому что онѣ въ своей совокупности выражаютъ сущность педагогическаго взгляда императрицы и вмѣстѣ служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ статьѣ Инструкціи о добродѣтели.

Понятія свои о первоначальномъ воспитаніи Екатерина II

ясно высказала въ сказкѣ о царевичѣ Февеѣ, а потому и не возвращалась къ тому же предмету въ другой сказкѣ. Дитя, по рожденіи, передано было на руки мамы, вдовы разумной, особенное достоинство которой состояло въ умѣньи открывать причину крика и плача. Царевича „не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда, кормили же его порядочно и во время“ (I, 265). Спустя шесть недѣль, его клали каждый день по нѣскольку разъ на пестрый съ цвѣтными разводами коверъ, чтобы дать ему свободу движенія и упражненія рукъ и ногъ: „по маленьку повадился упираться ручками и ножками, и вскорѣ всталъ на ноги, ходилъ прежде года по стѣнкѣ, а потомъ по горницѣ“. Съ этого времени начинается намѣренное дѣйствіе на него, съ цѣлью развитія его духовныхъ способностей — и первымъ образовательнымъ средствомъ были игрушки, приспособленныя къ означенной цѣли: „онѣ давали ему спознаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семъ, и его понятію дѣтскому сходственно было“. Плодомъ этого намѣреннаго дѣйствія было то, что царевичъ Февей, „*не умья еще говорить,* самъ себѣ дѣлалъ означеніе всего того, что хотѣлъ изъяснить, и даже до азбучныхъ словъ зналъ; когда у него спрашивали, гдѣ которая литера, то указывалъ“. Послѣдняя мысль могла бы показаться сказочною, если бы она не оправдывалась господствовавшими въ то время понятіями о первоначальномъ воспитаніи. Съ половины истекшаго столѣтія, когда началось сильное движеніе въ области педагогики, когда прежнія педагогическія убѣжденія и практика подверглись тщательному и строгому пересмотру, а вслѣдъ затѣмъ и отрицанію, смѣнившее ихъ новое воззрѣніе, не ограничиваясь отрицаніемъ, озаботилось установленіемъ новаго, разумнаго порядка въ той же области, и естественно начало свое зданіе съ основанія, обратившись къ первоначальной порѣ дѣтскаго развитія. Первые опыты новыхъ стремленій, какъ и должно было ожидать, не были свободны отъ увлеченія и крайности. Воспитаніе самаго младенческаго возраста, предоставленное болѣе надежному надзору матерей и менѣе надежному наемному надзору, совершавшееся по преданію и богатое предразсудками, ложными пріемами и вредными вліяніями, обратило на себя слишкомъ усердное вниманіе педагоговъ. Плодомъ этого вниманія была подробная инструкція, положительно опредѣлявшая порядокъ,

характеръ и цѣль для того и другаго надзора, инструкція, основанія которой составляли неумѣренныя требованія отъ духовной природы дѣтей, подчиненной въ эту пору процессу тѣлеснаго развитія. Обученіе, ложное по взгляду на его образовательное значеніе, а слѣдовательно по существу и порядку его дѣятельности, ложное по его суровой и жестокой дисциплинѣ, ложное по времени его начала, вызвало такое же усердіе, сопровождавшееся такими же послѣдствіями: прежняя дидактика, ограничивавшаяся сообщеніемъ положительныхъ знаній, безъ мысли о ихъ примѣненіи къ жизни, безъ мысли о ихъ образовательномъ значеніи, вслѣдствіе упомянутаго движенія, вдругъ устремилась въ обратную сторону — и формальная цѣль стала первою и послѣднею цѣлію обученія; не самыя познанія, а развитіе посредствомъ ихъ способностей, и преимущественно разсудка, стало первою и послѣднею заботою возрожденной къ новой жизни дидактики. Мрачная, вооруженная бичемъ и розгами дисциплина, отбросивъ свои аттрибуты, ужасавшіе столько вѣковъ невинное дѣтство, вдругъ преобразилась въ игривую и веселую собесѣдницу дѣтей; игра стала исключительнымъ средствомъ для передачи и знаній, и нравственныхъ убѣжденій. Начало обученія, въ наибольшей части случаевъ встрѣчавшее ребенка у порога школы, вдругъ передвинулось къ самому дню его рожденія: въ первые мѣсяцы своей жизни онъ долженъ былъ подвергнуться операціи пресловутаго воззрительнаго обученія и, вмѣсто колыбельныхъ пѣсенъ, слушать произносимые предъ нимъ въ порядкѣ азбучные слоги. Вотъ въ какую пору развитія педагогики жила и дѣйствовала въ той же области императрица, — и мы уже неоднократно имѣли случай убѣдиться, что это новое направленіе не только не было ей чуждо, но что она усвоила изъ него все существенное, если не сказать — все лучшее. Послѣ этого, конечно, никому не покажется удивительнымъ, если приведенная выше мысль объ обученіи царевича Февея, не умѣвшаго еще говорить, найдетъ себѣ подтвержденіе въ сочиненіяхъ лучшихъ, представительныхъ педагоговъ того времени. „Въ началѣ жизни (когда ребенокъ еще не говоритъ), говоритъ Руссо, когда память и воображеніе еще не дѣйствуютъ, должно обращать его вниманіе на то, что дѣйствуетъ на его чувственные органы. Такъ какъ ощущенія составляютъ первый матеріалъ его познаній, то требуется представлять ихъ

въ надлежащемъ порядкѣ, приготовлять его память къ тому, чтобы она впослѣдствіи въ томъ же порядкѣ представила свои пріобрѣтенія уму". Въ этомъ смыслѣ должно понимать одну изъ основныхъ мыслей Руссо, что *воспитаніе начинается съ самаго рожденія: прежде чѣмъ ребенокъ говоритъ, слышитъ, онъ уже обучается.* Того же, и еще настоятельнѣе, требуетъ Базедовъ, составившій задолго до Песталоцци особое руководство для матерей, подъ заглавіемъ: Methodenbuch. Все, что ребенокъ (der Saügling) видитъ и слышитъ, говоритъ онъ, должно быть въ своемъ родѣ такъ пріятно, послѣдовательно и цѣлесообразно, какъ каждое семейство, по обстоятельствамъ, можетъ устроить. Сужденіе его, что это должно быть сдѣлано такъ, а не иначе, или что это справедливо или несправедливо, ранѣе развивается въ его мысляхъ, чѣмъ въ языкѣ... Часть дня должна быть назначена для дѣтей, даже не умѣющихъ говорить; она будетъ опредѣленнымъ временемъ (я назову его учебнымъ временемъ) для обращенія съ дѣтьми по плану; въ это время учебное обращеніе съ ними будетъ намѣреннымъ, главнымъ занятіемъ". Вслѣдъ за тѣмъ Базедовъ излагаетъ и свой способъ учебнаго обращенія съ дѣтьми. Такъ же поступалъ и Вольке съ девятимѣсячною Эмиліей, дочерью Базедова, употребляя ежедневно полтора часа для воспитательныхъ упражненій. — „Я училъ ее, по опредѣленному выбору и порядку, разнымъ предметамъ, показывая ихъ ей и ясно и раздѣльно называя" и т. д. Увлеченіе знаменитаго Песталоцци въ томъ же отношеніи извѣстно. — По истеченіи трехъ лѣтъ, царевичу привили оспу, послѣ чего еще болѣе усилилось его любознательность: „самъ собою, безъ принужденія, выучился читать, писать и цыфры". Таковы убѣжденія императрицы о первоначальномъ воспитаніи, вполнѣ согласныя съ современными ей педагогическими убѣжденіями; только что высказались послѣднія, какъ и были усвоены ею и примѣнены къ дѣлу.

Что касается до нравственнаго воспитанія, то оно въ сущности тоже, какое императрица высказала въ Инструкціи Салтыкову. Вотъ идеалъ благовоспитаннаго царевича, предложенный въ примѣръ в. князьямъ. „Царевичъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почтителенъ къ родителямъ и приставникамъ своимъ; онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ доброхотствомъ ко всѣмъ людямъ, не спор-

ливъ, не упрямъ, не боязливъ, повиновался всегда и вездѣ истинѣ и здравому разсудку, любилъ говорить и слушать правду, лжи же гнушался, даже и въ шутку не употреблялъ". Если мы присоединимъ сюда слова Рѣшемысла о томъ же царевичѣ, то будемъ имѣть довольно полное понятіе о томъ, что императрица почитала главнымъ содержаніемъ нравственнаго воспитанія: „наипаче Февей имѣетъ достохвальный даръ, говоритъ Рѣшемыслъ, разговаривая съ кѣмъ, вести рѣчь такъ, будто ищетъ онъ твоего благоволенія и не даетъ тебѣ малѣйшаго знака, чтобъ говорилъ съ тобою изъ одной милости; въ царевичѣ нѣтъ надменности, онъ любитъ ближняго какъ самого себя, и бывъ самъ человѣкъ, когда съ кѣмъ говоритъ, то помнитъ, что говоритъ съ человѣкомъ; всякъ же изъ насъ, говоря съ нимъ и впервыя, чувствуетъ въ своей душѣ нѣкое ободреніе и довѣренность, кои Февей возбуждаетъ снисхожденіемъ и учтивостью, душѣ его природною". Изъ отдѣльныхъ нравственныхъ положеній, высказываемыхъ императрицею въ обѣихъ сказкахъ, и изъ отдѣльныхъ нравственныхъ дѣйствій, приписываемыхъ обоимъ царевичамъ, мы приведемъ наиболѣе замѣчательныя: въ свѣтѣ нѣтъ совершеннаго счастья; разсудокъ долженъ господствовать надъ страстями; жизнь должна быть дѣятельная; трудъ преодолѣвается терпѣніемъ; истинная добродѣтель прямодушна, не изгибается, не ласкательствуетъ; истинная добродѣтель идетъ прямою дорогой и руководится честностью и правдою и т. д. Послѣднее положеніе составляетъ основную мысль всей сказки о царевичѣ Хлорѣ и развита съ большимъ искусствомъ, особенно примѣнительно къ дѣтскому возрасту. Вообще если простота разсказа, совершенно доступная самому слабому разумѣнію, и непосредственное, положительное нравоученіе, хотя и въ примѣрѣ, составляютъ отличительныя свойства первой сказки: то картинность, изобразительность, живописность съ одной стороны и иносказательность нравоученія съ другой — преимущественныя свойства второй. Изобразительность нерѣдко такъ жива, что предметы, такъ сказать, сами выступаютъ предъ глаза дѣтей и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Такъ изображена жизнь, представляющая безчисленныя пути каждому; лѣнивая и безпечная жизнь и, въ противоположность ей, полная дѣятельности и трудолюбія жизнь поселянъ. Естественно, что такая нравственная среда, въ которую постав-

лены императрицею ея образцы для подражанія, оба царевича, должна была проникать все ихъ существо. И дѣйствительно, всѣ ихъ поступки — отраженіе совершеннѣйшей добродѣтели: оба они отличаются терпѣніемъ и твердостью во всѣхъ обстоятельставахъ, смиреніемъ, почтеніемъ къ старшимъ, повиновеніемъ, не искушающимся никакими соблазнами, безкорыстіемъ, человѣколюбіемъ и незлобіемъ, храбростью и неустрашимостью. Даже мысли императрицы касательно частныхъ явленій воспитанія, напр. ложнаго страха дѣтей, тѣ же, что и въ Инструкціи, — доказательство, что, еще задолго до составленія послѣдней, она усвоила опредѣленный взглядъ на ходъ воспитанія и оставалась вѣрною однажды составленнымъ педагогическимъ убѣжденіямъ. Такъ, царевича Хлора стращаютъ оборотить летучею мышью, коршуномъ, волкомъ, лягушкою, но „царевичъ небоязливъ былъ, посреди слезъ расхохотался такой нелѣпости". Въ Инструкціи же читаемъ: „приставники ни въ какомъ случаѣ да не оказываютъ пустыхъ опасеній и страха, какъ-то напримѣръ: отъ грома, молніи, вѣтра, дождя или иной чрезвычайности, и чтобъ повадили дѣтей не опасаться пауковъ, мышей, собачья воя, качки кареты или лодки; также чтобъ видѣли, какъ лошади лягаютъ, топаютъ ногами и ржатъ, и чтобъ ко всему подходили". Наконецъ въ одной изъ сказокъ нельзя не замѣтить намека на упомянутый нами выше недостатокъ общества того времени, именно на страсть къ путешествіямъ заграницу, безъ опредѣленной цѣли, по одному подражанію. Царевичъ Февей, лѣтъ пятнадцати, „сталъ скучать тихою, спокойною и одинокою жизнью отцовскаго дома, желалъ чего самъ не зналъ, хотѣлъ видѣть пространный свѣтъ, что водится въ иной странѣ". Рѣшемыслъ, по этому поводу, высказываетъ въ сущности ту же мысль о времени, пользѣ и цѣли путешествій, какую мы уже слышали изъ устъ Собрина, въ комедіи: „Разстроенная семья". „Надежда Государь, призови царевича и скажи, что, любя его молодость, отпустить не можешь въ чужія люди, пока опытами не докажетъ, сколько послушенъ онъ тебѣ, въ душѣ имѣетъ твердости, въ нещастіи терпѣнія, въ щастіи умѣренности, что онъ непрерывно смѣлъ и щедръ, великодушенъ и кротокъ, да будетъ ему въ людяхъ честь и тебѣ хвала". Царевичъ остался дома.

Изъ предложеннаго обзора сказокъ видно, что нравственныя наставленія составляютъ все ихъ содержаніе, а нравоученіе —

всю ихъ цѣль. Императрица и здѣсь осталась неизмѣнно вѣрною главному своему убѣжденію, положенному ею впослѣдствіи въ основаніи всей Инструкціи, что „кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ, и что надлежитъ приступить къ основанію добродѣтелей полезныхъ душѣ отъ самаго младенчества“. Нравоучительный характеръ до того господствуетъ въ сказкахъ, что заслоняетъ собою разсказъ, служащій только средствомъ, и тѣмъ самымъ ослабляетъ успѣхъ своего образовательнаго вліянія. Если императрица сознавала потребность облечь нравственныя правила въ форму сказокъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующую степени духовнаго развитія дѣтей, то въ то же время сознавала, разумѣется, и справедливость мысли, что неприкрытое, такъ сказать, нравоученіе не способно возбуждать интереса дѣтей, а, слѣдовательно, и не способно съ успѣхомъ дѣйствовать на ихъ нравственность. Сказка должна заключать въ себѣ всѣ условія сказки, должна быть дѣйствительной сказкой, и по формѣ и по содержанію, а не по одному заглавію, — и тогда только она не замедлитъ обнаружить свое вліяніе на возбужденіе дѣтскаго вниманія.

Также господствующимъ является нравоучительный характеръ и въ Продолженіи начальнаго ученія, хотя послѣднее въ этомъ отношеніи значительно отличается отъ Гражданскаго начальнаго ученія, не только по объему статей, но отчасти и по формѣ самого нравоученія. Отличіе, главнымъ образомъ, состоитъ въ разсказахъ, заимствованныхъ изъ древней исторіи, не находящихся въ начальномъ ученіи, и въ опредѣленіяхъ, также съ назидательною цѣлью, различныхъ свойствъ и качествъ человѣка. Сюда относятся: съ одной стороны извѣстный разсказъ о Кирѣ изъ Ксенофонтовой Киропедіи, разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ, Юліи Кесарѣ, о лакедемонцахъ; съ другой стороны опредѣленія доброхотства, краснорѣчія, героя, остроумія, великодушія, бодрости духа. Все остальное — нравственныя положенія, изреченія того же содержанія великихъ мужей древности, общеполезныя свѣдѣнія — обще съ начальнымъ гражданскимъ ученіемъ. Относительно разсказовъ должно замѣтить, что выборъ ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они заимствованы изъ царственнаго круга. Здѣсь только можно сказать то же, что было сказано выше, то есть, что исключи-

тельное господство нравоученія въ разсказахъ, наполняющее собою все ихъ содержаніе, способно скорѣе ослабить, чѣмъ возбудить интересъ дѣтей: μηδὲν ἄγαν — должно быть девизомъ всѣхъ дѣтскихъ книгъ этого направленія. Можно ли разсчитывать на охоту дѣтей читать разсказы, гдѣ они въ каждой строкѣ должны читать наставленія: „ты долженъ учиться прилежно, потому что ученіе полезно; ты долженъ вести себя благопристойно" и т. д., а слѣдовательно, можно ли разсчитывать и на образовательность такихъ разсказовъ? Самое однообразіе направленія крайне утомительно для вниманія, и одно можетъ поручиться въ томъ, что ребенокъ по доброй волѣ не станетъ почерпать изъ такой книги разсѣянныхъ для него въ изобиліи правилъ добродѣтели. Между тѣмъ не только разсказы, но вообще и все продолженіе начальнаго ученія страдаетъ вреднымъ недостаткомъ излишества нравоученія. Приведемъ для образца нѣсколько строкъ изъ разсказа объ Александрѣ Македонскомъ. „Труды онъ сносилъ съ терпѣніемъ; праздность, роскошь и лишнія украшенія онъ презиралъ. — Александръ съ природы былъ уменъ; воспитаніе его сходствовало природнымъ его дарованіямъ; онъ основательно обучался разнымъ наукамъ. Учитель его былъ Аристотель философъ. Отъ различныхъ упражненій Александръ пріобыкъ къ трудолюбію. Самыя его игры и забавы не иныя были, какъ тѣ, кои придаютъ тѣлу силу, проворство и здравіе; прочія забавы мало уважалъ. Началъ было учиться музыкѣ съ успѣхомъ, но когда отецъ его спросилъ: не стыдно ли ему столь искусно играть? уменьшилъ охоту въ такой наукѣ, *на которую много времени для полученія искусства теряется безъ пользы иной, окромѣ забавы*. Александръ, любя науки и научась отъ младости, а паипаче какъ владѣть самимъ собою, по мнѣнію многихъ, трудолюбіемъ, краснорѣчіемъ, великодушіемъ, воздержаніемъ, остроуміемъ, бодростью духа и неустрашимостью пріобрѣлъ не менѣе успѣха, нежели силою и орудіемъ однѣми ожидать можно было" и т. д. Здѣсь историческій разсказъ служитъ только канвою, которая по произволу украшается узорами нравоученія. Впрочемъ, въ этомъ недостаткѣ можно обвинять только общее направленіе въ то время относительно книгъ этого рода, между тѣмъ какъ важныя достоинства разсказовъ: легкость, простота, ясность, живость и, наконецъ, подборъ мыслей, вполнѣ доступныхъ дѣтскому разумѣнію, неотъемлемо принадлежатъ императрицѣ.

Тѣми же достоинствами отличаются и опредѣленія, что̀, по нашему мнѣнію, имѣетъ право на особенное вниманіе. Опредѣленіе есть самая трудная для дѣтскихъ понятій форма передачи какихъ-либо свѣдѣній: заключая въ себѣ объясненіе видового понятія чрезъ родовое, оно всегда ведетъ къ опредѣляемому неизвѣстному (видовому понятію) чрезъ неизвѣстное также родовое понятіе, тогда какъ, по общему закону, понятія развиваются путемъ отъ единичнаго, конкретнаго, къ общему и отвлеченному, слѣдовательно путемъ синтеза. А потому, если дѣтямъ неизвѣстно видовое понятіе, послѣднее едва ли когда можетъ быть объяснено при посредствѣ родового; въ ихъ сознаніи вовсе не уясняются понятія мухи, лошади, человѣка, когда говорятъ: муха есть насѣкомое, лошадь есть животное, человѣкъ есть существо разумное и т. д. Отсюда, между прочимъ, видно, какъ ложно и несоотвѣтственно естественному развитію понятій направленіе наибольшей части и наиболѣе употребительныхъ нашихъ руководствъ, начинающихся съ общихъ опредѣленій и развивающихъ ту или другую отрасль знаній путемъ строгаго анализа. И неужели такъ необходимо это обращеніе къ родовому понятію? Развѣ не легче достигнуть той же цѣли чрезъ перечисленіе и сопоставленіе частныхъ понятій и признаковъ, изъ болѣе или менѣе точной совокупности которыхъ слагается опредѣляемое понятіе? Согласны, что и этотъ путь труденъ для дѣтей, что ихъ умственная способность еще слишкомъ слаба, чтобы держать въ одно и то же время въ памяти всѣ слагаемыя и сводить ихъ въ одну логическую сумму: все же этотъ путь естественнѣе, какъ требующій сложенія извѣстныхъ для открытія искомаго неизвѣстнаго, а не разложенія неизвѣстныхъ для той же цѣли. Вникая въ характеръ опредѣленій, находящихся въ „Продолженіи начальнаго ученія“, мы замѣчаемъ, что они проведены послѣднимъ путемъ, и только можно опасаться за полноту содержанія такихъ понятій, каковы: великодушіе, остроуміе, бодрость духа, герой, — содержанія, слагающагося изъ частныхъ ихъ проявленій. Вотъ для образца нѣсколько опредѣленій. „Что есть герой? Герой есть тотъ, котораго многочисленныя дарованія естественныя суть совершеннѣе обыкновенныхъ людей, и который изъ всѣхъ оныхъ дарованій учинитъ употребленія столь же добрыя и полезныя, сколь дарованія его отличны суть. Таковые люди суть рѣдки; лучшій же изъ нихъ тотъ есть, котораго добродѣянія

числомъ превосходятъ другихъ". „Что есть остроуміе? Кажется, остроуміе составлено изъ чистаго понятія настоящаго положенія вещи: изъ проницательнаго обнятія какъ начала, такъ и слѣдствій оной, потомъ изъ точнаго, краткаго и сильнаго изъясненія отъ того происходящихъ справедливыхъ мыслей, разсужденій или заключеній". „Что есть великодушіе? Великодушіе означивается дѣяніями при всякомъ маломъ или великомъ случаѣ; но таковыя дѣянія происходятъ отъ разныхъ качествъ, кои всѣ составляютъ великодушіе", — и вслѣдъ за тѣмъ на двухъ страницахъ перечисляются эти разныя качества. Легко можно себѣ представить, какъ трудно дѣтямъ изъ всѣхъ поименованныхъ проявленій великодушія составить ясное и раздѣльное понятіе о самомъ великодушіи, и, наоборотъ, какъ легко, съ опущеніемъ нѣсколькихъ членовъ, составить сбивчивое и даже неправильное понятіе. Мы уже не говоримъ о томъ, дѣйствительно ли изъ этихъ и только ли изъ этихъ явленій слагается великодушіе; не говоримъ также о томъ, что самая отвлеченность понятій вызывала иногда и выраженія, превышающія дѣтское разумѣніе, напр. „рвеніе чувствъ и наклонность ко всему тому, что носитъ на себѣ красивый образъ добродѣтели или величественный видъ совершенства". Замѣтна и неточность въ опредѣленіяхъ. Кто, напр., узнаетъ доброхотство въ слѣдующихъ словахъ: „оно веселитъ того, кто его оказываетъ, и того, кто его увидитъ или услышитъ; самая неблагодарность обращается доброхотству въ поощреніе?" Послѣднее опредѣленіе замѣчательно и потому, что изъ него можно извлечь заключеніе и о недостаткѣ углубленія въ предметъ опредѣленія: то же доброхотство вошло въ содержаніе понятія — *великодушіе,* но оно опредѣлено здѣсь иначе: доброхотство неутомленно ища случай вездѣ вмѣстить добро и пользу, и ежечасно, хотя само себя не жалѣетъ ради того, но другихъ оберегаетъ и предохраняетъ отъ вреда, гдѣ къ тому способъ найдетъ". Императрица сама понимала, что подобныя нравственно-отвлеченныя положенія не соотвѣтствуютъ понятіямъ дѣтей и не способны возбуждать ихъ интересъ: это видно изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ она старалась, сколько было возможно, приблизить къ степени развитія дѣтей, представить ихъ въ болѣе наглядной формѣ посредствомъ сравненій, уподобленій и олицетвореній.

Матеріалъ для дѣтскаго чтенія, заключающійся въ Запискахъ

первой части, отличается особеннымъ характеромъ. Вникая въ содержаніе Записокъ, мы замѣчаемъ въ немъ два главныя направленія и двѣ главныя цѣли: первое направленіе, составляющее основу всего содержанія, есть учебное съ реальнымъ характеромъ, второе — нравоучительное; первая цѣль — сообщеніе воспитанникамъ положительныхъ знаній, расширеніе посредствомъ ихъ круга зрѣнія на міръ дѣйствительный вообще и на міръ русскій въ особенности; вторая цѣль состоитъ въ продолженіе укрѣпленія въ добродѣтели, въ возвышеніи нравственности. Послѣднее направленіе и послѣдняя цѣль занимаютъ здѣсь только второстепенное мѣсто, примыкаютъ къ первымъ, какъ приложеніе; ихъ присутствіе въ Запискахъ служитъ только новымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что императрица, проникнутая господствовавшимъ въ ея время направленіемъ не только въ педагогикѣ, но и въ литературѣ, не понимала даже возможности дѣтскаго чтенія безъ намѣреннаго возбужденія къ добродѣтели посредствомъ особыхъ статей въ тѣсномъ смыслѣ назидательнаго характера.

Положительныя свѣдѣнія, сообщаемыя воспитанникамъ, во-первыхъ, довольно разнообразны: географія и этнографія, исторія и языкъ, торговля и промышленность служили для нихъ источниками; географическія свѣдѣнія наполняютъ большую часть содержанія; во-вторыхъ, что составляетъ особенную, характеристическую черту Записокъ, эти свѣдѣнія имѣютъ главнымъ своимъ предметомъ русскую землю, русскій народъ, русскіе нравы и обычаи. Порядокъ, въ какомъ излагается содержаніе, состоитъ въ слѣдующемъ: сообщаются свѣдѣнія о какой-либо области, о городѣ, народѣ, и къ нимъ часто присоединяется разсказъ, вымышленное происшествіе, съ явною цѣлью поученія. Приведемъ примѣры. Подъ № 51 сообщаются свѣдѣнія объ Архангельскѣ: „городъ Архангельскъ построенъ на берегу рѣки Двины Бѣломорской. Сія рѣка течетъ въ Бѣлое море“, — и вслѣдъ за тѣмъ разсказывается анекдотъ, напоминающій дѣтямъ объ умѣренности и воздержаніи въ пищѣ, о вредѣ отъ невоздержности, при чемъ указывается на необходимость строгаго наблюденія за качествомъ и количествомъ дѣтской пищи. „У города Архангельска случилась свадьба, на которую позвали гостей много, съ женами и съ дѣтьми. Гости пріѣхали, сѣли за столъ; отцы и матери сѣли съ женихомъ и съ невѣстою, а для дѣтей слуги накрыли столъ

въ другой горницѣ, по тѣснотѣ покоя. Поставили дѣтямъ таковое же кушанье, какъ и за свадебнымъ столомъ было. Архангелогородскія мяса и рыбы жирны и отмѣннаго вкуса, наипаче же телятина и рябчики, изъ рыбъ треска, навага, сельди и иныя. Дѣти обрадовались, что оставлены безъ присмотра, на свою волю, почали кушать сколько было мочи, тарелку за тарелкой мѣняли; слуги то и дѣлали только, что раскладывали и перемѣняли тарелки; потомъ принесли имъ пирожное, за симъ кашу, молоко и конфеты; всякій набивалъ брюшко туго; послѣ стола разошлись гости по домамъ; тутъ во всякомъ почти домѣ поднялся крикъ отъ тѣхъ дѣтей, кои были на томъ пиру; иное дитя жаловалось брюшкомъ, иное головой, иное почувствовало жаръ, иное ознобъ, иное рѣзь въ животѣ, иное боль въ желудкѣ. Призвали лѣкарей, докторовъ, дали имъ лѣкарство. Тутъ въ иныхъ домахъ поднялся новый крикъ; нѣкоторыя не хотѣли принять лѣкарства, иныя принимали со слезами, а иныя не морщась, иныя изъ тѣхъ дѣтей выздоровѣли, иныя остались больны во весь вѣкъ, иныя очень долго, а иныя померли оттого, что неумѣренно кушали“ (III, 149—150). Подъ № 58 говорится, что на Онѣгѣ, текущей изъ озера Лача въ Бѣлое море, построенъ г. Онѣга — и затѣмъ помѣщенъ разсказъ, научающій дѣтей кротости въ обращеніи съ животными. „Туда (въ Онѣгу) пріѣхалъ на торговомъ суднѣ мѣщанинъ нѣмецкаго города Гамбурга, на судно хотѣлъ грузить хлѣбъ и лѣсъ. Спросили у него, какія вѣсти изъ-за моря? Сказалъ, что онъ отсталъ въ Сѣверномъ морѣ отъ своихъ товарищей города Гамбурга и города Бремена, кои ѣздятъ, такъ какъ и голландцы, на китовую и сельдяную ловлю въ Сѣверный океанъ, сошелъ съ судна, пошелъ на постоялый дворъ; тутъ нашелъ у одного, тамо живущаго англичанина, который строитъ корабли, маленькую дѣвочку. Дѣвочка на то время поймала муху и, принеся муху къ нему, какъ диковинку, сказала: посмотри, какъ муха хороша! потомъ дѣвочка, не ожидая отвѣта, оборотясь къ своей нянѣ, молвила: я у мухи отыму крылья, чтобъ она не улетѣла, а послѣ кормить ее стану. Няня спросила: развѣ муха тебя укусила? Нѣтъ, сказала дѣвочка, муха не укусила. Няня опять спросила: для чего же ты мухѣ хочешь дѣлать вредъ? Отнять у мухи крылья, равную боль ей причинишь, какъ бы у тебя кто отнялъ руку или ногу; она кричать не можетъ, какъ ты,

а животное и чувства имѣетъ; ты не должна дѣлать зло животному". Дѣло кончилось тѣмъ, что дѣвочка наконецъ муху отпустила, а гамбургскій мѣщанинъ „вынулъ изъ кармана записную книгу, записалъ сей разговоръ, и какъ возвратился домой, то дѣтямъ своимъ велѣлъ наизусть выучить, что няня говорила" (III, 151—152). Подъ № 64 разсказывается о самоѣдахъ, а подъ № 65 — вымышленное происшествіе, отнесенное къ нимъ же и заключающее въ себѣ наставленіе, что не только не должно дѣлать вреда животнымъ, но и растеніямъ, что „всякой вредъ есть вредъ". Подъ № 80 сообщаются свѣдѣнія о Камчаткѣ, а подъ № 81 — разсказъ, научающій дѣтей быть внимательными и благотворительными къ нищимъ, но съ разборомъ, чтобы, подавая милостыню мнимымъ нищимъ, не отнимать тѣмъ милостыни у дѣйствительно нищихъ (161—162). Содержаніе нѣкоторыхъ правоучительныхъ разсказовъ такъ важно и любопытно, такъ ясно высказываетъ нѣкоторыя педагогическія убѣжденія императрицы, что мы почитаемъ обязанностью остановиться на немъ. Послѣ свѣдѣній о Херсонѣ (№ 17), подъ № 18 передается разговоръ купца, пріѣхавшаго въ Херсонъ съ шестилѣтнимъ сыномъ. Императрица устами перваго высказываетъ свои понятія о внѣшнихъ достоинствахъ дѣтей, или, говоря языкомъ Записокъ, о томъ, какихъ дѣтей называютъ *хорошими*. „Хорошимъ называютъ того, у кого цвѣтъ лица здоровый, бѣлъ, румянъ, глаза живые, носъ ни великъ, ни малъ, ротъ величины умѣренной, лобъ волосами не слишкомъ закрытъ, да и не безъ волосъ, ростъ не чрезвычайной высоты, да и не очень низокъ, станъ складенъ, чтобы ни въ которомъ членѣ безобразія не было, и не притворный видъ имѣлъ, не смотрѣлъ угрюмо или исподлобья, не улыбался безпрестанно, не кривлялся, былъ скроменъ и притомъ привѣтливъ". При этомъ дѣлается предостереженіе отъ лести. Изъ Херсона купецъ отправился въ Кіевъ; изъ Кіева и иныхъ украинскихъ городовъ рогатый скотъ гоняютъ на продажу въ землю польскую. Затѣмъ передается разговоръ, происходившій въ столицѣ земли польской, въ Варшавѣ, между матерью и сыномъ (№ 23). „Мать. Почему ты любезенъ? — Дитя. Потому, что я уменъ иногда. — Мать. Это не довольно, что ты уменъ иногда, а иногда нѣтъ. — Дитя. Я отъ сего дня буду уменъ всегда. — Мать. Хорошо. Да что ты называешь быть умнымъ? — Дитя. Я все буду дѣлать хо-

рошо. — Мать. Знать, ты думаешь, что это такъ очень легко? — Дитя. Не мудрено, лишь захочу, такъ и сдѣлается. — Мать. Какъ это будетъ? — Дитя. Я всегда буду дѣлать, что вы скажете" (139—140). Мать заставляетъ сына писать; при чемъ показываетъ, какъ онъ долженъ держать себя, бумагу, перо; говоритъ, что должно имѣть терпѣніе, что на всякую науку приличное время надобно, что должно стараться только сегодня дѣлать лучше вчерашняго, а завтра лучше сегодняшняго, что всякій возрастъ имѣетъ свое понятіе и свой разсудокъ по своимъ лѣтамъ. „Понятіе и разсудокъ твоихъ лѣтъ въ томъ должны состоять, чтобы ты зналъ и чувствовалъ, что ты дитя, которое ничего не можетъ дѣлать безъ помощи другихъ людей... А послѣ, Богъ дастъ здоровья, выростешь, и знанія твои умножатся, и будешь человѣкъ съ недостатками...., потому что совершенство человѣку не дано... единъ Богъ совершенъ". Всмотритесь пристально въ смыслъ наставленій матери, и вы тотчасъ замѣтите, какъ слабо они соображены съ дѣтскими способностями, съ степенью дѣтскаго развитія, какъ трудно имъ достигнуть цѣли, и самое благородное желаніе, по ложности направленія, остается и должно остаться только какъ pium desiderium. Мы нимало не сомнѣваемся, что подобный разговоръ, несмотря на привлекательность внѣшней формы изложенія, несмотря на простоту разговорнаго языка, мало способенъ возбудить и завлечь вниманіе дѣтей, а слѣдовательно и мало способенъ образовательно дѣйствовать на ихъ духовную сущность. Дѣти, при частомъ повтореніи этого разговора, могутъ усвоить его себѣ, пересказать, но это будетъ только невинный обманъ съ ихъ стороны и самообольщеніе со стороны родителей или воспитателей; а между тѣмъ какой вредъ заключается въ этомъ невинномъ обманѣ и въ этомъ самообольщеніи! Съ одной стороны, разговоръ усвоенъ только съ его внѣшней стороны, не понята сущность его содержанія, не восчувствованъ его смыслъ, не перенесенъ въ глубину духовной природы дѣтей и не слился съ остальнымъ ея содержаніемъ. Съ другой стороны, часто повторяющіяся подобныя нравоученія сообщаютъ ложный взглядъ на самую нравственность: послѣдняя будетъ представляться дѣтямъ въ формѣ отвлеченныхъ положеній, безъ жизненной сущности; ими усвоена будетъ только формальная, внѣшняя сторона нравственности. Не такими ли нравоученіями воспитываются люди съ красно-

рѣчивою нравственностью на словахъ и съ отвратительною безнравственностью въ дѣйствіяхъ, способные господствовать надъ житейскими интересами, но всегда во вредъ добру и правдѣ?... Изъ приведеннаго содержанія разговора видно, что понятія *любезности* и *ума* передаются матерью сыну, какъ понятія тождественныя, одпозначущія, что не только можетъ произвести сбивчивость въ понятіяхъ, но и сообщить ложный взглядъ на значеніе собственныхъ дѣйствій; не говоримъ объ умѣстности вопроса и о возможности даннаго ребенкомъ отвѣта. Далѣе: выраженіе — *быть умнымъ* приравнено выраженію — *все дѣлать хорошо.*

Какое понятіе объ умѣ могутъ извлечь дѣти изъ этого общаго, неопредѣленнаго выраженія? Послѣднее, въ дальнѣйшемъ развитіи мыслей разговора, признается однозначущимъ съ выраженіемъ: *дѣлать все, что скажетъ мать,* которое такъ же мало объясняетъ предыдущее, какъ это послѣднее — понятіе ума, и какъ умъ мало объясняетъ понятіе — любезность. Въ головѣ ребенка уже скопилось четыре опредѣленія, предметы которыхъ остались все-таки неопредѣленными, неизвѣстными. Въ выраженіи: „дѣлать все, что скажетъ мать" заключается и другой важный недостатокъ: по его смыслу, только тѣ дѣйствія дѣтей могутъ почитаться похвальными, которыя совершаются по приказанію родителей. Не трудно замѣтить, что такая мораль подрываетъ нравственную самостоятельность дѣтей, сводя всю ихъ дѣятельность къ однимъ внѣшнимъ возбужденіямъ; она развиваетъ наклонность дѣйствовать единственно по непосредственнымъ указаніямъ, не даетъ работы волѣ дѣтей, поставляя ее въ непрерывную зависимость отъ чужой воли, а слѣдовательно способна воспитать людей безхарактерныхъ, безъ того, что именно составляетъ нравственную личность человѣка. Въ послѣдующемъ развитіи разговора эта, невѣрная въ педагогическомъ отношеніи, мысль сводится уже въ слѣдующее общее положеніе: „понятіе и разсудокъ твоихъ лѣтъ въ томъ должны состоять, чтобъ ты зналъ и чувствовалъ, что ты дитя, которое ничего не можетъ дѣлать безъ помощи другихъ людей". Признавая благоразумное руководство и управленіе дѣйствіями дѣтей необходимыми условіями первоначальнаго воспитанія, не угрожающими нравственной самостоятельности, мы однако не можемъ повѣрить, чтобы дитя, выслушавши приведенное выше общее положеніе, отвѣчало

матери: „я буду слушаться, благодарствую за поученіе“. Не вѣримъ и тому, чтобы оно могло понять хотя небольшую долю слѣдующей за тѣмъ мысли: „когда оно выростаетъ и когда знанія его умножатся, *то будетъ человѣкъ съ недостатками*“. Можно ли довести ребенка до сознательнаго убѣжденія въ томъ, что онъ, несмотря на всѣ старанія образовать свой умъ, жить добродѣтельно, никогда не будетъ свободенъ отъ недостатковъ, что ему остается только подчинять свою дѣятетьность разсудку, а разсудокъ правдѣ, безъ надежды когда-либо достигнуть совершенства? Причина такой безнадежности, приводимая ниже, не только для него, но и для взрослаго не объясняетъ сущности самаго убѣжденія. Изъ предложеннаго разсмотрѣнія всего содержанія разговора видно, что оно составлено безъ здравыхъ педагогическихъ соображеній и безъ вниманія къ природѣ и степени развитія дѣтскихъ способностей. — Перечисляя страны, лежащія при Балтійскомъ морѣ, императрица останавливается на Курляндіи и подъ № 41 разсказываетъ вымышленное происшествіе нравоучительнаго содержанія, будто бы случившееся въ Митавѣ. Во время ярмарки, при стеченіи многочисленнаго народа, по городской площади проѣхалъ господинъ въ раззолоченной каретѣ, въ сопровожденіи гусаръ и конюховъ; народъ почтительно кланялся сидѣвшему въ каретѣ. По поводу этого происшествія между купцами зашла рѣчь о почтеніи и уваженіи къ людямъ, продолжавшаяся и послѣ между однимъ купцомъ и его малолѣтнимъ сыномъ. Отецъ объясняетъ сыну, что „есть разные роды почтенія, почитанія и уваженія къ людямъ, и что нѣтъ пріятнѣе для человѣка, какъ то почтеніе, почитаніе и уваженіе, которое человѣкъ получаетъ по доброму своему поведенію отъ знакомыхъ и незнакомыхъ ему людей“. Когда сынъ выразилъ сомнѣніе касательно возможности почтенія къ людямъ неизвѣстнымъ, то отецъ, посредствомъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ жизни римскихъ императоровъ Тита и Домиціана, старается объяснить ему мысль, что молва о добрыхъ и дурныхъ дѣлахъ, распространяясь между людьми, возбуждаетъ къ первымъ почтеніе и уваженіе, а ко вторымъ отвращеніе и презрѣніе. Разсмотрѣніе смысла этого разсказа въ педагогическомъ отношеніи невольно вызываетъ слѣдующія замѣчанія. Во-первыхъ, доброе поведеніе, а слѣдовательно нравственныя начала вообще, прикрѣпляются къ внѣшнему явленію; добро не имѣетъ внутренняго основанія, основанія

въ самомъ себѣ, а потому и не можетъ ручаться за свою нравственную и безотносительную чистоту. Это замѣчаніе вовсе не притязательно. Всякій разсказъ съ такимъ характеромъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ опасность возбудить въ дѣтяхъ мысль, что нравственныя дѣйствія вызываются и поддерживаются только внѣшними побужденіями, вознагражденіями и т. д., мысль вредную, какъ по своему существу, такъ еще болѣе по своимъ послѣдствіямъ. Если наше замѣчаніе справедливо по отношенію къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ дѣтей въ первоначальномъ воспитаніи, то оно не можетъ быть несправедливымъ по отношенію ко всему ихъ поведенію, утвержденному на такомъ внѣшнемъ основаніи. Во-вторыхъ, такое основаніе добраго поведенія и такая цѣль его, состоящая въ пріобрѣтеніи почтенія и уваженія, при частыхъ внушеніяхъ, естественно и весьма сильно должны дѣйствовать на возбужденіе честолюбія, которое не замедлитъ развиться до размѣровъ вредныхъ и опасныхъ для всей послѣдующей жизни воспитанника. Въ-третьихъ, самое почтеніе и уваженіе въ этомъ разсказѣ выражаются только внѣшнимъ образомъ, во внѣшнихъ условныхъ дѣйствіяхъ, которыя такъ мало имѣютъ общаго съ своимъ нравственнымъ источникомъ. Изъ подобныхъ, часто повторяемыхъ примѣровъ, мало-по-малу можетъ развиться убѣжденіе, такъ часто встрѣчающееся въ жизни, что внѣшнее, условное выраженіе почтенія и дѣйствительное почтеніе — два дѣйствія отдѣльныя, которыя могутъ существовать независимо одно отъ другого, хотя и могутъ быть одновременными. Наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ того, что народъ почтительно посторонился передъ сидѣвшимъ въ раззолоченой каретѣ, не видно, чтобъ это дѣйствіе было непремѣннымъ слѣдствіемъ дѣйствительнаго почтенія, а не вызвано было другими обстоятельствами — властью, саномъ и проч. Утверждая почтеніе къ послѣднимъ, воспитатель тѣмъ не менѣе обязанъ отличать его отъ того почтенія, которое основывается на чисто нравственныхъ побужденіяхъ. То, что римскій императоръ Титъ достоинъ истиннаго почтенія, еще не есть доказательство необходимости того же почтенія къ ѣхавшему по Митавской площади господину. Мы хотимъ только сказать, что самое происшествіе, по смыслу всего разсказа, не имѣетъ внутренней связи съ слѣдующимъ за тѣмъ его объясненіемъ, выводящимъ необходимость почтенія изъ добрыхъ дѣлъ, изъ добродѣтельной жизни, между тѣмъ какъ

такая связь между причинами и дѣйствіями относительно явленій нравственнаго міра составляетъ существенную, безусловную потребность въ разсказахъ, назначенныхъ для дѣтскаго чтенія, если желаютъ упрочить за ними образовательное вліяніе. Упомянувъ о сырянахъ, ихъ мѣстѣ жительства и нравахъ (№ 70), императрица, подъ № 71, разсказываетъ объ одномъ господинѣ, проѣзжавшемъ *сквозь Сыренское жило.* Пока перепрягали лошадей, господинъ вышелъ за ворота и смотрѣлъ на игравшихъ на улицѣ дѣтей. Когда дѣти начали прятаться отъ накрапывавшаго дождя, онъ остановилъ ихъ, купилъ имъ морошки и орѣховъ, за что они назвали его добрымъ господиномъ. Вслѣдъ за тѣмъ зашла рѣчь о томъ, что такое добро, и господинъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ понятіе добра по отношенію къ дѣтямъ: „вотъ какъ дѣти могутъ дѣлать добро: когда они умны, послушливы и терпѣливы, тогда они дѣлаютъ добро родителямъ и хожатымъ; когда же дѣти упрямы, не слушаются и нетерпѣливы, тогда дѣлаютъ дурно и опечаливаютъ родителей и хожатыхъ и умножаютъ имъ трудъ“. По поводу замѣчанія одного мальчика, что онъ плачетъ и упрямится потому, что его принуждаютъ иногда дѣлать то, чего ему не хочется, господинъ доказываетъ необходимость принужденія со стороны родителей и хожатыхъ, выполняющихъ тѣмъ свою должность. Наконецъ, замѣтивъ, что дѣти отказали въ милостынѣ нищему, онъ словами Евангелія напомнилъ имъ о благотворительности, простился съ ними и отправился въ путь. Должно сказать, что весь этотъ разсказъ, какъ по соотвѣтственности дѣтскимъ понятіямъ своего содержанія, такъ и по формѣ изложенія, стоитъ выше предыдущихъ. Въ немъ императрица обнаружила важное и рѣдкое умѣнье спускаться до уровня дѣтской природы, входить въ потребности дѣтей и удовлетворять этимъ потребностямъ сообразно съ степенью ихъ развитія; по этому разсказу можно также судить, чего можно бы было ожидать отъ ея педагогической производительности, если бы она не увлекалась господствовавшимъ въ ея время въ области воспитанія и обученія до крайности назидательнымъ направленіемъ, если бы она, усвоивъ себѣ важные результаты, добытые въ этой области, самостоятельно, своимъ свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ, рѣшилась установить образъ воспитательныхъ и дидактическихъ дѣйствій. Но такая самостоятельность обработки предполагаетъ и большее углу-

бленіе въ предметъ и бо́льшую долю времени: ни то, ни другое не можетъ быть предметомъ болѣе или менѣе настоятельнаго желанія педагога, обязаннаго глубокою признательностью императрицѣ и за тѣ ея труды, которые составляютъ драгоцѣнное достояніе его науки, не по одному своему внутреннему достоинству. Содержаніе приведеннаго разсказа заключаетъ въ себѣ три главныя правила: одно, касающееся тѣлеснаго воспитанія, другое — нравственнаго воспитанія вообще, и третье — одного изъ явленій нравственнаго воспитанія. Смыслъ перваго совершенно согласенъ съ смысломъ многихъ наставленій того же содержанія, находящихся почти во всѣхъ педагогическихъ сочиненіяхъ Екатерины II и особенно въ Инструкціи. Какъ часть къ цѣлому, оно относится къ слѣдующей основной мысли: здоровое и крѣпкое тѣло, пріученное къ лишеніямъ и свободное отъ постороннихъ вліяній, составляетъ главную задачу и цѣль тѣлеснаго воспитанія. Правила касательно нравственнаго воспитанія вообще заключаются въ опредѣленіи добра или, точнѣе, — въ опредѣленіи того, какъ дѣти могутъ дѣлать добро. Изъ разговора о добрѣ становится очевиднымъ сознаніе императрицы, что для дѣтей это понятіе, въ его отвлеченномъ видѣ, рѣшительно недоступно, что они, занятыя отдѣльными предметами и явленіями и совокупленіемъ ихъ въ первоначальныя группы, неспособны къ разумѣнію высшихъ отвлеченій, и что по тому самому такія высшія отвлеченія они должны примкнуть къ знакомому имъ матеріалу, къ отдѣльнымъ предметамъ и явленіямъ, или къ низшимъ ихъ сочетаніямъ. И, конечно, если бы она постоянно руководствовалась этимъ сознаніемъ, то мы имѣли бы иное распредѣленіе всего представленнаго ею образовательнаго матеріала и открыли бы въ послѣднемъ иной характеръ; мы не встрѣтили бы на первой страницѣ „Начальнаго гражданскаго ученія“ слѣдующихъ общихъ положеній: „человѣкъ имѣетъ природу, одарованную благомъ; сдѣлай добро, дабы дѣлать добро, а не ради того, чтобъ пріобрѣсти похвалу или благодарность; добрыя дѣла сами собою воздаянія приносятъ“ и т. д. Какую противоположность, по отношенію къ знанію дѣтской природы, представляетъ слѣдующій разговоръ! „Проѣзжій, услыша, что дѣти его добрымъ господиномъ называютъ, спросилъ: почему онъ имъ кажется добръ? *Потому* сказали они, *что вы купили намъ морошки и орѣховъ*. А вы, продолжалъ онъ, добрые ли

ребята? Они *не знали, что отвѣтствовать.* Одинъ вызвался было, *что имъ морошки купить не на что, денегъ нѣтъ*". Изъ сравненія подобныхъ мѣстъ можно извлечь заключеніе съ одной стороны о нѣкоторой неопредѣленности педагогическихъ убѣжденій императрицы, неопредѣленности, сквозь которую проглядываетъ иногда ясное разумѣніе основныхъ началъ первоначальнаго воспитанія, съ другой — объ осязательномъ, такъ сказать, вліяніи на нее господствовавшаго педагогическаго направленія. Въ дальнѣйшемъ развитіи того же опредѣленія добрыхъ дѣтей, намъ кажется, придается слишкомъ много значенія принужденію: „если бъ тебя во младости не принуждали дѣлать, что ты долженъ дѣлать, сказалъ проѣзжій, то бы твои родители или хожатые не выполнили своей должности". Думаемъ, что можно принять за вѣрное воспитательное положеніе слѣдующую мысль: гдѣ слишкомъ развита система принужденія, гдѣ послѣднее принимаетъ характеръ обыкновенной воспитательной мѣры и, слѣдовательно, въ своемъ практическомъ примѣненіи распространяется на большую часть дѣйствій дѣтей, тамъ воспитаніе приняло уже ложное направленіе и, разумѣется, вредное, способное воспитать покорныхъ и безотвѣтныхъ дѣтей, но, въ постоянномъ подчиненіи своей воли внѣшнему принужденію, утратившихъ самостоятельность воли, не выработавшихъ характера. Вполнѣ сочувствуемъ слѣдующимъ словамъ императрицы: „должность родителей и воспитателей есть исправлять, указывать, учить, остерегать и показывать дѣткамъ, какъ имъ быть должно"; въ то же время утверждаемъ, что эта должность, но разумно выполняемая, можетъ, если не совсѣмъ обойтись безъ принудительныхъ мѣръ, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ нечувствительными, незамѣтными для дѣтей. Можно сказать наоборотъ: тамъ воспитаніе установлено прочно, на разумныхъ основаніяхъ и совершается правильно, гдѣ дѣти дѣйствуютъ въ начертанномъ для нихъ кругѣ такъ, какъ будто бы они сами избрали его и добровольно вошли въ него, гдѣ каждое рѣшеніе, не выходя изъ того же круга, имъ кажется собственнымъ ихъ рѣшеніемъ; такое воспитаніе, въ которомъ руководство и управленіе дѣйствіями дѣтей не замѣчаются и не чувствуются послѣдними, безпрепятственно приготовляетъ самостоятельность воли и характера. А такое воспитаніе можетъ быть только тамъ, гдѣ интересы воспитателей совпадаютъ съ инте-

ресами дѣтей, гдѣ, слѣдовательно, существуетъ между тѣми и другими взаимное сочувствіе и полное довѣріе: въ силу сочувствія и довѣрія каждая мѣра воспитателя принимается дѣтьми охотно и безпрекословно, какъ будто бы она была плодомъ ихъ собственнаго рѣшенія. Находясь въ такой воспитательной средѣ, мальчикъ не сказалъ бы того, что заставляетъ его говорить императрица: „если бъ меня не принуждали иногда дѣлать то, чего не хочется, то бы я не плакалъ и не упрямился". Наконецъ, послѣднее обстоятельство въ разсматриваемомъ разсказѣ касается благотворительности, при чемъ императрица прекрасно объясняетъ дѣтямъ, что милостыня не состоитъ только въ деньгахъ и вещахъ, а и въ нравственной помощи бѣднымъ и страждущимъ: въ сожалѣніи о нихъ, въ утѣшеніи ихъ словами, въ утоленіи слезъ печальнаго, въ облегченіи страждущаго. Что касается до внѣшней формы разсказа, то она отличается такою простотою и ясностью, такъ соотвѣтствуетъ дѣтскому развитію, что не оставляетъ ничего болѣе желать и обнаруживаетъ въ авторѣ замѣчательный педагогическій тактъ и умѣнье входить въ кругъ дѣтскихъ понятій и выраженій.

Всѣ остальные разсказы Записокъ, не заключая въ себѣ нравоучительнаго характера, сообщаютъ положительныя, такъ называемыя — реальныя свѣдѣнія, преимущественно изъ сибирской природы. Распредѣленіе свѣдѣній и связь между ними тѣ же, какія мы видѣли выше. Сказавши, что Якутскъ построенъ на р. Ленѣ, императрица говоритъ о соболяхъ, живущихъ по этой рѣкѣ и отличающихся особенною добротою; кстати упоминаетъ о лисицахъ и бѣлыхъ медвѣдяхъ; описывается ѣзда на собакахъ отъ Якутска до Камчатки, а потомъ описываются народы, обитающіе въ Камчаткѣ, при чемъ подробно описывается устройство камчадальскихъ юртъ и балагановъ; съ указаніемъ на Алеутскіе острова соединяется любопытный разсказъ о бобрахъ; съ указаніемъ на Беринговъ островъ соединяется разсказъ о морскихъ котахъ.

Соображая разсмотрѣнное нами содержаніе всѣхъ *книжицъ,* составленныхъ императрицею для своихъ внуковъ, и прилагая его къ приведеннымъ въ началѣ разсужденія о нихъ категоріямъ дѣтскихъ книгъ, можетъ заключать, что онѣ главнымъ образомъ и наибольшею своею частью относятся къ третьей категоріи, меньшею же частью — къ четвертой и пятой. Дѣйстви-

тельно, нравоученіе составляетъ существенную ихъ часть, основную ткань, проходящую съ неизмѣнно господствующимъ характеромъ чрезъ все ихъ содержаніе. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ „Начальномъ гражданскомъ ученіи", его „Продолженіи" и „Запискахъ", напр. о числѣ дней въ недѣлѣ, мѣсяцевъ и дней въ году, о стихіяхъ, странахъ и частяхъ свѣта, о чувствахъ человѣка (I, 170—171), а равно свѣдѣнія, заимствованныя изъ географіи, всеобщей, русской и естественной исторіи, изъ области торговли и промышленности, самыя замѣчанія о славянскомъ, русскомъ (III, 142) и иностранныхъ (147, 148) языкахъ, принадлежа къ разряду общеполезныхъ свѣдѣній, сближаютъ означенныя книги съ четвертою категоріей; наконецъ пословицы, составляя народное достояніе, сближаютъ ихъ съ мнѣніемъ Шульца о содержаніи дѣтскихъ книгъ. Не будемъ повторять здѣсь того, что сказано было прежде о пословицахъ и вообще о нравоучительномъ направленіи разсматриваемыхъ книгъ; сдѣлаемъ только два замѣчанія: одно объ образовательномъ значеніи общеполезныхъ свѣдѣній и другое — объ общемъ составѣ книги для дѣтскаго чтенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что первыя, будучи предлагаемы съ объемомъ и содержаніемъ, соотвѣтственными дѣтскому развитію, представляютъ наиболѣе удобный, занимательный и естественный матеріалъ для дѣтскаго чтенія, котораго не можетъ замѣнить ни грамматическое, ни эстетическое, ни нравоучительное направленіе. Такъ какъ въ первую пору развитія дѣтей вся ихъ духовная дѣятельность поглощается воспріятіемъ предметовъ и явленій, съ цѣлью облегчить и направить совершающійся въ нихъ процессъ внѣшняго воспріятія. Съ другой стороны, такой матеріалъ имѣетъ и то преимущество, что не заключаетъ въ себѣ никакой отдаленной, высшей и недоступной дѣтскимъ понятіямъ цѣли, какъ то бываетъ во всякой дѣтской книгѣ съ другимъ направленіемъ: тамъ предлагается внѣшнему и внутреннему созерцанію дѣтей только самый предметъ, съ цѣлью обогащенія и уясненія ихъ свѣдѣній, къ чему они и сами стремятся, и почему самое изложеніе мало нуждается въ намѣренномъ примѣненіи къ дѣтскимъ понятіямъ; здѣсь все возбуждаетъ въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе, заставляетъ внимательно вглядываться въ смыслъ каждой статьи: и всегда замѣтно — искусственное приноровленіе къ дѣтскимъ понятіямъ самаго изложенія, и всегда за-

мѣтно руководство и направленіе ихъ вниманія къ какой-либо высшей цѣли, и наконецъ самый характеръ содержанія, неспособный или мало способный возбуждать интересъ дѣтей и удовлетворять ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ. Вотъ почему, какъ скоро указано было педагогами на общеполезныя свѣдѣнія, какъ на первоначальный образовательный матеріалъ, они привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе, а вслѣдъ затѣмъ и вызвали усердное ихъ примѣненіе къ воспитательной практикѣ. Вотъ почему и самыя правительства германскія не замедлили особыми постановленіями утвердить эти свѣдѣнія, какъ дѣйствительный образовательный матеріалъ, и ввести ихъ въ кругъ общественнаго обученія.

Что же касается до общаго состава содержанія книги для дѣтскаго чтенія, то и самыя общеполезныя свѣдѣнія, какъ ни сближаются они по своему существу съ потребностями духовной природы дѣтей, какъ ни много заключаютъ въ себѣ разнообразія, уже по свойственному дѣтямъ стремленію къ послѣднему, не исключаютъ и другихъ свѣдѣній, которыя должны быть направлены на рождающіеся къ дѣятельности высшіе интересы духа, на возбужденіе и развитіе чувства религіознаго, нравственнаго и эстетическаго. Что эти интересы могутъ и должны быть развиваемы въ дѣтяхъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Нельзя сомнѣваться однако и въ томъ, что успѣхъ въ этомъ отношеніи предполагаетъ особенный педагогическій тактъ, особое умѣнье взяться за дѣло. Двѣ погрѣшности, неразлучныя со всѣми опытами педагоговъ, принимавшихся за это дѣло: несоотвѣтственность степени дѣтскаго развитія матеріала по его содержанію и формѣ и неприкрытое или неудачно прикрытое нравоученіе достаточно доказываютъ, съ одной стороны, трудность дѣла, съ другой — необходимость упомянутаго такта и упомянутаго умѣнья. Тѣмъ не менѣе высшіе интересы духовной природы дѣтей, по своей преимущественной важности, требуютъ намѣреннаго образовательнаго на нихъ дѣйствія, а, слѣдовательно, и особеннаго образовательнаго матеріала въ книгѣ для дѣтскаго чтенія, какъ въ одномъ изъ важныхъ педагогическихъ средствъ: рядомъ съ свѣдѣніями, назначенными для расширенія и уясненія взгляда дѣтей на внѣшній міръ, въ книгѣ для дѣтскаго чтенія необходимо должны быть свѣдѣнія, имѣющія цѣлью расширеніе и и уясненіе ихъ взгляда на внутренній міръ, имѣющія цѣлью

поддержать и возрастить начатки высшихъ, истинно-человѣческихъ нравственныхъ потребностей.

Если мы, при пособіи этихъ соображеній, снова посмотримъ на содержаніе дѣтскихъ книгъ, составленныхъ императрицею, то увидимъ, что она дѣйствительно сознавала необходимость свѣдѣній, направленныхъ и на внѣшній и на внутренній міръ, хотя въ то же время не была свободна отъ двухъ, указанныхъ выше, погрѣшностей: ея пословицы и нравственныя положенія нерѣдко представляютъ матеріалъ, превышающій дѣтскія понятія, а открытое нравоученіе неспособно достаточно возбуждать и питать вниманіе дѣтей, а слѣдовательно неспособно вполнѣ достигать своей цѣли.

Въ заключеніе мы почитаемъ необходимымъ указать еще на одинъ недостатокъ разсматриваемыхъ руководствъ, впрочемъ, болѣе или менѣе общій всѣмъ дѣтскимъ книгамъ съ нравоучительнымъ направленіемъ. „Сухость такихъ (нравоучительныхъ) разсказовъ, говоритъ Кириллъ, какіе мы въ большомъ количествѣ находимъ у Рохова, Гемпеля, Вильмзена и др., составляетъ ихъ наименьшій недостатокъ. Многіе изъ нихъ наводятъ дѣтей на противоположныя мысли. Изъ разсказа о пристрастившейся къ лакомству дѣвочкѣ, вышедшей изъ комнаты со ртомъ въ *молокѣ,* многія дѣти извлекутъ для себя полезное правило, что въ лакомствѣ вообще должно быть осторожнымъ, или, по крайней мѣрѣ, отирать ротъ; разсказъ о жестокомъ мальчикѣ, навязывающемъ жуковъ на нитку, прокалывающемъ лягушку и весьма искусно мучащемъ свою собаку, для многихъ грубыхъ дѣтей служитъ только указаніемъ на мученіе животныхъ; многіе разсказы даже оскорбляютъ нравственное чувство и наводятъ дѣтей на такія понятія, отъ которыхъ скорѣе должно ихъ отдалять. Что должны думать дѣти, читая разсказъ Рохова о безчестномъ отцѣ, который, чтобы отнять часть материнскаго наслѣдства у своихъ дѣтей отъ перваго брака, закапываетъ въ полѣ эту часть и потомъ ложно присягаетъ въ томъ, что наслѣдство именно состоитъ только въ оставшемся имуществѣ? Должно ли внушать дѣтямъ, что бываютъ отцы, способные такъ поступать съ своими дѣтьми?“ Нельзя не признать совершенно справедливыми строгихъ упрековъ педагоговъ, направленныхъ противъ этого важнаго недостатка нравоучительныхъ дѣтскихъ книгъ. Дѣйствуя слабо на возбужденіе истинно-нравственнаго интереса

дѣтей и, слѣдовательно, не достигая своей прямой цѣли, онѣ весьма легко обращаютъ ихъ вниманіе въ противоположную сторону и часто научаютъ именно тому, отъ чего желаютъ ихъ отвратить. Не будемъ здѣсь говорить объ отсутствіи всякаго достоинства наибольшей части дѣтскихъ книгъ, въ разноцвѣтныхъ переплетахъ красующихся въ магазинахъ, лавкахъ и ярмарочныхъ балаганахъ: это незрѣлый, вредный плодъ — или денежной спекуляціи не призванныхъ авторовъ, или невиннаго невѣдѣнія даже того, что и для этихъ книгъ существуютъ свои условія, свои требованія, выполненіе которыхъ предполагаетъ не только полное и высокое образованіе, но и особенное призваніе, что существуетъ наука, изучающая условія развитія природы дѣтей и обсуждающая средства ихъ удовлетворенія, наука, одна изъ обязанностей которой — защищать отъ дерзости и невѣжества интересы дѣтскаго міра, неспособнаго къ самозащищенію. Достаточно сказать, что и тѣ дѣтскія книги, составленію которыхъ предшествовало продолжительное и усердное педагогическое приготовленіе, болѣе или менѣе не свободны отъ указаннаго недостатка, что впрочемъ легко понять, если сообразить все сказанное нами объ этомъ предметѣ. Не свободны отъ того же недостатка и разсматриваемыя руководства императрицы. Частое напоминаніе малолѣтнимъ дѣтямъ о различныхъ порокахъ, о которыхъ они не имѣютъ еще понятія, по тѣмъ же причинамъ можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы въ нравственномъ отношеніи. Сколько напр. нравственно-образовательнаго въ слѣд. мысли, находящейся въ гражданскомъ начальномъ ученіи: „множество злоупотребленій вкрадывается по-малу во все то, что идетъ чрезъ руки человѣческія" (I, 174) и т. д. Въ приведенныхъ выше разсказахъ изъ Записокъ первой части можно также видѣть нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ возможность обратнаго дѣйствія на дѣтей нравоученія. Сюда же можетъ быть отнесенъ разсказъ объ юношѣ, который „остался какъ родился, съ нравомъ угрюмымъ, упрямымъ, неснисходительнымъ" (III, 130) и проч. Даже изъ этого выраженія дѣти могутъ извлечь убѣжденіе, что упрямство, жестокость — свойства врожденныя, за которыя они не могутъ быть обвиняемы, тѣмъ менѣе наказываемы; такое убѣжденіе не замедлитъ представить наказаніе явною несправедливостью; наказаніе же, придуманное богдыханомъ для своего сына, по своей стран-

ности, тотчасъ представится дѣтямъ или сказочнымъ, или возможнымъ развѣ въ Китаѣ, а потому вовсе не отличается прогибитивнымъ характеромъ. Приведемъ еще отрывокъ изъ разговора отца съ сыномъ: „Сынъ. На что люди говорятъ, что я хорошъ? — Отецъ. Не случилось ли тебѣ самому хвалить чего по-пустому? Люди иногда хвалятъ по одной привычкѣ... — Сынъ. На что они хвалятъ изъ одной привычки?— Отецъ. Думаютъ тѣмъ оказать учтивость; таковыя похвалы ничего не значатъ, и умныя дѣти на оныя примѣчанія не дѣлаютъ, но принимаютъ за пустыя, незначащія слова“ (III, 138). Если же и согласимся съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ хорошихъ дѣтей, а слѣдовательно и съ тѣмъ, что сына хвалили по-пустому, и тогда слѣдующее объясненіе пустой хвалы окажется несостоятельнымъ, или, по крайней мѣрѣ, не точнымъ. Понятно, что объясненіе пустой хвалы, лести, привычкою, не точно, заключаетъ въ себѣ много неопредѣленнаго, а потому должно возбудить и много новыхъ вопросовъ. Одинъ изъ такихъ вопросовъ сынъ тотчасъ и предлагаетъ, желая объяснить причину самой привычки, но получаетъ совершенно неопредѣленный отвѣтъ, способный окончательно перепутать и затемнить все, что онъ узналъ и изъ прежнихъ отвѣтовъ. Еще большая сбивчивость въ понятіяхъ должна произойти въ томъ случаѣ, когда придается особенная важность учтивости, что мы дѣйствительно и видимъ въ Инструкціи. Легко себѣ представить, какъ, послѣ этихъ неопредѣленныхъ и сбивчивыхъ объясненій, сынъ долженъ былъ принять заключающее разговоръ нравоученіе.

Нужно ли говорить о степени самостоятельности руководствъ императрицы, о подражаніи другимъ произведеніямъ того же рода, о заимствованіи? Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Выборныя россійскія пословицы и Записки первой части не даютъ никакого права сомнѣваться въ совершенной самостоятельности своего содержанія: первыя всѣ взяты изъ богатаго запаса русскихъ пословицъ, а все содержаніе вторыхъ наполнено свѣдѣніями о нашемъ отечествѣ. Самыя сказки рѣшительно не заключаютъ въ себѣ ничего, что бы могло навести на мысль о заимствованіи: такъ живо и наглядно передаютъ онѣ педагогическія убѣжденія императрицы. Остается говорить о Гражданскомъ начальномъ ученіи и его Продолженіи; но и о нихъ мы почитаемъ излишнимъ распространяться въ этомъ отноше-

нія. Заимствованіе можетъ быть двухъ родовъ: или по отношенію къ общему направленію и общему составу самаго содержанія, или по отношенію къ отдѣльнымъ частямъ и мыслямъ послѣдняго. О первомъ мы уже неоднократно упоминали; повторимъ и теперь, что строго-нравоучительное ихъ направленіе есть плодъ господствовавшаго въ то время въ Германіи направленія всѣхъ книгъ дѣтскаго чтенія, направленія, начатаго Роховымъ (род. 8 окт. 1734, ум, 16 мая 1805), вызвавшимъ длинный рядъ подражателей. Kinderfreund Рохова, напечатанный въ Берлинѣ во 100,000 экземплярахъ, былъ неоднократно перепечатываемъ и послѣ, и доселѣ находится въ обращеніи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что императрица, такъ живо сочувствовавшая успѣхамъ воспитанія и обученія, была совершенно знакома съ книгою Рохова, пользовавшеюся въ то время громкою и всеобщею извѣстностью, а равно и съ подражаніями этой книгѣ. То же направленіе ясно высказалось и въ сочиненіи Базедова — Elementarwerk. Извѣстно, какое участіе принимала императрица во всѣхъ педагогическихъ предпріятіяхъ Базедова вообще и въ упомянутомъ его сочиненіи въ особенности; извѣстно, что это сочиненіе было переведено и на русскій языкъ; извѣстно, наконецъ, и то, что оно, не только по своему направленію, но и по общему составу своего содержанія, не осталось безъ вліянія на сочиненіе того же рода императрицы: мы видѣли, что послѣднія, какъ и сочиненія Базедова, начинаютъ свое содержаніе пословицами, за которыми слѣдуютъ увеличивающіяся въ объемѣ нравственныя положенія, общія опредѣленія и разсказы. — Что же касается до заимствованія отдѣльныхъ мыслей, то подробное указаніе ихъ, во-первыхъ, едва ли возможно, а во-вторыхъ — излишне. Наибольшая часть Гражданскаго начальнаго ученія и его Продолженіе состоятъ изъ общихъ нравственныхъ положеній, опредѣленій и историческихъ разсказовъ, которые могли быть также высказаны самостоятельно, какъ и заимствованы. Можно ли съ увѣренностью признать заимствованными положенія, въ родѣ сѣдующихъ: „всякое дитя родится неученымъ; долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе; человѣкъ имѣетъ природу, одарованную благомъ; сдѣлавъ ближнему пользу, самъ себѣ сдѣлаешь пользу“ и т. д., если бы и нашли ихъ въ современныхъ императрицѣ книгахъ для дѣтскаго чтенія? Такое указаніе излишне, потому что книги

этого рода не только не чуждаются заимствованій, но и предполагаютъ ихъ; здѣсь главное достоинство и заслуга состоятъ въ выборѣ содержанія, соотвѣтствующаго дѣтскому развитію, и въ его распредѣленіи, что и должно служить основаніемъ при оцѣнкѣ ихъ педагогическаго значенія. Мы могли бы разсказы о Кирѣ и Александрѣ Македонскомъ сопоставить съ разсказами изъ Ксенофонтовой Киропедіи, К. Курція; разныя общеполезныя свѣдѣнія — съ тѣми же свѣдѣніями у Базедова и другихъ; нѣкоторыя общія нравственныя положенія оказались бы также заимствованными; но всѣ эти сравненія и сближенія не повели бы къ основательнымъ и важнымъ выводамъ.

Лавровскій.

Государыня-публицистъ.

„Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа" (Екатерина II-я, въ „Наказѣ").

Немного въ исторіи коронованныхъ главъ, которыя посвящали свои силы и досуги литературѣ; еще менѣе можно указать на тѣхъ изъ нихъ, которыя видѣли въ своихъ литературныхъ занятіяхъ не одно только отдохновеніе отъ тяжелыхъ государственныхъ заботъ, а считали эти занятія частью своей государственной дѣятельности и ставили главною ихъ задачею достиженіе государственныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей для блага своихъ подданныхъ. Литературная дѣятельность многихъ изъ государей вовсе не имѣла связи съ ихъ политическою системою или же, иногда, вызывалась чисто-внѣшними обстоятельствами; таковы, напр., писанія Генриха VIII и Іоанна Грознаго. Даже въ новѣйшее время, когда литература сдѣлалась могучимъ орудіемъ для распространенія идей въ обществѣ и неоднократно проявляла присущую ей въ этомъ отношеніи силу, даже въ это время такой геній-правитель (хотя и дурной писатель), какъ Фридрихъ II-й, современникъ императрицы Екатерины II-й, считающійся безспорно главнымъ виновникомъ возрожденія Германіи, — и онъ ставилъ свои литературныя произведенія внѣ круга политическихъ и образовательныхъ успѣховъ нѣмецкаго народа; мало того, и по характеру, и по языку, сочиненія его были, по преимуществу, французскими и относятся къ литературѣ французской, а не къ нѣмецкой.

Поэтому, литературныя произведенія Екатерины II-й, почти всѣ имѣющія прямое отношеніе къ тогдашней русской жизни, не могутъ не останавливать на себѣ вниманія историка: они важны для ближайшаго знакомства какъ съ личностью и дѣятельностью державной писательницы, такъ и съ состояніемъ Россіи ея времени.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы постараемся, по возможности, указать на положеніе, принятое Екатериной, какъ писательницей, въ журнальномъ движеніи 1769 года, и вообще на отношеніе ея къ журналистикѣ этого времени. Для общей связи припомнимъ, что это былъ годъ первой турецкой войны (на которую вызвало Россію тогдашнее зложелательство Франціи), еще до блистательныхъ послѣдующихъ успѣховъ на сушѣ и водахъ. Лишь осенью этого года, послѣ всяческихъ неудачъ, взятъ былъ Хотинъ. Новое царствованіе вело первую войну свою съ внѣшнимъ врагомъ и находилось наканунѣ страшной борьбы съ Пугачевщиной.

О первыхъ шагахъ Екатерины на литературномъ поприщѣ. если не считать ея „Наказа“, не было ничего почти извѣстно до начала 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. Правда, по изслѣдованіямъ Булича (о Сумароковѣ) и Аѳанасьева (о русскихъ сатирическихъ журналахъ) читатели узнали о дѣятельности (въ періодъ 1769--1774 гг.) первыхъ русскихъ журналовъ съ политической окраской, начавшихся изданіемъ „Всякой Всячины“. Добролюбовъ и г. Мордовцевъ опредѣляли ихъ общественно-политическое значеніе, указывая при этомъ на будто бы недружелюбное отношеніе Екатерины II-й къ журналистикѣ того времени; но никому и въ голову не приходило, что начало этой журналистикѣ положено было самой Екатериной, и Добролюбовъ, напримѣръ, говоря объ одной изъ статей, писанныхъ государыней, называетъ автора ея „какимъ-то“ Патрикѣемъ Правдомысловымъ (псевдонимъ Екатерины).

Знаменательно и то, что въ запискахъ современниковъ государыни вовсе не упоминается о журнальной ея дѣятельности въ первую половину ея царствованія, тогда какъ о позднѣйшемъ участіи ея въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“ сохранились подробныя свѣдѣнія, и принадлежность перу ея „Былей и Небылицъ“ извѣстна была всѣмъ и въ то время. Это, по нашему мнѣнію, неслучайное различіе можно объяс-

нить отчасти тѣмъ, что Екатеринѣ впослѣдствіи тяжело было воспоминать о журнальной полемикѣ 1769 г., въ которой она участвовала и подвергалась грубымъ выходкамъ со стороны литературныхъ своихъ противниковъ; вотъ почему, вѣроятно, она тщательно скрывала свое участіе въ изданіи „Всякой Всячины" 1769 г., и всякое напоминаніе о томъ было ей непріятно. Слѣды такого настроенія Екатерины, по нашему мнѣнію, замѣтны въ ея „Быляхъ и Небылицахъ". Къ сочинителю ихъ „восемь человѣкъ (между коими двѣ женщины, а прочіе всѣ мужчины) воспріяли намѣреніе писать для освѣдомленія, не имѣется ли, полно, у него бабушки". „Почитая весьма дѣдушку вашего" (отъ лица котораго говорила Екатерина въ „Быляхъ и Небылицахъ"), писали авторы письмà, „сердечно всѣ желаемъ, чтобъ бабушка ваша здравствовала и чтобъ вы иногда объ ней упоминали. Почтеніе, которое мы имѣемъ къ дѣдушкѣ вашему, не дозволяетъ намъ ни малѣйшаго сомнѣнія имѣть, чтобъ ея достоинства не соотвѣтствовали дѣдушкинымъ отмѣннымъ дарованіямъ, почему любопытство наше извинительно и вамъ неблагоугоднымъ быть не можетъ". Нужно знать, что „Всякая Всячина", издававшаяся Екатериной, будучи первымъ по времени выхода журналомъ, называлась по отношенію къ прочимъ „бабушкой", и что взгляды и направленіе „бабушки" проводились и „дѣдушкой" въ „Быляхъ и Небылицахъ". Не удивителенъ, поэтому, сухой отвѣтъ Екатерины на обращенный къ ней вопросъ:

„По догадкамъ, запросто и правду чтобы сказать, признаться должно, что дойти и добраться возможно, что почтенный дѣдушка, имѣя изобильное число внучатъ, безъ супруги быть не можетъ; но сія догадка отнюдь тутъ не служитъ, гдѣ дѣло идетъ о спознаніи лицъ, дѣйствительно существующихъ, либо молчаніемъ свое бытіе скрывающихъ. То однако завѣрно предположить можно, что тѣ люди не ошибаются, кои о достоинствѣ прародительницы судятъ по качествамъ ея извѣстнаго супруга".

Письмо „восьми человѣкъ" написано было послѣ извѣстныхъ „Вопросовъ" Фонвизина, вызвавшихъ у Екатерины жалобу, что „онъ хочетъ учить ее царствовать", и нѣкоторую рѣзкость въ ея „Отвѣтахъ" ему. Если принять въ соображеніе, что тонъ и содержаніе „Вопросовъ" напоминали собою „Трутень" и другіе полемизировавшіе со „Всякой Всячиной" журналы

1769 г., и что издательница „Собесѣдника“, помѣстившая въ немъ „Вопросы“ и письмо „восьми человѣкъ“, княгиня Дашкова, участвовала, по преданію, и въ „Трутнѣ“: то не удивительно, что напоминаніе о „бабушкѣ“ не могло понравиться Екатеринѣ; въ немъ она должна была увидѣть приглашеніе къ возобновленію полемики по общественнымъ вопросамъ, которую вела она прежде во „Всякой Всячинѣ“, и отъ которой только что уклонилась рѣзкими отвѣтами Фонвизину и слѣдующими словами въ „примѣчаніи“ къ его покаянному письму:

„Что жъ касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я описаніе ябедника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напередъ за похвалы, въ коихъ себя нимало не узнаю, что въ „Быляхъ и Небылицахъ“ гнусность и отвращеніе за собой влекущее не вмѣщаемо; изъ оныхъ строго исключается все то, что̀ не въ улыбательномъ родѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее, и наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло: мы и грамматику худо знаемъ; гдѣ намъ проповѣди писать!“

Написавъ отвѣтъ на письмо „восьми человѣкъ“, не во̀-время воспріявшихъ намѣреніе допытываться о существованіи „бабушки“, Екатерина выразила свое неудовольствіе тѣмъ, что вслѣдъ за отвѣтомъ объявила объ отъѣздѣ „дѣдушки“ изъ Петербурга, прибавивъ, что и она „думаетъ ѣхать куда-нибудь“, т.-е. прекратить сотрудничество въ „Собесѣдникѣ“. Тогда, чтобы смягчить государыню, княгиня Дашкова помѣстила въ „Собесѣдникѣ“ письмо къ г. сочинителю „Былей и Небылицъ“ и въ письмѣ этомъ умоляла дѣдушку отложить отъѣздъ и не прекращать своего сотрудничества въ „Собесѣдникѣ“, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, его „ни хвалить, ни раскупать уже не станутъ“. Извиняясь предъ государыней за напоминаніе о „бабушкѣ“, княгиня Дашкова, изъ боязни лишиться державной сотрудницы, выражалась даже рѣзко объ авторахъ письма „восьми человѣкъ“:

„Съ должнымъ почтеніемъ, испрося дозволеніе, вторую пословицу здѣсь представлю: разсердясь на блохи, да одѣяло въ печь. Неужели это и съ вами сбылось? Петры Угадаевы были, есть и будутъ; но ихъ существованіе васъ всѣхъ менѣе удивлять должно, ибо самыя ваши сочиненія ихъ болѣе рождать удобны. Писать хорошо, шутливо, пріятно, притомъ

новыя совсѣмъ мысли, въ новомъ одѣяніи представленныя; вездѣ соль, дальновидность, глубокомысліе и густомысліе, соединяясь, ваши сочиненія отличаютъ отъ прочихъ; какъ же не привить желанія отгадать сочинителя, прародителя его, братьевъ и знакомыхъ ему и проч. и проч.? Противное столь же естественно, какъ обратное теченіе рѣки".

На письмо это императрица, хорошо понимавшая княгиню Дашкову, отвѣчала насмѣшливо:

„Всепокорнѣйше прошу болѣе не прикладывать лепешки съ похвалами болячкѣ, не свойственныя поведенціи. Съ ребячества слыхалъ я, какъ лиса говорила ворону... Касательно жъ Петровъ-Угадаевъ слышу только, что семья ихъ часъ отъ часу болѣе распространяется. Богъ съ ней!... Существуетъ ли гдѣ вопрошательный народъ, того не вѣдаю, ибо окромѣ города Питера нигдѣ не бывалъ; но, и не бывъ пророкомъ, предсказать не трудно, гдѣ ко времени и кстати отвѣчательный навѣрно найтися можетъ. Пребываю съ отличнымъ почтеніемъ вашъ и прочее".

Вскорѣ послѣ этого императрица прекратила свои „Были и Небылицы;" но мы еще встрѣчаемъ въ нихъ упоминаніе о „бабушкѣ", при чемъ указывается и одинъ изъ ея сотрудниковъ: это былъ Левъ Александр. Нарышкинъ, непріятель княгини Дашковой, прославившійся „какъ шпынь и балагуръ". Тотчасъ вслѣдъ за его возраженіемъ критику „Былей и Небылицъ" (при чемъ Нарышкинъ скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ „Каноника"), Екатерина объявила въ „Быляхъ и Небылицахъ" „во извѣстіе":

„Съ немалою радостію сообщается знать желающимъ и не желающимъ, что нѣкоторая надежда оказывается получить свѣдѣніе о почтенной супругѣ прародителя; ибо на сихъ дняхъ на запасномъ дворѣ „Былей и Небылицъ" отыскался коверъ шерстяной съ разводами по померанцевой землѣ, отличной величины, о которомъ древности знающіе и въ оныхъ упражняющіеся судятъ, что оный нигдѣ кромѣ Смоленской губерніи, и то не въ городѣ, но въ деревнѣ, селѣ или усадьбѣ, изъ домашней шерсти выткан быть могъ. Изъ чего выводятъ, не безъ основанія. будто прабабушкина деревня находилась въ томъ великомъ княженіи, о чемъ чрезъ сіе сообщается любопытному и нелюбопытному свѣту".

Сквозь недомолвки и подчасъ мало понятныя намъ теперь

метафоры проглядываетъ ясно нежеланіе государыни признать свое участіе въ журналистикѣ 1769 г. Вотъ почему, вѣроятно, въ массѣ матеріала, оставшагося намъ отъ Екатерины и объ Екатеринѣ, мы не встрѣчаемъ упоминанія о ея журнальныхъ трудахъ этого времени, хотя иногда и приходилось высказаться по этому поводу.

Такъ, напримѣръ, уже послѣ того, какъ изданіе „Всякой Всячины" было закончено, Дидро писалъ ей: „Ваше величество хорошо знакомы съ порочными и смѣшными сторонами своего народа; я бы на вашемъ мѣстѣ сталъ травить ихъ парнасскими псами". „Если бы ваше величество лично взялись за эту задачу", говоритъ онъ далѣе, обращаясь къ Екатеринѣ, „то впечатлѣніе было бы самое сильное, какое только можно себѣ представить, и я знаю, что ваше величество можете это сдѣлать". Какъ было славолюбивой государынѣ не отозваться на эти льстивыя совѣты? Какъ было не сказать ей, что совѣтъ Дидро является нѣсколько запоздалымъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ ея журнальнымъ трудамъ, предпринятымъ ею для просвѣщенія народа и для смягченія его нравовъ? Между тѣмъ, въ перепискѣ своей съ энциклопедистами Екатерина ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ изданіи „Всякой Всячины", о своемъ сотрудничествѣ въ ней, тогда какъ охотно сообщаетъ имъ о „Собесѣдникѣ" и о „Быляхъ и Небылицахъ", безспорно не имѣющихъ такого просвѣтительнаго и руководящаго значенія, какъ статьи „Всякой Всячины".

Только счастливая случайность, находка въ Государственномъ Архивѣ покойнымъ Пекарскимъ четырехъ лоскутковъ бумаги, писанныхъ Екатериной собственноручно для „Всякой Всячины" подъ вымышленными именами, сберегла для потомства новую чрезвычайно-любопытную страницу изъ исторіи „долговременной службы государству" императрицы Екатерины II. Да и эти отрывки, по справедливому замѣчанію Пекарскаго, уцѣлѣли, вѣроятно, благодаря тому, что почему-то не были сданы Екатериной для напечатанія.

Отъ какихъ иногда случайностей зависитъ точное изображеніе „минувшихъ дней"!

Доказавъ на основаніи найденныхъ рукописей Екатерины, при сопоставленіи другихъ данныхъ, что истиннымъ редакторомъ „Всякой Всячины" была сама Екатерина, Пекарскій

допустилъ, однако, и ошибку въ своемъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе странную, что знакомство покойнаго академика съ источниками, безспорно очень основательное, исключало самую возможность ея. Сказавъ, что „Всякой Всячинѣ“ приходилось иногда выдерживать сильныя нападки со стороны другихъ журналовъ (во главѣ которыхъ стоялъ „Трутень“, издаваемый Н. И. Новиковымъ), Пекарскій замѣчаетъ: „Съ своей стороны *Всякая Всячина* заставляетъ придворнаго господчика высказывать такіе отзывы о „Трутнѣ“: „Не въ свои-де этотъ авторъ садится сани; онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей знаменитыхъ и на всѣхъ; такая-де смѣлость не что иное есть, какъ дерзновеніе. Полно-де, ево отпряла недавно „Всякая Всячина“ очень хорошо; да это еще ничего: въ старыя времена послали бы ево потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова ни на есть царства русскаго владѣнія“ („тонкій намекъ на Сибирь“, объясняетъ Пекарскій).

Но угрожать своимъ литературнымъ противникамъ ссылкою въ Сибирь, угрожать притомъ въ журнальной полемикѣ, Екатерина не могла: противъ этого говорило бы не только сердце ея, но и просто практическія соображенія. И самый „тонкій“ намекъ на Сибирь, при данныхъ условіяхъ, показался бы высокому уму государыни безтактнымъ и безразсуднымъ: въ ея власти было, если бъ она того захотѣла, заставить замолчать своихъ противниковъ другими, болѣе, скажемъ, приличными способами. Еще менѣе возможными для „Всякой Всячины“ кажутся дальнѣйшія ея слова, приводимыя Пекарскимъ: „Вѣдь-де знатный господинъ не простой дворянинъ, что на немъ тоже взыскивать, что и на простолюдинахъ. Кто-де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже плохой слуга“.

Оказывается, что этотъ отзывъ „придворнаго господчика“ о „Трутнѣ“ приведенъ не во „Всякой Всячинѣ“, а въ *Трутнѣ* же, гдѣ нѣкій Чистосердовъ особымъ письмомъ характеризуетъ отношенія къ журналу „знатныхъ бояръ“ и „придворныхъ господчиковъ“. „Слѣдуетъ замѣтить, — говоритъ г. Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ, издателѣ „Трутня“, — что взгляды подобныхъ господчиковъ не оправдались; и очень ошибется тотъ, кто подумаетъ, что императрица въ то время раздѣляла взгляды подобныхъ господчиковъ. Въ полемикѣ

„Всякой Всячины“ съ „Трутнемъ“ не зашло и рѣчи о придворныхъ и знатныхъ людяхъ, и Новиковъ продолжалъ обличать ихъ послѣ предостереженія Чистосердова такъ же, какъ и прежде, даже еще съ большею рѣзкостью и безъ оговорокъ“. Во всякомъ случаѣ, уже то дѣлаетъ честь уму и сердцу государыни, что она удостоивала полемизировать съ тѣмъ, кого ея придворные считали достойнымъ Сибири, и тѣмъ оказывала ему даже нравственную поддержку. Но г. Незеленовъ не указалъ въ своемъ сочиненіи на странную ошибку Пекарскаго, и, быть можетъ, поэтому она повторяется до сихъ поръ даже въ учебныхъ книгахъ по исторіи русской литературы.

На память державной писательницы кладутъ темнымъ пятномъ именно то, что должно, наоборотъ, еще болѣе озарять ея образъ!

И между тѣмъ, ученымъ недосмотромъ этимъ косвенно подтверждалось врядъ ли справедливое заключеніе и о происхожденіи литературной дѣятельности Екатерины II-й. Выше мы привели совѣтъ Дидро государынѣ „травить парнасскими псами смѣшныя и порочныя наклонности своего народа“. Хотя совѣтъ этотъ оказался и запоздалымъ по отношенію ко „Всякой Всячинѣ“, но все же онъ далъ нѣкоторое основаніе мнѣнію, что Екатерина, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда ученія о просвѣщенномъ деспотизмѣ, старалась служить камертономъ для нашей литературы и своими сатирическими журналами, и своими комедіями. При кажущейся своей основательности, мнѣніе это въ сущности построено на смѣшеніи понятій и является какъ бы софизмомъ. Можно сказать даже, что литературныя произведенія Екатерины скорѣе являются отрицаніемъ деспотизма, хотя бы то и просвѣщеннаго. Понятіе о просвѣщенномъ деспотизмѣ предполагаетъ насильственное, путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, проведеніе въ жизнь народа даже такихъ теоретическихъ умозрѣній, которыя шли бы въ разрѣзъ съ исторически-сложившимся строемъ жизни народа, съ воззрѣніями и обычаями, священными въ глазахъ его. Подъ это понятіе могутъ быть подведены дѣйствія, напр., Петра В., да и то лишь отчасти (не назовемъ же мы напр. проявленіемъ просвѣщеннаго деспотизма учрежденіе Академіи Наукъ). Иначе, каждое благое начинаніе, исходящее сверху, какова бы ни была его просвѣтительная цѣль и условія ея достиженія, разъ оно поддержано

авторитетомъ правительственной власти, должно будетъ признавать проявленіемъ воли деспотической. Тѣмъ менѣе можно упоминать о деспотизмѣ, говоря про область мысли и слова, гдѣ Екатерина являлась лишь подъ псевдонимомъ — простой, рядовой писательницей, и гдѣ она могла только объяснять, совѣтовать, убѣждать, отнюдь не представляя, по собственнымъ ея словамъ, умоначертаній, которыхъ русскіе не знаютъ. Обаяніе правительственной власти на этой дорогѣ, избранной ею для достиженія своихъ цѣлей, могло скорѣе повредить ей, чѣмъ принести пользу. Правда, она могла бы монополизировать для себя журнальную арену; но именно этого она, какъ увидимъ ниже, и не хотѣла, безъ сомнѣнія, дорожа, прежде всего, истиною и не подозрѣвая, можетъ быть, всей щекотливости своего будущаго положенія какъ публициста. Замѣтимъ кстати, что „просвѣщенные деспоты“ XVIII вѣка, Фридрихъ II, Іосифъ II, Густавъ III, вовсе не думали имѣть вліяніе на умы своихъ подданныхъ путемъ убѣжденія, предпочитая дѣйствовать исключительно силой власти.

Какія жъ цѣли побудили Екатерину выступить въ роли публициста и основаніемъ журнала „Всякой Всячины“ положить основаніе публицистикѣ въ Россіи? Мы едва ли ошибемся, если придадимъ полную вѣру словамъ государыни, такъ опредѣлявшей цѣль изданія „Всякой Всячины“: „Я хотѣлъ“, говоритъ она отъ имени издателя, „показать, первое — что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе — открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ; и третье — говорить русскимъ о русскихъ и не представлять имъ умоначертаній, кои оные не знаютъ“.

Въ этой программѣ все ясно и все соотвѣтствуетъ характеру, мыслямъ и дѣйствіямъ Екатерины.

Нѣтъ ни надобности, ни возможности допускать предположеніе, будто литературными своими трудами государыня думала укрѣпить личное свое положеніе на престолѣ, въ странѣ, гдѣ литература въ то время не имѣла никакого общественнаго значенія. Принимая, вмѣстѣ съ Бецкимъ воспитательныя мѣры для созданія „новой породы людей“, кладя, такимъ образомъ, основаніе для будущаго, императрица не могла въ то же время не думать объ орудіи, которое должно было воспитательнымъ образомъ дѣйствовать и на современ-

ное ей общество. Наиболѣе удобнымъ средствомъ для этого казалась сатира, пріобрѣтшая уже большое значеніе въ Англіи и во Франціи. Невѣжество и пороки слѣдовало, по мнѣнію Екатерины, представлять съ смѣшной стороны, способной возбуждать къ нимъ отвращеніе; да и наставленія должны быть излагаемы въ забавной и шутливой формѣ, какъ болѣе удовлетворяющей вкусу читателей. Форма эта была тѣмъ удобнѣе, что давала возможность по общественнымъ вопросамъ высказаться лицамъ разныхъ слоевъ русскаго общества, не придавая ихъ заявленіямъ общаго, офиціальнаго характера. Извѣстно, что Екатерина, по собственному ея сознанію, любила извѣдывать мысли лучшихъ людей въ народѣ; для этой цѣли, между прочимъ, и для знакомства съ потребностями Россіи она и созвала знаменитую Комиссію о составленіи проекта новаго уложенія. Отсрочивъ по военнымъ обстоятельствамъ, въ декабрѣ 1768 года, засѣданія этой Коммиссіи, Екатерина, можетъ быть, думала отчасти восполнить образовавшуюся около нея пустоту путемъ журналистики, которая должна была говорить русскимъ о русскихъ и знакомить государыню съ состояніемъ умовъ того времени. Цѣли просвѣтительныя соединялись, такимъ образомъ, съ цѣлями политическими — путемъ обмѣна мнѣній, путемъ соглашенія, опредѣлять истинныя потребности народа и отыскивать разумные, цѣлесообразные способы къ ихъ удовлетворенію. Итакъ, скромныя слова Екатерины, что изданіемъ „Всякой Всячины" она хотѣла „открыть дорогу тѣмъ, которые умнѣе ея", вполнѣ объясняютъ намъ то, что вслѣдъ за „Всякой Всячиной" появился цѣлый рядъ сатирическихъ журналовъ съ общественно-политической окраскою, изъ которыхъ, по тону и рѣзкости своихъ обличеній и истинно-патріотическому характеру направленія, выдавался въ особенности „Трутень", изданіе знаменитаго Н. И. Новикова. Поэтому, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, будто „Всякой Всячинѣ", т.-е. ея издателю, не нравилось размноженіе сатирическихъ журналовъ. Отрывокъ, писанный рукой Екатерины, на которомъ основываются лица, держащіяся этого мнѣнія, доказываетъ, по-нашему, противное. Вотъ этотъ отрывокъ:

„Госпожа бумагомарательница „Всякая Всячина". *По милости вашей* нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли,

нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣли бы вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ; вѣдь и профессора Рихмана громъ бы не убилъ, если бы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумалъ шутить съ громомъ. Хрѣнъ бы васъ съѣлъ! Даже и намъ, старикамъ и старухамъ, спуску нѣтъ. Для чего вы меня съ сестрой обижаете? Я васъ въ лицо не знаю, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я васъ спрашиваю?.. Ругатели какіе! Ну, развѣ вы не попадетесь мнѣ за городомъ, гдѣ ни на есть навстрѣчу!"

Письмо это составлено императрицей, очевидно, отъ имени какого-то лица, задѣтаго стрѣлами сатирическихъ журналовъ, и шутливый тонъ письма свидѣтельствуетъ, что фраза: „лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, чѣмъ жатву словъ, которую вы причинили", есть выраженіе чувствъ обиженнаго, а не взгляды самой писательницы; тогда какъ слова: „по милости вашей (т.-е. „Всякой Всячины") нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями" доказываютъ, что виновницей ихъ появленія, по собственному сознанію и по мнѣнію общества, была сама императрица Екатерина. Журналы 1769 года смотрѣли на „Всякую Всячину" какъ на свою прародительницу, называя ее „бабушкой", а себя ея „внучатами"; такъ, по крайней мѣрѣ, продолжалось до тѣхъ поръ, пока родственныя отношенія эти не испортились острою полемикою, возникшей въ скоромъ времени между „Всякой Всячиной" и прочими журналами. Исходя изъ той точки зрѣнія, что бабушка „изображаетъ слабость своего разума", не сходясь съ ними во мнѣніяхъ, внучата поставили вопросъ: „Почто же называться роднею? Или она уже выжила изъ ума?".

Весьма важно уяснить, насколько Екатерина своею журнальною дѣятельностью заслужила такіе рѣзкіе отзывы своихъ литературныхъ противниковъ, отзывы тѣмъ болѣе для насъ неожиданные, что намъ извѣстны уже благія цѣли предпринятаго ею изданія „Всякой Всячины". Если въ пользу ея противниковъ можетъ подкупить насъ одно присутствіе въ средѣ ихъ такого человѣка, какъ Новиковъ, который уже оцѣненъ по своимъ безспорно-великимъ заслугамъ, какъ „первая независимая общественная сила" и одинъ изъ симпатичнѣйшихъ русскихъ людей XVIII вѣка, то посреди журнальной брани величественный образъ самодержавной государыни не напоминаетъ ли намъ про безсмертныя слова ея „Наказа": „мы думаемъ и

за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа"?

Прежде всего замѣтимъ, что полемика, возникшая у „Всякой Всячины" съ ея внучатами (между которыми по смѣлости и рѣзкости своихъ обличеній выдавались особенно „Трутень", „Смѣсь" и „Адская Почта"), не могла не занимать въ высокой степени современнаго этимъ журналамъ общества, какъ по новости появленія самой журналистики, посвященной „злобѣ дня" того времени, такъ и по высокому положенію одной изъ споривших сторонъ. На литературу вообще, въ особенности на русскую, общество наше смотрѣло какъ на забаву, литераторовъ считало чуть не за балагуровъ, помогающихъ досужимъ людямъ пріятно убить свое время, — и вдругъ читаютъ въ „недѣльныхъ листкахъ" анонимныя статьи о такихъ щекотливыхъ „матеріяхъ", о которыхъ еще такъ недавно никто не смѣлъ разсуждать вслухъ. Печальное состояніе правосудія въ Россіи, ужасы крѣпостного права, повальное невѣжество, грубость нравовъ и продажность даже въ высшихъ классахъ общества, все это ярко обрисовывается и обсуживается на страницахъ сатирическихъ журналовъ 1769 г. Можно представить себѣ переполохъ, поднятый въ тѣхъ „темныхъ царствахъ", куда не проникалъ еще лучъ свѣта, и гдѣ, среди умственной слѣпоты и нравственной грязи, такъ привольно и легко было щукамъ ловить карасей! Смущеніе должно было усилиться, когда узнали, что во главѣ журнальнаго движенія, возмутившаго общественную тишь да гладь, стоитъ сама государыня. Если объ участіи ея во „Всякой Всячинѣ" знали журналисты, то тѣмъ менѣе могло оно укрыться отъ „придворныхъ господчиковъ" и „знатныхъ бояръ", которымъ легко было догадаться объ источникѣ небывалой еще въ Россіи свободы слова. Понятно, съ какимъ участіемъ и съ какой тревогою дворянство, чиновничество и знать, какъ и всѣ грамотные люди, должны были прислушиваться ка голосу журналовъ 1769 г. и въ особенности къ голосу „Всякой Всячины": въ издательницѣ и главномъ редакторѣ ея, т.-е. въ Екатеринѣ, всѣ видѣли не только писательницу, слова которой разносились бы вѣтромъ, а самодержавную императрицу, имѣвшую возможность осуществлять свои мысли. Поэтому не удивительно, что Екатерина, давъ свободу другимъ журналамъ, сама, однако, вынуждена была быть крайне осторожною въ изложеніи своихъ мнѣній,

лавировать, прибѣгать къ недомолвкамъ и, быть можетъ, не всегда говорить искренно: она не могла не знать, какое значеніе придадутъ каждому ея слову.

Нѣкоторая двойственность, замѣчаемая въ направленіи „Всякой Всячины", служитъ, по нашему мнѣнію, лишь отраженіемъ политическаго положенія государыни и трудности принятой ею на себя задачи — быть публицистомъ, проповѣдникомъ новыхъ идей и реформъ, намѣченныхъ еще въ „Наказѣ", и въ то же время сохранять безпристрастіе, достоинство и умѣренность монархини при столкновеніи личныхъ мнѣній, сословныхъ интересовъ, или при возбужденіи такихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ для нея, какъ главы государства, въ видахъ „общей пользы и общаго блага", могло казаться несвоевременнымъ. Думать, что Екатерина, будучи самодержавной императрицей, могла дѣлать что̀ хотѣла, проводить свои идеи въ жизнь безъ особыхъ затрудненій, значило бы не знать Екатерины, не знать времени, когда она жила. Умъ государыни, практическій, холодный, чуждъ былъ однако односторонности и прямолинейности въ воззрѣніяхъ, а воля, при всей своей твердости и устойчивости, не сокрушала препятствій а обходила ихъ, на сколько это было возможно. Вообще, Екатерина, насмотрѣвшись на многое при Елисаветѣ и особенно въ царствованіе своего супруга, избѣгала суровыхъ, жесткихъ мѣръ, любила дѣйствовать осторожно, медленно, безъ потрясеній общественнаго организма и не походила въ этомъ отношеніи на Петра Великаго, бывшаго ей въ другихъ отношеніяхъ образцомъ. Правда, и положеніе ея было очень трудное. Уже по вступленіи на престолъ, она выслушивала притязанія графа Разумовскаго на наслѣдственное гетманство въ Малороссіи, проектъ Н. Панина объ образованіи Совѣта, долженствовавшаго носить олигархическій характеръ; не говоримъ уже о хаосѣ, царствовавшемъ въ управленіи огромной имперіи, о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, сдѣлавшихся обычными явленіями. Вотъ почему императрица дѣйствовала крайне осторожно и медленно: дѣлая одно, закрывала глаза до времени на другое; щадила личности, надѣясь уничтожить злоупотребленія въ корнѣ, и, думая предпринять какую-либо реформу, тщательно извѣдывала почву, чутко прислушиваясь къ отзывамъ лицъ знающихъ или затронутыхъ. Когда дворянство въ Коммиссіи Уложенія высказалось противъ уничтоженія крѣ-

постного права, Екатерина не рѣшилась дѣйствовать собственною властью, какъ ни желала освобожденія крестьянъ (дворянство было въ то время и мечомъ, и перомъ Россіи), но зато достигла другихъ цѣлей.

Самыя чистыя, безкорыстныя, направленныя къ „общему благу и общей пользѣ", стремленія разбивались при встрѣчѣ съ суровой дѣйствительностью; мало того, государыня часто должна была скрывать свои мысли и придавать имъ иное значеніе. Что такое положеніе дѣлъ производило тяжелое впечатлѣніе на Екатерину, что разница въ мысляхъ и дѣлахъ должна была заставлять ее задумываться надъ причиной, которая вынуждала самодержавную императрицу поступать иногда вопреки собственнымъ мыслямъ и чувствамъ и итти къ цѣли окольными путями, — видно по бумагамъ, обнародованнымъ изъ переписки Екатерины съ Д'Аламберомъ. Въ числѣ этихъ бумагъ находится слѣдующая записка ея къ Д'Аламберу, писанная ею въ концѣ 60-хъ годовъ, которую, по ея важности, приводимъ вполнѣ:

„Предлагается вопросъ: отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, произойдетъ ли хорошій и полезный общій результатъ? Для того, чтобы дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, желательно, чтобы онъ былъ болѣе развитъ".

„Несомнѣнно, прежде всего, что если правила, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣйствительно хороши, истинны, выражены точно и такимъ образомъ, что не подлежатъ никакому измѣненію, ни ограниченію въ ихъ изложеніи: то, въ случаѣ примѣненія ихъ на практикѣ, не можетъ не произойти очень хорошій результатъ. Если же подобнаго результата не произойдетъ, то это будетъ значить, что неосновательно смотрѣли на эти правила, въ примѣненіи ихъ на практикѣ, какъ на правила безусловно общія и неизмѣнныя. Примѣръ: *прекрасно прощать* — вотъ превосходное общее правило. Но однако законодатель, государь и т. д., которые постоянно примѣняли бы его на практикѣ, открыли бы дверь всякаго рода преступленіямъ; потому что это правило, въ его общности, нужно лишь для частныхъ лицъ, но не для государства (даже не вполнѣ еще вѣрно, чтобы оно могло существовать безъ ограниченія и для частныхъ лицъ). Другой примѣръ: *нужно всегда говорить людямъ правду*. Вообще это вполнѣ справедливо; но справедливо ли это безъ ограниченія?

Было ли бы благоразумно и полезно провозглашать по улицамъ Константинополя: *Магометъ обманщикъ!* Можно бы привести тысячу подобныхъ примѣровъ. Заключеніе мое состоитъ въ томъ, что отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда (и даже часто) должны подвергаться эти правила въ примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера, однимъ словомъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государи должны знать и принимать въ соображеніе".

Что̀ отвѣчалъ Д'Аламберъ Екатеринѣ на этотъ вопросъ и какими предѣлами онъ ограничивалъ путь соглашеній, на который готовилась вступить государыня, — неизвѣстно; но можно подозрѣвать, что легкость творцовъ Энциклопедіи дала себя знать и въ этомъ случаѣ: Д'Аламберъ долженъ былъ скорѣе наводить Екатерину на скользкій путь сдѣлокъ съ совѣстью, чѣмъ воздерживать ее отъ этого.

Стремленіе императрицы освободить крестьянъ встрѣтило противодѣйствіе со стороны самой Комиссіи Уложенія. „Отъ дворянства, купечества и духовенства послышался дружный и страшно-печальный крикъ: „рабовъ!".

„Умоначертаніе" народное высказалось и въ вопросѣ о пыткѣ. Хотя въ „Наказѣ" Екатерина и осудила пытку, но гласно отмѣнить ее не рѣшилась, разославъ только секретное предписаніе губернаторамъ не употреблять ее въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки. Указъ Екатерины объ уничтоженіи пытки, уже написанный, встрѣтилъ такое сопротивленіе, что она должна была ограничиться одною только этою мѣрой. Въ извѣстной біографіи Сиверса разсказывается: „сенаторы, министры стали говорить, что теперь никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли станетъ поутру; что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ". Ясно стало для государыни, что мало пользы кричать на улицахъ Константинополя: Магометъ обманщикъ!

Но, увидѣвъ, что почва, на которой она хотѣла посѣять добрыя сѣмена, оказалась неудобною для посѣва, Екатерина не потерялась: она задумала произвести, по выраженію Соловьева, удобреніе почвы посредствомъ нравственно-политическаго развитія народа. Для этой цѣли, какъ мы сказали выше,

она и обратилась къ журналистикѣ, хотя и здѣсь должна была дѣйствовать съ осторожностью, строго взвѣшивая каждое слово и ограничивая иногда дѣйствіе хорошаго правила: нужно всегда говорить людямъ правду. Зато „Трутень" и другіе журналы, вызванные Екатериной къ жизни, пользовались, какъ мы увидимъ ниже, самой широкой свободой слова, какою не пользовались почти никогда, ни прежде, ни послѣ, русскіе журналы.

Благодаря этой свободѣ, журналы эти, преслѣдовавшіе тѣ же просвѣтительныя и общественныя цѣли, какъ и журналъ Екатерины „Всякая Всячина", разошлись скоро во взглядахъ со „Всячиной" на средства къ достиженію этихъ цѣлей, и тогда началась полемика, въ которой главнымъ противникомъ „Всякой Всячины" явился „Трутень", издаваемый Новиковымъ.

Ради чего же поссорилась „бабушка" со „внучатами?" Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что государыня должна была вступить въ борьбу съ тѣми, которые вполнѣ сочувствовали ея преобразовательнымъ цѣлямъ и, казалось, могли быть только ея пособниками и опорой? Не испытала ли она и здѣсь новаго разочарованія, при всей искренности и наилучшихъ намѣреніяхъ своихъ литературныхъ противниковъ?

Мы уже видѣли, что высоко-офиціозное значеніе „Всякой Всячины", какъ негласнаго органа главы государства, должно было отразиться и, дѣйствительно, отразилось на характерѣ и тонѣ этого изданія. „Говоря русскимъ о русскихъ", Екатерина, поневолѣ, должна была быть чрезвычайно сдержанной и осторожной по отношенію къ язвамъ общественнаго быта. Главными же предметами ея обличеній были злоупотребленія въ сферѣ дѣйствующаго законодательства и преимущественно грубость нравовъ и невѣжество. Вмѣстѣ съ лучшими умами XVIII в., Екатерина думала, что корнемъ всему добру и злу является воспитаніе: взглядъ столь же односторонній, какъ и взглядъ новѣйшаго времени, когда исключительное значеніе стали придавать лишь образованію, вопреки словамъ Стародума, что „наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое орудіе дѣлать зло". Питая недовѣріе къ дѣйствительности крутыхъ мѣръ власти противъ зла, которымъ пораженъ былъ общественный организмъ, императрица была увѣрена, что злоупотребленія и язвы общественнаго быта будутъ исчезать по мѣрѣ смягченія грубости нравовъ, когда въ порочную среду станутъ проникать свѣтлыя, человѣколюбивыя и нравственныя

идеи. Частныя административныя мѣры и журнальныя обличенія зла, по мнѣнію Екатерины, не достигали цѣли, разжигая только личныя страсти, возбуждая недовольство въ обществѣ и мѣшая спокойному обсужденію вопросовъ. Преслѣдуя общія воспитательныя цѣли, „Всякая Всячина“ предполагала только „изрѣдка касаться пороковъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорблять человѣчества; но, располагая свои другимъ наставленія, поставлять примѣръ въ лицѣ человѣка, украшеннаго различными совершенствами, т.-е. добронравіемъ и справедливостью... присоединять къ тому пользы, изъ того проистекающія, и сладкое сіе удовольствіе, какое чувствуетъ хранящій добродѣтель... Вотъ славный способъ исправлять слабости человѣческія!“

Характеръ журнала опредѣлился уже въ первыхъ его выпускахъ. Съ одной стороны, помѣщено было въ нихъ довольно злое стихотвореніе, направленное противъ дворянскихъ предразсудковъ, а съ другой — статья, содержаніе которой является отвѣтомъ на вопросъ: „къ чему служатъ законы, когда нравы испорчены?“

Такая односторонняя программа „Всякой Всячины“, при свободѣ „говорить русскимъ о русскихъ“, разумѣется, не могла быть усвоена другими журналами: издатели ихъ не были въ томъ фальшивомъ и стѣсненномъ положеніи, въ какомъ находился издатель „Всякой Всячины“; а въ цѣляхъ Екатерины было очень желательно, чтобы они говорили то, чего не могла сказать она по своему высокому положенію. Въ то же время издатели журналовъ 1769 г., и въ особенности Новиковъ, не раздѣляли увлеченія императрицы идеей исправленія язвъ общественныхъ путемъ воспитанія и, не зная о трудности положенія государыни, возлагали, можетъ быть, слишкомъ пылкія надежды на возможность этого исправленія дѣйствіемъ власти, мѣрами законодательными. Не могли они также понять, что можно, говоря о злѣ, не указывать частныхъ его проявленій въ жизни, такъ какъ только этимъ путемъ пріобрѣталось правильное представленіе и о свойствахъ зла, и о размѣрахъ его. Самая умѣренность тона, крайняя сдержанность и терпимость „Всякой Всячины“, исходившая изъ положенія и личнаго характера императрицы, производили непріятное впечатлѣніе на ея собратьевъ по журналистикѣ — въ эпоху, о которой сама Екатерина писала впослѣдствіи: „мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ

тяжестью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ".

Нѣтъ ничего страннаго, значитъ, въ томъ, что почти тотчасъ по рожденіи, „внучата" объявили „бабушкѣ" войну, въ которую она однако вступила съ видимой неохотой. Зная великодушіе „бабушки", не будемъ также удивляться, что къ брани и оскорбленіямъ, какими осыпали ее возмутившіеся „внучата", она отнеслась съ тѣмъ же спокойствіемъ и тою же терпимостью, которыя и послужили поводомъ къ раздору.

Любопытны подробности этой замѣчательной полемики какъ по важности ея историческаго значенія, такъ и по вопросамъ, затронутымъ ею, о хищеніяхъ разнаго рода, съ соблюденіемъ или безъ соблюденія законныхъ формъ, о связи этихъ хищеній съ состояніемъ общества и государства и, наконецъ, о мѣрахъ къ ихъ искорененію. Въ связи съ этимъ впервые въ русской литературѣ былъ поднятъ и принципіальный вопросъ: является ли улучшеніе нравственныхъ свойствъ общества слѣдствіемъ коренныхъ измѣненій въ учрежденіяхъ и законодательствѣ, или наоборотъ, не должны ли эти измѣненія совершаться лишь по мѣрѣ развитія народной нравственности и въ строгомъ соотвѣтствіи съ нею.

Шумигорскій.

„Были и Небылицы" Екатерины II.

Были и Небылицы, это, большею частью, остроумная, а иногда и проникнутая сатирой болтовня, не имѣющая ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленной формы. Авторъ говоритъ иногда отъ своего имени о всевозможныхъ предметахъ, осмѣиваетъ замѣчаемыя имъ странности, чертитъ сатирическіе портреты; иногда онъ заставляетъ говорить въ такомъ же смыслѣ нѣкоего своего „дѣдушку", перемѣшивая все это отступленіями, примѣчаніями, оговорками, словомъ, слѣдуя всѣмъ прихотямъ своего пера. Для образца приведемъ начало этого сочиненія:

„Да будетъ свѣту извѣстно, что я зналъ человѣка, который имѣлъ домъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ, половина вросшій въ землю, а другая съ наклонностью къ паденію, внутри весьма посредственно убранный; но ему казался тотъ

домъ великолѣпенъ, понеже былъ его; той же причины ради, хотя его жена отъ утра до вечера брюзжала и слыла глуповатой, дѣти же были сущіе шалуны, но онъ имъ цѣны не ставилъ и приписывалъ имъ душевныя и тѣлесныя, безсчетныя дарованія. У него была лошадь рыжая съ бѣльмомъ на глазу, другая вороная, короткошея, кургузая, которыхъ зимой впрягалъ онъ въ сани, а лѣтомъ попеременно въ одноколку, — и тѣмъ красоту и добродѣтели приписывалъ. Однимъ словомъ, все что ему принадлежало, — мамы, няни, бани, вѣники, собаки, огородъ, пиво, полпиво, поваръ — все, ему казалось, отмѣнными качествами снабжено, для того только что ему принадлежало, и любилъ онъ себя и никого иного.

„Есть у меня сосѣдъ, который въ младенчествѣ слылъ умницей, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать; въ совершеннолѣтствіи каковъ? Увидите изъ слѣдующаго: онъ ходитъ бодро; но когда два шага сдѣлаетъ направо, то одумавшись пойдетъ налѣво, тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои принуждаютъ его итти впередъ, потомъ возвращается вспять. Каковъ же путь его, таковы и мысли. Сосѣдъ мой отъ роду своего не говаривалъ пяти словъ и не дѣлалъ ни единаго шагу безъ раскаянія потомъ объ ономъ. Поутру вспомнитъ, что у васъ столъ хорошъ; отъ утра до обѣда мучается нерѣшимостью: ѣхать ли, или не ѣхать къ вамъ? Рѣшится; къ обѣду къ вамъ поѣдетъ, сядетъ съ вами за столъ; тутъ вдругъ нападаетъ на него воздержаніе отъ пищи: сколько ни будутъ потчевать, не станетъ ѣсть, подъ отговоркой, что желудокъ или животъ болитъ, и отъ того сдѣлается уторопленнымъ; къ концу стола опомнится, когда кушаніе начнутъ прибирать; начнетъ тогда съ застылыхъ блюдъ что-нибудь хватать и окончаетъ обѣдъ разсказами, позабывъ что животомъ жаловался за полчаса предъ тѣмъ. Мой сосѣдъ двадцатью въ день скупъ и мотъ, богатъ и бѣденъ, хорошъ и дуренъ, доволенъ и недоволенъ, и все что изволишь; только счастливъ не бываетъ, для того что слѣдуетъ всѣмъ своимъ мыслямъ на часъ, и не имѣетъ ни единой, которая бы не перебита была другой.

„Когда я гляжу на него, тогда онъ, утупя глаза въ полъ, предо мною важничаетъ, труся однако меня мышленно. Часто я смѣюсь надъ нимъ; говоря съ нимъ дружески, привожу его въ чувство; но тѣмъ не поправляется его состояніе; лишь ропщетъ противу меня заочно, а въ глазахъ мнѣ льститъ.

Бывъ съ нимъ въ размолвкѣ на Святой недѣлѣ, встрѣтилъ я его на улицѣ, спросилъ куда идетъ? Къ вечернѣ, отвѣтствовалъ онъ; но вмѣсто того, нѣсколько минутъ только спустя, завелъ меня къ танцовщицѣ, сія, стоя предъ зеркаломъ, пляску твердила; тутъ сосѣдъ мой тотчасъ вздумалъ поволочиться, началъ нравоучительныя проповѣди; пока говорилъ, пляска продолжалась предъ зеркаломъ безпрерывно, въ отвѣтъ же ему сказано было: „Куда, мой свѣтъ, ты скученъ!“ Съ тѣмъ мы и вышли“.

Далѣе авторъ начинаетъ разсказывать о своемъ Дѣдушкѣ, въ уста которому влагаетъ иногда очень мѣткія замѣчанія.

„Когда мы молоды были, говорилъ онъ, тогда праздность, въ конюховой одеждѣ *) закутанная, подъ видомъ прогулки для здоровья, по улицамъ не шаталась. Сіе тогда почитали безчинствомъ. Сонъ нашъ продолжался до полудня; остальную часть дня провожали у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и далѣе; должность, въ которой невольно напряжены бывали, немного съ лѣнцой отправляли; но понеже казалось, что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того-сего; разговоры же сіи вели вполголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется“. Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря: будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ.... „Припомните мои слова *(опятъ говоритъ Дѣдушка)*: всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе“.

*) Можетъ быть намекъ на сапоги à l'ecuyère, входившіе тогда въ моду вмѣстѣ съ англійскими фраками и круглыми шляпами.

Послѣ Дѣдушки, который занимаетъ большое мѣсто въ *Быляхъ и Небылицахъ,* авторъ выводитъ майора С. М. Л. Б. Е. *(самолюбіе),* своихъ пріятелей П. П. П., „который болѣе плачетъ, чѣмъ смѣется“, и А. А. А., „который болѣе смѣется, чѣмъ плачетъ“; онъ помѣщаетъ получаемыя будто бы имъ письма по поводу *Былей и Небылицъ,* свои на нихъ отвѣты, выдержки изъ записной книжки, статистическія свѣдѣнія о никогда не существовавшихъ странахъ, имѣющія, однако, сатирическій характеръ, — словомъ, въ отношеніи формы, *Были и Небылицы* представляютъ совершенный хаосъ; но зато они наполнены мыслями, выходками, намеками, которыя во многихъ отношеніяхъ любопытны. Для примѣра приведемъ отрывки изъ *Записной книжки* двоюродной сестры автора, свѣтской женщины того времени.

Вторникъ. Въ комедію я поѣхала: хотѣла видѣть К.

Я подозрѣваю что онъ *глазьетъ* на А. Въ саду его не было.

. . . .

А. сегодня дурно одѣта была. Она похожа на шефирку(?).

. . . .

Середа. Сегодня мнѣ удачи ни въ чемъ нѣтъ, оттого что лѣвой ногой съ постели встала, да и кошку во снѣ видѣла.

. . . .

Пріѣзжала къ М.... ужасно какъ она скучна; непрестанно говоритъ о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи.

. . . .

Пятница. Сегодня изъ комедіи на балъ. М. влюбленъ въ С. Какая эта смѣшная тварь? А шляпку однакожъ къ лицу надѣваетъ.

З. любится съ Г. Онъ легокъ, а она — дунь-полети.

Суббота. Дома гостей имѣла.

Л. не пріѣзжалъ; я для него нарядилась и всѣхъ дѣвокъ перебранила: ни одна угодить не умѣла.

Сказываютъ, что П. изъ окошка опустила на ниткѣ бумажку, а Ф., шедши мимо, бумажку отвязалъ.

Н. ушла отъ отца черезъ заборъ, а Н. отъ мужа.

Воскресенье. К. пріѣхала въ половину службы (въ церковь). Всѣ обратились, какъ вошла.

Впредь надо стараться позже пріѣзжать.

Записная книжка нашей модницы не имѣетъ никакой непосредственной связи ни съ предшествующимъ, ни съ послѣдую-

щимъ; это игривый tableau de genre, вставленный въ рамку *Былей и Небылицъ.* И такихъ картинокъ въ этомъ сочиненіи множество...

Эпиграмматическое и сатирическое направленіе нѣкоторыхъ сочиненій Екатерины не нравилось многимъ; многіе примѣняли къ себѣ самимъ ея эпиграммы и сатиры. Въ *Именинахъ г-жи Ворчалкиной* мы читаемъ: „О батька мой, житья намъ бѣднымъ старухамъ нѣтъ, а ужъ о почтеніи и говорить нечего... Вотъ сказываютъ, сдѣлана комедь намъ на ругательство...“ Вольно вамъ принимать на свой счетъ эту комедію, говорятъ старухѣ, а она возражаетъ: „да какъ не возьмешь! Сказываютъ, что сватья моя да кума тутъ представлены, да таки точнешенько описаны“... Тотъ же самый мотивъ звучитъ и въ письмѣ Петра Угадаева, напечатанномъ въ сочиненіи, которое мы разсматриваемъ.... „Господинъ или госпожа издательница *Былей и Небылицъ,* пишетъ этотъ мнимый корреспондентъ, напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми. Я и моя семья угадываемъ, кто они таковы; да и не мы одни столько догадливы; знакомые намъ тоже угадываютъ. Я сіе вамъ сообщаю для осторожности вашей, ибо на васъ многіе сердятся“. И надо думать, что дѣйствительно многіе сердились за карикатуры, встрѣчаемыя въ *Быляхъ и Небылицахъ:* касательно Петровъ Угадаевыхъ, пишетъ авторъ *Небылицъ,* въ одномъ изъ своихъ *краткодлинныхъ отвѣтовъ,* „слышу только, что семья ихъ часъ отъ часу болѣе распространяется“. Это и не удивительно. Независимо отъ сатирическихъ чертъ, имѣющихъ значеніе общее, въ сочиненіяхъ Екатерины есть нерѣдко намеки на отдѣльныя личности. Такъ, напримѣръ, по словамъ княгини Дашковой, генералъ прокуроръ князь Вяземскій, задѣтый и въ *Фелицѣ* Державинымъ и въ *Сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ* самой императрицей, былъ этимъ очень недоволенъ и постоянно подозрѣвалъ намеки на себя въ *Небылицахъ.* Это сочиненіе и въ самомъ дѣлѣ наполнено портретами и карикатурами, имѣющими очевидно характеръ личный. Такъ напримѣръ въ вышеприведенномъ изображеніи человѣка, который постоянно

. . . . . доволенъ самъ собой
Своимъ обѣдомъ и женой, —

всякій, прочитавшій со вниманіемъ *Записки Екатерины,* узнаетъ Чоглокова, мужа одной изъ статсъ-дамъ ея великокня-

жескаго двора, „женщины брюзгливой и глуповатой". Портретъ Нерѣшительнаго, начертанный въ слѣдующей затѣмъ выдержкѣ, списанъ съ оберъ-каммергера И. И. Шувалова, какъ видно изъ слѣдующаго. По поводу одного непріятнаго замѣчанія, вызваннаго *Былями и Небылицами*, Екатерина написала къ княгинѣ Дашковой: „Это идетъ, безъ сомнѣнія, отъ оберъкамергера, за портретъ Нерѣшительнаго, во второй части *Собесѣдника*", и присовокупляетъ относительно самой манеры и изложенія этого замѣчанія: „не совершенно ли (она) похожа на оберъ-камергера, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ".

Довольно трудно выставить имена подъ всѣми портретами, набросанными въ *Быляхъ и Небылицахъ;* но относительно нѣкоторыхъ это возможно. Такъ, весьма вѣроятно, что „другъ мой А. А. А., который менѣе смѣется, нежели плачетъ" и который „усланъ за масонскими дѣлами въ Швецію", есть не кто иной какъ князь А. Б. Куракинъ, ѣздившій, — правда лѣтъ за 7 предъ тѣмъ, — въ Швецію и имѣвшій туда порученіе, между прочимъ, отъ русскихъ масоновъ; къ сказанному заключенію подаютъ поводъ и слѣдующія слова *Небылицъ,* касающіяся того же А. А. А.: „многіе сумнѣваются чтобъ (онъ) привезъ что-либо (изъ Швеціи), — развѣ какой новый градусъ или степень въ замѣну посланныхъ денегъ". Дѣйствительно, князь Куракинъ получилъ повышеніе въ масонскихъ градусахъ по возвращеніи своемъ изъ Швеціи; но зато незадолго до напечатанія *Небылицъ* онъ отправленъ былъ на житье въ одну изъ своихъ деревень. Имѣя это въ виду мы поймемъ намекъ, заключающійся въ слѣдующихъ словахъ автора *Небылицъ* въ письмѣ къ помянутому А. А. А.: „Духи для меня были забавны; послушалъ бы я охотно ихъ разсказовъ! Они же очень вмѣстительны; говорятъ будто ихъ нѣсколько милліоновъ на булавочномъ концѣ могутъ обращаться, чтобы для насъ съ тобой очень хорошо было по причинѣ *тѣсноты нашей свѣтлицы...*"

Теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторые характеристическіе литературные пріемы, замѣчаемые въ *Быляхъ и Небылицахъ*. Выше было сказано, что въ разнообразной смѣси лоскутовъ, составляющихъ это сочиненіе, въ немъ находятся между прочимъ и письма на имя автора, напечатанныя вмѣстѣ съ его отвѣтами. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ

дѣйствительно были получены Екатериной, но нѣкоторыя, безъ сомнѣнія, сочинены ею самой, и подписаны различными фантастическими именами. Въ большинствѣ случаевъ эти вымышленныя корреспонденціи никого не обманывали, да и писались вовсе не съ тѣмъ, чтобы вводить въ заблужденіе кого бы то ни было; это былъ литературный пріемъ, очень употребительный въ прошедшемъ вѣкѣ и очень удобный для того, чтобы развить и, такъ сказать, подчеркнуть тѣ мысли, которыя авторъ желалъ бы выставить съ особою выпуклостью; иногда, предвидя возможность возраженій, авторы сами излагали ихъ отъ имени вымышленнаго лица и потомъ побѣдоносно отвѣчали на нихъ сами же. Петръ Угадаевъ, о которомъ было уже упомянуто, есть, безъ сомнѣнія, псевдонимъ, подъ именемъ котораго она написала письмо сама къ себѣ. Точно такъ же Екатериною самой вѣроятно писаны: *Письмо изъ града св. Петра* въ кн. III *Собесѣдника,* письмо къ автору *Былей и Небылицъ* и отвѣтъ на него, въ книгѣ IV, такое же письмо *отъ восьми персонъ* съ отвѣтомъ на оное, въ книгѣ V, *Краткодлинный отвѣтъ* автора *Небылицъ* на льстивое заявленіе издателей *Собесѣдника,* напечатанный въ книгѣ VI, письма Михаила Передкова и Ивана Нешорстова, равно какъ и нѣкоторыя другія мелкія статейки и замѣтки съ заглавіями, вставленныя въ текстъ *Былей и Небылицъ.*

Но эту фехтовку à armes courtoises не слѣдуетъ смѣшивать съ другою, настоящею полемикою, предметомъ коей были *Были и Небылицы,* и которая, — замѣчательное доказательство свободы въ XVIII вѣкѣ, — печаталась въ томъ же *Собесѣдникѣ,* гдѣ помѣщались и статьи Екатерины*).

Мы прослѣдимъ эту любопытную полемику съ нѣкоторою подробностью.

Въ октябрѣ 1783 года, княгиня Дашкова получила *Письмо* на имя автора *Небылицъ* съ приложенною къ нему статейкой о Петрѣ Великомъ. *Письмо* это было за странною подписью

*) Сергѣй Глинка задумалъ издать *Были и Небылицы* отдѣльною книгою, включить въ нихъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, нѣкоторыя статьи, хотя и касающіяся *Небылицъ,* но, по большей части, вовсе не принадлежащія перу Екатерины и напечатанныя въ *Собесѣдникѣ* отдѣльно, подъ особыми нумерами; впослѣдствіи то же самое повторилъ Смирдинъ въ своемъ изданіи сочиненій Екатерины. Такимъ образомъ эти издатели подали поводъ къ страннымъ недоумѣніямъ и сообщили довольно взъерошенному и безъ того виду *Небылицъ* видъ совершенно нелѣпый.

„Ни одной звѣзды во лбу не имѣющій“ и начиналось слѣдующими словами: „Съ вами (авторъ *Небылицъ*) все-таки, сударь, еще переписываться можно; вы по крайней мѣрѣ на письмо отвѣчаете; а какъ у васъ есть товарищъ, — г. сочинитель *Записокъ* о россійской исторіи, такъ отъ него даже о полученіи письма не дождешься отповѣда“. Г. Пекарскій думаетъ, что подъ этимъ псевдонимомъ слѣдуетъ подразумѣвать графа Н. П. Румянцева: но не вѣроятно, чтобъ одинъ изъ видныхъ дипломатовъ того времени не зналъ, кто авторъ *Записокъ* и *Небылицъ;* да слѣдующія слова его устраняютъ и малѣйшее въ томъ сомнѣніе. „Я весьма ошибаюсь, или вы бы столько же свободно управляли какою имперіей, какъ свободно по бумагѣ перушкомъ своимъ водите“. Что касается статейки о Петрѣ Великомъ, то въ ней видимо просвѣчиваетъ желаніе возвысить Петра на счетъ Екатерины. Неблагосклонность къ ней прикрыта, конечно, нѣсколькими похвалами ея мудрости, нѣсколькими звучными эпитетами. Поэтому мнѣ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы „Ни одной звѣзды во лбу не имѣющій“ былъ Румянцевъ; но кто бы ни былъ онъ, такая смѣлая критика Екатерины не только какъ писательницы, но и какъ государыни, и неблагосклонное сопоставленіе ея съ Петромъ Великимъ указываютъ на существованіе въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка такихъ понятій, которымъ могутъ не изумляться развѣ въ такомъ старомъ конституціонномъ государствѣ, какъ Англія. Княгиня Дашкова послала и *Письмо* и статью императрицѣ, которая приказала напечатать ихъ, но препроводила вмѣстѣ съ тѣмъ и написанный вѣроятно ею отвѣтъ, въ которомъ очень замѣтно сдержанное раздраженіе. Какъ *Письмо* и статья о Петрѣ, такъ и отвѣтъ Екатерины напечатаны въ VII книжкѣ *Собесѣдника* (№№ XIX, XX), а въ слѣдующей помѣщено было *Прошеніе къ Издателямъ* отъ имени „Всегдашняго *Собесѣдника* читателя“, чтобъ издатели не печатали статей, подобныхъ вышеупомянутымъ, авторъ коихъ „думалъ на иностранномъ языкѣ“, согласно замѣчанію извѣстнаго Дѣдушки. Впослѣдствіи княгиня Дашкова сама, подъ псевдонимомъ разносчика „Рыжаго Фролки“, разразилась насмѣшками надъ галлицизмами и неправильностями рѣчи „Ни одной звѣзды во лбу не имѣющаго“.

Одновременно съ этой полемикой въ *Собесѣдникѣ* началась другая, тоже вызванная *Былями и Небылицами*. Лѣтомъ

1783 г. Фонъ-Визинъ прислалъ въ редакцію *Собесѣдника* рядъ такихъ вопросовъ, обращенныхъ къ автору *Небылицъ,* какіе рѣдко кто рѣшается задавать царственнымъ писателямъ, а особливо печатно. „Отчего,— писалъ Фонъ-Визинъ,— многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ? Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства? Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго почтенія? Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего? Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе?“ Такихъ вопросовъ задано было Фонъ-Визинымъ двадцать, и Екатерина, замѣчаетъ авторъ жизнеописанія Фонъ-Визина, уже тѣмъ побѣдила противника своего, что не отклонилась отъ состязанія съ нимъ. Разумѣется, онъ обращался къ ней такъ развязно потому, что она являлась въ маскѣ; она рѣшилась допустить всѣ послѣдствія маскарада. Императрица послала вопросы Фонъ-Визина для напечатанія въ III части *Собесѣдника,* вмѣстѣ съ отвѣтомъ на нихъ. Тѣмъ не менѣе безцеремонность Фонъ-Визина очень раздражила Екатерину, какъ видно изъ записки ея къ княгинѣ Дашковой. Она была увѣрена, что Фонъ-Визинъ писалъ свои вопросы подъ внушеніемъ И. И. Шувалова, огорченнаго извѣстнымъ уже намъ портретомъ Нерѣшительнаго, и котораго Екатерина не любила еще будучи великою княгинею. Можетъ быть не совершенно чуждъ былъ при этомъ и графъ Никита Панинъ, потерявшій въ это время значеніе при дворѣ и по заказу котораго, пишетъ князь Вяземскій въ біографіи Фонъ-Визина, этотъ послѣдній написалъ какое-то политическое сочиненіе для великаго князя Павла. Какъ бы то ни было, но Екатерина не уклонилась отъ сдѣланнаго ей вызова; она написала отвѣты, но сухіе, отрывистые, въ которыхъ авторъ *Недоросля* не могъ не видѣть признаковъ неудовольствія. На вопросъ: „какъ поднять упавшія души дворянства?“ Екатерина отвѣчала: „сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несумнѣнно колико души ободрены либо упали; самая наружность, походка и пр. то уже доказываетъ“. Какъ бы въ видѣ комментарія на приведенныя слова, Екатерина написала въ слѣдующемъ номерѣ *Собесѣдника* слѣдующее: „Дѣдушка мой,

на сихъ дняхъ читая въ *Собесѣдникѣ* вопросы Неизвѣстнаго и отвѣты на оные сочинителя *Былей и Небылицъ,* закрылъ книгу, потомъ глаза, наклонилъ голову на грудь и былъ нѣсколько времени безъ всякаго движенія. Окружающіе его (мы, внучата его, родные и двоюродные, съ полдесятка), подумали, что, по своему обыкновенію, дѣдушка нашъ заснулъ, потому что отобѣдалъ; стали говорить вполголоса и ходить на цыпочкахъ; но когда онъ благосклонно промолвилъ: „что вы, щенята, перестали балагурить?" тогда узнали мы, что онъ только задумался; а какъ за симъ обыкновенно послѣдуетъ какое ни на есть достопамятное изреченіе или мысль, то приблизились мы къ нему, дабы что-нибудь изловить, но не муху. Не долго оставались мы въ ожиданіи; дѣдушка, выпрямясь на своемъ кожаномъ креслѣ, сказалъ: „Молокососы! не знаете вы, что я знаю! Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся неумѣстны; шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ".

Но Фонъ-Визинъ не ограничился въ своихъ вопросахъ пессимистическимъ сопоставленіемъ въ общихъ чертахъ настоящаго времени съ минувшимъ; онъ забросилъ нѣсколько словъ, которыя должны были казаться тѣмъ болѣе язвительными, что они имѣли нѣкоторый видъ справедливости и были, вѣроятно, отголоскомъ общественныхъ толковъ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ касательно шутовъ и балагуровъ, имѣющихъ большіе чины. Здѣсь ясенъ намекъ на Льва Нарышкина, извѣстнаго своимъ балагурствомъ и покровительствомъ сначала С. Салтыкову, а потомъ Понятовскому. Онъ былъ дѣйствительно балагуръ, весельчакъ, *шутникъ,* но не *шутъ,* какими были Лакоста или Педрилло; онъ забавлялъ дворъ и оказывалъ не весьма почтенныя услуги императрицѣ, потому что балагурство было въ его нравѣ и потому что угодничество создавало ему пріятное положеніе при дворѣ, но не потому, что онъ былъ къ тому обязанъ; надъ нимъ подшучивали и даже дурачили его, но онъ имѣлъ право и не дозволить подобнаго съ собою обращенія, чего, конечно, не могли шуты Петра и Анны. Вообще надо было имѣть очень много пессимизма, чтобы двору, который забавлялъ Левъ Нарышкинъ, ставить въ примѣръ дворъ, при которомъ князья Рюриковичи обязаны были имѣть попе-

ченіе объ императрицыныхъ собакахъ или кудахтать, какъ насѣдки. Вотъ почему Екатерина, отвѣчая Фонъ-Визину, написала между прочимъ: „Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли". Затѣмъ она опять пригласила Дѣдушку выразить свою мысль полнѣе:

„Дѣдушка, хотя и прикашливая, твердилъ непрестанно межъ зубовъ повторенный четырнадцатый вопросъ, который напечатанъ на 165 страницѣ *Собесѣдника,* части III, подобно ему: „Хемъ, хемъ (хемъ, хемъ изображаетъ дѣдушкинъ кашель), хемъ, хемъ .. отчего, хемъ, хемъ... въ прежнія времена... хемъ, хемъ... шуты... хемъ, хемъ... шпыни... хемъ, хемъ... и балагуры... хемъ, хемъ... чиновъ не имѣли... хемъ, хемъ, хемъ.., а нынѣ имѣютъ... хемъ, хемъ, хемъ, хемъ... и весьма большіе?" Тутъ дѣдушка умножилъ хемъ-хемы такъ, что число оныхъ безъ ошибки на бумагу положить нельзя. Хотя Дѣдушка сильно кашлялъ, но бывъ весьма занятъ вопросомъ, не забылъ оный. Отдохнувъ немного, началъ разбирать подробно члены его и говорилъ: „Отчего? отчего?... Ясно, оттого что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ... хемъ, хемъ, хемъ... опасенія. О! прежнія времена!" Сію строку кончили множество хемъ-хемовъ. За сими слѣдовало въ очередь: „Шуты"... (Дѣдушка всѣхъ сихъ по именамъ знаетъ, начиная съ древнихъ, отличившихся и отличенныхъ во всѣхъ пяти эпохахъ нашей исторіи).

„Когда Дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: „Шпынь безъ ума быть не можетъ; въ шпынствѣ есть острота; за то, продолжалъ онъ, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ кои въ обществѣ даются въ обществѣ живущимъ или обществу служащимъ". Всѣ сіи такъ же какъ и первыя произнесенія перемѣшаны были хемъ-хемами. Потомъ дѣло дошло до балагуровъ, кои, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или значеніе пріобрѣтеннаго смысла, либо значеніе старины, или что ни есть подобное, а скучны лишь, говоритъ прародитель, „Маремьяны плачущія и о всемъ мірѣ косо и криво пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ ужъ духъ скрытой зависти противъ ближняго".

Дѣдушкины *хемъ-хемы* не замедлили дойти по адресу и произвели впечатлѣніе; Фонъ-Визинъ поспѣшилъ съ своимъ теа

culpa; въ V книжкѣ *Собесѣдника* было помѣщено письмо вопрошателя Екатерины, начинающееся такимъ образомъ: „По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ писать внятно и для того покорно васъ прошу принять здѣсь мое объясненіе". Далѣе онъ говоритъ: „Надобно быть извергу чтобъ не признавать какое ободреніе душамъ подается", и старается смыть съ себя подозрѣніе въ „желчи злобы". Въ заключеніе Фонъ-Визинъ говоритъ, что отказывается отъ дальнѣйшихъ вопросовъ, „чтобъ не быть невольнымъ образомъ обвиняему въ свободоязычіи... которое всей душой ненавидитъ". Послѣ полнаго покаянія сочинителю *Былей и Небылицъ* оставалось только произнести *аминь*.

Политическая сторона заявленій „Ни одной звѣзды во лбу не имѣющаго" и Фонъ-Визина задѣвали Екатерину за живое; она собственнымъ опытомъ убѣдилась въ настоящемъ случаѣ, что ремесло литератора, а тѣмъ болѣе сатирика и юмориста, сопряжено со многими неудобствами; но она еще продолжала писать свои *Были и Небылицы*. Ее побудило прекратить ихъ, повидимому, маловажное обстоятельство, — именно пререканія между княгиней Дашковой и Л. А. Нарышкинымъ.

Въ любопытномъ изслѣдованіи г. Пекарскаго напечатаны извлеченныя изъ рукописей Екатерины двѣ маленькія статьи, касающіяся такъ рѣзко задѣтаго Фонъ-Визинымъ Нарышкина. Одна изъ нихъ изображаетъ въ юмористическомъ видѣ жизнь и приключенія его, а особенно поѣздку его въ Константинополь, куда онъ былъ посланъ во время пребыванія Екатерины въ Крыму. Одиссея его носитъ слѣдующее заглавіе: *Léoniana, ou dits et faits de sir Leon, grand écuyer recueillis par ses amis;* эта шуточная эпопея (оставшаяся повидимому въ проектѣ) свидѣтельствуетъ, что забавный и услужливый Нарышкинъ былъ однимъ изъ самыхъ интимныхъ людей двора Екатерины, хотя не имѣлъ никогда политическаго значенія, а изъ другой статьи, извлеченной г. Пекарскимъ изъ ея рукописей, мы узнаемъ, что Нарышкинъ былъ членомъ „Общества Незнающихъ". Это общество, разсказывалъ впослѣдствіи Державинъ, существовало для обсужденія *Былей и Небылицъ,* по мѣрѣ изготовленія ихъ для печати, но кажется, что оно занималось тоже пересмѣиваньемъ Россійской Академіи. Въ числѣ членовъ была и княгиня Дашкова. Нарышкинъ и Дашкова не любили другъ друга, между ними была даже явная ссора,

подавшая поводъ къ шутливой пьесѣ *За Мухой съ обухомъ* и бывшая предметомъ насмѣшекъ цѣлаго двора. Охотники посмѣяться были на сторонѣ Нарышкина и, сколько можно судить по содержанію помянутой пьесы, — заодно съ ними была и императрица. Она даже дозволила Нарышкину вступать съ издательницей *Собесѣдника* въ полемику по поводу *Былей и Небылицъ;* такъ онъ сочинилъ отъ имени „Извѣстнаго Каноника", покровительствующаго будто бы *Былямъ и Небылицамъ,* письмо къ издателямъ *Собесѣдника*, въ которомъ очень ясно давалъ чувствовать имъ, что чрезмѣрныя и настойчивыя похвалы, расточаемыя ими помянутому сочиненію Екатерины, компрометируютъ ее. Такое письмо не могло быть пріятно княгинѣ Дашковой, но она напечатала его, конечно, по приказанію императрицы; оно находится въ т. VII-мъ *Собесѣдника* и подписано Ignorante Babinelli.

Но пререканія между Нарышкинымъ и княгиней Дашковой этимъ не кончились. Въ одномъ изъ засѣданій Общества Незнающихъ, происходившемъ у императрицы въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1783 года, Нарышкинъ вздумалъ произнести рѣчь, которая показалась княгинѣ Дашковой пародіей на ея рѣчь при открытіи Россійской Академіи, незадолго предъ тѣмъ происходившемъ. Это оскорбило княгиню; императрица, чтобъ ей „не скучно было", подарила ей 25 тыс. рублей. Между тѣмъ она получила для напечатанія въ *Собесѣдникѣ* двѣ рукописи: вышеупомянутый отвѣтъ Любослову, который оканчивается словами: „le ris tenta le rat", и *Общества Незнающихъ ежедневная Записка.* Изъ писемъ императрицы къ княгинѣ Дашковой, приложенныхъ къ *Запискамъ* послѣдней, можно предположить, что первая изъ помянутыхъ статей была написана Екатериной; что же касается до *Ежедневной Записки,* то она скрѣплена Извѣстнымъ Каноникомъ, то-есть Нарышкинымъ и, вѣроятно, имъ написана.

Общество Незнающихъ и его *Ежедневная Записка* есть не что иное какъ пародія на засѣданія Россійской Академіи и на ея протоколы, и поэтому княгиня затруднялась печатать ихъ и жаловалась на Каноника; но государыня явно приняла сторону этого Каноника, разсердилась на Дашкову и потребовала назадъ обѣ статьи, доставленныя ею для *Собесѣдника.* Тогда княгиня поспѣшила заявить о своей готовности на всевозможныя уступки. „Заклинаю ваше величество, писала она

возвратить мнѣ бумаги, которыя вы взяли сегодня утромъ, и приказать о продолженіи протокола Каноника. Я никогда не считала этого серьезнымъ; ваше величество припомните, что въ продолженіе трехъ недѣль, когда доходили до меня слухи о мнѣніи въ публикѣ, что насмѣхаются надъ возникающею Академіей, я не только не обращала на это вниманія, но сама шутила и диктовала Канонику"... Ничто не помогло; въ дальнѣйшихъ книжкахъ *Собесѣдника* мы не находимъ ни продолженія *Небылицъ*, хотя оно уже было написано, ни статей Каноника, ни продолженія *Ежедневной Записки*, хотя княгиня Дашкова и публично въ своемъ изданіи, равно какъ въ письмахъ и записочкахъ на имя государыни, не переставала скорбѣть о прекращеніи ея юмористическихъ очерковъ.

Щебальскій.

„Были и Небылицы" со стороны своего содержанія.

Сатирическія статьи, извѣстныя подъ именемъ „Былей и Небылицъ" и называвшіяся также „Разговорами дѣдушки", печатались въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова", этомъ „Сардамѣ Екатерины II", по мѣткому выраженію кн. Вяземскаго. Они заслужили своему автору почетное имя „автора былей и небылицъ". По самому названію ихъ видно, что въ нихъ представлялось и дѣйствительно существовавшее, и вымышленное, хотя и возможное. Содержаніе ихъ опредѣленно указано самою императрицею во многихъ мѣстахъ. „Были и Небылицы", объявляетъ она, „вытащены изъ обширнаго моря *естества;* они наполнены тѣмъ, *что въ людяхъ водится;* въ нихъ описывается *умоположеніе человѣческое.* Подъ „умоположеніемъ" разумѣется здѣсь то же самое, что въ „Наказѣ" разумѣется подъ словомъ „умствованіе", то-есть духъ, характеръ (ésprit général).

Какую же сторону „умоположенія человѣческаго" беретъ авторъ „Былей и Небылицъ?" Сторону темную, отрицательную. Въ жизни людей и существованіи предметовъ, этомъ волнующемся „морѣ естества", останавливаетъ онъ свое вниманіе на ихъ недостаткахъ, важныхъ и неважныхъ, вредныхъ и просто смѣшныхъ: безнравственности, глупости, странностяхъ, недо-

статкахъ, господствовавшихъ въ средѣ извѣстнаго народа — русскаго, и въ средѣ извѣстной эпохи — современной. Правительственными мѣрами направляя подданныхъ къ гражданскому благоденстію и уничтожая всякое препятствіе къ его достиженію, императрица въ литературныхъ произведеніяхъ также раскрывала основы народнаго счастія и смѣялась надъ тѣмъ, что задерживаетъ общество на пути къ желанной цѣли. Въ послѣдней категоріи сочиненій находятъ себѣ достойное мѣсто и „Были и Небылицы".

Это сатирическое произведеніе явилось слишкомъ чрезъ двадцать лѣтъ отъ начала царствованія Екатерины Великой и за тринадцать лѣтъ до ея кончины. Оно стоитъ почти на половинѣ пути, предназначеннаго ей Провидѣніемъ. Многое уже было сдѣлано, и законами и учрежденіями, въ пользу народнаго образованія, для развитія въ немъ идей чести, справедливости, терпимости, человѣколюбія; но многое еще и оставалось сдѣлать. Императрица уже коротко узнала Россію. Она ясно видѣла и всходы посѣянныхъ сѣмянъ, и принесенные плоды, и безплодность нѣкоторыхъ правительственныхъ заботъ. Она понимала, что какъ ни могущественны данные ею способы къ гражданскому счастью, но они безсильны для совершеннаго осуществленія ея благихъ намѣреній: много еще въ народѣ осталось неразумнаго, недобраго, несправедливаго, несчастнаго. Причины тому заключались какъ въ несовершенствахъ человѣческой природы вообще, такъ и въ недостаткахъ народа, которому стоитъ большихъ трудовъ и усилій взойти съ одной ступени на другую, и который своею косностью замедляетъ ходъ преобразованій, или даже парализируетъ вліяніе лучшаго. „Мое желаніе и удовольствіе (писала Екатерина къ доктору Циммерману 29-го января 1789) состояло въ томъ, чтобъ сдѣлать всѣхъ счастливыми; но какъ всякій хочетъ быть счастливъ по своимъ способностямъ, то желанія мои часто находили въ томъ препятствія, въ коихъ я ничего не понимала. Конечно, не было злости въ моемъ славолюбіи; но можетъ быть, что я слишкомъ много предпринимала, полагая, что люди способны сдѣлаться разсудительными, справедливыми и счастливыми. Родъ человѣческій вообще наклоненъ къ безразсудству и несправедливости, съ коими никакъ не можно быть счастливымъ".

Такимъ образомъ, временемъ появленія „Былей и Небы-

лицъ" опредѣляется и мѣсто, занимаемое ими въ ряду однородныхъ съ ними произведеній. На нихъ надобно смотрѣть, какъ на сводъ того, что императрица писала прежде и послѣ 1783 г., какъ на средоточіе, къ которому направляются ея комедіи, оперы и другія сатирическія пьесы. Но такъ какъ эта сатира отрицаетъ все противоположное положительнымъ началамъ, положеннымъ въ „Наказѣ", „Инструкціи кн. Салтыкову, „Гражданскомъ начальномъ ученіи" и другихъ подобныхъ тому сочиненіяхъ, которыя предметомъ своимъ имѣли устройство общественнаго благосостоянія или, по-крайней мѣрѣ, раскрытіе истинныхъ о немъ понятій, то слѣдовательно назначеніе и „Былей и Небылицъ" — отрицать все ложное, вредное, смѣшное, идущее наперекоръ началамъ разума, истины, терпимости, пользы. Онѣ — оборотная сторона медали: сторона темная общечеловѣческихъ и національныхъ недостатковъ, въ противоположность достоинствамъ человѣка вообще, гражданина въ особенности.

Что же именно отрицаютъ „Были и Небылицы"? противъ чего онѣ вооружаются? — какіе предметы обличаютъ и осмѣиваютъ?

„Наказъ", вмѣстѣ съ „Духомъ законовъ" Монтескьё, признаетъ *честь* необходимымъ, существеннымъ отличіемъ дворянскаго сословія, первенствующаго въ монархическихъ государствахъ. Поэтому всякій обманъ, противный чести, несовмѣстимъ съ достоинствомъ благороднаго званія. Дворянинъ-обманщикъ теряетъ право на имя, данное ему въ знакъ чести, потому что потерялъ основаніе своего права. Къ числу важнѣйшихъ обмановъ, унижавшихъ достоинство дворянское въ эпоху, современную Екатеринѣ, принадлежалъ *неплатежъ долговъ,* иногда умышленный или злостный — отъ нежеланія платить, иногда невольный — отъ невозможности платить. „Какъ у двора, такъ и въ столицѣ (говоритъ Фонъ-Визинъ въ „Придворной Грамматикѣ"), никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: *быть должнымъ.* Глаголъ этотъ въ прошедшемъ времени спрягается весьма — рѣдко: ибо никто долговъ своихъ не платитъ. А въ будущемъ спряженіе его употребительно: ибо само собою разумѣется, что всякій непремѣнно въ долгу будетъ, если еще не есть". Тотъ же Фонъ-Визинъ спрашивалъ императрицу: „отчего всѣ въ долгахъ?" и такимъ вопросомъ указалъ господствовавшій въ его время не-

достатокъ одного изъ общественныхъ классовъ, именно дворянскаго. Сочиненія Екатерины часто преслѣдуютъ господъ, изучившихъ искусство обманывать своихъ кредиторовъ или даже обращающихся съ ними безъ всякой церемоніи. Почти ни одна ея комедія не обходится безъ того, чтобъ не обличить вольную или невольную несостоятельность дворянскаго слова. Въ комедіи: „Госпожа Вѣстникова съ семьею" торговка Терентьевна ѣздила собирать съ разныхъ господъ по счетамъ деньги, да къ кому ни пріѣдетъ, или дома не сказываются, или говорятъ, что денегъ нѣтъ; либо просятъ, пожалуй завтра пріѣзжай. Въ комедіи: „Именины госпожи Ворчалкиной" Геркуловъ бьетъ палкой Фирлюфюшкова за неплатежъ долга, приговаривая: „не обманывай честныхъ людей; держи данное свое слово; не дозволяй поступать съ собою какъ съ бездѣльникомъ; вотъ..... плутовъ бьютъ, обманщиковъ бьютъ, бездѣльниковъ бьютъ". Но Геркуловъ, вмѣстѣ съ другимъ дѣйствующимъ лицомъ, Спесовымъ, не хуже фата Фирлюфюшкова: они тоже промотали свое имѣніе, тоже жили въ долгъ и не платили долговъ, тоже прибѣгали къ разнымъ обманамъ для поправленія разстроеннаго состоянія. Непозволительныя продѣлки ихъ не мѣшаютъ, однакожъ, Спесову гордиться знатнымъ своимъ родомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, забылъ слова „Наказа", что дворянство есть „нарицаніе къ чести"; а каждый обманщикъ есть уже человѣкъ безчестный и потому лишается права на благородное нарицаніе. „Жаль, поистинѣ жаль (говоритъ Непустовъ въ комедіи „О время!"), что нынѣ ничего не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, мало когда краснѣютъ".

„Были и Небылицы", вооружаясь противъ неплатежа долговъ, имѣли, слѣдовательно, въ виду не тѣ или другія лица, а цѣлый классъ людей. Ихъ сатира — характеристика общественнаго круга, обличенія недостатка, господствовавшаго въ дворянскомъ сословіи. Въ этой характеристикѣ встрѣчаемъ мы, напримѣръ, одну госпожу до того бережливую, что и должникамъ не платитъ. Она съѣстные припасы въ долгъ забираетъ, мужнины векселя, когда до ея рукъ дойдутъ, въ лоскутки издираетъ и чрезъ то долгъ безъ платежа уничтожить старается. Вотъ другая барыня, не платившая въ теченіе трехъ лѣтъ разносчику за апельсины какихъ-нибудь четырехъ рублей съ полтиной. Третья ничего не нашла на биржѣ по своему

вкусу, а что и нашла, того не хотѣли ей дать въ долгъ. Одинъ членъ „Общества Незнающихъ“ на вопросъ: откуда и какъ имѣетъ пропитаніе? отвѣчалъ, что живетъ въ долгъ; а на вопросъ: какъ и когда платить намѣренъ? сказалъ, что о томъ нисколько не заботится. Все это — мелкія, характеристическія черты сатиры, согласной, въ выборѣ предмета и во взглядѣ на предметъ, съ сатирическими указаніями другихъ писателей того времени.

Откуда же явился обычай жить въ долгъ и не платить долговъ? — „Оттого (пишетъ Екатерина въ отвѣтъ Фонъ-Визину), что проживаютъ болѣе, нежели доходу имѣютъ. Другими словами: роскошь причиною зла“. Дворяне, въ родѣ Геркулова и Спесова, выведенныхъ императрицею на сцену, жили не по состоянію и тянулись съ тысячью рублей за тѣми, у кого десятки тысячъ. Проживъ все, что отцы наживали, они начали выдумывать всякіе непозволенные къ прокормленію своему способы. Ложь, клевету и все порочное и глупое употребляли они въ дѣйствіе, лишь бы только доставить себѣ тѣмъ богатство. Другіе, болѣе разборчивые на средства, ударились въ безразсудные проекты, которыми довершалось разореніе остального имущества. Они поправляли дѣла свои подобно Тришкѣ Крылова. „Много видалъ я на своемъ вѣку (говоритъ слуга Антипъ въ комедіи „Именины госпожи Ворчалкиной“), какъ господа, ухватившись за проекты, чтобъ скорѣе разбогатѣть, закладываютъ деревни, а потомъ проектъ не удался, деревни пропали и господинъ пошелъ по міру“. Комедія „Недоразумѣнія“, въ лицѣ госпожи Гостяковой, изображаетъ именно это помѣшательство дворянъ на проектахъ, со всѣми его смѣшными и вредными послѣдствіями. У ней двѣ — три фабрики и нѣсколько заводовъ; она заставляетъ крестьянъ своихъ боронить, когда вездѣ пашутъ, и пахать, когда надобно боронить; румяны, приготовляемыя на ея румянномъ заводѣ, нейдутъ съ рукъ, потому что для богатыхъ людей нехороши, а для бѣдныхъ дороги; полотняная фабрика остается безъ дѣйствія, за неимѣніемъ пряжи; вздумала она разводить ревень и хлопчатую бумагу, но ихъ бьютъ морозы; наконецъ, желая достать денегъ, она велѣла разломать старый домъ свой, близъ Можайска, и кирпичи продать въ Москвѣ. Дворецкій по поводу всѣхъ этихъ проектовъ замѣчаетъ съ неудовольствіемъ: „Затѣи новыя каждый часъ! вчера приказала ленъ и пеньку сѣять на

лучшихъ земляхъ... тутъ прежде росла рожь... а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь.... кто слыхалъ подобное!... Ея бы дѣло принимать гостей.... На помощь промотавшимся и довѣрчивымъ дворянамъ являлись иногда съ предложеніемъ своихъ услугъ пройдохи или глупцы, увѣряя ихъ въ успѣхѣ предпріятій, въ выгодномъ осуществленіи проектовъ. Одинъ изъ нихъ — Некопейковъ (въ „Именинахъ госпожи Ворчалкиной"), толкующій объ употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою, о построеніи секретнаго флота, объ устройствѣ въ Кяхтѣ вольной и безпошлинной морской гавани, и проч.

Сильное развитіе роскоши и мотовства вызвали многія разсужденія объ этихъ предметахъ. Особенно во Франціи, гдѣ и то и другое достигло наибольшихъ размѣронъ, много о нихъ писали. Мнѣнія авторовъ раздѣлились. Одни видѣли въ роскоши источникъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій; другіе, напротивъ, почитали ее знакомъ богатства и благоденствія народнаго; третьи находили безполезными эти споры pro и contra, на томъ основаніи, что если роскошь приноситъ выгоду государству, то апологія ея излишня; а если она влечетъ за собою существенный вредъ, то лучше показать способы къ его отвращенію, нежели тратить время на указаніе вредныхъ послѣдствій.

Правительство и частныя лица не могутъ не разсуждать о роскоши, замѣчая повсемѣстный разливъ ея, производящій безпорядки и въ общественной жизни, и при домашнемъ очагѣ. Особенно тамъ поражаютъ своимъ неразуміемъ ея трагикомическія слѣдствія, гдѣ она заимствована вмѣстѣ съ другими предметами европейской цивилизаціи, гдѣ она не постепенно распространялась въ большіе и большіе круги, а явилась почти внезапно, въ томъ видѣ и объемѣ, до какихъ за границей достигала съ теченіемъ извѣстнаго времени. И потому сатирическіе журналы и комедіи Екатеринина вѣка полны нападками на мотовство и роскошь, на жизнь свыше состоянія. Въ комедіи „О время!" узнавъ отъ Мавры, служанки Ханжахиной, что госпожа ея нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину, Непустовъ замѣчаетъ: „Что касается нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю". Между недостойными

людьми, составляющими общество Двораброда (въ комедіи: „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями"), трое, своими фамиліями и качествами, указываютъ на мотовство и безумныя издержки. Одинъ изъ нихъ, Тратовъ, получивъ въ наслѣдство множество серебряной столовой посуды, передѣлалъ ее въ хомуты; другой, Прамотъ, закупалъ цѣлыми кораблями привезенныхъ изъ-за моря лошадей; третій, Мотыгинъ, дошелъ до того, что его домашній скарбъ проданъ былъ за долги съ аукціона, и потомъ, перекупленный имъ втридорога, вдесятеро противъ проданнаго, снова заложенъ былъ барышнику. „Были и Небылицы" также не оставили безъ вниманія этихъ недостатковъ современнаго общества. Любопытна пропорція промотавшихся къ порядочно-живущимъ, представленная ими въ ревизской сказкѣ „острова Тихоморе, на правой сторонѣ отъ твердой земли": промотавшихся — 450, порядочно-живущихъ — 39". Слѣдовательно, послѣдніе относятся къ первымъ почти какъ 1 къ 12. Съ того времени числа отношенія конечно измѣнились противоположнымъ образомъ, т.-е. первое уменьшилось, второе возросло.

Главнѣйшій предметъ роскоши составляли моды. Вредныя въ этомъ отношеніи, т.-е. какъ побужденіе къ мотовству, онѣ были вредны и тѣмъ, что свидѣтельствовали о безсмысленной переимчивости нашей у иностранцевъ, преимущественно у французовъ — переимчивости, доходившей до обезьянства во всемъ, даже въ мелочахъ. Кромѣ того, моды были смѣшны, сами-по-себѣ, своимъ безвкусіемъ. Особенно — обильное употребленіе румянъ и бѣлилъ, высокая головная уборка въ родѣ вавилонской башни и растрепанная прическа, или, вѣрнѣе, неприческа, уподоблявшая голову щеголихи головѣ Медузы, поражали всякаго безобразіемъ и уродливостью. Сами французы начали наконецъ смѣяться надъ дамскимъ туалетомъ ихъ изобрѣтенія и по преимуществу надъ головной уборкой: „J'avoue (говоритъ одинъ изъ нихъ) que les coiffures françaises du jour, qui ont tous les defauts d'un style gigantesque, ampoulé, semblent faites pour ôter la physionomie aux visages qui en ont, ou pour en faire de vrais carricatures". Когда, при Маріи Антуанетѣ, введена была въ моду новая, низкая прическа, une coiffure a l'enfant, совершенно противоположная прежней, высокой, то всѣ нашли ее очень милой и граціозной. О прежней же отозвались такимъ образомъ: „On a fait remar-

quer que les longues épingles, nécessaires pour étayer ces hautes fabriques de cheveux qui ont été si longtemps à la mode, n'étaient guère moins dangereuses, dans les temps d'orage, que ces pointes de fer dont on garnit fort imprudemment la faîte des maisons et surtout des clochers". Что такой уродливый головной уборъ и безобразная метода прически, соблазнивъ нашихъ соотечественницъ, идутъ изъ Францiи, это мы узнаемъ и отъ самой императрицы, изъ ея замѣчанiй на путешествiе въ Сибирь аббата Шаппа.

Аббатъ Шаппъ д'Отрошъ (Chappe d'Auteroche), членъ Парижской Академiи Наукъ, отправленъ былъ въ Сибирь для наблюденiя надъ прохожденiемъ Венеры передъ солнцемъ (1761 г.). Записки своего путешествiя и ученыхъ наблюденiй издалъ онъ въ 1768 г., подъ названiемъ: „Voyage en Syberie". Въ нихъ, между прочимъ, описываются нравы и обычаи русскихъ и настоящее состоянiе нашего отечества — описанiе невѣрное, одностороннее и недобросовѣстное, потому, что путешественникъ рѣшительно судитъ о томъ, чего не могъ осмотрѣть порядочно въ торопливой поѣздкѣ своей отъ Петербурга до Тобольска. Притомъ же онъ, какъ французъ, не въ силахъ былъ отдѣлаться отъ нацiональныхъ предразсудковъ, и по своему тщеславiю не находилъ почти ничего хорошаго въ той странѣ, которую почиталъ варварскою. Императрица Екатерина, въ письмѣ къ Вольтеру о пребыванiи прусскаго принца Генриха, брата Фридриха Великаго, въ Петербургѣ, замѣчаетъ: „Il a paru se plaire ici plus que l'abbé Chappe, qui, courant la poste dans un traîneau bien fermé, a tout vu en Russie". „Путевыя Записки" Шаппа встрѣчены были строгимъ осужденiемъ въ самой Францiи. Гриммъ и Дидро удивлялись способности Шаппа, свойственной только французамъ, все знать не учась, все видѣть не смотря, все отгадывать, не бывъ колдуномъ, все изслѣдовать, скача на почтовыхъ отъ Парижа до Тобольска, и разсѣкать всевозможные гордiевы узлы, не бывши Александромъ Македонскимъ. „Трудно (говорятъ они) соединить въ одномъ сочиненiи и въ такой степени столько невѣжества, дерзости, пошлости, поверхностности, пристрастiя къ мелочамъ и безпристрастiя къ истинѣ". Но болѣе строгая и подробная критика путешествiя Шаппа принадлежитъ самой императрицѣ. Она издала въ Амстердамѣ, 1771 г., особой книжкой, подъ заглавiемъ: „Antidote, ou examen du mauvais livre superbe-

ment imprimé, intitulé: Voayge en Syberie, fait par ordre du Roi en 1761, par l'abbe Chappe d'Auteroche". Здѣсь-то, обличая французскаго путешественника въ невѣжествѣ и одностороннемъ воззрѣніи, императрица касается и французскихъ модъ. Аббату не понравилась одежда нашихъ женщинъ; императрица отвѣчаетъ ему:

„L'habillement des femmes en France est encore plus laid a mon avis. Elles se voûtent les épaules, s'ecrasent le sein. Et leurs têtes encore, comme elles sont faites! ou bien c'est un étalage de cheveux qui ne finit pas, et qui rend le visage la moindre partie de la tête; ou bien aussi elles vous mettent cette tête dans une espèce de corbeille, qu'on appelle grands bonnets. Et le rouge, le blan, les pommades et les couleurs, les ainez — vous, M. l'Abbé?..."

Описаній подобнаго щегольства высокою уборкой головы и уродливою прической такъ много въ нашихъ сатирическихъ произведеніяхъ, что выписки изъ нихъ, относительно этого предмета, составили бы нѣсколько книгъ. Еще за пятнадцать лѣтъ до изданія „Собесѣдника", въ „Именинахъ госпожи Ворчалкиной" (1772) является Олимпіада, которая, желая получше нарядиться въ день ангела своей матери, отмѣнно-высоко убираетъ себѣ голову. Это — образецъ модной барышни тогдашняго времени. Она считаетъ обязанностью окружать себя обожателями. Ея разговоръ испещренъ словами, взятыми изъ лексикона моднаго нарѣчія: „славенъ, безпримѣрно", „ужесть", „давать себѣ воздухи" (se donner des airs), „болванчикъ" (обожатель), „маханье" (любезничанье, волокитство) и проч. Въ „Письмѣ щеголихи" (въ „Живописцѣ" Новикова) собраны эти и подобныя имъ выраженія, бывшія тогда въ ходу у модниковъ и модницъ. — „Чтобъ ни говорили (возражаетъ Разсудинъ Гостяковой въ комедіи „Недоразумѣнія"), мнѣ лицо всего милѣе; но настало время, что лицо съ трудомъ отыщешь въ кудряхъ, на которыхъ невѣдомо, что наклокочено; сзади головы — четыреугольникъ прешерокій, спереди — треть лица закрыта; со лбомъ же всѣ поссорились, покрытъ онъ весь волосами; у иной брови къ тому еще размазаны колесомъ, какъ-будто мостъ отъ носу къ вискамъ".

„Были и Небылицы" часто задѣваютъ моды своими насмѣшками. Онѣ описываютъ узкіе башмаки одной дочери архангельскаго купца, на высокихъ и тонкихъ каблукахъ, подобныхъ

куликовой шейкѣ. Изъ „Записной книжки двоюродной сестры" видно, что она встаетъ съ постели въ первомъ часу пополудни, съ гордостью говоритъ: „у насъ въ Парижѣ", мечтаетъ о балахъ, ужинахъ, любезникахъ. „Парикмахеръ (замѣчаетъ она) сегодня чесалъ мнѣ волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа растрепываться, чтобъ въ люди можно было показаться". Цѣлое письмо госпожи Передковой къ автору „Былей и Небылицъ" занято разсказомъ о модной одеждѣ ея племянницы:

„Я хотѣла взять племянницу съ собою въ гости и для того велѣла ей почище одѣться. Она пришла ко мнѣ напудрена, но не причесана. Волосы повсюду около головы висѣли, какъ у львицы, а помада клочками видна была; на ней напутано было флеру много и высоко, на флерѣ цвѣты туды и сюды; на цвѣтахъ красныя фольги, на сихъ великое множество крупныхъ бусъ, подобно какъ зимой ледяныя сосульки на кровляхъ висятъ, а сверхъ всего сего голубыя замаранныя, запудренныя ленты приколоны были; ушей и глазъ она не вымыла, а пудра въ нихъ кучами лежала; на лбу и на щекахъ видны были полосами грязь, пудра, румяна и изъ бровей сурмила; флеровое на ней платье надѣто было такъ, что она на одну полу спереди наступала, пока другая на боку вздернута висѣла".

Одна молодая дѣвушка, читая упомянутыя „Записки двоюродной сестры", сама писала слѣдующее:

„Когда я жила у матушки, тогда я была бранена, буде одинъ волосокъ на лбу висящій виденъ былъ. Послѣ матушки, когда въ пансіонъ отдана была, тамъ у насъ за красу и щегольство ставили, чтобъ голова казалась нечесана и волосы висѣли отовсюду, иногда и въ кушанье попадали".

Но страсть къ модамъ была только смѣшною стороною галломаніи. За этою страстью стояло другое, болѣе серьезное и вредное послѣдствіе — нравственный безпорядокъ домашней жизни и общественныхъ сношеній. Вотъ пропорція добропорядочныхъ мужей и женъ къ мужьямъ и женамъ дурнымъ, представленная „Былями и Небылицами" въ вышесказанной „Переписи": Мужей любящихъ женъ своихъ — 4; женъ любящихъ мужей своихъ — 4; мужей, ушедшихъ отъ женъ — 26; женъ, ушедшихъ отъ мужей — 18; полюбовно разошедшихся — 10; судомъ разведенныхъ — 6.

Легкомысленнымъ дѣвушкамъ, мечтающимъ о привольномъ

замужествѣ, комедіи императрицы противопоставляютъ иногда дѣвушекъ разумныхъ и скромныхъ. „Не увѣришь ты меня никакъ (отвѣчаетъ Мавра Прокофью въ комедіи „Недоразумѣніе"), чтобъ было лучше выйдти за природнаго дурака, нежели за разумнаго человѣка. Сбыслава воспитана честно; она по замужествѣ чрезъ нѣсколько недѣль мужа не покинетъ, какъ недавно слышно было, что сотворила таковой соблазнъ дочь нашего сосѣда, дерзко вышедъ съ умысломъ, чтобъ покинуть мужа".

Отъ роскоши, щегольства и модной жизни супруговъ, какъ слѣдствій внѣшне-европейскаго образованія, преимущественно французскаго, сатира Екатеринина вѣка переходитъ къ самому образованію. Въ этомъ случаѣ она становится строже и серьезнѣе, потому-что передъ нею источникъ многихъ важныхъ недостатковъ, отъ предпочтенія иностранныхъ языковъ отечественному до ослабленія патріотизма и религіознаго чувства.

Знакомство съ европейской цивилизаціей, оставивъ въ сторонѣ внутренній ея смыслъ и существенную важность, обратилось къ усвоенію одного внѣшняго ея лоска. Явилось невѣжество новаго рода въ замѣну невѣжества стариннаго: невѣжество ложнаго образованія. Новое поколѣніе, выходя изъ простоты своихъ предковъ, вмѣстѣ съ нею теряло и благонравіе, почтенное въ каждомъ состояніи человѣка, образованномъ и необразованномъ. Еще Кантемиръ вооружался противъ пороковъ, возникающихъ отъ превратнаго образованія, требуя благородства, честности, гражданскихъ заслугъ. Но преимущественно эти пороки начали обнаруживаться въ царствованіе императрицы Елизаветы, къ которому относится и начало французскаго вліянія на воспитаніе русскаго юношества. Въ городахъ заводились пансіоны нѣмцами или французами, которые приглашались и въ частные дома. Русскіе, побывавшіе за границею, гордились своимъ внѣшнимъ знакомствомъ съ Европой, въ особенности съ Франціею; юноши, обученные иностранцами, гордились иностраннымъ воспитаніемъ. Такъ какъ вредныя послѣдствія французскаго вліянія были замѣчены еще при Елизаветѣ, то она, указомъ 1757 г., предписала экзаменовать всѣхъ иностранцевъ, желающихъ обучать дѣтей. Императрица Екатерина обратила на этотъ предметъ еще большее вниманіе. На представленныхъ ей, 26 сентября 1765 г., измѣненіяхъ въ уставѣ Кадетскаго Корпуса, противъ словъ:

„Къ отроческому возрасту опредѣлить инспектора изъ чужестранныхъ учителей“ сдѣлала она замѣтку: *на нынѣшній случай,* то-есть до возможности замѣнить ихъ наставниками отечественными. Для этой цѣли положено при Кадетскомъ Корпусѣ воспитывать мѣщанскихъ дѣтей. По именному ея указу, 5-го сентября 1784 г., всѣ содержатели частныхъ пансіоновъ и школъ должны были подвергнуться испытанію. Понятно, что всѣ здравомыслящіе люди вооружились противъ иностраннаго воспитанія, противъ воспитателей-французовъ и ихъ питомцевъ. Они видѣли здѣсь одну изъ главныхъ причинъ общественнаго зла. Болтинъ, авторъ „Примѣчаній на исторію Россіи“ Леклерка, называетъ своихъ соотечественниковъ, зараженныхъ пристрастіемъ къ иностранному, *французско-русскими петиметрами.*

„Въ царствованіе императрицы Елизаветы *(пишетъ онъ)* введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ, не по нуждѣ, *а по буйственному пристрастію ко всему, что называется французскимъ;* но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія, тѣмъ съ большею удобностію, что чуждыя тѣ слова въ писаніе не были введены, понеже употребляли ихъ большею частію люди безграмотные. Не взирая однакожъ на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не умѣя на немъ объясняться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ французскихъ“.

Незнаніемъ отечественнаго языка и презрѣніемъ ко всему отечественному не ограничивалось дурное вліяніе чужеземнаго воспитанія: къ ослабленію патріотизма надобно еще присовокупить ослабленіе религіознаго чувства. Въ „Примѣчаніяхъ“ къ новому изданію (1792) пьесы императрицы Екатерины: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика“, по поводу словъ одного дѣйствующаго лица: „Прилично въ семъ случаѣ начать дѣло приношеніемъ жертвы богамъ“, Болтинъ говоритъ:

„Обычай начинать каждое дѣло призываніемъ Бога на помощь сохранили наши предки. Недавно сей обычай, *посредствомъ французскаго воспитанія,* между благородныхъ людей началъ истребляться, или, лучше сказать, истребился, но между

невѣжественныя черни и поднесь еще существуетъ. Она всякое дѣло начинаетъ молитвою и возложеніемъ на себя крестнаго знаменія; а просвѣщенные люди, видя ихъ то дѣлающихъ, съ презрѣніемъ надъ нами смѣются, *для того, что у французовъ то не въ обычаѣ*".

Выпишемъ еще грозную діатрибу противъ гувернеровъ-иностранцевъ, принадлежащую профессору Московскаго Университета Шадену, у котораго въ пансіонѣ воспитывался Карамзинъ. Она находится въ рѣчи его: „О правахъ родителей, касательно воспитанія дѣтей":

„Мы готовы считать врагами дѣтей своихъ тѣхъ родителей, которые, для пріисканія учителя, разсылаютъ своихъ слугъ по перекресткамъ и площадямъ, какъ будто добрый и образованный наставникъ такая подлая вещь, что ее можно встрѣтить вездѣ! Что удивительнаго, если слуги находятъ людей раболѣпныхъ, негодныхъ тварей, имѣющихъ только образъ человѣческій, заразу воспитанія, скандалъ?"

Убѣжденная въ справедливости началъ, которыми обязано было руководствоваться общественное и частное воспитаніе, могла ли Екатерина Великая, какъ императрица и какъ литераторъ, смотрѣть равнодушно на начала противоположныя, запечатлѣнныя односторонностью и ложью, и вредныя въ приложеніи? Конечно, нѣтъ: она и теоретически раскрываетъ свои идеи въ „Наказѣ" и посредствомъ докладовъ Бецкаго, и практически осуществляетъ ихъ учрежденіемъ воспитательныхъ училищъ. Какъ литераторъ, она или положительно указываетъ пользу новой системы воспитанія, или отрицательно выставляетъ ея важность, раскрывая дурныя послѣдствія системы противоположной. Она смѣется надъ людьми отсталыми, осуждавшими, такъ-называемыя ими, правительственныя *затѣи*, то-есть мудрыя учрежденія въ пользу народнаго образованія; смѣется надъ молодыми людьми и дѣвицами, ничему не учившимися въ домѣ родительскомъ, или кое-чему учившимися у гувернеровъ и гувернантокъ, также въ пансіонахъ, открытыхъ иностранцами. Напротивъ, воспитанники и воспитанницы заведеній, ею учрежденныхъ, пользуются ея сочувствіемъ и любовью. Иначе и быть не могло. Заведенія эти устроены были по ея мыслямъ и плану. Изъ нихъ долженствовало выйти много достойныхъ питомцевъ и питомицъ, оправдавшихъ заботливость начальства. Императрица на опытѣ убѣдилась въ успѣхѣ

своихъ намѣреній, въ торжествѣ своихъ идей. Она принимала къ сердцу постепенное возрастаніе каждаго воспитательнаго училища. Смольный монастырь былъ вдвое обширнѣе Сен-Сира, по числу воспитанницъ, которыхъ въ 1772 г. считалось уже пятьсотъ. „Фернейскій отшельникъ" вызвался обрабатывать трагедіи и комедіи для ихъ театральныхъ представленій, то-есть измѣняя и сокращая нѣкоторыя извѣстныя пьесы, приноравливать ихъ къ потребностямъ, возрасту и полу благородныхъ дѣвицъ. Предложеніе Вольтера искренно обрадовало императрицу:

„Vous me donnerez par là (писала она ему) une marque bien sensibbe de cette amitié dont je fais un cas si distingué.... Nous élevons ces demoiselles pour les rendre les delices des familles où elles entreront: nous ne les voulons ni prudes ni coquettes, mais aimables et en état d'élever leurs enfants, d'avoir soin de leur maison".

Многимъ не нравился подобный образъ воспитанія; они даже находили предосудительнымъ вообще ученіе дѣвицъ. Недовольные этого рода нерѣдко встрѣчаются въ комедіяхъ императрицы Екатерины: „На что дѣвку учить грамотѣ? (спрашиваетъ Чудихина въ комедіи „О время!") — меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно — что! *нынче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ*... Быть добру!"

Что касается образчиковъ дурного воспитанія, полученнаго въ домѣ отъ родителей, или въ пансіонѣ у иностранцевъ, ихъ очень много въ сатирическихъ сочиненіяхъ императрицы. Фирлюфюшковъ въ „Именинахъ госпожи Ворчалкиной" то же, что Иванушка въ „Бригадирѣ" Фонъ-Визина, то же, что Вѣтромахъ въ „Чудакахъ" Княжнина: это — *воспитанный французами дуракъ,* по злому выраженію Воейкова. Иготинъ, сынъ (въ комедіи „Недоразумѣніе"), *исковерканъ* учителемъ иностранцемъ: обхожденіе его сдѣлалось грубымъ и надменнымъ, слова выражаютъ презрѣніе, въ разговорѣ готовъ онъ противорѣчить всѣмъ и каждому. Мадамъ Грибужъ (въ комедіи „Обманщикъ") только-что баловала свою воспитанницу Софью: выучила ее бѣлиться, румяниться да волосы растрепывать — и ничему больше. Когда внукъ Вѣстниковой приходитъ, въ сопровожденіи своего учителя, здороваться съ бабушкой и, подобно по-

пугаю твердитъ слова: „Bon jour grande maman, bon soir grand papa“. — Вѣстникова въ сердцахъ говоритъ: „Да что жъ это значитъ? Я чаю, больше ничего, право, какъ здравствуй, да добра ночь. Ужасть какъ мнѣ хочется выгнать эту харю *(учителя)* изъ дому. Да ужъ и обѣщали мнѣ достать какого-то другого учителя, который гдѣ-то былъ прежде скороходомъ, а этотъ пусть себѣ попрежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь“. Послѣ этихъ словъ не покажется вымысломъ и Вральманъ, перешедшій съ козелъ въ наставники Митрофану.

Довольно этихъ выписокъ, чтобъ показать, какъ императрица смотрѣла на иностранное воспитаніе и какъ этотъ взглядъ ея согласенъ со взглядами извѣстнѣйшихъ нашихъ сатирическихъ писателей. Но сюда слѣдуетъ прибавить еще тѣ мѣста „Былей и Небылицей“, которыя, кромѣ мотовства, нарядовъ и дурной жизни супруговъ, имѣли также въ виду и дурное воспитаніе вообще. Дочь архангельскаго купца, уже упомянутая нами, воспитана на иностранный образецъ въ какомъ-то пансіонѣ, гдѣ получила „обвертки съ двѣ ума“ — и только. Другую женщину училъ по-французски гасконецъ: вся глубина ея премудрости заключалась въ умѣньи говорить по-французски и по-итальянски, въ пѣніи, игрѣ на клавикордахъ, чтеніи романовъ и французскихъ театральныхъ сочиненій.

Ложное образованіе, научивъ искусству вести расходы свыше доходовъ, не платить долговъ, думать только о модахъ и удовольствіяхъ, пренебрегать роднымъ языкомъ и отечествомъ, не истребило суевѣрія, понятнаго въ грубой необразованности, но недозволеннаго въ человѣкѣ благовоспитанномъ. Та самая барыня, что бредитъ Парижемъ, въ то же время боится сновъ и примѣтъ. Она объясняетъ неудачу одного изъ своихъ дней тѣмъ, что встала съ постели лѣвой ногой и видѣла во снѣ кошку. Такимъ образомъ суевѣріе, осмѣянное въ разныхъ пьесахъ императрицы, особенно въ комедіи „О время!“, не упущено изъ виду и „Былями и Небылицами“. Да и нельзя имъ было, какъ произведенію сатирическому, пройдти молчаніемъ столь важный предметъ, занимавшій видное мѣсто въ числѣ недостатковъ современныхъ.

Осмѣявъ современные недостатки общества, „Были и Небылицы“ видятъ въ нихъ преходящее зло и успокоиваютъ читателя предвѣстіемъ лучшаго устройства дѣлъ. Средство же для

улучшеній — воспитаніе. О немъ говоритъ и „Наказъ“, какъ о надежнѣйшей мѣрѣ къ человѣческому совершенствованію; къ нему обращаются и „Были и Небылицы“; „всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе: вода, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть *воспитаніе*“. Императрица вѣровала въ успѣшное дѣйствіе правительственныхъ мѣръ, совершонныхъ и совершаемыхъ на пользу народнаго образованія въ особенности, на пользу гражданскаго благоустройства вообще. Она убѣждена была, подобно многимъ великимъ умамъ, что корень всякаго добра въ знаніи, равно какъ источникъ всякаго зла въ невѣжествѣ.

Галаховъ.

„О время!“ и „Именины госпожи Ворчалкиной“ Екатерины II.

Екатерина не принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, въ сочиненіяхъ коихъ можно искать законовъ искусства, оригинальности формъ или правилъ языка. Если бъ изслѣдованіе наше касалось этихъ вопросовъ, то намъ пришлось бы сказать очень немного. Но мы постараемся пріурочивать литературную дѣятельность Екатерины къ ея дѣятельности политической, мы попытаемся уловить, какъ отражались различныя перипетіи ея тревожнаго царствованія въ ея внутреннемъ мірѣ; мы будемъ искать въ ея драматическихъ сочиненіяхъ соотвѣтствій или противорѣчій ея офиціальнымъ провозглашеніямъ; мы будемъ стараться изучать ея воззрѣнія на то общество, во главѣ котораго она стояла тридцать четыре года, которымъ она призвана была руководить; наконецъ мы станемъ искать въ ея сочиненіяхъ матеріала для изученія нравственнаго состоянія этого общества. Поставивъ предъ собою такую задачу, мы придемъ къ довольно любопытнымъ заключеніямъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы придемъ къ выводамъ даже и неожиданно богатымъ. Въ самомъ дѣлѣ, государь находится вообще въ положеніи невыгодномъ, для того чтобы дѣлать наблюденія въ своей землѣ; въ его присутствіи рѣдко кто высказывается; рѣдко даже кто остается самимъ собою. Государь говоритъ, прочіе слушаютъ, а если и говорятъ, то слѣдя болѣе за его, нежели за собственною мыслію. Притомъ сфера возможныхъ

для государя наблюденій ограничивается немногими, говоря относительно, лицами, людьми извѣстнаго класса; внѣ этого избраннаго круга государь лишенъ возможности дѣлать наблюденія надъ отдѣльными человѣческими единицами, надъ ихъ внутреннимъ міромъ, надъ ихъ домашнею жизнію, надъ ихъ индивидуальными чертами. И тѣмъ не менѣе однако мы увидимъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ Екатерины весьма оригинальные, мѣткіе и живые эскизы провинціальныхъ нравовъ людей средняго общества. Мы увидимъ, что ей не незнакомы были глухіе переулки старой Москвы и даже бытъ, взаимныя отношенія и оригинальности людей проживавшихъ въ этихъ переулкахъ, которыя она, казалось бы, могла видѣть лишь издали, мелькомъ. Это черта весьма замѣчательная, доказывающая, что Екатерина обладала большою природною наблюдательностью и большимъ природнымъ даромъ улавливать характеристическія черты людей, даромъ, который, можетъ быть, развился бы въ ней до замѣчательныхъ размѣровъ, если бъ она занималась болѣе литературой, чѣмъ управленіемъ.

Одинъ изъ типовъ, которые наиболѣе удались Екатеринѣ, есть типъ старой ханжи, полной причудъ и суевѣрій. Такой типъ находится въ комедіи „О время!“ Пусть читатель представитъ себѣ одинъ изъ переулковъ старинной Москвы, — Москвы, какою она была „до французовъ“, — и въ немъ большой деревянный, значительно осунувшійся домъ, стоящій среди обширнаго, но грязнаго двора, съ обширнымъ же, но запущеннымъ садомъ, съ бревенчатыми людскими и конюшнями, погнувшимися на бокъ отъ времени и небреженія хозяина, съ большими потускнѣвшими окнами. Въ этомъ обширномъ, но осунувшемся домѣ, съ задичалымъ садомъ, въ этой помѣщичьей усадьбѣ среди столицы, живутъ старуха Ханжахина, богатая, но скупая богомолка, съ внучкой своей Христиной, къ которой нѣкто Непустовъ присватываетъ своего молодого пріятеля. Непустовъ пріѣзжаетъ однимъ утромъ, чтобы потолковать объ этомъ дѣлѣ, но Мавра, горничная Ханжахиной, — условленный типъ субретокъ, мало имѣющій сходства съ дѣйствительностію, — объявляетъ ему, что барыня „на молитвѣ“. „Наша госпожа, говоритъ эта бойкая персона, либо молится, либо поучаетъ домочадцевъ; о постѣ и воздержаніи твердитъ она весьма часто всѣмъ своимъ людямъ, а особливо при раздачѣ мѣсячины или указного“. Но молитва наконецъ совер-

шена, и старуха выходитъ: „въ платьѣ и головномъ уборѣ ея, по словамъ субретки, замѣчается совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ". Ханжахина не прочь бы отдать внучку свою за Молокососова, — такова фамилія жениха, — да жаль разстаться съ приданымъ, и вотъ начинаются отговорки: до того-ли нынче? Люди не даютъ покоя!... Вотъ какой нынче былъ случай: „я обѣщалась, говоритъ Ханжахина, чтобы до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ предъ образомъ, которымъ покойная моя бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ (лакей) и стоитъ, какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: „поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться"; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: „поди ты, сатана, вонъ", а онъ ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете, что̀ въ этой бумажкѣ написано? О, несмысленная тварь! О, демонское наважденіе! Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ, дескать, тридцать ужъ лѣтъ; мать де моя умерла, обшить, обмыть некому, — и для того жениться!..." Нечего дѣлать, заключаетъ старуха, велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ.

Непустовъ старается возвратить разговоръ на предметъ, для котораго онъ пріѣхалъ, а старуха продолжаетъ свое. „Надлежало бы, говоритъ она, правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно, вмѣсто насъ, людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало... Да полно, нынче ничего не смотрятъ". Между тѣмъ входятъ одна за другой ежедневныя собесѣдницы Ханжахиной; первою является ея сестра — Вѣстникова.

„Вѣстн. Здравствуй, сестрица матушка. Я безъ души къ тебѣ скакала. Знаешь ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ (да ужъ и къ знатнымъ боярамъ дошло), что будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь! Статочное ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку!... Я его.... вотъ этакого (указываетъ) знала; онъ и тогда и глупъ, и спесивъ былъ. Однажды пріѣхала я.... я.... къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать.... Онъ тогда былъ лѣтъ десяти; вошла въ горницу.... вѣдь мы таки не подлыя.... поклонилась я всѣмъ,

а онъ стоя, въ углу, играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ, подумай, матка... во весь вечеръ ко мнѣ и не подошелъ, какъ будто я уродъ какой? Съ того времени я терпѣть его не могу. Какая жъ и нянюшка у него была! Да и матушка изрядная! Не у кого, правду сказать, и поучиться-то было. Няня была дѣвчища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная.

„Кстати, — вдругъ перебиваетъ себя Вѣстникова, — знаешь ли, сестрица, какой сейчасъ былъ со мной случай? Не успѣла я еще со двора съѣхать, какъ кучеръ мой, зашатавшись, упалъ съ козелъ. Я думала.... не здѣсь будь сказано (онѣ отплевываются, подергиваютъ себя за ухо и обдуваются)"... Оказалось, что кучеръ пьянъ. „Я кликнула людей, говоритъ Вѣстникова, и велѣла его сѣчь, а на его мѣсто посадила другого; но тотъ плохо справлялся съ лошадьми, ѣхалъ какъ сумасбродный, лошади падали, два раза свалилось колесо".... „Да полно, въ томъ кучеръ не виноватъ: полиція ничего не смотритъ!"

Обѣ сестрицы начинаютъ охать; все де худо, отовсюду недобрыя вѣсти. Письмо изъ Петербурга пришло, говоритъ Вѣстникова, пишутъ, что „вода тамъ прибыла такъ высоко, что весь городъ потопила и люди насилу себѣ мѣсто на кровляхъ находили".

— „Какъ же, сударыня, замѣчаетъ Непустовъ, развѣ водой почта оттуда отправлена?"

Но это замѣчаніе не принимается въ резонъ: „вы де ничему не вѣрите!"

— „Пишутъ, продолжаетъ Вѣстникова, если бы вы знали какія у насъ къ масленицѣ готовятъ крутыя горы, то вы бы удивились и испужались!..." „Замѣчаете, какой обинякъ? Я разумѣю, что оно значитъ: крутенька-то гора затѣвается!"

Поучительная бесѣда сестрицъ прерывается докладомъ, что пріѣхала г-жа Чудихина, но не рѣшается переступить порогъ, потому что услышала сверчка и проситъ своихъ пріятельницъ выйти къ ней. Онѣ уходятъ. Между тѣмъ является самъ женихъ. Онъ объясняетъ, что ему нравится Христина, но что опасается, не дура ли она круглая. Я говорилъ съ нею, она ни слова не отвѣчаетъ; заговорилъ просто о постороннихъ вещахъ — и тутъ не лучше! Сватъ успокоиваетъ его: это слѣдствіе дурного воспитанія или, правильнѣе, отсутствіе всякаго

воспитанія. „Христина, говоритъ онъ, ничему не учена и грамотѣ украдкой у меня училась, для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ. Она до двадцати лѣтъ и платья-то не знала, а бѣгала для легкости въ одной сорочкѣ; когда же пріѣзжали посторонніе къ намъ, то прятали ее въ спальнѣ за печкой“. И точно, Христина сама признается Маврѣ, что при Молокососовѣ чувствовала себя дура-дурой. „Но, говоритъ она, ты вѣдь знаешь, что я съ мужчинами, кромѣ Фалалѣя, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говорила“.

Между тѣмъ Молокососовъ успѣлъ возстановить противъ себя всѣхъ трехъ пріятельницъ, громко разсмѣявшись, когда Ханжихина разсказывала, что за годъ предъ кончиной ея мужа пѣтухъ снесъ яйцо. Но разбитная Мавра совѣтуетъ ему не отчаиваться, а расположить къ себѣ Вѣстникову, которая очень любитъ подарки. Молодой человѣкъ принимаетъ этотъ совѣтъ и начинаетъ ухаживать за старухой. Вотъ отрывокъ изъ сцены между Вѣстниковой, Молокососовымъ и Непустовымъ:

Молок. Я помню, сударыня, что милость ваша и къ матери моей была велика; если бъ я могъ ласкаться, чтобы вы....

Вѣстн. Да, мы таки дружненько живали. Да ты, батько мой, спесивымъ казался; а я таки и весь родъ-отъ вашъ знаю.

Непуст. Вы ошибаетесь, сударыня, онъ право не спесивъ: его видъ таковъ. А къ тому еще онъ и молодъ.

Вѣстн. И подлинно еще молодъ; я ребенкомъ его знала, а и я не выстарокъ.... Ха, ха!... (Молокососову:) Батюшка твой не таковъ былъ: онъ, помилуй Богъ, какъ меня любилъ! Бывало какъ привяжется, такъ изъ дому выжить нельзя; ночь всю насквозь, до разсвѣта, сиживали вмѣстѣ; иногда и одинъ на одинъ, а скучно не бывало; а гулянья-то у насъ и подъ Марьиной рощей и въ подмосковныхъ; тамъ-то пляски-то, игранья, пѣнья-то!... Ужъ куда покойникъ-отъ какой охотникъ былъ до пѣсенъ, а пуще всего любливалъ мой голосъ; да я изрядненько и пѣвала. Куда какія веселья у насъ бы вали! Нынче таки ничего не видно, какъ будто нѣтъ молодыхъ. Они, право, такъ не веселятся, какъ бывало мы забавлялись. Только нынче и слышно: комедіи, да оперы, да наряды; а мы-то бывало какъ съ постели, такъ и поскакали, и на головѣ, право, оправить некогда было. Зимою-то въ саняхъ,

бывало, ночь напролетъ прокатаешься: всю Москву-таки съ конца до конца изъѣздишь; того и смотри что попадешь въ полицію; да что намъ до того, бывало? Хотя бы и случилось переночевать тамъ, вѣдь все знакомые, все друзья! Не сказавъ никому и выпустятъ! Нынѣ такія ли времена! Кажется люди-то всѣ перемѣнились: кромѣ охъ да охъ! ничего не услышишь. (Увидя на пальцѣ Молокососова перстень) А, мой свѣтъ, да это еще отцовскій на тебѣ перстенекъ-отъ. Тотъ, право, самый; онъ, покойникъ, бывало, шучивалъ, что на поминъ души своей его мнѣ оставитъ. Я знаю этотъ перстень.

Непуст. И я слыхалъ, что онъ съ вами въ короткой дружбѣ былъ.

Вѣстн. Камешекъ-то не величекъ, да чистехонекъ.

(Мавра мигаетъ Молокососову, чтобъ онъ подарилъ перстень Вѣстниковой.)

Вѣстн. Право, свѣтъ мой, чистехонекъ!

Молок. Позвольте, сударыня, чтобъ я слова родителя своего сдержалъ, и примите отъ меня этотъ перстень въ знакъ моего почтенія.

Вѣстн. И... батька мой... вѣдь я не для того говорила (не отдавая)... Никакъ, мой свѣтъ; на что такъ убытчиться.

Молок. Пожалуйте, сударыня, сдѣлайте мнѣ это одолженіе; я должностью почитаю себѣ исполнять обѣщанія родительскія и радоваться стану, исполняя толь пріятное обѣщаніе.

Послѣ этого Вѣстникова тотчасъ же становится адвокатомъ молодого человѣка предъ сестрой. Къ несчастію, ей перечитъ Чудихина; но скоро представляется случай припугнуть эту глупую и суевѣрную старуху. Вотъ какъ это происходитъ.

(Чудихина бѣжитъ, а за ней Христина.)

Чудих. Ахъ! погибла я! Умереть мнѣ, умереть!... Ахъ! Ужь умираю, чуть жива... чуть дышу... нѣтъ больше мочи....

(Кидается у кулисъ на кресло.)

Христина. Что вамъ это сдѣлалось?

Чудих. Проклятая Мавра меня уморила своими разсказами. Подумай, пожалуй, свѣтъ мой: я сижу, да гадаю въ карты, и въ то самое время, какъ у меня винновой-отъ король съ крестовою кралей предо мной лежали, и я тому порадовалась, а она и сказала, что я на томъ мѣстѣ сижу... ахъ, тошно мнѣ... на томъ будто мѣстѣ, на которомъ человѣкъ, назадъ тому

тридцать лѣтъ, умеръ . . . .
Я вѣдь испорчена, душа моя; злые люди меня смолоду попортили: всего боюсь! Да какъ и не бояться!? Вотъ гдѣ (указываетъ на животъ) у меня порча-то сидитъ и нынѣ...

Христ. Такъ вы животомъ недомогаете?

Чудих. У меня, свѣтъ мой. въ животѣ щука; смолоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачеха моя; она была колдунья и меня не любила; а въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамъ ссорятся, такъ я чувствую... таки точнешенько слышу какъ щука хвостомъ хлестнетъ по собакѣ, а собака отгрызается и ворчитъ. Ужасть, какая у меня тогда боль сдѣлается! Ахъ, охъ!... Боюсь... умру... Вѣрно умру!...

(Христина, увидѣвъ, что у Чудихиной на концѣ шейнаго платка два маленькіе узелка завязаны).

Христ. Что̀ это за узелки, матушка, у васъ завязаны?

Чудих. И... душа моя, ничего... Въ одномъ четверговая соль, а въ другомъ росной ладанъ отъ уроковъ.

(Въ это время вынимаетъ платокъ изъ кармана и съ нимъ выпадаютъ два корешка, крестъ-на-крестъ волосами перевязанные.)

Христ. (поднявъ). А это что̀ такое?

Чуд. А это корешки. свѣтъ мой, на которыхъ нашептано. Я ихъ ношу всегда, чтобъ и меня таки любили.

Входитъ Ханжахина съ сестрой. Потрясенная страхомъ неминуемой смерти, Чудихина снова начинаетъ охать, а Вѣстникова спѣшитъ объяснить ей, что это напущеніе за ея грѣхи.

Вѣстн. Ништо тебѣ! Для чего ты отговариваешь сестрицу выдать внучку за Молокососова? Вотъ Богъ тебя за то и наказалъ.

Чудих. Я грѣшна! Что̀ мнѣ дѣлать? Люблю разбивать свадьбы, и признаюсь, что для меня ничего нѣтъ пріятнѣй, какъ видѣть въ сватаньи разладъ. Вѣдаю, что это дурно, да удержаться не могу; какъ-таки не промолвить словца, а молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась. Всѣхъ амурщиковъ я съ природы ненавижу, и гдѣ только услышу про любовь, такъ тутъ врагъ меня и всунетъ.

Вѣстн. Ну, такъ я тебя утѣшу: вѣдь у Пр...ковой разошелся ладъ съ Краткобродомъ. Мужъ свѣдалъ и, сказываютъ, жену-то прибилъ и бросилъ, а никто не знаетъ, какой дьяволъ

ему на ухо шепнулъ . . . .
Какъ бы ему догадаться? Не вѣдаю.

Чудих. А я такъ вѣдаю, да и не дешево мнѣ стало это знать.

Вѣстн. Скажи, пожалуй, какъ?

Чудих. Я согрѣшила, окаянная: научила своего дворецкаго, чтобъ онъ подкупилъ ихъ людей. Онъ это сдѣлалъ; а люди все и проболтали. Высказали, гдѣ у нихъ съѣзды, какъ и долго ли они видятся. А послѣ я сама посылала за ними своего человѣка верхомъ, подсматривать, и знала всегда о ихъ свиданіи. Потомъ удалось мнѣ и письма ихъ получить въ свои руки, да какъ мнѣ до нихъ нужды нѣтъ, такъ я чрезъ третьи руки приказала ихъ вмѣсто жены отдать мужу . . . .
А право, мой свѣтъ, сто рублей мнѣ это стало, и жаль денегъ-то, да радуюсь, что удалось. Боялись же они меня очень!

Вѣстниковой удается, наконецъ, спровадить Чудихину и тогда она начинаетъ обрабатывать свою сестру. „Молокососовъ и богатъ и пригожъ, говоритъ она, а Христина родилась въ волосикахъ и въ сорочкѣ, и родясь три раза прокричала. Кормилица тебѣ будетъ на старости...“ Ханжахина начинаетъ умиляться. „Изъ пятнадцати человѣкъ дѣтей, вздыхаетъ она, никого не осталось. Правду сказать, было у меня и шестнадцатое дитя, да то не кормилецъ: какъ шестнадцатымъ-то я была брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка и вложили камешекъ, и я помню, съ какимъ великимъ болемъ (sic!) его родила, и теперь ношу его у себя за пазухой: каковъ ли ни на есть, да лишь мнѣ какъ настоящее дитя“. Дѣло оканчивается разумѣется тѣмъ, что старуха благословляетъ молодыхъ людей, но не даетъ всего давно обѣщаннаго придаваго, противъ чего, однако, никто не протестуетъ.

Таково содержаніе одной изъ лучшихъ комедій Екатерины. Критикъ настоящаго времени замѣтитъ, что въ ней вообще мало драматическаго движенія, что дѣйствующія лица слишкомъ много говорятъ, что въ видѣ разсказовъ сообщается читателю много такого, что можно было бы изобразить въ драматической формѣ; что, кромѣ трехъ старухъ, всѣ прочія лица лишены оригинальности, что даже и эти три старухи суть какъ бы вывѣски качествъ, обозначенныхъ ихъ фамиліями. Но нашъ критикъ долженъ будетъ поставить часть этихъ несо-

вершенствъ на счетъ эстетическихъ понятій XVIII вѣка, а съ другой стороны, онъ все-таки долженъ будетъ отдать справедливость наблюдательности автора и искусству, съ коимъ онъ усвоилъ языкъ старыхъ московскихъ кумушекъ.

Но гдѣ могла встрѣчать Екатерина женщинъ подобнаго сорта? Новѣйшія изслѣдованія бытовой стороны нашей исторіи XVIII вѣка убѣждаютъ, что даже при дворѣ, особенно при дворѣ Елизаветы, наблюдатель могъ подмѣтить много чертъ, замѣченныхъ нами въ трехъ помянутыхъ старухахъ. Во всякомъ случаѣ Ханжихина, Вѣстникова и Чудихина должны были напоминать современникамъ Екатерины цѣлую категорію обывательницъ Плющихи или прихода Георгія на Всполье. Вотъ почему извѣстный Новиковъ, послѣ представленія разсказанной мною комедіи, говоритъ въ своемъ Живописцѣ, обращаясь къ ея автору: „Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки въ Россіи господствовавшіе". Вѣроятно Новикову было извѣстно имя автора комедіи „О Время!" когда онъ писалъ эти строки, но тѣмъ болѣе интереса заключается въ тѣхъ его словахъ, въ которыхъ говорится о вліяніи Екатерининой сатиры на общество. „Истребите, говоритъ Новиковъ, изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лицо; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваемаго себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой перомъ вашимъ угнетаются, а превосходительство, удрученное пороками, хотя въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными".

Реальность есть самая выдающаяся сторона драматическаго таланта Екатерины, когда она давала ему волю. Можно жалѣть только, что она не вполнѣ отдавалась свойственному ей чувству правды и нерѣдко слѣдовала рутинѣ, изображая людей какъ бы по установленнымъ образцамъ. Зато нѣкоторыя черты въ ея комедіяхъ буквально вырваны изъ дѣйствительности. Можно держать пари, что слѣдующее письмо одного стараго собачника къ сыну своему не сочинено, а цѣликомъ напечатано съ какого-нибудь подлинника, написаннаго рукой болѣе привычною держать свору и арапникъ чѣмъ перо.

„Другъ мой, Иванъ Филатьевичъ, здравствуй, буди надъ тобою наше родительское благословеніе. О себѣ доношу, что въ суетахъ моихъ еще живъ, только старая моя болѣзнь животомъ весьма расходилась и никакой уже давно пользы нѣтъ; другой мѣсяцъ не встаю съ постели; къ тому жъ, мой другъ, хлопотъ полонъ ротъ. Хлѣбъ дешевъ; травы хотя и хороши были прошлое лѣто, да подмокли; солома плоха. Пріѣзжай, мой другъ, самъ, да привези съ собой Антипку и сѣрую суку; вѣдь не знаешь бѣды: щенята ея всѣ подохли; я чуть съ ума отъ этого не сошелъ: такая сдѣлалась причина! До болѣзни своей, пока она меня не свалила, таскался я на полѣ: хорошо-таки повеселился.... Пріѣзжай, мой другъ, поскорѣе, а впрочемъ остаюсь.... отецъ вашъ Филатей Гремухинъ".

Замѣчательно, что всего менѣе художественной правды (если не считать разныхъ Добросердовыхъ, Правдиныхъ, лицъ завѣдомо безцвѣтныхъ) встрѣчается въ слугахъ и служанкахъ, изображаемыхъ Екатериной. Изображая ихъ, она никакъ не могла отдѣлаться отъ типа Криспеновъ и Фаншоновъ, однако и въ этихъ, вообще не удающихся ей, типахъ, читатель нерѣдко встрѣчаетъ черты, несомнѣнно заимствованныя изъ дѣйствительности. Такія черты можно встрѣтить въ дворецкомъ Парамонѣ Исаевичѣ, въ комедіи Недоразумѣнія, въ третьемъ явленіи 1-го акта Именинъ Ворчалкиной, въ первой сценѣ комедіи Разстроенная семья и мн. др. Слѣдуетъ удивляться, что женщина, имѣвшая по своему положенію такъ мало случаевъ встрѣчаться съ людьми низшихъ классовъ, могла подмѣтить хоть нѣкоторыя черты русскихъ дворецкихъ, лакеевъ и служанокъ. Въ комедіи Г-жа Вѣстникова мы встрѣчаемся съ весьма живымъ экземпляромъ торговки-вѣстовщицы. Терентьевна есть личность быстро, но очень удачно очерченная въ разговорѣ съ горничной Вѣстниковой и съ нею самой.

Къ числу удачныхъ типовъ, изображенныхъ Екатериной въ ея первыхъ комедіяхъ, слѣдуетъ отнести щеголей и щеголихъ ея времени. Въ лицѣ внучки г-жи Ханжахиной мы видѣли дѣвушку, можетъ быть, и не менѣе другихъ одаренную отъ природы, но запуганную и доведенную до тупости стариннымъ воспитаніемъ; въ лицѣ Олимпіады Ворчалкиной Екатерина изобразила русскую précieuse ridicule и сохранила для потомства оригинальный жаргонъ модницъ и модниковъ ея времени, — жаргонъ, надъ которымъ издѣвается и Новиковъ

въ своемъ Живописцѣ. Пьеса начинается слѣдующимъ разговоромъ Олимпіады съ ея горничной:

Олимпіада. Отцѣпись ты отъ меня!

Прасковья. Да чтò вы сегодня такъ не веселы?

Олимп. Я не выспалась.

Праск. А кто вамъ мѣшалъ спать?... Вы все-таки опоздали съ матушкой къ обѣднѣ ѣхать, а она сегодня именинница.

Олимп. Чтò жъ дѣлать, что опоздала; это мое несчастье, я встала на разсвѣтѣ и ужасть, ужасть какъ спѣшила.

Праск. Знать у васъ солнце всходитъ позже, нежели у простыхъ людей....

Щеголиху безпокоитъ: не малò ли она нарумянена, не слишкомъ ли низка возведенная изъ волосъ ея башня; потомъ она объявляетъ, что меньшая сестра ея, Христина, глазѣетъ на Тарлыкина. „Я знаю, говоритъ она, что у нихъ великое маханье (любезности); только мнѣ кажется, что онъ въ болванчики (мужья) ей не годится...“ Вслѣдствіе нѣкоторыхъ сердечныхъ огорченій Христинѣ сдѣлалось дурно; вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ щеголиха Олимпіада: „Она не славно помахала и посадила себѣ въ голову вздоръ, а матушка не нашла въ томъ своего счета (n'a pas trouvé son compte) и заблагоразсудила повернуть сестрицыно желаніе вверхъ дномъ. Отъ того родилась у нея ипохондрія; она плачетъ, глаза ввалились и ужасть какъ она страшна. Ахъ, да какъ смѣшны Спесовъ и другіе, которые даютъ себѣ воздуха (se donnent des airs)... A propos, гдѣ Фирлюфюшковъ?“

Этотъ Фирлюфюшковъ есть парижскій петиметръ, пересаженный на русскую почву, или молодой изнѣженный Фальстафъ, Фальстафъ конца XVIII вѣка, который нюхаетъ eau de luce, на ночь натираетъ лицо французскою помадой и не можетъ безъ смѣху видѣть, что на служанкѣ въ домѣ Ворчалкиной, несмотря на зимнее время, надѣто круазе: „Ah! diable! ха, ха, ха, ха! Въ нынѣшній saison на тебѣ батавія!... да еще не батавія, а самый легкій круазе!... ха, ха, ха, ха! Уморишь, радость!...“ Фирлюфюшковъ, какъ его англійскій прототипъ, дѣлаетъ долги, не платитъ ихъ и фанфаронитъ этимъ. Но ему иногда за то и достается: одинъ изъ его кредиторовъ, наскучивъ ждать и выведенный изъ терпѣнія его надменными манерами, переломилъ палку объ его бока, къ великому, конечно, удовольствію райка 1772 года. Разумѣется, какъ только эта

сцена кончилась и несговорчивый кредиторъ удалился, нашъ щеголь началъ снова пѣтушиться, увидѣвъ сбѣжавшихся на его крикъ людей: „c'est une petite rencontre, говоритъ онъ: это ничего не значитъ". Тѣмъ болѣе онъ пѣтушится предъ Олимпіадой; вотъ сцена между нимъ, ею и другимъ ея обожателемъ:

Олимп. Ахъ! радость! куда какъ ты несносенъ! Гдѣ такъ изволилъ по сю пору шататься?

Фирл. Ah, ma princesse! bonjour. Я ѣздилъ гулять, взять немного воздуха. Вы знаете, что я умру, если долго въ одномъ мѣстѣ останусь. Я ничего не люблю, что uniforme; одна только красота ваша навсегда поселилась въ мою голову. Oui, votre beauté est enracinée dans mon coeur.

Олимп. Ха, ха, ха! куда какъ ты славенъ!... (Гремухину). Мнѣ кажется онъ и впрямь вздумалъ меня любить! ха, ха, ха! какія чудеса! безпримѣрно!

Грем. Какія чудеса, сударыня? Не мудрено васъ полюбить: вы достойны любви.

Олимп. Не мудрено! а мнѣ кажется мудрено. Да вамъ съ чего это немудренымъ представляется?

Грем. Это само по себѣ разумѣется: съ того, что вы прекрасны, что вы пріятны, что вы....

Фирл. (Ухвативъ Гремухина за руку) Permettez, madame, представить вамъ mon rival. Мнѣ такъ сдается, что онъ въ васъ по уши влюбленъ.

Олимп. Ха, ха, ха! Нельзя статься! Вы оба ужасть какъ неславны.

Фирл. Оба! Вы шутите! vous badinez, madame; нельзя статься чтобъ я безприкладно не былъ славенъ для васъ. Я двѣ недѣли — deux semaines entières — всякой день ѣзжу сюда, и вамъ дѣлаю мой cour: будто я неславенъ? Я еще отъ роду ни въ одномъ домѣ такъ долго не бывалъ.

Олимп. Легкое ли дѣло! велика мнѣ до тебя нужда... Скучно! Гдѣ Геркуловъ и Спесовъ? Ужъ куда какъ они несносны! Воля ихъ, какъ заболтаются такъ мочи нѣтъ. Я въ такой теперь дистракціи, что отъ скуки чего-нибудь поѣла бы (къ Антипу). Послушай мой дружокъ, скажи моей дѣвушкѣ, чтобъ она мнѣ чего-нибудь принесла. Apropos.... ха, ха, ха! Знаете ли вы что Геркуловъ на мнѣ вздумалъ жениться. Ахъ, какъ онъ неваженъ!... Чтобъ я пошла за него! Ужъ подлинно!

Безпримѣрно бъ это было, чтобъ я пошла за такого дурака! Онъ весь свѣтъ передѣлать хочетъ, ха, ха, ха! Какая пустошь въ голову его вселилась! C'est un fou!

(Входитъ Геркуловъ, кредиторъ Фирлюфюшкова).

Олимп. А, здравствуй, душа моя, неважный! Куда какъ мнѣ давеча досадилъ! Я не знаю какъ я жива, такъ я на тебя сердита, ужасть, ужасть!

Герк. За что такой гнѣвъ, сударыня?

Олимп. За что? Это я знаю, но никогда не забуду! Уморишь! Ужъ подлинно, радость, уморишь! (Фирлюфюшкову, который, съ тѣхъ поръ какъ Геркуловъ вошелъ, въ великую пришелъ трусость). Скажи ему, что я терпѣть не могу.

Если къ вышеприведенному присоединить нѣсколько чертъ барства, которыя мы замѣчаемъ въ Спесовѣ (Именины Ворчалкиной), то намъ ничего не останется прибавить къ галлереѣ портретовъ, заключающихся въ „Ярославскихъ" комедіяхъ Екатерины. Но не зависимо отъ того, въ этихъ комедіяхъ есть много чертъ, рисующихъ тогдашнее общество. Такъ, напримѣръ, Екатерина очень вѣрно подмѣтила въ немъ легковѣріе, свойственное мало-просвѣщенному обществу, относительно всякой новости, тѣмъ болѣе тревожной, раздражительной, особенно если она мало-мальски политическая. Мы уже видѣли образчикъ такого легковѣрія въ разговорѣ Ханжахиной съ ея сестрой и встрѣчаемъ его во многихъ другихъ сочиненіяхъ Екатерины, подлежащихъ нынѣ нашему разсмотрѣнію. Вотъ, напримѣръ, сцена изъ комедіи Именины г-жи Ворчалкиной.

Ворчалк. А какой, батька мой, это споръ и какія у васъ дѣла?

Гремухинъ. Эти господа (указывая на Спесова и Дремова) хотятъ увѣрить будто праведный носится слухъ, что скоро выйдетъ запрещеніе жениться, и такое будто запрещеніе на цѣлыя десять лѣтъ. Какъ тому статься, чтобъ въ десять лѣтъ никто не женился?

Ворч. Ахъ, какое это неустройство будетъ! что, развѣ ужъ родъ человѣческій перевесть хотятъ? Охъ, охъ! потерпитъ ли этому Богъ?

Дрем. Вранье! несбыточный вздоръ! глупости и нестаточныя бредни!

Ворч. Такъ, батька мой, такъ! Вы не вѣрите ничему. Вы станете обо всемъ спорить!

Дрем. По крайней мѣрѣ объ этомъ; этотъ слухъ дуракъ какой-нибудь выдумалъ.

Геркуловъ. Нѣтъ, сударь, не дуракъ, а всѣ, всѣ говорятъ.

Спесовъ. И я слышалъ!

Некопейковъ. И я отъ нихъ слышалъ.

Ворч. Вотъ, какъ не вѣришь! всѣ говорятъ! Ой, ой, ой! какія времена! какія нынѣ чудеса дѣлаются....

Точно такую же готовность вѣрить безъ критики всему тревожному мы находимъ въ г-жѣ Вѣстниковой. Не слыхала ли какихъ вѣстей? спрашиваетъ она у названной уже нами торговки Терентьевны, которая съ товаромъ и сплетнями ежедневно рыскаетъ по городу.

Терент. Какъ не слыхать, матушка! По городу-то шатаешься, такъ наслышишься всего. У насъ полонъ ушатъ всегда вѣстей. Вотъ-таки сказываютъ, что у большихъ бояръ какія-то затѣи есть.

Вѣстн. Да отъ кого ты это слышала?

Терент. Отъ кого? отъ человѣка, правда незнакомаго; онъ пьяный проврался, лежа на улицѣ, а племянникъ кума кумы моей на ту пору шелъ, и слышалъ, да имъ сказалъ, а они мнѣ. Сказываютъ, что пьяной, какъ протрезвился, такъ сталъ запираться, говоря, что онъ не знаетъ съ пьяна ли это ему пригрезилось, или отъ кого пьяный слышалъ. Только это не спроста.

Вѣстн. И сомнѣнья нѣтъ: сколько людей это говорили, какъ въ этомъ сомнѣваться. Охти мнѣ! Какія-то у насъ затѣи! Свѣтушка, свѣтушка, что-то изъ этого будетъ?

Нельзя не обратить вниманія на эти намеки „о затѣяхъ большихъ бояръ", и вообще на таинственныя и тревожныя вѣсти политическаго свойства, которыми угрожаютъ другъ другу дѣйствующія лица камедій Екатерины. Какъ слова, вложенныя въ уста Терентьевны, такъ и извѣстіе о „крутыхъ горкахъ" вылились изъ-подъ пера Екатерины въ 1772 году, когда умы были возбуждены войной, чумой и Пугачевщиной. Черта, подмѣченная Екатериной, должна быть, слѣдовательно, признана очень вѣрною, очень реальною. Ее слѣдуетъ кромѣ того признать и очень глубокою, ибо эта готовность принять на вѣру тревожные слухи политическаго свойства, — слухи, которые съ такою жадностью ловили въ Петербургѣ и Москвѣ иностранные дипломаты и мемористы, эта черта характе-

ризуетъ русское общество въ продолженіе цѣлаго XVIII вѣка и не вполнѣ истребилась еще понынѣ. Можно пожалѣть только, что Екатерина не дала еще большаго развитія этому глубоко вѣрному мотиву въ нашей исторіи. Зато она коснулась другого, не менѣе вѣрнаго и характеристическаго: готовности русскаго человѣка все относить къ правительству, все ставить ему на счетъ — какъ хорошее, такъ и дурное. Мы видѣли, что Ханжихина желала бы, чтобы правительство снабжало приданымъ дворовыхъ людей, а сестра этой дамы — чтобы полиція наблюдала за исправностью ея экипажей. Всего требовать отъ правительства, все предоставить правительству съ тѣмъ, чтобы самимъ сидѣть сложа руки, — и разумѣется не имѣть никакого значенія, — есть черта, уже отмѣченная исторіей и лишь въ самое недавнее время начавшая терять свою актуальность, черта, естественнымъ дополненіемъ коей является нѣкоторое фрондерство, охота похулить не свое, не своими руками совершаемое дѣло. „И, батюшка, говоритъ въ одномъ мѣстѣ г-жа Ворчалкина, свѣтъ нынче таковъ! Всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? Кому запретить? И сами тѣ, кому бы не допускать-то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другимъ слышатъ!“ Въ другомъ мѣстѣ та же самая Ворчалкина, по поводу одной слишкомъ явной сплетни, говоритъ: „Довольно уже, мой свѣтъ, видѣли мы всякой всячины, такъ и этому дивиться нечего: все статься можетъ. Вишь ты, каковъ нынѣ свѣтъ-отъ развратенъ: подкидышковъ.... что ужъ больше этого?... подкидышковъ подбираютъ да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными: такъ можно ли ужъ въ чемъ сомнѣваться?“

Щебальскій.

„Разстроенная семья“ и „Недоразумѣнія“ Екатерины II.

Двѣ комедіи Екатерины: „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями“ и „Недоразумѣнія“ — довольно большія пятиактныя пьесы и содержаніе ихъ заимствовано, какъ въ „Ярославскихъ пьесахъ“ Екатерины, изъ современной общественной жизни.

Панкратъ Собринъ, жена его, дочь ихъ Прелеста и сынъ Иванъ живутъ душа въ душу. Въ одной изъ первыхъ сценъ

„Разстроенной семьи“ авторъ сводитъ всѣхъ лицъ, при чемъ отецъ говоритъ дѣтямъ: „Теперь приспѣло время устроить Прелесту; за нее сватаются женихи. Изъ нихъ сходственнѣйшій кажется Добринъ. Онъ же Прелестѣ, какъ мнѣ сказывала мать, не противенъ“. Впрочемъ, — продолжаетъ онъ, обращаясь къ дочери, — я приневоливать тебя не намѣренъ. Дѣвушка объявляетъ, что желаніе отца совершенно согласно съ влеченіемъ ея сердца: остается только назначить приданое. Собринъ тутъ же объявляетъ, что опредѣляетъ ей такую-то деревню, столько-то денегъ наличными, и что онъ приторговываетъ домъ на ея имя. „Прочее мое имѣніе, Иванъ, оставляю тебѣ, говоритъ онъ; что выбыло (отдѣленіемъ сестрѣ), то службою ты паки, да и сверхъ того, нажить успѣешь. Денегъ я не имѣю. Буде же я умру до свадьбы сестры твоей, то ты, Иванъ, выполни мое обѣщаніе“.... Всѣ тронуты и выражаютъ чувства взаимной любви.

Между тѣмъ другъ Собрина, Предынъ, привозитъ къ нему владѣльца дома, который онъ хотѣлъ бы купить для своей дочери. Этотъ господинъ называется Дворобродъ, — личность, вокругъ которой обращается все дѣйствіе пьесы. Вотъ сцена въ которой онъ впервые является предъ читателемъ:

Дворобродъ. Домъ мой, сударыня, дѣдовскій.

Собринъ. Продажа и купля есть дѣло вольное; если своего не продаете, то стараться буду сыскать другой.

Двор. Какъ изволите; но подобнаго моему вы не сыщете во всемъ городѣ.

Предынъ. Почему же бы такъ?

Двор. Онъ построенъ со всякою осторожностію и весьма проченъ........ Но одно ли то... въ немъ тьма выгодъ...

Пред. А напримѣръ, какія?

Двор. Во-первыхъ, въ немъ сѣней множество и выходовъ не мало; второе: расположенъ онъ для семьи согласной... (Озирается на Собрина и его жену). И также для семьи несогласной равно покойно.

Пред. Мудреное какое расположеніе дома!

Двор. Однакоже, сударь, вы, я чаю, со мною согласитесь, что для семьи согласной немного нужно горницъ: мужу съ женой единый покой, для дѣтей другой, людскихъ избъ нѣсколько... Для семьи же несогласной все сіе вдвойнѣ назначить надлежитъ. Въ моемъ домѣ предусмотрѣны всѣ быть могущіе слу-

чаи: ссоры, драки и явный разрывъ... и даже до того, что если-бы кто, мужъ или жена, отъ несогласія, либо иного случая, ума рехнулись, то есть гдѣ держать его или ее взаперти возможно.

Пред. (смѣючись). Болѣе того уже придумать трудно... Нѣтъ ли чертежа вашему дому? Я бы любопытенъ былъ оный видѣть.

Дворобр. Нѣтъ, сударь, нѣтъ; я чертежа не покажу окромѣ тому, кому домъ продамъ.

Пред. А для чего бы такъ?

Дворобр. Такъ, сударь, такъ. (Полуголосомъ на ухо Предыну:) Въ немъ, сударь, много потаенныхъ выходовъ, кои иному знать кромѣ хозяина неприлично.

Пред. Если вы домъ вашъ не продаете, то для чего же вы со мной сюда пріѣхали? Я вамъ говорилъ, что домъ вашъ другъ мой, господинъ Собринъ, приторговать намѣренъ.

Дворобр. Я не говорю, чтобъ я не продалъ; я сказалъ, что продамъ или не продамъ, смотря по обстоятельствамъ... Всякая вещь имѣетъ, сударь, свою цѣну.

Собринъ. А чтоже бы цѣны было вашему дому?

Дворобр. Онъ мнѣ сталъ дорого: я его вычинилъ заново, а какъ онъ былъ готовъ, то понесъ я еще убытокъ, оттого что усмотрѣнъ — во второмъ жильѣ позабыта лѣстница, по которой бы всходить можно было, и принужденнымъ нашелся проломать нѣсколько сводовъ для сдѣланія лѣстницы; она теперь только-что поспѣла и весьма хороша.

Между тѣмъ является Добринъ, увѣдомленный о согласіи родителей Прелесты на его предложеніе, и проситъ горничную доложить о немъ.

Въ эту минуту входитъ Дворобродъ.

Дворобродъ. Увидѣвъ меня оба перестали говорить!... Не ко времени я сюда зашелъ, знатно?... Что же вы не договариваете?

Мавра. Для того что ужь все сказано, и сказать болѣе нечего.

Дворобр. Не вовсе такъ, я чаю... Еще что ни на есть осталось недомолвленное.

Добринъ. Я спрашивалъ у ней, могу ли я видѣть барыню и здорова ли она.

Дворобр. Ахъ, какъ это хорошо выдумано и прилажено!...

Да, да, видно, въ чемъ дѣло состояло! (Маврѣ:) А ты, мой свѣтъ, отчего закраснѣлась? На что передничкомъ играешь?... и ленточки подергиваешь?... не знаешь куда дѣвать глаза и руки?... точно какъ будто оробѣла или желала бы закрыть тайну. Но Двороброда обманывать весьма трудно!

Прицѣпки Двороброда кончаются тѣмъ, что оба его собесѣдника оставляютъ его. Мавра объявляетъ Добрину, что его просятъ пожаловать, и направляется было за нимъ, но потомъ поворачиваетъ въ другую сторону и уходитъ въ противоположныя двери, а Дворобродъ, который сплетничаетъ и ссоритъ всѣхъ не только потому, что это ему пріятно или выгодно, но и потому, что самъ вѣритъ своимъ подозрѣніямъ, оставшись одинъ, говоритъ: „Пошла было за нимъ, но когда я ее поостановилъ, тогда, чтобы меня обмануть, она ушла въ другую сторону". Это черта особенно для насъ любопытная. Лицо, занимающееся сплетнями и даже злыми сплетнями, не составляетъ и не составляло въ описываемое время чего-либо новаго и оригинальнаго въ драматической литературѣ; этотъ же самый типъ слегка, но очень мѣтко набросанъ въ лицѣ Роданкура, въ Un tiens vaut toujours mieux que deux tu l'aurs; но эта естественная потребность нѣкоторыхъ людей видѣть во всемъ зло. замѣчать одну лишь дурную сторону во всемъ и предполагать зло повсюду, — это несчастное и вредное свойство „вѣчно плачущихъ Маремьянъ", какъ называла ихъ Екатерина, условлено именно въ лицѣ Двороброда и составляетъ его оригинальность. „Желаю, писала Екатерина Циммерману, посылая ему „Разстроенную семью", чтобы вы почтили ее улыбкой и чтобы никогда не видали и не встрѣчали личности, похожей вблизи или издали на этого Двороброда (Hausläufer'a)".

Справедливость обязываетъ сказать однако, что, съ точки зрѣнія современной критики, типъ, который очевидно интересовалъ Екатерину въ пьесѣ и который постоянно возбуждалъ ея непріязнь въ дѣйствительной жизни, недостаточно развитъ. Онъ весь отразился въ вышеприведенной сценѣ его съ Добринымъ и Маврой; дальнѣйшее изображеніе Двороброда есть, говоря вообще, лишь примѣненіе этой пьесы къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ. Неужели человѣкъ, такъ мрачно настроенный, такъ исполненный желчи и притомъ дѣятельный, пронырливый, всюду втирающійся, только сплетничаетъ и ничего иного не дѣлаетъ?... Но такъ выходитъ по пьесѣ. Екатерина

подмѣтила одну и очень оригинальную черту извѣстнаго типа, но не весь типъ.

Въ комнату, въ которой Дворобродъ остался по уходѣ своихъ собесѣдниковъ, входитъ Прелеста и объявляетъ, что она ищетъ какую-то оброненную бумажку.

Дворобр. Бумажка! Я здѣсь не нашелъ ничего... Правду сказать до меня были люди; они можетъ быть подняли ваше писемцо.

Прелеста. Писемцо, сударь? Я писемца не обронила.

Дворобр. Что же за бумажка?

Прелеста. Бумажка, сударь, съ блестками, которыя мнѣ надобны для моей работы.

Дворобр. Бумажка съ блестками! заподлинно ли такъ? Вы нѣчто заикаетесь?... Напрасно вы, сударыня, отъ меня удаляетесь. Я скорѣе, нежели кто иной, вамъ дать могу извѣстіе о вашей бумажкѣ будто съ блестками.

Прелеста (идетъ къ нему). Нашли ли вы ее?

Дворобр. Нѣтъ, я вамъ донесъ уже, что до меня здѣсь были люди, кои оную найти могли. Я ихъ тутъ самъ нашелъ.

Прелеста. Кто же они таковы?

Дворобр. Я не знаю еще... и сомнѣваюсь .. сказать ли вамъ заподлинно...

. . . .

Прелеста. Батюшка не желаетъ, чтобъ въ его домѣ занимались вѣстьми городскими, не касательными до насъ.

Дворобр. Если бъ не касались до васъ, я бъ не осмѣлился о томъ молвить слова.

Прелеста. Касательно до меня?

Дворобр. Точно до васъ... По приготовленіямъ люди догадываются, что родители ваши имѣютъ намѣреніе васъ устроить... что выборъ ихъ палъ на господина Добрина... Правда ли или нѣтъ, того за вѣрное еще не вовсе знаютъ... но есть... сказываютъ... нѣчто такое... что дѣлу сему... сдѣлаетъ нѣкоторую остановку.

Прелеста. Остановку!

Дворобр. Да, сударыня, остановку... остановку... и помѣшательство...

Прелеста. Съ которой стороны?

Дворобр. Съ оборотной, можетъ быть.

Прелеста. Съ оборотной!

Дворобр. Да, да, съ оборотной... остановка... думають люди, — отнюдь не я, — что Добринъ не вовсе таковъ искрененъ, какъ объ немъ здѣсь можетъ быть разумѣютъ... да и въ васъ самихъ... говорятъ будто... есть нѣчто такое... предвѣщательное... аще бы тому не бывать.

Прелеста. Во мнѣ!

Дворобродъ. Сердце ваше, сказываютъ... будто слышитъ поневолѣ... что онъ... не расположенъ къ вамъ... каковымъ ему быть надлежало...

Прелеста. Онъ!

Дворобродъ. Онъ... онъ молодецъ изрядный... но онъ нѣсколько вѣтренъ... безразсуденъ... невоздерженъ... а что пуще всего... на женскій полъ заглядывается съ излишествомъ...

Прелеста. Эхъ, сударь!

Дворобродъ. Эхъ! Да, теперь еще эхъ, но современемъ опасаются... чтобы не было ахъ и охъ... и совѣтуютъ лучше заранѣе развѣдать... паче же всего и не спѣшить...

Прелеста. Вы наполняете мысли мои непріятными разсужденіями.

Дворобр. Чтò говорю... на то имѣются очевидныя доказательства! И будто бы недалеко оныя и сыскать...

Прелеста. Недалеко!

Дворобр. Да, недалеко... и почти подъ глазами!

Прелеста. Подъ глазами!

Дворобр. Здѣсь, на семъ мѣстѣ, нашли Добрина... въ разговорѣ... сказать ли съ кѣмъ!...

Прелеста. Съ кѣмъ же?

Дворобр. Онъ велъ весьма пріятный и ласковый разговоръ... разумѣете ли?... съ хорошей и проворной дѣвушкой.

Прелеста. Съ дѣвушкой!

Дворобр. Передъ вами только что она убѣжала...

Прелеста. Неужели съ Маврой?

Дворобр. Да, да, съ Маврой.

Этотъ разговоръ прерываетъ Мавра, которая объявляетъ Прелестѣ, что г-жа Собрина зоветъ ее. „Видите ли, шепчетъ ей торжествующій Дворобродъ, какъ не угоденъ ей нашъ разговоръ!“ Такимъ же образомъ онъ нашептываетъ и всѣмъ прочимъ. Ивану Собрину внушаетъ, что хотя отецъ и показалъ ему въ недавнемъ разговорѣ много довѣрія, но что это было лишь на словахъ, а на дѣлѣ иное, ибо денегъ не даетъ

ему на прихоти и вообще держитъ его, какъ ребенка. И юноша задумывается: не ускакать ли за границу, чтобы пожить на полной волѣ? Лакею Собриныхъ, который ухаживалъ за Маврой, Дворобродъ объявляетъ, что она была застигнута имъ въ подозрительныхъ разговорахъ съ Добринымъ, и лакей съ горничной ссорятся; Добрину Дворобродъ внушаетъ, что его невѣста идетъ за него противъ воли и что у ней „иной кто въ головѣ"; Собриной-матери — что будущій ея зять раскаивается въ сдѣланномъ имъ предложеніи, и что въ городѣ говорятъ, будто она выдаетъ дочь съ цѣлію удалить безпокойнаго свидѣтеля своей связи съ Предынымъ; Собрину-отцу — что жена его обманываетъ, что женихъ его дочери обремененъ долгами и волочится за горничной своей невѣсты... Всѣ эти „осторожки и подозрѣнія" разстраиваютъ миръ и согласіе въ семьѣ Собриныхъ. Но Собрина — мать догадывается первая, что тутъ шутитъ Дворобродъ, и дѣло объясняется къ общему удовольствію.

Таково содержаніе „Разстроенной семьи". Мысль, на которой основана эта пьеса, очень занимала, повидимому, Екатерину. Выше было сказано, что въ ея репертуарѣ есть еще одна пьеса, въ которой выведено лицо, подобное Двороброду. Роданкуръ составляетъ какъ бы этюдъ этого типа, который съ теченіемъ времени значительно разросся въ ея воображеніи. Храповицкій говоритъ, что онъ переписывалъ 22-го августа 1787 г. пословицу, въ которой выведенъ Роданкуръ; очевидно эта небольшая пьеска не исчерпывала типа, носившагося въ воображеніи Екатерины. Она принялась разрабатывать ту же самую тему и даже по тому же рисунку, но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, и въ двадцатыхъ числахъ октября 1778 года пятиактная комедія была готова. Между тѣмъ императрица достала School for Scandal Шеридана, и такъ какъ она не читала по-англійски, то приказала перевести эту комедію на нѣмецкій языкъ, и занялась было сама ея переводомъ на русскій языкъ, подъ заглавіемъ „Злорѣчивые или клеветники", одновременно съ сочиненіемъ своей комедіи; но эта работа осталась неоконченною. Лица, очерченныя Шериданомъ, не вполнѣ соотвѣтствовали типу, задуманному Екатериной.

Сюжетъ „Недоразумѣній" сложнѣе, нежели сюжетъ „Разстроенной семьи". Разумѣется и здѣсь, какъ во всѣхъ комедіяхъ и романахъ того времени, на первомъ планѣ сватовство двухъ

молодыхъ людей. Иванъ Иготинъ, привезенный отцомъ въ деревню г-жи Гостяковой, чтобы жениться на ея племянницѣ, есть лицо, которое Екатеринѣ хотѣлось изобразить какъ можно ярче. Вотъ что̀ говоритъ о немъ его слуга въ самомъ началѣ пьесы: „Съ ребятскихъ лѣтъ отданъ былъ на руки учителю... Его (учителя) въ домѣ называли Козьма Политовъ. Сей ему (Иготину) твердилъ, чтобы перенимать хорошіе поступки... А буде увидитъ что̀ непристойное, тогда старался дѣлать лучшее“... И вотъ, говоритъ слуга, „дитя увязался за слово лучшее, и какъ учитель съ природы безъ разбора любилъ порочить или обращать въ насмѣшку прочихъ людей проступки“, то „молодчикъ во всякомъ случаѣ старался поступать иначе, нежели знакомые, коихъ порочили или на смѣхъ поднимали“.... Итакъ мы видимъ въ этой комедіи варіантъ „плачущей Маремьяны“, — смѣющуюся Маремьяну, или, по-крайней мѣрѣ, человѣка, вышедшаго изъ школы этого непріятнаго Екатеринѣ сорта людей, вѣчно всѣмъ недовольныхъ, вѣчно всѣхъ осуждающихъ.

Питомецъ Политова есть надутый, спесивый дуракъ. „Онъ отвѣтствуетъ на всякую рѣчь какъ будто нехотя, либо наотрѣзъ или двоякимъ слогомъ“. Такъ отзывается о немъ г-жѣ Гостяковой ея племянница Сбыслова, къ которой сватаютъ Ивана Иготина, и которую смущаетъ его „холодная накрахмаленность“. „Я не умѣю говорить съ нимъ“, извиняется дѣвушка въ отвѣтъ на замѣчаніе, чтобъ она была развязнѣе. Между тѣмъ Иготинъ, въ присутствіи коего тетка выговариваетъ племянницѣ за ея застѣнчивость, и недовольный происходящимъ въ его присутствіи, въ сторону покашливаетъ.

Сбыслова. Вы кашляете, сударь?

Игот. Нѣтъ, не кашляю.

Гост. Не простудились ли вы?

Игот. Нѣтъ, у меня засохло лишь немного въ горлѣ.

Сбысл. Отчего это случилось?

Игот. Когда двое говорятъ между собою потихоньку, то участь третьяго — молчаніе, и ему сло́ва помѣстить нѣтъ удобности.

Таковъ этотъ сухой, педантическій господинъ, типъ, какъ кажется, вѣрно выхваченный изъ среды той нашей молодежи минувшаго времени, которая, прискучивъ подражать французской развязности, начала подражать англійской накрахмален-

ности. Въ домѣ Гостяковой ждутъ ея брата и отца Сбысловой, который въ то же время и школьный товарищъ отцу Ивана Иготина; этотъ послѣдній отправляется къ нему навстрѣчу и не мало удивленъ, что сынъ не догадался встрѣтить даже у порога ни его, ни отца дѣвушки, которой руки онъ проситъ.

Игот. Вы мнѣ о семъ ничего не приказывали.

Игот. отецъ. Однако кто кому обрадуется, тотъ обыкновенно бѣжитъ къ тому навстрѣчу, а вѣжливость потребовала бы, чтобы ты господина Разсудина, какъ человѣка, отъ котораго зависитъ твое будущее счастье, принималъ съ подобающею почестью отцу родному.

Игот. Я донынѣ, сударь, не встрѣчалъ, не провожалъ никого. Господина Разсудина я не знаю; онъ мнѣ еще не отецъ, ни тесть... я думалъ, что вы насъ ознакомите, когда время будетъ.

Эта небольшая сценка, какъ и вся личность молодого Иготина, безъ всякаго сомнѣнія, списана съ натуры и притомъ съ оригинала, который едва развѣ начиналъ обозначаться въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго вѣка. Зато этому типу предстояло развиться. Нѣкоторые черты изъ портрета Ивана Иготина годились бы въ изображеніе Базарова. Отецъ совѣтуетъ ему извиниться предъ Разсудинымъ, что не встрѣтилъ его, — сынъ отвѣчаетъ, что ему извиняться не въ чемъ; отецъ говоритъ ему: „Пора тебѣ, Иванъ, покидать рѣчь грубоватую". Сынъ отвѣчаетъ: „Почему онѣ грубы? Я говорю правду". Отецъ между прочимъ говоритъ ему, что его манеры отталкиваютъ отъ него всякаго, кто не знаетъ его близко, потому что въ сущности „ты сердца не лихова".

Игот. Похвалы я ищу мало.

. . . .

Игот. отецъ. Но я не слѣпъ; наружность твоя мнѣ не кажется (не нравится).

Игот. О семъ я сожалѣю.

. . . .

Игот. отецъ. Слова твои суть завсегда почти колки.

Игот. Рѣчи, сударь, безъ остроты слывутъ тупы.

Игот. отецъ. Взгляды покинь пренебрежительные.

Игот. По осанкѣ нынѣ о людяхъ судятъ.

Игот. отецъ. Ты разговоръ ведешь рѣчами и голосомъ такими отчасти, какъ люди прочіе бранятся.

Игот. Плотиною сударь дѣлается преграда наводненію...

. . . .

Игот. отецъ. Ну что за отвѣты? Они таковы, какъ твоя наружность. Одно и другое можетъ отвратить отъ тебя...

Игот. Какъ же быть, если я таковъ съ природы... За искреннія ваши рѣчи, сударь, я премного благодаренъ; подобныя я много разъ ужъ слышалъ. Мнѣ себя переродить нельзя; будетъ меня любить, кто хочетъ такого, каковъ есть, съ моими пороками или же качествами.

Въ „Недоразумѣніяхъ" мы находимъ и нѣкоторыя другія черты, рисующія людей Екатерининскаго времени. Весьма не дурны г-жа Гостякова, хозяйка дома, всегда полнаго невыѣздными гостями, и ея дворецкій, онъ же и управитель и вообще factotum. Домъ хлѣбосольной хозяйки полонъ народу: только-что одни пріѣхали, другіе собираются со двора; эти гостятъ потому, что свои, а другихъ Богъ послалъ — случайно попали; словомъ, приливъ и отливъ вѣчный, какъ въ морѣ, — и вотъ дворецкому удается между двухъ дверей молвить барынѣ слово о ея дѣлахъ.

Дворецкій. Румянный заводъ остановился.

Гостякова. Отъ чего?

Двор. Румяны съ рукъ нейдутъ никакъ, сударыня.

Гост. Кажется однако, что румяны хороши.

Двор. Хороши... но по деревнямъ ихъ не разбираютъ; говорятъ, дороги; а по городамъ не покупаютъ, потому что не заморскіе.

Гост. Полотняная фабрика, надѣюсь, наградитъ убытокъ сей.

Двор. Да, сударыня... только недостатокъ тутъ лишь одинъ является.

Гост. А какой?

Двор. Поистинѣ сказать, пряжи нѣтъ.

Гост. Вели дѣвкамъ прясть поприлежнѣй.

Двор. День и ночь прядутъ, но со всѣмъ тѣмъ недостаточно.

Гост. Старайся покупать...

. . . .

Двор. Пряжу отдаютъ не инако какъ за денежную плату, денегъ же у насъ не изобильно, какъ сами изволите знать.

Гост. За деньгами будущее лѣто дѣло не остановится. Ревень какъ разъ выраститъ. Онъ какъ золото.

Двор. Это хорошо; лишь опасаюсь я одного...

Гост. Чего?

Двор. Чтобы ревень совокупно съ хлопчатою бумагою не побили морозы.

Гост. У тебя всегда тысячу опасеній. На все сыскать можно способы; напримѣръ, у крестьянъ вели отобрать старыя шубы, покрой отростки.

Г-жѣ Гостяковой надоѣдаютъ всѣ эти возраженія; она уходитъ въ досадѣ на своего дворецкаго: „Самъ найди способы какіе хочешь, говоритъ она, спѣша къ гостямъ". А онъ: „Прогнѣвалась... да какъ же быть! Затѣи новыя всякій часъ... Потомъ будетъ удивляться неурожаю! Ея бы дѣло принимать гостей!" А впрочемъ Гостякова женщина добрая и не хочетъ дурно отозваться даже объ Иванѣ Иготинѣ. Лаская себя надеждой, что племянница ея пойдетъ по ея слѣдамъ, она говоритъ ей наставительно: „Ко всякому нраву привыкать недурно смолоду: современемъ пригодиться!"

Что касается до содержанія пьесы, то она построена на искусственно запутанной интригѣ, какъ указываетъ и самое ея заглавіе: Господь принесъ въ домъ Гостяковой нѣкоего Дружкова, потому что экипажъ его сломался предъ ея воротами. Словоохотливая хозяйка спѣшитъ сообщить ему, что нынче сговоръ ея племянницы за молодого Иготина; но читатель догадывается, конечно, что новопріѣзжій, встрѣчавшій Сбыслову въ свѣтѣ, влюбленъ въ нее и любимъ ею. Она признается теткѣ, что нареченный женихъ ей не нравится, а та сообщаетъ о томъ отцу дѣвушки, который и самъ радъ бы отдѣлаться отъ чопорнаго англомана и выдать дочь за Дружкова; Иготинъ-отецъ, вслѣдствіе недоразумѣнія, воображаетъ, что Сбыслова отказываетъ его сыну и отдаетъ предпочтеніе самому ему. Поэтому между ними происходитъ сцена, которая вертится на взаимномъ ихъ непониманіи другъ друга; Дружковъ собирается бѣжать съ своимъ горемъ и съ своею любовью на край свѣта; Сбыслова предается отчаянію; Гостякова ссорится съ братомъ, тотъ съ другомъ своимъ Иготинымъ-отцомъ, — словомъ, происходитъ постоянная суета, пока клубокъ недоразумѣній не распутывается самъ собою.

Подобные сюжеты были въ модѣ; написанныя съ такими ухищреніями пьесы назывались pièces à intrigues и привлекали посѣтителей, хотя во всемъ театрѣ одни лишь дѣйствующіе не понимали сути дѣла; тѣмъ не менѣе искусственныя завязки

піесъ не казались странными нашимъ дѣдамъ, какъ не кажутся странными и теперь любителямъ французской сцены. Что касается до Екатерины, то она, окончивъ эту комедію и перечитавъ ее, нашла, что эта пьеса длинна, но потомъ взглянула на нее на Эрмитажной сценѣ, и она, говоритъ Храповицкій, „полюбилась". Вслѣдъ за тѣмъ она дана была съ успѣхомъ и на публичномъ театрѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, „Недоразумѣнія" принадлежатъ къ лучшимъ пьесамъ Екатеринина репертуара, и нѣкоторыя сцены въ ней должны быть очень эффектны на сценѣ. Такова напримѣръ та, въ которой наставникъ молодого Иготина проситъ у Гостяковой дозволеніе устроить въ ея сараѣ „зѣло лѣпное зрѣлище", сочиненное имъ по случаю предполагаемаго брака его питомца. Можно сказать съ увѣренностью, что Екатеринѣ, когда она писала эту сцену, мерещился Тредіаковскій и дурацкая свадьба 1739 года.

Гост. Что за превеликая бумага у васъ въ рукахъ? господинъ Потачкинъ.

Пот. (поклонясь Гостяковой до пояса, ей говоритъ). Милостивая государыня, просвѣщенные народы всегда почитали бракъ аки происшествіе наиважнѣйшее въ жизни случиться могущее, и для того великолѣпныя торжества приготовляли къ празднованію онаго. Въ подражаніе благоподражаемаго доднесь событія сего, азъ, нижайшій вашъ почитатель, всепокорно нынѣ изготовилъ еще токмо на бумагѣ, ко времени и кстати придуманное зѣло лѣпное зрѣлище. Годиться оно можетъ и въ иномъ, и во всякомъ случаѣ... Нужно токмо, если смѣть донести не въ указъ отнюдь, единый, однако пустой, сарай, да нѣсколько сальныхъ плошекъ... Благоволите въ досужій часъ выслушать малое мое приношеніе, начертанное подвигомъ усерднымъ.

Гост. Что же такое вы дѣлать хотите?

Пот. (заглядываетъ въ бумагу). Во первыхъ, и сіе есть начало... Силенъ, дядька Бахуса, пріѣдетъ къ вашему крыльцу на ослѣ...

Гост. На ослѣ?

Пот. Да, на ослѣ, или на лошади, украшенной осломъ... Онъ, не сходя съ осла, васъ, милостивую государыню, и всѣхъ гостей позоветъ сими словесами:

Гост. Кто?

Пот. Силенъ, сударыня... не оселъ.

Гост. Мнѣ не очень внятно было.

Пот. Онъ, то-есть Силенъ, долженъ васъ приглашать на пиръ громогласно сими словесами:

Кратко слово,
Все готово:
Поздравляемъ
И желаемъ:
Гряди здрава,
Наша пава.

Гост. А пава кто?

Пот. Подъ симъ названіемъ осмѣлился, сударыня... васъ... ознаменовать... Вы шествуете плавно, аки пава; сему роду пернатыхъ сама Юнона покровительствовала. Вездѣ она представляется съ павлиномъ.

Гост. Потомъ что будетъ?

Пот. Потомъ, сударыня, второе: онъ, оборотясь къ вамъ задомъ, ѣхать долженъ не болѣе трехъ шаговъ передъ вами.

Гост. Слѣдовательно, первая за осломъ пойду я?

Пот. (роетъ въ бумагахъ). Тотчасъ... Третье: шествіе ваше послѣдуетъ попарно до сарая... По сторонамъ, по одной пойду я, подъ видомъ Момуса... а по другой — Меркурій; за нами побѣгутъ Игры и Смѣхи, раздѣлясь на два лика... Да благоволите выслушать, что будутъ пѣть...

Гост. Добро, прочтите.

Пот. Первый ликъ начнетъ:

Кое диво,
Какъ счастливо!

Второй ликъ съ удивленіемъ скажетъ:

Что за гласи
Въ сіи часи?

то-есть необыкновенные.

Гост. Понимаю.

Пот. Первый ликъ паки:

Всѣ весéли,
Такъ же смѣли!

2-й ликъ:

Дивни крики
Поютъ лики!
Сей дивится.

Гост. Чему?
Пот. Тому, что видитъ и слышитъ.

1-й ликъ:

Изощренни,
Позлащенни.

Гост. Не полно ли, господинъ Потачкинъ?
Пот. Тотчасъ...

2-ой ликъ:

Шуми личи
Необычни!

1-й ликъ:

Гори, холми,
Со удолми.

Гост. Полно, господинъ Потачкинъ.
Пот. Не много осталось...

2-й ликъ:

Вездѣ много
Неубого.

1-й ликъ:

Древеса высоки
Грядутъ вскоки.

Мавра. Что за вранье!
Пот. Стихи весьма гладки.

2-ой ликъ:

Зѣло весѐли
Вси зашумѣли.

(Гост. уходитъ).

1-й ликъ:

Предовольни.
Утѣхъ полни!
Непремѣнни
Вождѣленни!

(Мавра уходитъ)

2-й ликъ:

Да внушаютъ
И увеселяютъ.

. . . . . .

Оба лика:

Гряди убо
То сугубо!

Гряди здрава,
Наша Пава!

Тѣмъ, сударыня, кончится первое дѣйствіе. Ба! да всѣ ушли!... Вотъ какова участь нашего брата стихотворца. Ты сочиняя потѣешь, а тебя и слушать не хотятъ!

Щебальскій.

Драматическія произведенія Екатерины II, написанныя подъ вліяніемъ Шекспира.

Въ 1786 г. Екатерина II написала два „историческія представленія", изъ жизни Рюрика и Олега, и начала писать третье, изъ жизни Игоря.

Въ первой изъ помянутыхъ пьесъ главныя роли принадлежатъ Рюрику и Вадиму. Рюрикъ — внукъ Гостомысла и сынъ его дочери, супруги *финскаго короля;* Вадимъ — сынъ младшей дочери Гостомысла, находившійся при своемъ дѣдѣ, и его любимецъ. Соблюдая однако права первородства, Гостомыслъ призываетъ наслѣдовать себѣ Рюрика съ его братьями, — да совершится „соединеніе всего сѣвера", — Вадима же назначаетъ княземъ одного только изъ числа народовъ подвластныхъ Рюрику — народа славянскаго. Такое назначеніе оскорбляетъ Вадима, и онъ замышляетъ сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ. Онъ освѣдомляется у новгородскихъ старѣйшинъ, расположены ли они поддержать его, но получаетъ въ отвѣтъ: „ты князь нашъ мѣстный, но подвластенъ великому князю"; они говорятъ, что для того, чтобы быть великимъ княземъ, ему нужно не только ихъ согласіе, но и согласіе Руси, Чуди и Мери. Между тѣмъ въ станъ финскаго короля пріѣзжаютъ послы съ послѣднею волею Гостомысла. „Приведите пословъ ко мнѣ безъ дальняго доклада, говоритъ онъ: предки наши и мы сами были люди ратные". Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Рюрикъ съ братьями отпущены въ Новгородъ, откуда навстрѣчу имъ выѣзжаетъ посадникъ *Добрынинъ;* но едва Рюрикъ успѣлъ сдѣлать первыя распоряженія въ своемъ новомъ владѣніи, какъ доходитъ до него вѣсть о возмущеніи, произведенномъ Вадимомъ. Рюрикъ посылаетъ Добрынина къ мятежникамъ, дабы успокоить ихъ; старанія посадника увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ; онъ присылаетъ гонца съ извѣстіемъ, что мятежники смирились и что Вадимъ въ плѣну.

— „Охъ, для чего онъ не ушелъ!“ восклицаетъ Едвинда, супруга Рюрика.

— „Милость и судъ въ рукахъ князя великаго“, замѣчаетъ Олегъ и старается склонить Рюрика къ снисхожденію, заодно съ Едвиндой. Вадимъ, говоритъ она, молодъ и, можетъ быть, слишкомъ отваженъ; но и весь родъ князей славянскихъ храбръ. Прости Вадима: „Подданные обожаютъ милосердіе“.

Приводятъ плѣнника. Непреклонный и гордый Вадимъ производитъ впечатлѣніе на великаго князя.

— „Бодрость духа твоего, князь Вадимъ, не унываетъ; она написана въ рѣчахъ, въ чертахъ твоихъ; но, говоритъ Рюрикъ, ты теперь во власти моей; я могу судить тебя, акп мѣстнаго князя и какъ подданнаго...

— „Либо, — подсказываетъ Едвинда, — простить какъ брата.

— „Но пусть, — продолжаетъ великій князь, — Рюрикъ въ сей день окажется, каковъ онъ есть: онъ, видя виновныхъ предъ собою, съ горячею ревностью возьмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но койчасъ вина уже извѣстна, виновный изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить къ мщенію *(вынимаетъ мечъ изъ ноженъ)*, тогда мечъ тотъ, который не выпалъ никогда изъ моей десницы, благодаря боговъ, противу общихъ непріятелей *(уронивъ мечъ)*, падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ, и въ виновномъ вижу лишь человѣка“.

Послѣднія слова Рюрика, смыслу которыхъ вообще слѣдовала и Екатерина, а также нѣкоторыя другія политическія и нравственныя идеи, высказанныя различными лицами разсматриваемой пьесы, составляютъ главный ея интересъ. Такого же рода интересъ заключается и въ *Начальномъ управленіи Олега*.

Эта пьеса открывается закладкой Москвы. Въ присутствіи толпы народа, жрецовъ, „вельможъ“ и князя-правителя, кладется первый камень русской столицы, и таинственныя примѣты уже предсказываютъ ея величіе; всю ночь предъ тѣмъ шелъ дождь, а при восходѣ солнца отовсюду слетѣлись стаи птицъ клевать выгнанныхъ сыростью изъ земли насѣкомыхъ: дождь означаетъ богатство, а стаи разнообразныхъ птицъ — что новый городъ „будетъ народнымъ убѣжищемъ и соединеніемъ во времена опасныя“. Такъ говорятъ жрецы. Олегъ, котораго устами Екатерина высказываетъ собственныя свои

мысли и мысли своего вѣка, не можетъ, конечно, придавать значенія суевѣрнымъ примѣтамъ, но вотъ, въ ту самую минуту, когда совершается закладка Москвы, появляется изъ-за облаковъ орелъ, подобно тому какъ онъ позднѣе носился надъ полководцемъ, долженствовавшимъ поразить Наполеона I... Между тѣмъ являются депутаты отъ кіевлянъ, съ жалобами на правителя своего Оскольда за нарушеніе ихъ обычая и, главное, за принятіе имъ „греческаго закона“ (вѣроисповѣданія). Это извѣстіе заставляетъ Олега задуматься. „Отовсюду, говоритъ онъ, — съ сѣвера, запада и полудня получаются вѣсти тѣ же“. Олегъ отправляется въ Кіевъ, куда должны прибыть также юный Игорь и нареченная его невѣста Прекраса, внука Гостомыслова, отъ старшей его дочери. Молодой князь и пожилой правитель встрѣчаются въ виду Кіева, на берегу Днѣпра, куда является и Оскольдъ, и недовольные имъ кіевляне. На жалобы послѣднихъ правитель Кіева отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Вѣрность моя къ тебѣ, о государь, безпорочна. Хотя народнымъ слухомъ обвиняюсь я предъ тобою, но буде я влекомъ свыше потаенно къ познанію лучшей вѣры, то сей даръ есть души моей. Истиною я напоенъ, я не скрою, и смѣло предъявляю, что вскорѣ искры ея, разсыпанныя повсюду, воспламенятся во всѣхъ сердцахъ. Чести и достоинства сего свѣта вы вольны снимать съ меня: они суть пыль и прахъ земной; но образъ мыслей моихъ не въ вашей власти“...

Послѣ такого заявленія Оскольда, не находятъ возможнымъ оставлять его далѣе на своемъ постѣ; онъ садится въ лодку, но вѣтеръ опрокидываетъ ее, а теченіе рѣки приноситъ Оскольда къ стану угровъ, которые дѣлали привалъ на берегу, пробираясь на западъ. Пріѣзжаетъ между тѣмъ и Прекраса. Игорь благодаритъ Олега за выбранную для него невѣсту, которая ему очень нравится, а Прекраса проситъ дозволенія принять имя вѣщаго правителя; Олегъ нарекаетъ ее Ольгою и говоритъ: „не именемъ моимъ, но добродѣтелью въ народѣ прославиться“. Устроивъ бракъ князя, Олегъ отплываетъ съ дружиной къ Цареграду. Столица восточной имперіи въ тревогѣ, императоръ не рѣшается противопоставить силу силѣ, и, предполагая, что въ станѣ руссовъ чувствуется недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, или же надѣясь задобрить грозныхъ варваровъ, онъ посылаетъ яства Олегу и его дру-

жинѣ; но послѣднiй возвращаетъ ихъ назадъ, замѣчая, какъ Генрихъ IV, что съѣстные припасы нужнѣе осажденнымъ, чѣмъ осаждающимъ. Послѣ этого заключается между побѣдителями и побѣжденными миръ, празднованiе коего въ Цареградѣ, равно какъ свадебные обряды въ одномъ изъ предшествующихъ дѣйствiй, подали поводъ къ пышной постановкѣ этой пьесы.

Обѣ только что разсмотрѣнныя нами пьесы названы подражанiемъ Шекспиру; и, точно, онѣ написаны „безъ сохраненiя ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ", то-есть, безъ соблюденiя единства времени и мѣста, и это, надо признаться, главное сходство пьесъ Екатерины съ пьесами Шекспира. Какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ ея пьесахъ дѣйствуютъ не живыя лица, снабженныя разнообразными свойствами человѣческой души, а вывѣски извѣстныхъ доблестей или слабостей человѣческихъ; въ этомъ отношенiи Екатерина осталась вѣрна господствовавшей въ ея время художественной традицiи, правиламъ французскихъ эстетиковъ. Но уже самое знакомство съ творенiями великаго англiйскаго драматурга есть фактъ достойный вниманiя. Уваженiе къ Шекспиру было не только не повсемѣстно въ описываемое время, но его вообще мало знали. Екатерина, не зная по-англiйски, могла познакомиться съ Шекспиромъ или изъ переводовъ на французскiй языкъ Дюси (*Гамлетъ* напечатанъ имъ въ 1769 году), или изъ нѣмецкихъ переводовъ Виланда, напечатанныхъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, или, наконецъ, изъ критическихъ сочиненiй Лессинга въ пятидесятыхъ годахъ. Но если и принять, что Екатерина послѣдовала указанiямъ Лессинга, то все же за нею остается та честь, что она усвоила взглядъ, не только не господствовавшiй между ея современниками, но отвергаемый авторитетами, пользовавшимися между ними наибольшимъ значенiемъ. Если въ заслугу — и не безъ основанiя — ставится Карамзину, человѣку молодого поколѣнiя и спецiально отдавшемуся литературѣ, справедливый взглядъ на Шекспира, то еще большая заслуга въ этомъ отношенiи принадлежитъ Екатеринѣ, и если указываютъ, что Карамзинъ въ 1787 году съ уваженiемъ отозвался о творцѣ *Гамлета и Макбета,* то мы можемъ замѣтить, что еще годомъ раньше Екатерина передѣлала его *Виндзорскихъ кумушекъ. (Вотъ каково имѣть корзину* и проч.)

Справедливость обязываетъ сказать, впрочемъ, что Шекспира довольно трудно узнать въ этой передѣлкѣ: онъ исчезаетъ въ ней до такой степени, что едва ли кто-нибудь узналъ бы его, если бы того не указывало самое заглавіе названной пьесы. Сюжетъ Шекспира перенесенъ въ Россію и переложенъ на русскіе нравы или, точнѣе, обставленъ русскими именами, причемъ много лицъ оригинала и много оригинальныхъ положеній вовсе исключено; но и оставшіяся лица и положенія плохо поддались подъ перомъ Екатерины русскому штемпелю. Обѣ кумушки Шекспира и Фальстафъ не только неузнаваемы, но и лишены всякой типичности; тотъ, кто въ русской пьесѣ долженъ соотвѣтствовать Фальстафу, — Яковъ Васильевичъ Подкладовъ, нѣсколько смѣшонъ, но вовсе не оригиналенъ, и вообще вся пьеса есть не болѣе, какъ анекдотъ въ лицахъ.

Вообще разсматривая пьесы Екатерины, написанныя подъ вліяніемъ великаго драматурга Англіи, мы замѣчаемъ, что она не обратила вниманія на главное достоинство Шекспира, на его глубокое проникновеніе въ душу человѣка; но она заимствовала у него нѣкоторые пріемы, на которые необходимо обратить вниманіе, между прочимъ, на экспозицію въ драматической формѣ такихъ чертъ, которыя были бы, вѣроятно, сообщены публикѣ въ формѣ звучныхъ монологовъ строгими послѣдователями теоріи Боттё. Такова, напримѣръ, первая сцена въ *Начальномъ управленіи Олега.* Строгій послѣдователь псевдо-классическихъ традицій, вѣроятно, вывелъ бы вмѣсто этой эффектной сцены лицо, которое произнесло бы длинный монологъ о закладкѣ Москвы, подобно тому, какъ въ Расиновой *Федрѣ* разсказывается о катастрофѣ Ипполита при выѣздѣ изъ Трезены, или какъ въ *Димитріи Донскомъ* Озерова передана Куликовская битва.

Другое и еще болѣе важное нововведеніе, заимствованное Екатериной у Шекспира, — это допущеніе въ ея пьесы простонароднаго элемента. Въ комедіяхъ и трагедіяхъ, построенныхъ на основаніи правилъ, господствовавшихъ въ XVIII вѣкѣ, весьма рѣдко встрѣчаются лица изъ низшихъ слоевъ народа, а если они иногда и встрѣчаются, то говорятъ тѣмъ же самымъ языкомъ, какъ и всѣ прочія; Екатерина не овладѣла труднымъ искусствомъ влагать въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ свойственную имъ рѣчь, но она вставляла въ свои пьесы куплеты и хоры, заимствованные прямо изъ простона-

родныхъ или старинныхъ пѣсенъ. Въ третьемъ дѣйствіи *Олега* дѣвушки, убирающія къ свадьбѣ Прекрасу поютъ, между прочимъ прекрасную пѣсню, начинающуюся такъ:

Перекатно красно солнышко, перекатно,
И ты, звѣзда, закатилася...

Пѣсня эта чисто простонародная и внесена въ пьесу Екатерины во всей ея безыскусственной простотѣ, что нельзя не признать съ ея стороны очень смѣлымъ нововведеніемъ. Державинъ, выводившій въ нѣкоторыхъ своихъ драматическихъ сочиненіяхъ людей изъ простонародья или изъ временъ отдаленной древности, старался приноравливаться къ старинному или простонародному языку, говоря отъ ихъ имени, но его поддѣлка очень далека отъ оригинала; другимъ писателямъ присущее имъ чувство изящнаго подсказывало, что въ сказкахъ, былинахъ и пѣсняхъ, обращающихся въ простонародьѣ, есть вещи истинно прекрасныя, и Дмитріевъ, напримѣръ, издалъ сборникъ простонародныхъ пѣсенъ, но онъ счелъ при этомъ своею обязанностью поправить версификацію этихъ пѣсенъ, уничтожить нѣкоторыя выраженія, слишкомъ тривіальныя, и замѣнить ихъ другими, облагороженными. Екатерина не позволяла себѣ подобныхъ самоуправствъ и даже обозначала въ заглавіи нѣкоторыхъ своихъ пьесъ, что онѣ составлены изъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ. Слѣдующій свадебный хоръ, встрѣчаемый въ *Олегѣ,* почти буквально сходенъ съ находящимся въ пѣсенникѣ Трутовскаго:

По сѣнечкамъ, сѣнечкамъ,
Тутъ ходила, гуляла
Молодая боярыня;
Въ рукахъ она носила
Блюдо серебряное;
На блюдечкѣ носила
Два яхонта червчатые,
Двѣ алмазныя запоны, —
Сама приговаривала:
„Ахъ вы яхонты, яхонты,
Двѣ алмазныя запоны,
Полежите малешенько,
Покуль я молодешенька
Схожу въ свѣтлую свѣтлицу,

Во столовую горницу,
Гдѣ сидитъ мой сердечный другъ,
Гдѣ нынѣ прохлажается,
Музыкой забавляется,
А мной похваляется:
„У меня де жена умная,
„У меня душа разумная,
„Походка павлиная,
„Тиха рѣчь лебединая,
„Очи яснаго сокола,
„Брови чернаго соболя“.

Точно такъ же никакихъ ни передѣлокъ, ни измѣненій она не дозволила себѣ въ слѣдующей разлихой пѣснѣ, которую находимъ въ *Боеславичѣ:*

Жена моя бoярыня,
Родомъ она болгарыня,
Чернoбрoва,
Черноглаза,
Черноволоса,
Съ поволокою глаза,
Съ примашкой голова,
Съ прищелкою рука,
Съ припопкою нога.

Очевидно Екатерина справлялась съ помянутымъ пѣсенникомъ Трутовскаго и другимъ, изданнымъ Чулковымъ; кажется, что ей былъ извѣстенъ и сборникъ Кирши Данилова, находившійся въ то время еще въ рукописи у А. Н. Демидова; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она очень интересовалась памятниками древней нашей литературы; *Слово о полку Игоревѣ* было ей извѣстно, можетъ быть, одной изъ первыхъ въ Россіи; съ своей стороны, Храповицкій разсказываетъ, что отъ князя Г. Г. Орлова она узнала сказку о Фуфлыгѣ богатырѣ (названіе впрочемъ не существующее), и что онъ самъ, Храповицкій, долженъ былъ достать ей сказку о Бовѣ Королевичѣ; она хотѣла передѣлать ихъ на драматическія пьесы; но такъ какъ первой изъ сказокъ не оказалось, а вторая не понравилась ей, то она обратилась къ былинѣ о Василіи Буслаевѣ, которая и послужила ей сюжетомъ для комической оперы *Новгородскій богатырь Боеславичъ.* Сравнивая сюжетъ

этой оперы съ различными текстами былины, можно думать, что она руководствовалась главнѣйше тѣмъ, который записанъ Киршею Даниловымъ и что, кромѣ того, она имѣла въ виду нѣкоторые другіе тексты той же и даже другія новгородскія былины. Въ помянутой оперѣ мы встрѣчаемъ, кромѣ самого Василія, его мать Амельфу Тимоѳеевну, Ѳому (Ременникова), Потанюшку, Ситка и другихъ героевъ новгородскихъ легендъ. Какъ въ преданіи, такъ и въ оперѣ Екатерины, Василій обладаетъ силой, не знающей никакихъ препятствій; онъ разгоняетъ весь собравшійся противъ него Новгородъ. Согласно тексту Кирши, Василій представленъ Екатериной сиротой, княжескимъ сыномъ и гулякой. Въ сообществѣ своихъ пріятелей Ѳомы и Потанюшки онъ завелъ кулачный бой съ новгородцами. Посадники жалуются его матери, а между тѣмъ желаютъ узнать, чего имъ ждать отъ него въ будущемъ, зазываютъ на пиръ и стараются развязать ему языкъ. „Какъ примѣтимъ мы, разсуждаютъ, они, что не кормилецъ онъ земли славянскія, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу". Василій, выпивъ лишнее, раздражилъ представителей стараго вольнаго Новгорода, которые подняли „мужиковъ-новгородцевъ" и пошли противъ него, чтобы выпроводить изъ города. Амельфа Тимоѳеевна, узнавъ, какая бѣда ожидаетъ ея чадо неразумное, заперла его въ погребъ; но Василій какъ-то выбрался оттуда и, за неимѣніемъ оружія, ухватилъ „ось дубовую необдѣланную" и разогналъ толпу, послѣ чего его немедленно признали княземъ.

Достаточно, кажется, этого остова Екатерининской оперы, чтобъ убѣдится, какъ смѣло она уклонилась отъ пути псевдо-классической традиціи. Не только чопорный Расинъ, но и Вольтеръ съ ужасомъ отвернулся бы отъ этого княжескаго сына, бьющагося на кулачки, запертаго въ погребѣ и разгоняющаго толпу мужиковъ дубовою осью вмѣсто оружія! За то все это черты, похищенныя у самой жизни, переносящія насъ въ иной міръ и дышащія правдой. Можно жалѣть, что Екатерина недостаточно отдалась тому теченію, которое уносило ее изъ круга понятій французскихъ риторовъ, и что она, какъ въ *Боеславичѣ,* такъ и въ другихъ пьесахъ, считала нужнымъ платить дань псевдо-классицизму. Но, чтобы съ успѣхомъ стать на новой почвѣ, нужно было имѣть кромѣ вѣрнаго чутья и большой литературный талантъ. Авторитеты въ дѣлѣ литературы были противъ нововведеній въ шекспировскомъ родѣ, и вотъ, ко-

нечно, почему пьесы, написанныя Екатериной подъ вліяніемъ Шекспира менѣе прочихъ держались на театрѣ или даже вовсе не ставились. *Рюрикъ* и *Боеславичъ* вовсе не появлялись на публичной сценѣ; *Олегъ,* не взирая на великолѣпную постановку, данъ былъ только разъ; *Корзина* держалась нѣкоторое время, вѣроятно, потому, что она смѣшила публику вопреки рѣшенію авторитетовъ; *Ахридьичъ* — по причинѣ чисто сценическаго своего блеска, и наконецъ *Федулъ съ дѣтьми* — какъ фарсъ съ сильными національными признаками.

Изъ числа послѣдне-названныхъ пьесъ *Ахридьичъ* можетъ быть отнесенъ и къ другой группѣ пьесъ Екатерины, — къ пьесамъ фантастическимъ. Такихъ пьесъ всего, впрочемъ, двѣ: *Ахридьичъ* и *Февей.* Обѣ онѣ названы комическими операми и содержаніе ихъ — чудесныя похожденія царевичей Ахридѣича и Февея. Первый изъ этихъ царевичей странствуетъ съ цѣлью освободить сестеръ своихъ, похищенныхъ злымъ колдуномъ, второй — съ цѣлью „видѣть пространный свѣтъ“. *Ахридьичъ* имѣлъ большой и продолжительный успѣхъ; *Февей,* кажется, также, но этотъ успѣхъ слѣдуетъ приписать не столько автору, сколько машинистамъ и декораторамъ, а потому намъ нечего и останавливаться на этихъ пьесахъ.

Точно такъ же не имѣетъ никакихъ претензій на художественное достоинство послѣднее (по времени) драматическое сочиненіе Екатерины, *Федулъ съ дѣтьми;* это *шутка,* — характеристическое названіе, усвоенное нынѣ для мелкихъ театральныхъ пьесъ, претендующихъ быть только веселыми. Читать *Федула* почти невозможно; но на сценѣ онъ имѣлъ большой, повсемѣстный и продолжительный успѣхъ. Старый театралъ Макаровъ утверждаетъ, что „*Федулъ* въ Петербургѣ и Москвѣ жилъ почти нескончаемо, а его Дуняша (одна изъ дочерей Федула), съ пѣсней своей *Во селѣ, селѣ Покровскомъ,* не выходила даже изъ самыхъ блестящихъ гостиныхъ“.

Щебальскій.

Филологическія занятія Екатерины II.

Интересъ къ филологическимъ соображеніямъ началъ развиваться въ Екатеринѣ еще въ то время, когда она была великой княгиней, конечно, благодаря особенно изученію русскаго языка. Ея наблюдательный умъ не могъ не приводить ее

къ частымъ сравненіямъ новыхъ для нея словъ и формъ съ извѣстными ей въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Уже тогда великая княгиня приглашала бывшаго въ Петербургѣ пасторомъ британской факторіи Дюмареска составить общесравнительный словарь, и этотъ ученый черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно издалъ опытъ начала подобнаго труда подъ заглавіемъ: „Comparative Vocabulary of the Eastern Languages" (Сравнительный словарь восточныхъ языковъ). Опытъ этотъ былъ напечатанъ въ одномъ томѣ въ 4-ку, вѣроятно, въ маломъ числѣ экземпляровъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ его въ библіотекахъ не осталось; но за достовѣрность извѣстія объ изданіи этой книги Аделунгу ручались заслуживающія довѣрія лица, которыя сами ее видѣли.

Мысль о составленіи общесравнительнаго словаря съ особенною живостью возобновилась въ умѣ императрицы въ 1784 году. Она рѣшилась сама приступить къ собиранію матеріаловъ для подобнаго глоссарія. Вотъ собственный ея разсказъ о зарожденіи этого предпріятія, изъ письма ея къ доктору Циммерману отъ 9 мая 1785 года: „Ваше письмо извлекло меня изъ уединенія, въ которомъ я провела девять мѣсяцевъ почти взаперти и изъ котораго мнѣ трудно было выйти. Вы никакъ не догадаетесь, чѣмъ я въ это время занималась; для курьеза разскажу вамъ о томъ. Я составила списокъ отъ двухъ до трехъ-сотъ коренныхъ русскихъ словъ и дала ихъ перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла отыскать и число которыхъ теперь переходитъ уже за вторую сотню. Каждый день я брала одно изъ этихъ словъ и записывала его на всѣхъ тѣхъ языкахъ, какіе могла набрать. Изъ этого я узнала, что слово, которое на одномъ языкѣ значитъ небо, на другомъ означаетъ облако, туманъ, сводъ; что слово богъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе: всевышній или добрый, въ другихъ — солнце или огонь. Это увлеченіе мнѣ надоѣло, когда я прочла вашу книгу объ уединеніи. Но такъ какъ между тѣмъ мнѣ было бы жаль бросить въ огонь такую массу бумаги; къ тому же зала въ десять туазъ длины (туаза, французская сажень, имѣющая 6 футовъ), которая мнѣ служила кабинетомъ въ моемъ Эрмитажѣ, была довольно тепла: то я пригласила къ себѣ профессора Палласа, и послѣ точной исповѣди о моей долѣ въ этомъ грѣхѣ, мы согласились напечатать эти переводы для пользы тѣхъ, которые пожелаютъ

воспользоваться чужою скукою. Для этой цѣли ожидаются еще только нѣкоторыя нарѣчія восточной Сибири. Кому угодно, тотъ извлечетъ или не извлечетъ отсюда свѣтлые выводы разнаго рода; это будетъ зависѣть отъ расположенія духа тѣхъ, которые займутся дѣломъ, и вовсе до меня не касается".

Въ этомъ важномъ для насъ свидѣтельствѣ самой императрицы не упомянуто однакожъ о томъ обстоятельствѣ, которое направило ея мысли именно къ этой работѣ. На это обстоятельство указываетъ намъ одинъ изъ сотрудниковъ Палласа по словарю, Арндтъ, лицо, мало у насъ извѣстное, но, какъ увидимъ ниже, заслуживающее полнаго вниманія. Екатеринѣ II поднесено было знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе умершаго въ 1784 же году Куръ-де-Жебелена (Court-de-Gébelin). Мы не знаемъ, когда именно и разомъ или постепенно оно было прислано; но извѣстно, что оно выходило отъ 1773 до 1781 года и составило 8 томовъ.

Перелистывая въ часы досуга эту книгу, Екатерина такъ увлеклась ею, что стала дѣлать изъ нея выписки. До насъ дошли слѣдующія двѣ филологическія замѣтки, написанныя по-французски рукой императрицы. Вотъ одна изъ нихъ: „О первыхъ дѣтскихъ звукахъ надо замѣтить, что они выражаютъ: 1) гласныя; 2) затѣмъ слѣдуетъ движеніе губъ, какъ-то: папа, мама; 3) съ зубами являются зубныя, какъ-то: тятя, дядя и проч.; потомъ, по мѣрѣ развитія органовъ — 4) гортанныя и свистящія буквы".

Другая замѣтка, озаглавленная „Три разряда словъ":

1) „Слова первичныя, выражающія общія понятія, взятыя въ самомъ обширномъ смыслѣ, за которымъ прекращается всякій анализъ; таковы слова: великій, крѣпкій, красивый, море, земля, духъ".

2) „Слова производныя, выражающія оттѣнки этихъ понятій, каковы: величіе, крѣпость, красота, морской, земной, воздухъ".

3) „Слова, составленныя изъ другихъ, каковы: (grand-père). укрѣпленіе, украшать, заморскій, подземный, воздушный. И такъ въ каждомъ языкѣ стараются узнавать, какія слова были первичныя, какія производныя, какія сложныя и, собирая ихъ такимъ образомъ, составляли изъ нихъ многочисленныя группы".

Особенно заинтересовала Екатерину смѣлая мысль Куръ-де-Жебелена, что всѣ языки могутъ быть выводимы изъ одного коренного. Ей показались славянскими многія слова, которыя

авторъ выдавалъ за кельтскія, и она предполагала во многихъ случаяхъ связь съ языками и нарѣчіями, употребительными въ русской имперіи и отчасти только въ ней; а здѣсь, думалось императрицѣ, можно отыскать значительное число всѣхъ языковъ, употребительныхъ на земномъ шарѣ, и притомъ не мало такихъ языковъ, которые еще неизвѣстны ученымъ. Кромѣ этой заманчивой мысли, Екатерину могло побуждать и желаніе сдѣлать для науки что-нибудь такое, что далеко превышало бы средства частнаго человѣка.

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій она отмѣтила нѣсколько словъ, которыя хотѣла узнать въ переводѣ на всѣ языки и нарѣчія, чтобы современемъ не только повѣрить блестящую догадку Куръ-де-Жебелена, но и доставить матеріалы для разныхъ научныхъ выводовъ. Такимъ образомъ подъ перомъ ея стали составляться два основные списка будущихъ работъ: въ одинъ она заносила самыя обыкновенныя слова, выражавшія простѣйшія понятія, какъ-то: богъ, отецъ, мать, дитя, я, да, имя и проч.; въ другомъ отмѣчала имена народовъ, на языки которыхъ желала имѣть переводъ этихъ словъ. За такія списки она принималась нѣсколько разъ, и, конечно, ихъ образовалось нѣсколько экземпляровъ. Иногда она къ русскимъ словамъ приписывала и переводъ, добытый тѣмъ или другимъ способомъ. Такъ въ рукахъ Аделунга былъ ея автографъ съ 289-ю русскими словами, изъ которыхъ 12 были имена числительныя, и къ 153-мъ изъ этихъ словъ былъ ею же самою приписанъ переводъ на караибскій языкъ; другой автографъ, переданный Аделунгу (какъ и первый) Палласомъ, содержалъ названія 159-ти языковъ, на которые переведены были записанныя слова. Въ библіотекѣ покойнаго Соболевскаго, при названной выше книгѣ Аделунга, былъ другой, также ея рукою сдѣланный списокъ живущихъ въ Россіи народовъ, на языки которыхъ государыня желала получить переводы отмѣченныхъ словъ. Онъ начинался такъ:

„Пустозерскіе самоѣды — Вологодской и Архангельской.

Обдорскіе самоѣды.

Юряки — Тобольской.

Мангазейскіе самоѣды — Тобольской.

Но главное собраніе черновыхъ работъ государыни по словарю хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ (куда онѣ поступили изъ Эрмитажной): это 54 листа, исписанные

рукою Екатерины II; на каждомъ листѣ одно русское слово переведено на всѣ имѣвшіеся въ виду языки, расположенные въ одномъ и томъ же порядкѣ, при чемъ каждый списокъ состоитъ изъ двухъ столбцовъ: съ лѣвой стороны идутъ языки, съ правой переводъ слова, написанный, какъ и все прочее, русскими буквами.

Уже вскорѣ послѣ первыхъ набросковъ этого рода императрица почувствовала потребность въ посторонней помощи и обратилась за нею къ иностранному ученому, именно къ берлинскому книгопродавцу и писателю Николаи, котораго и прежде уже она удостоивала своихъ порученій. Теперь она просила его составить для нея обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій. Усердно принявшись вмѣстѣ съ сыномъ своимъ за это дѣло, Николаи еще въ 1785 г. прислалъ составленный ими толстый рукописный фоліантъ подъ заглавіемъ „Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues et des principaux Livres qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre ge S. M. I. l'Impératrice de toutes les Russies“ (Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра съ предварительнымъ каталогомъ главныхъ словарей на всѣхъ языкахъ и важнѣйшихъ книгъ, разсматривающихъ происхожденіе всѣхъ языковъ, ихъ этимологію и сродство. Составлено по повелѣнію ея и. в. всероссійской императрицы).

Этимъ рукописнымъ трудомъ Екатерина сперва сама пользовалась при составленіи своихъ списковъ, а потомъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что она успѣла написать по словарю, переданъ былъ академику Палласу. Но почему Екатерина, для продолженія своего предпріятія, избрала именно этого ученаго, а не такого, который по своимъ спеціальнымъ занятіямъ стоялъ бы ближе къ этому дѣлу? Выборъ этотъ можетъ быть объясненъ многими причинами: спеціалистовъ по филологіи тогда у насъ еще не было; Академія Наукъ состояла только изъ естествоиспытателей и математиковъ; въ Россійской Академіи можно было, пожалуй, остановиться на Лепехинѣ, Разумовскомъ или Болтинѣ; но они въ то самое время были заняты составленіемъ Русскаго словаря; къ тому же Екатеринѣ нуженъ былъ человѣкъ съ громкимъ европейскимъ именемъ. Палласа она лично знала, и знала его какъ ученаго,

хорошо владѣвшаго иностранными языками, не лишеннаго охоты къ лингвистическимъ поискамъ и занятіямъ. Это она могла замѣтить изъ бесѣдъ съ Палласомъ; это онъ доказалъ и учеными трудами своими. Всѣ путешествовавшіе по Россіи съ научными цѣлями, начиная съ Витсена и Штраленберга, обращали вниманіе на языки встрѣчавшихся имъ въ пути инородцевъ и представляли въ своихъ запискахъ образчики этихъ языковъ и нарѣчій. Этнографія и лингвистика составляютъ одну изъ сторонъ наблюденій и у позднѣйшихъ путешественниковъ: Фишера, Миллера, Гмелина, Фалька, Лепехина, Георги. Палласъ не только не уступаетъ имъ, но занимаетъ еще болѣе видное мѣсто въ этомъ отношеніи. Кромѣ лингвистическихъ данныхъ, собранныхъ имъ въ описаніяхъ его путешествій, онъ, во время первой своей экспедиціи, составлялъ значительныя коллекціи матеріаловъ этого рода по особенному поводу. Это было предпріятіе извѣстнаго петербургскаго библіографа Лудвига Бакмейстера (издателя „Russische Bibliothek"), однородное съ трудомъ, позднѣе задуманнымъ Екатериною. Именно въ 1773 г. (замѣтимъ, это годъ, когда явилось начало Monde primitif Куръ-де-Жебелена) Бакмейстеръ составилъ планъ собиранія матеріаловъ для сличенія всѣхъ языковъ земного шара, и съ этою цѣлью придумалъ рядъ такихъ фразъ, которыя передавали бы доступныя всѣмъ, даже младенческимъ народамъ, понятія и вмѣстѣ расположеніемъ словъ служили бы къ объясненію грамматическихъ формъ языка. Чтобы привлечь къ этому дѣлу ученыхъ всѣхъ странъ, Бакмейстеръ въ томъ же году издалъ брошюру „Idea et desideria de colligendis speciminibus" (программу собиранія образчиковъ) на латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и разослалъ ее въ разные концы Европы. Тогда же онъ сообщилъ путешествовавшимъ по Россіи академикамъ, въ томъ числѣ и Палласу, еще особую обстоятельную инструкцію, по которой просилъ ихъ составлять для него образчики языковъ и замѣтки о малоизвѣстныхъ нарѣчіяхъ. Вслѣдствіе того Бакмейстеръ, въ теченіе многихъ лѣтъ, получалъ богатые по этому предмету матеріалы, изъ которыхъ многіе были доставлены и Палласомъ. Всѣми этими матеріалами однакожъ самъ Бакмейстеръ не воспользовался, такъ какъ трудности дѣла и другія занятія мало-по-малу охладили его усердіе къ осуществленію первоначальной мысли; но эти

сообщенія послужили потомъ важнымъ пособіемъ для Палласа, когда ему пришлось быть исполнителемъ плана Екатерины II.

Конечно, порученіе это, вовсе не вязавшееся съ главнымъ предметомъ изслѣдованій Палласа, не могло быть для него особенно привлекательно; но какъ было отказаться? Оно представлялось и важнымъ для науки, и въ высшей степени почетнымъ, тѣмъ болѣе, что трудъ былъ начатъ самою императрицей. Вотъ что Палласъ самъ писалъ къ Аделунгу въ послѣдній годъ своей жизни: „Не мнѣ вообще слѣдовало поручать такое дѣло, но я принялъ его на себя по особенной преданности къ столь милостивой государынѣ, и долженъ былъ спѣшить изданіемъ, чтобы не слишкомъ раздражать нетерпѣніе, съ какимъ ожидали каждаго новаго листа изъ типографіи“.

Прежде нежели будемъ говорить о мѣрахъ, принятыхъ для собиранія матеріаловъ, укажемъ на нѣкоторые признаки того живого интереса, съ какимъ императрица около этого времени увлекалась своими филологическими занятіями. Осенью 1784 г. она писала къ Гримму: „я прочитала съ полдюжины русскихъ лѣтописей и три тома Monde primitif. Знаете ли вы эту книгу? И я вытребовала себѣ всѣ словари, какіе могла отыскать, между прочимъ финскій, черемисскій, вотяцкій, и этимъ завалены всѣ мои столы. Кромѣ того, я собрала множество свѣдѣній о древнихъ славянахъ и могу въ скоромъ времени доказать, что они сообщили названія большей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странахъ“. То же самое въ разныхъ формахъ повторяется и въ другихъ ея письмахъ къ Гримму. Такъ однажды она жалуется, что Герцбергъ отвергаетъ историческія истины, что онъ утверждаетъ, будто славяне никогда не жили въ Пруссіи. „О, если я разложу передъ вами свои открытія, — пишетъ Екатерина: — вы будете слушать меня, разиня ротъ; но такъ какъ это могло бы превратиться въ зѣвоту, то я не хочу погружать васъ въ тѣ бездны премудрости, которыя въ Фридрихсгамѣ разстраивали нервы Густава съ переломанной рукой“. Въ другой разъ она выписываетъ цѣлую тираду изъ Куръ-де-Жебелена, или сообщаетъ длинный списокъ иностранныхъ словъ и собственныхъ именъ, которыя, по однимъ случайнымъ созвучіямъ, выводитъ изъ русскаго языка. Мы видимъ въ этомъ одинъ исъ весьма обыкновенныхъ и любимыхъ пріемовъ тог-

дашней филологіи. То же дѣлали Татищевъ, Тредьяковскій, отчасти Ломоносовъ и даже Шлецеръ; наконецъ, еще и въ нашемъ столѣтіи особенную извѣстность такими сближеніями пріобрѣлъ Шишковъ. Въ XV-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества напечатано нѣсколько замѣтокъ императрицы въ этомъ родѣ, вѣроятно, относящихся къ той же эпохѣ: „Слово баронъ, записала она напр., не что иное, какъ бояре, и теперь у англичанъ всѣ судіи называются баронъ такого-то суда, и сіе для того, что саксонцы судились боярами". „Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены славянскими названіями". „Названіе Перигоръ, во Франціи, не что иное, какъ имя, составленное изъ двухъ или даже трехъ слоговъ чисто-славянскаго происхожденія" („Périgord en France, qui n'est autre chose qu'un nom composé de deux syllabes ou même de trois, tout à fait d'extraction slavonne"). Рядомъ замѣчаніе весьма справедливое, но написанное, кажется, подъ вліяніемъ такихъ же соображеній: „Кто бы сколько ни былъ ученъ, если не прилежитъ знанію славянскаго языка, не только будетъ имѣть великій недостатокъ въ начальномъ знаніи, но сверхъ того на каждомъ шагу подвергнетъ себя ежечаснымъ ошибкамъ, предубѣжденіямъ и вѣтренности, наипаче же въ познаніи языка, исторіи, законовъ, нравовъ, обычаевъ и начальныхъ основаній народныхъ, въ чемъ, безъ сомнѣнія, всякій опытомъ удостовѣриться можетъ".

Отовсюду государыня выписывала себѣ матеріалы для своего словаря. Она сообщала Гримму, что маркизъ Лафайэтъ уже прислалъ ей часть своего вклада, и выражала желаніе получить какой-то словарь отъ аббата Галіани. Какъ разнообразны были источники, къ которымъ обращалась неутомимая собирательница, доказываетъ слѣдующая своеручная записка ея, вѣроятно, адресованная къ Безбородкѣ и хранившаяся у покойнаго Соболевскаго вмѣстѣ со спискомъ инородцевъ, о которомъ выше упомянуто: „Реестръ словъ отвезите къ гр. Киршѣ Григорьевичу Разумовскому и попросите его именемъ моимъ, чтобы онъ послалъ въ свои копорскія деревни кого поисправнѣе и приказалъ бы у тѣхъ мужиковъ, кои себя варягами называютъ, тѣ слова на ихъ языкъ переписать, а еще лучше, буде бы сюда человѣка другого посмышленнѣе для того привезти велѣлъ".

Около того же времени, въ концѣ 1784 года, графъ Безбородко, по приказанію императрицы, отправилъ къ нашему по-

сланнику въ Константинополѣ, Я. И. Булгакову, составленный ею списокъ 286 русскихъ словъ, съ тѣмъ чтобъ онъ чрезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или какимъ-нибудь другимъ путемъ, по своему усмотрѣнію, досталъ переводъ ихъ „на абиссинскій и эѳіопскій языки и на разные ихъ діалекты, и чтобъ всѣ сіи слова написаны были не только характерами, тѣмъ языкамъ свойственными, но и русскими или латинскими буквами, для показанія, какъ которое слово читать или произносить должно. Чѣмъ скорѣе (такъ заключалъ Безбородко) сіе высочайшее повелѣніе исполнено будетъ, тѣмъ вящше послужитъ оное къ удовольствію ея величества".

Все это писалось и дѣлалось прежде, нежели императрица обратилась къ Палласу. Передачу всего дѣла другому она объясняла въ письмѣ къ Циммерману тѣмъ, что ей надоѣло слишкомъ большое увлеченіе однимъ и тѣмъ же занятіемъ; Гримму же она писала нѣсколько ранѣе — въ началѣ марта, что на самой себѣ замѣчаетъ отъ того перемѣну: „Первобытный міръ (le monde primitif), первобытные языки, словари двухсотъ языковъ превратили меня оъ несносное существо; я хотѣла потопить свою скуку въ этомъ хламѣ (fatras), а этотъ хламъ сдѣлалъ меня печальною и наводящею скуку (triste et ennuyeuse)". Письмо къ Циммерману помѣчено 9-мъ мая; слѣдовательно порученіе Палласу дано было, вѣроятно, въ апрѣлѣ. Еще до истеченія мая мѣсяца академикъ поспѣшилъ издать на французскомъ языкѣ, для свѣдѣнія всей Европы, объявленіе о задуманномъ словарѣ, напечатанное отдѣльно на большомъ листѣ въ 4-ку и тѣмъ болѣе любопытное, что оно, конечно, выражаетъ мысли самой государыни, развитыя и изложенныя многостороннимъ ученымъ. Поэтому объявленіе Палласа заслуживаетъ быть переданнымъ здѣсь почти вполнѣ. Вотъ оно съ небольшими сокращеніями:

„Остроумныя и глубокія изслѣдованія многихъ ученыхъ нашего вѣка о сродствѣ и происхожденіи языковъ, принадлежащихъ весьма отдаленнымъ другъ отъ друга народамъ, и свѣдѣнія о древней исторіи человѣка, извлеченныя многими достойными историками изъ этихъ изслѣдованій, придаютъ нынѣ особенную прелесть и болѣе рѣшительное направленіе наукѣ, которая умамъ поверхностнымъ казалась до сихъ поръ сухою, неблагодарною и даже безплодною и пустою. Просматривая сочиненіе Куръ-де-Жебелена, изумляешься блестящимъ

выводамъ, которые авторъ умѣлъ извлечь изъ этого матеріала, и нельзя не пожалѣть, что такой трудолюбивый человѣкъ не могъ примѣнить той же методы ко всѣмъ языкамъ міра. По анализу и счастливому сличенію тѣхъ, которые онъ имѣлъ возможность разсмотрѣть, никто не станетъ сомнѣваться, что знакомство съ языками внутренней Азіи повело бы его къ открытіямъ еще болѣе интереснымъ.

„Русская Имперія, занимающая въ этой части Азіи обширные предѣлы, почти не извѣстные ученымъ до временъ Петра Великаго, конечно заключаетъ въ себѣ болѣе народовъ и народцевъ, болѣе языковъ и нарѣчій, нежели какое-либо другое государство на земномъ шарѣ. Тѣсное пространство Кавказа, населенное малочисленными, смежными одинъ съ другимъ народцами, обнимаетъ болѣе 22-хъ нарѣчій восьми или девяти разныхъ языковъ. Обширнѣйшая Сибирь представляетъ еще большее количество ихъ, и одинъ полуостровъ Камчатка, который, при открытіи его русскими, казалось, только начиналъ населяться, имѣлъ девять нарѣчій трехъ разнородныхъ языковъ...

„Но большинство языковъ оставалось до сихъ поръ недоступнымъ для ученыхъ сокровищемъ: никто не пробовалъ даже сравнивать, по одному избранному плану, порядочнаго числа словъ, принадлежащихъ языкамъ уже извѣстнымъ. Попытки нѣкоторыхъ передавать на разныхъ языкахъ молитву Господню или другой родъ фразъ, были очень неудовлетворительны, недостаточны и представляли образцы только какой-нибудь сотни языковъ и нарѣчій, т.-е. приблизительно одной лишь трети всѣхъ существующихъ. Многіе литераторы и исторіографы сравнивали небольшое число древнихъ или новыхъ языковъ одного и того же корня. Кромѣ пособій, составляемыхъ лексиконами, можно также найти у новѣйшихъ путешественниковъ кое-какіе отрывочные и разбросанные глоссаріи, часто очень необширные и рѣдко соотвѣтствующіе другъ другу. Но никто до сего времени не обнималъ совокупности языковъ... Это обширное предпріятіе, которое, наконецъ, можетъ привести къ рѣшенію вопроса о существованіи одного первобытнаго языка, было предоставлено нашему вѣку. Екатерина II удостоила посвятить часы досуга этой еще неразработанной отрасли литературы. Чтобы подготовить начало всеобщаго сравнительнаго глоссарія всѣхъ языковъ, Ея Императорское Величество сама составила

списокъ словъ наиболѣе необходимыхъ и употребительныхъ у самыхъ малообразованныхъ народовъ. Одно ея государство могло доставить для этого глоссарія почти цѣлую треть всѣхъ употребляемыхъ на землѣ языковъ, и особенно значительное число тѣхъ изъ нихъ, которые еще неизвѣстны ученымъ.

„При выборѣ словъ дано предпочтеніе наиболѣе нужнымъ существительнымъ и прилагательнымъ, встрѣчаемымъ даже въ самыхъ младенческихъ языкахъ и дающимъ понятіе объ успѣхахъ земледѣлія, о первоначальныхъ искусствахъ и познаніяхъ, переходящихъ отъ одного народа къ другому. Чтобы пополнить глоссарій и сдѣлать его болѣе поучительнымъ, въ немъ отчасти допущены также мѣстоименія, нарѣчія, нѣкоторые глаголы и имена числительныя, которыхъ польза для сравненія языковъ признается многими.

„По этому превосходному образцу собраны сперва всѣ языки и нарѣчія обширнаго русскаго царства; потомъ еще большее число иностранныхъ языковъ, такъ что этотъ трудъ, хотя продолжаемый только съ начала года, является уже выше всего, что было испробовано въ тѣхъ же видахъ, и безпрестанно еще пополняется матеріалами всякаго рода.

„Ея Императорскому Величеству угодно, чтобы этотъ сборникъ былъ напечатанъ для пользы публики. Онъ будетъ такъ расположенъ, что рядомъ съ каждымъ словомъ помѣстятся переводы его на всѣ языки, какіе удалось добыть. Этимъ способомъ и при классификаціи переводовъ по ихъ соотношеніямъ, сродство языковъ сдѣлается яснѣе и сличеніе ихъ легче. Настоящее произношеніе словъ будетъ означаемо съ величайшею точностью посредствомъ единообразнаго и опредѣленнаго правописанія. Общая таблица языковъ, какъ по ихъ соотношеніямъ, такъ и по предѣламъ ихъ распространенія, будетъ служить вступленіемъ къ этому великому и нелегкому труду, который конечно будетъ по достоинству оцѣненъ учеными, особенно имѣющими въ немъ надобность.

„Такъ какъ Ея Императорское Величество соизволила возложить на меня надзоръ за печатаніемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія, то я поспѣшилъ извѣстить о томъ публику, которой нетерпѣніе будетъ конечно равняться моему усердію къ исполненію драгоцѣнной воли Монархини. 22 мая 1785 года“.

На другой годъ изданъ былъ образчикъ собранія словъ съ переводами ихъ (Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues) — четыре листка въ 4-ку, на которыхъ напечатаны выбранныя императрицею русскія слова, переведенныя по-латыни, по-нѣмецки и по-французски. Этотъ образчикъ былъ разосланъ во всѣ мѣстности русской имперіи и ко всѣмъ нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ съ просьбою доставить, какъ можно скорѣе, сколько можно болѣе переводовъ на малоизвѣстные языки. Въ Россіи ко всѣмъ губернаторамъ были отправлены циркулярныя предписанія чрезъ Императорскій Кабинетъ и притомъ наказано исполнить высочайшее повелѣніе со всевозможнымъ тщаніемъ. Вслѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частью офиціальными переводчиками и были присылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. При этомъ въ особыхъ донесеніяхъ излагались иногда и способы, употребленные для исполненія монаршей воли; нѣкоторые присоединяли къ тому цѣнныя извѣстія о народахъ и языкахъ ихъ или даже цѣлые словари. Съ своей стороны и посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились; изъ Лондона, Гаги и Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Сѣверную Америку и Бразилію; въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дѣло губернаторамъ. Ученые всѣхъ странъ также были приглашены къ участію въ собраніи словъ. Лицамъ, которыя путешествовали по Россіи на счетъ правительства, давно уже было вмѣнено въ обязанность собирать образцы языковъ. При отправленіи Биллингса въ сѣверо-восточную Сибирь (1785—1794), спутнику его, естествоиспытателю Мерку дана была Палласомъ инструкція, въ которой прямо сказано, что „Ея Имп. Величеству пріятно будетъ по приложенному образцу получить списки словъ не только по главнымъ языкамъ, но и по нарѣчіямъ ихъ, при чемъ слѣдуетъ какъ можно точнѣе означать произношеніе русскими и нѣмецкими буквами". Въ то же время Императорская библіотека, руководствуясь особенно полученными отъ Николаи указаніями, не переставала увеличивать свое и безъ того уже богатое собраніе словарей и путевыхъ записокъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ тѣ, которыя составлены

были путешествовавшими по Россіи учеными, давно представляли значительные матеріалы для словаря. Всѣ образовавшіяся такимъ образомъ обильныя пособія переданы были императрицею Палласу для редакціи, на первый случай, сборника по азіатскимъ и европейскимъ языкамъ; что касается языковъ Африки и Америки, то предполагалось заняться ими послѣ, когда и для нихъ наберется болѣе матеріаловъ.

Отдѣлъ азіатскихъ и европейскихъ языковъ долженъ былъ состоять изъ двухъ томовъ. Первый томъ, совсѣмъ отпечатанный, былъ поднесенъ императрицѣ наканунѣ ея отъѣзда въ Крымъ, 6 января 1787 года; онъ тогда же вышелъ подъ заглавіемъ: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, напечатано въ типографіи у Шнора 1787 года“. Это же заглавіе повторено въ книгѣ на латинскомъ языкѣ; равнымъ образомъ и предисловіе, гдѣ объяснена цѣль изданія и не умолчано о личномъ участіи императрицы въ самомъ трудѣ, напечатано по-русски и по-латыни. Оно начинается указаніемъ на обширность Россіи и на обиліе имѣющихся въ ней матеріаловъ — шестьдесятъ употребительныхъ въ предѣлахъ ея языковъ — для приведенія въ дѣйствіе такого предпріятія; въ концѣ сдѣланъ обзоръ языковъ, вошедшихъ въ составъ словаря. Предисловіе это было въ рукописи представлено на предварительный просмотръ императрицѣ, и, при возвращеніи его, она написала Палласу: „Возвращаю вамъ ваше предисловіе и, за исключеніемъ похвалъ, вами мнѣ воздаваемыхъ, которыя кажутся мнѣ слишкомъ лестными, ничего не могу замѣтить противъ него“. Согласно съ положительно выраженною волей императрицы всѣ переводныя слова переданы русскими буквами. Точно такъ же напечатанъ и второй томъ, вышедшій въ 1789 году.

Содержаніе и планъ словаря очень просты: для сравненія взято 285 русскихъ словъ, изъ которыхъ 130 помѣщено въ первомъ томѣ и 155 во второмъ. Каждое русское слово поставлено въ видѣ заглавія, подъ которымъ въ одномъ и томъ же порядкѣ помѣщены переводы на 200 языковъ и при каждомъ переводѣ всякій разъ повторяется названіе языка; такъ что каждый языкъ поименованъ въ первой части 130 разъ,

а во второй 155 разъ. Чтобы уяснить это, приведемъ два-три слова съ нѣсколькими переводами, напримѣръ:

1. БОГЪ.

1. По-славянски . . . . Богъ.
1. По-славяно-венгерски . . . Бугъ.
3. По-иллирійски . . . . . . Боогъ.
4. По-богемски . . . . Бу и т. д.

Послѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій, въ ряду которыхъ встрѣчаются между прочимъ малороссійское (Бигъ) и суздальское (Стодъ) слѣдуютъ переводы:

13. По-кельтски . . . . Діу, 10.
14. По-бретански . . . . Дуэ, Доэ.
15. По басконски . . . . Дувъ, Юнъ и проч. и проч.

Языки слѣдуютъ одинъ за другимъ въ произвольно принятой, часто ни на чемъ не основанной системѣ. Нигдѣ не представлено обзора языковъ и нарѣчій, послужившихъ къ сравненію, а только помѣщенъ, послѣ предисловія, списокъ книгъ, откуда почерпнуты слова кельтскія, ботскія и англосаксонскія, и затѣмъ еще приложено объясненіе русской азбуки.

Словарь, напечатанный въ числѣ 500 экземпляровъ, не былъ предназначенъ для продажи; только книгопродавецъ Вейтбрехтъ, получившій отъ государыни въ подарокъ 40 экземпляровъ, могъ торговать ими; нѣкоторое число было разослано въ даръ, по ея повелѣнію, иностраннымъ дворамъ и ученымъ. Ограничивъ такимъ образомъ распространеніе своего словаря, императрица, какъ кажется, руководствовалась мыслью, что это только первый опытъ, который современемъ долженъ быть усовершенствованъ и изданъ въ болѣе полномъ видѣ: на этотъ взглядъ указываютъ и пробѣлы, оставленные при многихъ словахъ для вставки впослѣдствіи недостававшихъ переводовъ.

Съ точки зрѣнія нынѣшней науки Екатерининскій словарь, конечно, не выдерживаетъ критики. Самая цѣль его — служить средствомъ для отысканія первобытнаго языка, была недостижима. Далѣе, мысль перевести двѣ-три сотни словъ, хотя и умно выбранныхъ, на столько же языковъ, безъ строгаго опредѣленія родства этихъ послѣднихъ (что тогда было чистою

невозможностью), не могла имѣть важнаго по своимъ результатамъ значенія для науки. Наконецъ, и способъ исполненія этой мысли былъ во многихъ отношеніяхъ неудобенъ и не цѣлесообразенъ, напр. русскія слова расположены въ словарѣ безъ всякаго опредѣленнаго порядка, слѣдовательно, для отысканія котораго-нибудь изъ нихъ нужно каждый разъ просмотрѣть весь списокъ ихъ (не азбучный), помѣщенный въ концѣ 2-го тома; точно такое же замѣчаніе относится и къ трудности отысканія того или другого языка, на которомъ кто-либо захотѣлъ бы найти данное реченіе. Словомъ, безъ оскорбленія памяти великой виновницы этого дѣла и знаменитато своею ученостью сотрудника ея, мы можемъ сказать, что они, при всей своей даровитости, не имѣли нужной для такого предпріятія подготовки, и потому исполненіе его не могло не носить на себѣ нѣкоторой печати дилеттантизма. При всемъ томъ Петербургскій словарь, какъ первый въ своемъ родѣ и притомъ отмѣченный громкимъ именемъ Екатерины II, не могъ не возбудить вниманія въ Европѣ.

Екатерина, и безъ того зорко слѣдя за иностранной журналистикой, должна была нетерпѣливо ожидать отзывовъ о своемъ трудѣ. Они не замедлили явиться. Несмотря на слабое развитіе тогдашней филологіи, нѣкоторые недостатки словаря и въ то время не ускользнули отъ критики. Нѣтъ, кажется, надобности въ оговоркѣ, что всѣ отзывы о немъ были высказаны на иностранныхъ языкахъ, и притомъ, за исключеніемъ краткаго извѣстія Бакмейстера, за границею, а не въ Россіи. Съ наибольшимъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ отозвался о словарѣ кёнигсбергскій профессоръ исторіи и политической экономіи Краусъ († 1806 г.) въ подробной рецензіи, напечатанной въ Allgemeine Literatur-Zeitung (Всеобщей литературной газетѣ). Между прочимъ онъ высказываетъ подозрѣніе въ вѣрности начертанія предлагаемыхъ словъ, особенно взятыхъ у малообразованныхъ, неграмотныхъ инородцевъ, а также и въ точной передачѣ ихъ значенія. Потомъ онъ указываетъ на неправильное разграниченіе и сближеніе многихъ языковъ и выставляетъ такія стороны языкознанія, которыя должны быть принимаемы въ соображеніе при сравненіи отдѣльныхъ языковъ, но въ Петербургскомъ сравнительномъ словарѣ совершенно упущены изъ виду. Императрица прочла эту статью, оцѣнила глубокую ученость автора и въ знакъ своего уваженія послала

ему брильянтовый перстень. Нѣсколько другихъ нѣмецкихъ критиковъ ограничились въ своихъ отзывахъ частными замѣчаніями. Во Франціи извѣстный Вольней (впрочемъ не прежде, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія) представилъ „Кельтской Академіи" докладъ о Екатерининскомъ словарѣ, заслуживающій вниманія. Напомнивъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ ученые позволяли себѣ самыя произвольныя заключенія о первоначальныхъ языкахъ, онъ усматриваетъ неизмѣримый успѣхъ въ великой мысли Екатерины дойти до справедливаго о томъ вывода путемъ изслѣдованія и сравненія языковъ, на необходимость котораго впервые указалъ Лейбницъ. Методъ расположенія словъ, равно какъ и весь сложный трудъ собиранія переводовъ на столько языковъ, вызываетъ со стороны французскаго ученаго не только похвалу, но даже удивленіе, и онъ признаетъ этотъ трудъ „великолѣпнымъ литературнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ самой блестящей способности человѣка — слову". Между недостатками словаря Вольней справедливо выставляетъ особенно тотъ, что русскими буквами невозможно передавать удачно произношенія всѣхъ языковъ, въ чемъ онъ прежде всего удостовѣрился, наблюдая французскія слова въ русскихъ начертаніяхъ; поэтому всѣ языки, имѣющіе такіе звуки, для которыхъ въ русской азбукѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ знаковъ, подверглись въ словарѣ столь важнымъ искаженіямъ, что нерѣдко трудно и узнать находимое въ немъ слово. Кромѣ того, Вольней показалъ, что нѣкоторые глоссаріи, какъ напр. арабскій и персидскій, получены отъ лицъ, вовсе не подготовленныхъ для порученнаго имъ дѣла. Главныя причины несовершенства этого словаря онъ видитъ въ излишней поспѣшности его составленія и въ недостаточномъ числѣ свѣдущихъ сотрудниковъ; по его мнѣнію, для такого предпріятія была бы нужна цѣлая академія съ обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою дѣятельность, вступила бы въ обширныя сношенія и употребила на это дѣло по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ.

Частныя поправки въ словарѣ были предложены Добровскимъ, для нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій, и другими учеными.

Несмотря на всѣ указанные недостатки, относительное достоинство и польза Екатерининскаго словаря были признаны даже самыми строгими его критиками, и лучшимъ доказатель-

ствомъ этого признанія служитъ то, что одинъ изъ нихъ (Рюдигеръ) намѣревался издать словарь въ нѣмецкой переработкѣ, другой (Вольней) сбирался передѣлать его по-французски, третій хотѣлъ перепечатать его латинскими буквами. Когда кто-то объ этомъ послѣднемъ намѣреніи разсказалъ императрицѣ, то она съ улыбкой замѣтила: „Я полагаю, иностраннымъ гг. ученымъ не трудно было бы выучиться читать и русскія буквы“. Общее впечатлѣніе заграничныхъ отзывовъ о словарѣ на императрицу было однакожъ таково, что охладило ея усердіе къ довершенію труда.

Несправедливо было бы, если бъ наше время, гордясь колоссальными успѣхами сравнительной филологіи, презрительно отрицало въ словарѣ Екатерины II всякое достоинство. Оставаясь однимъ изъ знаменательныхъ памятниковъ и великаго ума составительницы, и смѣлыхъ стремленій XVIII вѣка, онъ въ свое время принесъ и свою долю пользы наукѣ. Это было не разъ сознаваемо нѣкоторыми изъ самыхъ крупныхъ авторитетовъ новѣйшаго языкознанія. Такъ Яковъ Гриммъ находилъ, что Екатерининскій словарь, хотя и составленный на весьма неудовлетворительныхъ основаніяхъ, замѣтно содѣйствовалъ къ оживленію и успѣхамъ сравнительнаго языкоученія. Такое же сужденіе было еще недавно произнесено по случаю окончанія большого Санскритскаго словаря гг. Бетлинга и Рота, изданнаго на средства нашей Академіи Наукъ. Вотъ какъ второй изъ названныхъ ученыхъ началъ свою рѣчь объ исторіи этого предпріятія: „Прежде того Петербургскаго словаря, о которомъ мнѣ сегодня позволено высказаться передъ вами, былъ нѣкогда другой, имя котораго какъ будто унаслѣдовано нашимъ, — тотъ своеобразный трудъ конца прошлаго столѣтія, который императрица Екатерина, мечтавшая о всемірномъ глоссаріи, повелѣла выработать, въ которомъ собраны образчики 279 языковъ, странная книга, съ нашей точки зрѣнія, составленная безъ методы и критики, но не оставшаяся однакожъ безъ вліянія на тогдашнюю науку слова. Тотъ Петербургскій словарь также носитъ печать своего времени, какъ я ожидаю того и отъ нынѣшняго словаря. Тогда — желаніе обнять однимъ взглядомъ неизмѣримую область человѣческаго слова, теперь — стремленіе поставить вездѣ на незыблемомъ основаніи строй языкознанія, пріобрѣтшаго для насъ твердыя очертанія. Книга императрицы была естествен-

нымъ произведеніемъ многоязычной Россіи, гдѣ все призываетъ къ собирательному труду. Наша книга есть поздній плодъ пробужденныхъ тогда, мало-по-малу очистившихся стремленій въ области языкознанія, которыя сохранили свою жизненность въ первенствующей ученой корпораціи русскаго государства и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо нашли себѣ поддержку".

Этимъ мы могли бы и кончить; но для полноты разсказа прибавимъ еще нѣсколько словъ о двухъ трудахъ, тѣсно связанныхъ съ Екатерининскимъ словаремъ.

Одинъ изъ нихъ можно назвать вторымъ изданіемъ словаря. Такъ какъ послѣ напечатанія перваго изданія доставленіе матеріаловъ, по прежнимъ требованіямъ, продолжалось: то, въ заботѣ объ усовершенствованіи своего труда, императрица пожелала, чтобы онъ расположенъ былъ въ алфавитномъ порядкѣ и пополненъ недостававшими языками Африки и Америки. Дѣло это опять поручено было иностранцу, извѣстному Янковичу де-Миріево, вызванному изъ Австріи для устройства народныхъ училищъ. Съ большою энергіей принялся онъ за работу, и уже въ 1790 году появилась первая часть новаго труда подъ заглавіемъ: „Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Часть первая. А — Д." Въ слѣдующемъ году изданы были и остальныя три части. Число сравниваемыхъ языковъ доходитъ здѣсь до 279; но такъ какъ изъ прежнихъ 200 устранено 7 (на какомъ основаніи не объяснено), то значитъ, что въ обоихъ словаряхъ принято къ сравненію всего 272 языка. Странно, что Янковичъ, показавъ только, какъ нѣкоторые иностранные звуки передаются русскими буквами, не приложилъ къ своему изданію никакихъ поясненій — ни о поводѣ къ новому труду, ни о значеніи русскихъ начертаній, такъ что это изданіе было еще менѣе перваго пригодно для иностранцевъ. Но оно и для хорошо знакомаго съ русскимъ языкомъ представляло мало удобства къ употребленію: въ азбучномъ порядкѣ расположены въ немъ не русскія слова, а тѣ 60.000 слишкомъ иноязычныхъ словъ, которыя вошли въ словарь, такъ что справляться съ нимъ чрезвычайно трудно. Поэтому не удивительно, что это изданіе было принято императрицею холодно; она повидимому осталась имъ не совсѣмъ довольна: за исключеніемъ немногихъ розданныхъ экземпляровъ, вся напечатанная тысяча долго пролежала въ Кабинетѣ. Тѣмъ не менѣе однакожъ есть

указаніе на то, что государыня пользовалась новымъ изданіемъ словаря. Въ октябрѣ 1790 года Храповицкій записалъ: „Изъ лексикона Янковича читали слова, начинающіяся съ Вар. и Гвар., выводя, что Варяги не отъ слова воръ происходятъ" и пр. Впослѣдствіи, чуть ли уже не по смерти Янковича († 1813), словарь его поступилъ въ продажу, по низкой цѣнѣ 10 руб. асс. за всѣ четыре тома.

Другой трудъ, который происхожденіемъ своимъ также обязанъ сравнительному словарю Екатерины II, есть напечатанное уже въ нынѣшнемъ столѣтіи сочиненіе Арндта: „Über den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen" (О происхожденіи и различномъ сродствѣ европейскихъ языковъ). Книга эта издана была въ Германіи не прежде 1818 года; но что она въ рукописи была уже извѣстна Екатеринѣ въ первоначальномъ своемъ видѣ, на французскомъ языкѣ, явствуетъ изъ свидѣтельства самого Арндта и подтверждается слѣдующею запискою государыни къ Храповицкому: „Пожалуйте возвратите Арндту. Онъ въ трехъ мѣстахъ найдетъ мои записки, не для внесенія въ его сочиненіе, но comme des réflexions qui me sont venues en lisant. Dites-lui de ma part que j'ai trouvé son ouvrage très-intéressant, et la lecture m'en a amusée. Vous pouvez lui montrer ce billet" (.....но какъ мысли, которыя пришли мнѣ въ голову при чтеніи. Скажите ему отъ меня, что я нашла его сочиненіе очень интереснымъ и чтеніе его доставило мнѣ удовольствіе. Можете показать ему эту записку).

Имя Арндта, служившаго переводчикомъ въ Кабинетѣ императрицы, нѣсколько разъ упоминается въ Дневникѣ Храповицкаго, подъ 1786 и 88 гг.: ему поручаемо было переводить на нѣмецкій языкъ комедіи Екатерины II: Обманщикъ, Обольщенный, Шаманъ, Разстроенная Семья, и обыкновенно онъ получалъ за этотъ трудъ по 300 руб. съ пьесы.

Но изъ чего же видно, что названное филологическое сочиненіе Арндта было плодомъ занятій его по Сравнительному словарю? Онъ самъ въ этомъ сознается. Сначала Палласъ пригласилъ въ помощники себѣ И. Д. Бакмейстера, младшаго библіотекаря Академіи Наукъ (родственника прежде названному Христофору Б.); но вскорѣ по отпечатаніи 1-ой части Бакмейстеръ умеръ, и тогда Арндту повелѣно было, не оставляя прочихъ своихъ занятій, присоединиться къ Палласу для

приведенія къ концу изданія словаря. Арндтъ, давно бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ академикомъ, принялся за это дѣло съ величайшею добросовѣстностью, выпросилъ себѣ изъ библіотеки императрицы самое сочиненіе Куръ-де-Жебелена, сталъ изучать всѣ доставленные для словаря матеріалы, бесѣдовалъ о нихъ съ Палласомъ, и такимъ образомъ, рядомъ съ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, собралъ множество данныхъ для книги, которую впослѣдствіи и приготовилъ къ изданію. Она напечатана во Франкфуртѣ на Майнѣ, другомъ автора, Клюберомъ, какъ выше замѣчено, въ 1818 г. Въ ней есть и нѣсколько свѣдѣній о словарѣ Екатерины II, которыми мы воспользовались.

Трудъ Арндта о происхожденіи и сродствѣ языковъ, послѣ появившихся позднѣе трудовъ Гримма, Боппа и др., не можетъ имѣть большого достоинства въ смыслѣ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе эта книга не лишена значенія, какъ сборникъ матеріаловъ, и для своего времени составляетъ явленіе замѣчательное.

Гротъ.

Комическая опера Екатерины II: „Горе-Богатырь“.

Война 1788—1790 г. между Россіей и Швеціей была не только борьбою между двумя государствами, но еще болѣе столкновеніемъ между двумя государями. Какъ настоящіе представители періода просвѣщеннаго абсолютизма, Екатерина II и Густавъ III при этомъ случаѣ берутъ на себя всю отвѣтственность за свои предпріятія. Они одни владѣютъ иниціативою, распоряжаются даже и въ отношеніи къ подробностямъ и мелочамъ дипломатіи и тактики. Не видя лично другъ друга въ это время, они сами неутомимо трудятся и подвергаются разнаго рода опасностямъ для достиженія своихъ цѣлей. Они не только сражаются вооруженною рукою, но и въ области литературы преслѣдуютъ другъ друга.

При значительномъ талантѣ, при большомъ мужествѣ, при довольно здравомъ пониманіи своихъ задачъ, Густавъ, взявъ на себя роль монарха-диктатора, былъ такимъ же актеромъ, какимъ онъ бывалъ на сценѣ своего придворнаго театра, гдѣ любилъ самъ участвовать въ драматическихъ представленіяхъ.

И въ области политики, и на полѣ битвы онъ былъ не больше, какъ дилетантомъ. Современники не видѣли въ его образѣ дѣйствій настоящаго героизма и достаточной серіозности; онъ скорѣе производилъ впечатлѣніе способнаго и смѣлаго экспериментатора, чѣмъ дѣйствительно дальновиднаго государственнаго человѣка. Въ его политическихъ предпріятіяхъ обнаруживается любовь къ опасностямъ, напоминающая гораздо болѣе страсть и отчаяніе азартнаго игрока, чѣмъ искусство дипломата или самоотверженіе воина-патріота. Настоящее величіе замѣняется у него иногда театральнымъ паѳосомъ и громкой фразой. Вслѣдствіе такихъ свойствъ своего характера Густавъ III, въ продолженіе войны съ Екатериной, подалъ поводъ къ остроумнымъ и колкимъ выходкамъ со стороны императрицы, смѣявшейся надъ королемъ шведскимъ и въ тѣсномъ кругу Эрмитажа, и въ письмахъ своихъ къ литературнымъ знаменитостямъ того времени и, наконецъ, въ политическихъ брошюрахъ, въ стихахъ и прозѣ, въ комедіяхъ и операхъ.

Дѣятельность Екатерины во время войны съ Густавомъ III была изумительна. Она заботится о всемъ, знаетъ все, рѣшаетъ всѣ дѣла. Остерманъ и Безбородко, Нассау-Зигенъ и Мусинъ-Пушкинъ, Разумовскій и другіе ждутъ ея повелѣній, исполняютъ ея желанія. Она дѣйствуетъ здѣсь неутомимѣе, самостоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, тѣмъ болѣе, что Потемкинъ въ то время былъ занятъ восточнымъ вопросомъ. Не покидая своихъ любимыхъ литературныхъ занятій, императрица тщательно изучаетъ карту Финляндіи, чтобы составить себѣ подробное понятіе о положеніи тамошнихъ дѣлъ. Въ то же самое время она занята сочиненіемъ стиховъ и комедій и дипломатическою корреспонденціею; переписывается съ Гриммомъ и Циммерманомъ по поводу разныхъ новыхъ книгъ и между тѣмъ дѣлаетъ распоряженія о самыхъ частныхъ дѣлахъ касательно войска и флота. О серіозности положенія дѣлъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1788 года, когда ежедневно ждали извѣстія о взятіи Густавомъ Фридрихсгамской крѣпости и о приближеніи шведскаго короля къ столицѣ, французскій посланникъ Сегюръ разсказываетъ слѣдующее: „Разнесся слухъ, что во дворцѣ тревога, что тамъ укладываютъ все, серебро, драгоцѣнности, брильянты, бумаги изъ Кабинета, что вездѣ подготовлены лошади и что государыня, испуганная и безъ

средствъ защиты, уѣдетъ ночью въ Москву. Въ эту критическую минуту затруднительно было положеніе иностранныхъ министровъ. Каждый изъ нихъ держалъ наготовѣ курьера, боясь еще послать ложное извѣстіе, если не исполнятся ожиданія; съ другой стороны, смѣшно же было не извѣщать свое правительство о такомъ происшествіи и ждать для этого, чтобы оно совершилось. Находясь въ подобной неизвѣстности, я отправился въ Эрмитажъ, въ надеждѣ, что неосторожное слово или счастливый случай разсѣитъ мои сомнѣнія. Такъ и случилось. Только что императрица увидѣла меня, какъ подозвала къ себѣ. Поговоривъ сперва о вещахъ ничтожныхъ, она сказала мнѣ потомъ: „Дипломаты, вѣроятно, теряются теперь въ предположеніяхъ; много слышно толковъ въ народѣ?“ На этотъ вопросъ я рѣшился отвѣтить нѣсколько рѣзкимъ оборотомъ мысли, стараясь при томъ замѣтить впечатлѣніе, какое произведутъ мои слова. „Разнесся слухъ, Ваше Величество“, сказалъ я, „слухъ очень важный, очень странный, но передаваемый за вѣрное, что вы въ эту или слѣдующую ночь уѣдете въ Москву“.

„— Что жъ вы повѣрили, графъ?“ сказала императрица съ невозмутимымъ равнодушіемъ.

„— Государыня, источникъ этого слуха даетъ ему нѣкоторую вѣроятность; но зная васъ, я сомнѣваюсь.

„— И хорошо дѣлаете“, возразила государыня; „слушайте: я приказала выставить на всѣхъ станціяхъ по дорогѣ въ Москву по 500 лошадей, чтобы перевести сюда войска, которыя я вытребовала: вотъ изъ чего вышли эти толки. Я не ѣду, будьте увѣрены. Я знаю, что ваши товарищи дипломаты теперь въ немаломъ затрудненіи и не знаютъ, на что рѣшиться, писать имъ, или молчать? Я выведу васъ изъ затрудненія: вамъ дѣло виднѣе, чѣмъ другимъ. Пишите же вашему двору, что я остаюсь въ столицѣ, и что если я выѣду отсюда, такъ только навстрѣчу королю“.

Какъ бы то ни было она осталась.

Мы знаемъ однако, что Екатерина только казалась спокойною, и что она сама, равно какъ и многіе современники этихъ событій, считали положеніе Петербурга опаснымъ. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ ея о Густавѣ III, котораго она называла: „l'émule du héros de la Manche“ „полоумнымъ“, „смѣшнымъ“, даже „бестіей“, высказывается сильное волненіе и негодованіе,

которое усиливалось по мѣрѣ того, какъ Густавъ III успѣвалъ въ своемъ предпріятіи. Зато извѣстіе о состоявшейся въ Финляндіи конфедераціи противъ войны и короля измѣнило все къ лучшему. Забота прекратилась, и Екатерина могла возвратиться къ своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ; предметомъ ихъ теперь сдѣлался тотъ же Густавъ III. Сочиненная Екатериной опера „Горе-Богатырь" пользовалась при дворѣ нѣкоторою популярностію. Екатерина съ удовольствіемъ замѣтила, что „великіе князья поютъ всю оперу". 17 апрѣля ее давали въ Эрмитажѣ для принца Нассау-Зигена, возвратившагося въ Петербургъ послѣ славной побѣды, одержаной имъ надъ шведами при Свенекзундѣ $^{13}/_{25}$ августа. Содержаніе оперы слѣдующее:

Горе-Богатырь, занимающійся ребяческой игрою въ свайку и вытаскиваніемъ изъ погреба своей матери Локметы изюму, „много наслышался отъ сказальщиковъ о рыцарскихъ и богатырскихъ дѣлахъ" и желаетъ самъ предпринять такія дѣла:

Геройствомъ надуваясь
И славою прельщаясь,
Лобъ спрячу подъ шишакъ;
Надѣну рыцарски доспѣхи
И сильный мой кулакъ
Въ бою доставитъ мнѣ успѣхи.
Для богатырскихъ дѣлъ
Я много думалъ и потѣлъ.
Хотя же сталъ я слабъ недавно,
Но будетъ имя славно;
Пойду я бодръ теперь и гордъ,
На вестъ, на зюйдъ, на остъ и нордъ.

Мать не хочетъ отпустить его. Онъ же говоритъ: „Развѣ я не то могу дѣлать и учинить, что другіе дѣлывали? Вѣдь богатыри и рыцари были люди, и я человѣкъ же; отпустите меня, я надѣлаю великія и славныя рыцарскія и богатырскія скосырства, какихъ еще очи не видали, и слухомъ люди не слыхали. Я океанъ-море отъ края и до края завоюю со всѣми на ономъ находящимися островами, пустыми и населенными". Послѣ этого Локмета рѣшается отпустить сына въ особенности потому, что ее упрашиваютъ барскія барыни, къ которымъ герой и обращается съ слѣдующими словами: „Спасибо

вамъ, что вы матушку уговорили отпустить; зато я къ вамъ пришлю въ гостинцы куницъ и соболей, и черныхъ, и красныхъ лисицъ, и бархатъ, и атласы, и камки, и фаты; и какъ океаномъ-моремъ завладѣю и помрачу славу всѣхъ богатырей, до сего бывшихъ, тогда сдѣлаю для васъ великолѣпный пиръ на берегу океанъ-моря, на который васъ прошу, и буду васъ потчевать изъ своихъ рукъ богатырскихъ яствами сахарными на столахъ дубовыхъ, покрытыхъ скатертями браными".

Екатеринѣ было извѣстно, что Густавъ III приглашалъ шведскихъ придворныхъ дамъ на балъ въ Петергофѣ. Густавъ надѣялся поднять Швецію на такую степень могущества и славы, какой достигла Пруссія при Фридрихѣ Великомъ, его дядѣ. Онъ хотѣлъ завладѣть всѣми островами, т.-е. возвратить Швеціи земли, принадлежавшія ей при Густавѣ-Адольфѣ. Бывъ въ Финляндіи и открывъ военныя дѣйствія, Густавъ, по свидѣтельству одного изъ своихъ современниковъ, въ депешѣ къ своимъ министрамъ въ Стокгольмѣ выразилъ надежду, что въ продолженіе шести недѣль займетъ всю Финляндію. Хвастовство его справедливо могло вызвать колкости. Родомонтады Горе-Богатыря были особенно смѣшными, потому что средства, которыми располагалъ король, были незначительны.

Горе-Богатырь выбираетъ себѣ боевого коня; объ этомъ разсказываетъ его щитоносецъ Торопъ слѣдующее: „Приказалъ лошадей сѣдлать, и вывели ему аргамака черногриваго, но сей началъ вертѣться, зубами кусать, передними ногами топтать, а задними лягать на всѣ стороны, такъ что Горе-Богатырь къ нему и приступить не смѣлъ". Потомъ „привели коня черкесскаго; Горе-Богатырь ногу въ стремя поставилъ, какъ-то неосторожно тронулъ коня ногою въ бокъ; конь былъ щекотливъ, кинулся на правую сторону, а Горе-Богатырь упалъ на другую... Не полюбился ему черкесскій конь; вывели ему третью; та показалась ему крѣпкоузда и пужлива; наконецъ, выбралъ себѣ какую-то мезенскую клячу съ ходой и пожаловалъ ее въ богатырскіе кони". Затѣмъ Громкобай показываетъ ему въ кладовой шишакъ Яруслана Лазаревича, а Торопъ спрашиваетъ: „Не великъ ли тебѣ будетъ?" Дѣйствительно, шишакъ герою по колѣни, и Кривомозгъ смѣется: „Эхъ, сударь, едва не весь ты ушелъ въ шишакъ, такъ онъ для тебя великъ".

Горе-Богатырь. Не та бѣда, что великъ, да сквозь не ви-

дать, глаза закрываетъ; велю диры провертѣть, чтобы видно было, когда его вздѣну.

Громкобай. Тутъ на стѣнѣ виситъ мечъ-кладенецъ Ивана Архидѣича.

Торопъ. Вотъ, сударь, штука, поднимитка, буде сможешь.

Горе-Богатырь. Какъ не поднять? (Обѣими руками насилу поднимаетъ). Мечъ-кладенецъ очень широкъ и длиненъ; призовите ко мнѣ шпажника, я велю его кругомъ уже и короче опилить.

Торопъ. Жаль такую старину портить.

Громкобай. Не изволишь ли посмотрѣть палицу двѣнадцатипудовую Петра Златыхъ Ключей?

Горе-Богатырь. Прикажи ее перековать, чтобы мнѣ по рукѣ была.

Громкобай. Да какой же дать ей вѣсъ?

Горе-Богатырь. Полегче какъ-нибудь.

Торопъ. Принеси ее къ намъ болѣе похожую на свайку, нежели на палицу боевую.

Кривомозгъ (про себя). Переломаетъ онъ всю сбрую богатырскую, и со всѣмъ тѣмъ она ему еще не по силѣ и не по нраву будетъ. (Отводитъ Горе-Богатыря на сторону). О чемъ, сударь, ты такъ много заботишься? Вѣдь дѣло твое въ томъ, чтобы доспѣхи казисты были. Послушай мой совѣтъ, дай намъ волю; мы сдѣлаемъ тебѣ для легкости латы изъ картузной бумаги и выкрасимъ желѣзнымъ цвѣтомъ, а вмѣсто шишака со ржавчинами сошьемъ тебѣ косу пушистую, шапочку на хлопчатой бумагѣ съ журавлиными перьями разныхъ цвѣтовъ, и ты будешь казистъ, и зѣло лѣпенъ".

Горе-Богатырь. Хорошо. И т. д.

Тщеславіе Густава III, дѣйствительно, заставляло его обращать особенное вниманіе на наряды и внѣшніе знаки отличія. Онъ любилъ заниматься составленіемъ проектовъ объ учрежденіи новыхъ рыцарскихъ орденовъ; самъ рисовалъ изображенія такихъ украшеній, костюмовъ для театра, и т. п. Во время похода онъ одѣвался въ шелковое платье, на подобіе рыцарей среднихъ вѣковъ, и носилъ башмаки съ разноцвѣтными лентами и т. д. По случаю взятія одного русскаго знамени онъ велѣлъ устроить пышный церемоніалъ; рыцарскія турниры и другія увеселенія этого рода забавляли его во время самыхъ серіозныхъ моментовъ похода. А равно и восхвалив-

шіе безпредѣльно славу шведскаго оружія бюллетени о битвахъ съ русскими были дѣйствительно смѣшны. Несоразмѣрность между слишкомъ смѣлыми надеждами и предположеніями Густава, съ одной стороны, и результатомъ похода 1788 г., съ другой, подало самый удобный поводъ къ насмѣшкамъ. Въ третьемъ дѣйствіи оперы начинается рядъ мнимо-геройскихъ подвиговъ Горе-Богатыря. На открытомъ полѣ лежитъ герой и поетъ:

Пусть лошадка отдыхаетъ,
Рыцарь руки расправляетъ,
Крѣпко топаетъ ногой,
Шапочку на глазъ надвинетъ,
Глазомъ косо лишь окинетъ,
Всѣхъ враговъ согнетъ дугой.

Кривомозгъ. Будетъ ли такъ или нѣтъ, еще неизвѣстно, но не нравится мнѣ то, что ты лишь только со двора успѣлъ съѣхать, какъ изъ ближняго переулка подулъ вѣтеръ, и косую пушистую голубую шапочку, со множествомъ журавлиныхъ перьевъ разныхъ цвѣтовъ, вихрь подхватилъ и кинулъ черезъ кровлю на дворъ немощеный въ грязь...

Продолжая свой путь, храбрые рыцари замѣчаютъ избушку, у которой сидитъ безрукій старикъ, храбро нападаютъ на послѣдняго и требуютъ пищи:

Горе-Богатырь.

Ну, братцы, помогайте,
Избушку осаждайте;
Мы дружески теперь
Пробьемъ плечами дверь;
Тогда придемъ къ обѣду
И воспоемъ побѣду.

Кривомозгъ и Торопъ.

Тебѣ мы рады помогать,
Пока не будутъ насъ толкать
И бить по шеѣ кулаками,
Вѣдь нездоровы мы спинами.

(Горе-Богатырь съ Кривомозгомъ и Торопомъ, обнажа мечи свои, хотятъ насильно вломиться въ избушку, но старикъ, стоя въ дверяхъ и имѣя только въ рукахъ ухватъ, колотитъ своихъ непріятелей и обращаетъ ихъ въ бѣгство).

Старикъ. Безсмертія не покупаютъ,
Героевъ въ Стиксѣ не купаютъ,
За деньги славы не даютъ
И рыцарей шалливыхъ бьютъ.
Побилъ и далъ имъ раны многи;
Но гнать за ними плохи ноги;
Однако способъ я сыщу,
За ними съ цѣпи пса пущу.

Подобно этому шведы не могли взять Нейшлотъ и Фридрихсгамъ и должны были отступить. Незначительныя средства русскихъ при оборонѣ довольно справедливо изображаются въ лицѣ безрукаго старика; впрочемъ, неудача шведовъ при осадѣ этихъ крѣпостей должна быть приписываема не трусости шведовъ, а внутреннему раздору въ ихъ лагерѣ. Большинство не хотѣло войны. То же самое мы видимъ и въ оперѣ: товарищи Горя-Богатыря нехотя отправились въ походъ и уже въ самомъ началѣ его стараются напугать героя и заставить его вернуться. Такъ, шведскія войска въ Свеаборгѣ нарушили правила дисциплины, оказывали неудовольствіе и готовили мятежъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи оперы Громкобай, Кривомозгъ и Торопъ составляютъ планъ, какимъ образомъ склонить Горе-Богатыря къ возвращенію къ матери.

Кривомозгъ. Пойдемъ по разнымъ дорогамъ по лѣсу и начнемъ улюлюкать, какъ будто медвѣдь натечетъ на псарей, а потомъ затрубимъ въ рогъ. (Всѣ трое улюлюкаютъ, отходя за кулисы, и трубятъ въ рогъ, будто натравляя медвѣдя).

Горе-Богатырь (прибѣгаетъ, запыхавшись). Это медвѣдя травятъ... Я опасаюсь, чтобы медвѣдь, выбѣжавъ отъ псарей на меня, не сталъ бы меня ломать: взлѣзу я на дерево и сидѣть мнѣ тамо неподвижно. (Взлѣзаетъ на дерево, за кулисами слышна травля).

Кривомозгъ. Что ты, Горе-Богатырь, сидишь, какъ птица на деревѣ. Теперь не время гнѣзда свивать. Справа идутъ костоглоты, слѣва лѣшіе, а по срединѣ колдуны во множествѣ; они же всѣ верхами ѣдутъ на осинахъ, и если ты не сойдешь съ дерева и не пойдешь скорѣе по той дорогѣ, которую мы тебѣ укажемъ, то ты пропащій человѣкъ.

Такимъ образомъ Горе-Богатырь рѣшился возвратиться домой.

Горе-Богатырь. Братцы, какъ же намъ показаться въ городъ, и что про насъ скажутъ?

Кривомозгъ. Мы скажемъ, что старика и костоглотовъ, и лѣшихъ и колдуновъ мы побѣдили; кому между нами разбирать?

Горе-Богатырь. Теперь только одна у меня на сердцѣ забота, чтобы латы мои богатырскія повѣшены были на видномъ мѣстѣ; что съ нами было, то и умретъ съ нами, а лѣшіе не болтуны, настоящаго дѣла не скажутъ.

Громкобай. А больше бѣды не будетъ, какъ развѣ современемъ мыши съѣдятъ твои латы, но то случается и съ описаніемъ славнѣйшихъ дѣлъ".

Такъ было и на самомъ дѣлѣ: войско Густава само принудило его возвратиться въ Швецію изъ финляндскаго похода; намѣренно распространяли ложные слухи о приближеніи со всѣхъ сторонъ значительнаго отряда изъ русскихъ.

Значительная разница, впрочемъ, между содержаніемъ оперы и дѣйствительными событіями войны заключалась въ томъ, что хотя конфедераты и старались дѣйствовать на шведское войско и напугать солдатъ, самъ Густавъ очень хорошо зналъ, что бояться было нечего. Обвиненіе Густава въ малодушіи и трусости есть licentia poetica, допущенная авторомъ оперы.

Густавъ довольно часто имѣлъ случай выказать необыкновенную храбрость, отчаянное мужество и силу духа. Зато онъ довольно часто являлся хвастливымъ и тщеславнымъ; любитъ громкія фразы и пышныя выраженія, въ особенности говоря о своихъ подвигахъ и о своемъ образѣ мыслей.

По возвращеніи домой Горе-Богатырь поетъ:

Могу безъ хвастовства сказать,
Дѣлъ кучу храбрыхъ доказать.
Низринулъ множество оплотовъ,
Вездѣ и всѣхъ я побѣдилъ,
Прогналъ, разсыпалъ и побилъ
Медвѣдей, костоглотовъ
И лѣшихъ съ колдунами;
Они вѣдь защищали
И море съ островами,
Но всѣхъ повергъ — и пали!
О томъ спросите насъ,
Вотъ три свидѣтеля для васъ.

А въ заключенiи хоръ:

Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула, полетѣла
И море зажигать хотѣла,
Но моря не зажгла,
А шуму сдѣлала довольно.

Такъ забавлялась Екатерина II во время войны съ Густавомъ III. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ 1-го представленія этой оперы въ эрмитажномъ театрѣ, какъ былъ уже заключенъ миръ съ Швеціей. Императрица писала шведскому королю, что теперь уже ничто не будетъ препятствовать сохраненію дружбы и согласія между нею и Густавомъ.

Брикнеръ.

Начала, введенныя въ русскую жизнь Екатериной II.

Императрица дѣйствовала на русское общество законами, правленіемъ и образомъ мыслей; въ этихъ случаяхъ она уже явно высказывала тѣ начала, которыя находили одобреніе въ умѣ ея. Начала эти составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе нашей общественной жизни, потому что они въ первый разъ были высказаны въ нашемъ обществѣ русскимъ языкомъ. Постараемся передать нѣкоторыя изъ этихъ началъ, чтобы лучше очертить ту точку исхода нашей литературы, которую указывалъ ей геній Екатерины, чтобъ лучше показать тѣ результаты, которые принимало въ себя русское общество при первомъ, такъ-сказать, внутреннемъ столкновеніи съ обществомъ западнымъ. Въ этомъ случаѣ для насъ матеріалами будутъ „Наказъ" императрицы и ея переписка съ учеными.

Девизомъ для русскихъ императрица сдѣлала слѣдующее капитальное положеніе: „Homo sum, nihil humani a me alienum puto". Оно высказано въ „Дополненіи къ Наказу", въ главѣ XXII, стр. 567 и 573, такимъ образомъ:

„Всякъ долженъ самому себѣ сказать: я человѣкъ; ничего, чему подвержено человѣчество, я чуждымъ себя не почитаю".

„Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлатель, рукодѣльникъ или торговецъ, праздный хлѣбоядца или

прилежаніемъ и раченіемъ своимъ подающій къ тому способы, управляющій или управляемый — все есть человѣкъ“.

Это точка, съ которой, по словамъ Екатерины, должно смотрѣть на каждаго подданнаго, на которую прежде всего должно обращать вниманіе при оцѣнкѣ людей... Сколько у насъ съ вами, почтенный читатель, человѣческихъ достоинствъ, столько намъ съ вами и почету. Честь и слава вѣку Екатерины, въ которой каждый о себѣ говорилъ: „я человѣкъ!“ Философія XVIII вѣка, разсматривая психологическую сторону человѣка, нашла въ ней много достоинствъ, за которыя человѣку подобаетъ всякая честь, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашла и много недостатковъ. За слабость и уклоненіе отъ совершенства, за недостатки — она не презирала человѣка, но признавала ихъ слѣдствіемъ ограниченной человѣческой природы и была къ нимъ снисходительна; за личныя достоинства, за силу душевную, она выдвигала человѣка изъ ряда существъ обыкновенныхъ. Отъ этого въ XVIII-мъ вѣкѣ васъ поражаютъ два великія, чисто-человѣческія явленія: почетъ геніальности и таланту и филантропія, снисходительность къ человѣку падшему, увлеченному слабостью, убитому общественными обстоятельствами и часто дѣлавшемуся врагомъ общества. Императрица Екатерина, какъ одна изъ геніальныхъ представительницъ XVIII вѣка, ясно высказала это начало, какъ мы видѣли выше, и въ оцѣнкѣ людей всегда ему слѣдовала. Она привѣтствовала каждый успѣхъ Вольтера и гордилась каждымъ новымъ произведеніемъ ума человѣческаго, какъ лучшимъ украшеніемъ человѣчества. Она поддерживала ученыхъ, славу тогдашняго общества, и доставляла имъ средства итти смѣло и постоянно по проложенному пути; она просила Вольтера, Дидро и Д'Аламбера пріѣхать въ Петербургъ и жить подъ ея покровительствомъ; она требовала отъ нихъ только постояннаго сообщества. Она умѣла открыть великое поприще геніальнымъ людямъ въ Россіи и цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ, великихъ внутреннихъ преобразованій, постоянная и сильная политика внѣшняя доказали, что императрица руководствовалась истиннымъ началомъ при оцѣнкѣ людей. Она дорожила этими людьми, какъ собственной славой, и они дѣйствительно были ея славой, потому что были узнаны и оцѣнены ею. Она умѣла въ одно и то же время занять и дать направленіе Потемкину и Суворову, которые другъ друга не могли терпѣть на воен-

номъ поприцѣ, она умѣла цѣнить и сохранять привязанность Панина и Потемкина, которыхъ часто разъединяли виды внѣшней политики.

Вторая сторона взгляда на человѣка, какъ человѣка, выразилась въ филантропіи къ человѣчеству, въ снисходительности къ слабости. Этотъ взглядъ, исполненный кротости и любви христіанской, могъ быть принятъ и оцѣненъ только такимъ обществомъ, которое вполнѣ знало человѣка, знало и его величіе, и его слабости, — словомъ, постигало, что такое природа человѣка. XVIII-й вѣкъ подозрѣвалъ, что тотъ же человѣкъ, который при однихъ обстоятельствахъ можетъ заслужить названіе благодѣтеля рода человѣческаго, при другихъ можетъ сдѣлаться великимъ злодѣемъ, что тотъ, кто сегодня сдѣлался преступникомъ отъ бѣдности, на другой день можетъ раскаяться и выкупить свое паденіе великою жертвою, что, наконецъ, бѣдность и болѣзнь, уничтожая физическія силы въ томъ классѣ народа, который живетъ однимъ трудомъ, лишаютъ его совершенно безвинно всякой возможности не только пользоваться жизнію, но иногда и спасти эту жизнь отъ смерти. XVIII-й вѣкъ видѣлъ съ грустью, что съ каждымъ днемъ прибываетъ въ міръ нѣсколько существъ, всѣмъ чуждыхъ, не знающихъ родства и потому отвергнутыхъ обществомъ, но существъ совершенно невинныхъ въ своемъ рожденіи, имѣющихъ, *какъ люди,* всѣ права на жизнь съ ея благами, существъ, которыя когда-нибудь съ избыткомъ заплатятъ обществу за то, что оно ихъ призрѣло. Философія XVIII вѣка освѣтила эти темныя стороны человѣческой природы, указала на несправедливость такъ-называемой судьбы къ нѣкоторымъ членамъ общества и требовала для нихъ пощады, снисхожденія и любви, какъ для существъ безпомощныхъ. Этотъ взглядъ, благодѣтельный для общества, былъ принесенъ къ намъ вмѣстѣ съ образованностью. Екатерина Великая при самомъ началѣ своего царствованія основала воспитательные дома для безродныхъ младенцевъ, приказы общественнаго призрѣнія для вспоможенія слабымъ, больнымъ, умалишеннымъ, стараясь смягчить казни и царствовать кротостью и милостью. Въ этомъ случаѣ она совершенно выполнила слова одного изъ оракуловъ XVIII-го вѣка, Монтескьё, который сказалъ: „Монархи такъ много выигрываютъ кротостью, которая влечетъ за собою любовь народную; они извлекаютъ изъ нея

столько славы, что должны быть счастливы, когда представляется случай ее выказать, а въ нашихъ государствахъ такіе случаи часто встрѣчаются".

Эта кротость, это начало снисходительности къ ближнимъ выражено не разъ въ „Наказѣ"; напр. въ ст. 255-й императрица говоритъ: „Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы"; въ ст. 83: „Приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы въ гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями"; въ ст. 85: „Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими"; въ ст. 256: „Петръ I узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. Въ первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно"... Но мы никогда не кончили бы выписокъ, если бъ захотѣли привести всѣ мѣста, гдѣ торжественно объявляется кротость, какъ одно изъ началъ жизни общественной, которыя императрица Екатерина хотѣла вкоренить въ русскомъ обществѣ. Приведемъ примѣръ, разсказываемый Сумароковымъ.

„Госпожа С.....ва тирански поступала съ подвластными, терзала ихъ разнымъ образомъ, утюжила спины горячимъ желѣзомъ и совершила нѣсколько убійствъ. Екатерина, не терпя безчеловѣчія и для обузданія другихъ отъ подобнаго, опредѣлила наказаніе, приличное содѣянному. Повелѣла, для прикрытія именитой фамиліи, огласить виновную только именемъ Дарьи Николаевой, выставить на эшафотъ и приковать къ столбу съ надписью; *мучительница, душегубка.* Потомъ жить навсегда въ вырытой у монастыря подземельной, куда бы слышимо было церковное пѣніе, но свѣтъ не проникалъ, и пищу спускать „внизъ съ фонаремъ".

Вотъ одна изъ тѣхъ человѣческихъ сторонъ жизни, которая принесена была къ намъ вслѣдствіе столкновенія нашего съ философіей Запада, съ ученіемъ Монтескьё, Филонжьери и Беккаріи, которыхъ у насъ перевели во время царствованія Екатерины, и начала которыхъ наша императрица вводила въ русское общество и проповѣдывала въ первый разъ на русскомъ языкѣ.

Дудышкинъ.

Личность Екатерины II и значеніе ея царствованія.

Разработка исторіи Екатерины II у насъ только что начинается. До сихъ поръ почти всѣ наши сужденія объ этой государынѣ носили чисто-панегирическій характеръ: немногія попытки исторіи ея царствованія на русскомъ языкѣ, какъ-то: Колотова, Сумарокова, Лефорта, Вейдемейера, отличаются краткостью и отсутствіемъ всякой критики, такъ что нельзя безъ чувства нѣкотораго смиренія, чтобъ не сказать болѣе, взять въ руки изданныя у насъ доселѣ историческія сочиненія о Екатеринѣ II. Въ нашей періодической литературѣ 1860-хъ г.г. явилось относительно ея времени нѣсколько статей съ болѣе серіознымъ направленіемъ; но ихъ авторы, желая стать на новую точку зрѣнія, впадаютъ въ другую крайность: видятъ во всемъ одну темную сторону и стараются доказать, что весь блескъ царствованія Екатерины былъ только внѣшній, что подъ нимъ скрывалась бездна неустройствъ и страданій народа. Будущему историку предстоитъ рѣшить, насколько вѣренъ такой взглядъ. Покуда не слѣдуетъ, однакожъ, забывать, что государство, оставленное Екатеринѣ Анною и Елизаветою, не могло быть пересоздано вдругъ: Екатерина пожинала плоды того, что было посѣяно послѣ Петра I. Нельзя не согласиться, что она понимала потребности Россіи и старалась удовлетворять ихъ, что она въ предѣлахъ возможности измѣнила, исправила многое и замѣтно подвинула развитіе русскаго народа. Не должно забывать того, что въ началѣ ея царствованія писалъ англійскій посолъ Макартней и что всегда оставалось болѣе или менѣе справедливымъ: „Ей часто противопоставляются съ умысломъ препятствія; ея планы велики и разнообразны, но средства, которыми она располагаетъ, не соотвѣтствуютъ цѣли". Въ числѣ русскихъ писателей прежняго времени, высказывавшихъ сужденія объ Екатеринѣ, замѣчательное мѣсто занимаетъ Державинъ: какъ лирикъ, онъ съ восторгомъ восхвалялъ ея достоинства, но впослѣдствіи, какъ ея статсъ-секретарь, увидѣвъ ее вблизи, онъ нашелъ въ ней недостатки, на которые указалъ въ своихъ запискахъ. По его мнѣнію, Екатерина стремилась не безусловно къ истинѣ и справедливости,

но часто жертвовала ими разнымъ внѣшнимъ соображеніямъ, желая угодить своимъ приближеннымъ.

Неумолимыми обвинителями Екатерины, съ самаго восшествія ея на престолъ, являются иностранные писатели. Рядъ ихъ должно начать съ нѣкоторыхъ лицъ дипломатическаго корпуса при ея дворѣ, не всегда правильно понимавшихъ ее. Прислушиваясь къ отзывамъ о ней иноземцевъ, невольно спрашиваешь себя: дѣйствительно ли она заслуживаетъ той славы, какою пользуется? справедливо ли поступило потомство, поставивъ ей памятникъ? не затемняютъ ли блеска ея побѣдъ и государственныхъ дѣлъ побужденія холодной, черствой и коварной души, какую въ ней видитъ, напримѣръ, профессоръ Германъ?

Вопросы эти, однакожъ, не должны слишкомъ смущать почитателя Екатерины. Надо помнить, что съ самаго пріѣзда ея въ Россію, при дворѣ и въ обществѣ были двѣ партіи, совершенно различно на нее смотрѣвшія. Отголоски той изъ этихъ партій, которая не щадила средствъ очернить и унизить ее, слышатся до сихъ поръ. Въ неблагопріятныхъ сужденіяхъ объ Екатеринѣ иностранныхъ писателей нельзя не видѣть, по крайней мѣрѣ, очень часто, тайнаго недоброжелательства къ Россіи. Они не могутъ не чувствовать, хотя, конечно, и не сознаются въ томъ, что для интересовъ ихъ государствъ было бы лучше, если бъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія на престолѣ русскомъ остался Петръ III съ его благоговѣніемъ къ прусскому королю, съ его планомъ датской войны и другими ошибками. Какъ простить Екатеринѣ, что она доставила русской національной политикѣ преобладаніе въ Европѣ, что она старалась сдѣлать русскій народъ соперникомъ западныхъ въ промышленности, торговлѣ и просвѣщеніи, что она понимала необходимость дать въ своемъ государствѣ перевѣсъ русской національности надъ чуждыми элементами и не хотѣла признавать правъ завоеванныхъ областей на самостоятельное существованіе?

Вотъ вины Екатерины предъ иноземными историками, прикрывающими свое неудовольствіе обвиненіемъ ея въ нарушеніи всѣхъ законовъ житейской нравственности. Таковъ приговоръ Шлоссера, который, впрочемъ, отдаетъ справедливость ея уму, способностямъ и познаніямъ, но не можетъ простить ей, что она сдѣлалась предметомъ похвалъ и удивленія всего міра.

Онъ упрекаетъ ее въ томъ, что она „по обычаю прославленныхъ свѣтомъ дамъ и мужчинъ, такихъ какъ г-жи Жанлисъ и Сталь, или какъ Талейранъ, усвоила себѣ всѣ блестящія качества своего времени и своего пола". Онъ обвиняетъ ее въ послѣдованіи политикѣ Макіавелли и философіи Дидро, и не безъ досады упоминаетъ, что, пока Петръ III предавался безпечности и разгулу, она вела дипломатическую переписку и жила вполнѣ русскою жизнью. О Петрѣ III Шлоссеръ говоритъ, что еслибъ онъ царствовалъ гдѣ-нибудь въ Германіи, то для „терпѣливыхъ нѣмцевъ" былъ бы не хуже многихъ другихъ владѣтельныхъ принцевъ. Сопоставивъ такимъ образомъ обоихъ супруговъ, Шлоссеръ далѣе развиваетъ, какъ безразсудны были всѣ дѣйствія Петра, не имѣвшаго ни дальновидности, ни такта, ни чувства простого приличія, и какъ напротивъ всѣ планы и поступки Екатерины были согласны съ самою мудрою политикою и благомъ Россіи. При этомъ Шлоссеръ не замѣчаетъ самъ, въ какія странныя противорѣчія онъ впадаетъ, подвергая Екатерину безпощадному обвиненію за все то, чѣмъ она возвеличила и прославила Россію. Неоспоримо, что успѣхъ не оправдываетъ всѣхъ средствъ, употребленныхъ для достиженія цѣли; но нельзя же не сознаться, что многое въ дѣйствіяхъ Екатерины было вынуждено обстоятельствами, поведеніемъ ея супруга, и что она, доставивъ Россіи побѣды надъ всѣми врагами, грозное положеніе и славу, мощно двинувъ русскій народъ на пути къ просвѣщенію и благоустройству, многое въ своей жизни загладила и пріобрѣла право на признательность потомства. Одинъ изъ бывшихъ при дворѣ ея пословъ справедливо замѣтилъ: нельзя не видѣть для русскихъ пользы въ томъ, что у нея есть что заглаживать, потому что иначе она бы не дѣйствовала съ такимъ усердіемъ и энергіею для снисканія любви народа и славы.

Нѣтъ сомнѣнія, что слава Екатерины не безъ пятенъ, что передъ судомъ Божіимъ и человѣческимъ она не можетъ быть оправдана во многихъ изъ своихъ дѣлъ; но въ ея дѣятельности надобно отличать двѣ стороны: человѣческую и государственную, и ошибки ея въ первомъ отношеніи не могутъ заслонять передъ нами незабвенныхъ ея заслугъ въ послѣднемъ, а притомъ Екатерина и какъ человѣкъ является, по большей части, мудрою, благою, великою. Въ сердцѣ ея не было ни холодности, ни жестокости; ея поступки въ домашнемъ, какъ и въ

царственномъ быту представляютъ множество примѣровъ великодушія, милости и состраданія. Она цѣнила сопряженное съ положеніемъ монарха счастіе дѣлать добро и обильно пользовалась этимъ счастіемъ. Но Екатерина была человѣкъ: если для виновнаго подданнаго предъ судомъ правды и закона бываютъ смягчающія обстоятельства, то не должны ли таковыя существовать и для монарха предъ судилищемъ исторіи? Недавно одинъ французскій писатель, г. Рамбо, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ замѣтилъ: „Екатерина II можетъ только выиграть отъ ближайшаго съ нею знакомства; настоящая исторія всегда будетъ къ ней снисходительнѣе памфлетовъ, долго заступавшихъ ея мѣсто". Судя по этому отзыву можно ожидать, что наконецъ и западно-европейская литература будетъ отдавать справедливость безсмертной императрицѣ. Съ другой стороны, будемъ надѣяться, что сами русскіе станутъ болѣе прежняго относиться къ ней съ осмотрительною критикою.

Послѣдовавшее въ 1873 году открытіе памятника Екатеринѣ II представляется знаменательнымъ событіемъ и въ отношеніи къ разработкѣ ея исторіи. Со всенароднымъ признаніемъ ея заслугъ передъ цѣлымъ міромъ, съ торжественнымъ заявленіемъ общаго уваженія къ ея памяти долженъ наступить у насъ новый періодъ въ оцѣнкѣ разныхъ сторонъ ея царствованія. Теперь величіе ея утверждено несомнѣнно: разнообразныя сужденія о частностяхъ ея дѣлъ и характера уже не могутъ быть опасны для ея славы. Конечно, полной, совершенно удовлетворительной исторіи Екатерины еще нельзя ожидать въ скоромъ времени, но мы можемъ уже стремиться къ такой исторіи. Мы обязаны теперь, съ обильными источниками въ рукахъ, безпристрастно изслѣдовать разныя отрасли ея дѣятельности, отдѣльныя событія ея царствованія, взвѣшивать различныя стороны ея характера, и такимъ образомъ готовить предварительные труды для обширнаго историческаго зданія. Имѣть памятникъ Екатерины и не имѣть ея исторіи, написанной русскимъ и въ Россіи, служило бы не къ чести нашего образованія и нашей науки.

Какъ ни разнообразны сужденія писателей о нравственномъ достоинствѣ и душевныхъ качествахъ Екатерины, но въ одномъ всѣ согласны: въ признаніи силы ея воли, величія ея ума и многосторонности познаній. Не многія историческія лица такъ поражаютъ воображеніе своею необыкновенною судьбою

и блестящими успѣхами, какъ Екатерина. Но въ этой судьбѣ еще не столько замѣчательно самое возвышеніе Екатерины, сколько удивительное соотвѣтствіе между потребностями новаго положенія и способностями ея, совершенная подготовка, которая въ ней оказалась для выпавшаго на долю ея великаго призванія. Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду она является на престолѣ уже въ полномъ развитіи своей государственной мудрости и мощнаго характера. Но ключъ къ ея энергической дѣятельности скрывается въ предшествовавшихъ обстоятельствахъ, въ тѣхъ восемнадцати годахъ, которые она передъ тѣмъ прожила при русскомъ дворѣ; не безъ значенія для ея будущаго и ранняя молодость, проведенная ею въ Германіи. Одну изъ самыхъ интересныхъ задачъ для историка составляетъ изслѣдованіе вопроса: какъ образовался постепенно этотъ характеръ, какъ скопились тѣ сокровища опытности и знанія, которыми обладала Екатерина; какъ могло въ слабой женщинѣ развиться такое изумительное могущество духа, такая твердость и послѣдовательность воли; откуда могла принцесса, вступившая на политическое поприще уже пятнадцати лѣтъ отъ роду, взять такое глубокое политическое образованіе, такія разнообразныя и обширныя свѣдѣнія.

Гротъ.

Всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться съ эпохою, къ которой мы приступаемъ, и прочесть о ней нѣсколько русскихъ и иностранныхъ извѣстій, должна поразить совершенная противоположность между отзывами о Екатеринѣ иностранцевъ и мнѣніемъ составившимся о ней въ русскомъ народѣ. Мало именъ такихъ популярныхъ въ Россіи и столько дорогихъ для нея, какъ имя Екатерины II. Еще недавно сошло въ могилу поколѣніе людей, которые, по крайней мѣрѣ, дѣтьми застали ея время: они говорили о ней не иначе какъ съ глубокимъ умиленіемъ. Довольно большое число извѣстныхъ мемуаровъ и воспоминаній ея современниковъ, почти безъ исключенія, дышатъ самою горячею къ ней преданностію, какимъ-то поклоненіемъ; ея портреты и бюсты можно видѣть въ каждомъ старинномъ домѣ. Напротивъ того, иностранные отзывы о ней, за весьма малыми исключеніями, крайне неблагосклонны. Они представляютъ ее жестокою, безсердечною, въ высшей степени

неразборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли; нѣкоторые писатели, и притомъ такіе, которыхъ сочиненія очень распространены, изображаютъ ее какимъ-то чудовищемъ, сплетеніемъ всякаго зла и всякихъ преступленій.

Какъ ни странны должны показаться такія противорѣчія, но они могутъ быть объяснены довольно удовлетворительно. Иностранцы видятъ Екатерину болѣе въ дѣйствіяхъ ея внѣшней политики, которая дѣйствительно часто была безпощадна и неразборчива въ средствахъ; говоря отъ имени раздраженныхъ противъ нея правительствъ и народовъ, эти писатели язвительно отзываются и объ ея частной жизни, которая, конечно, не безупречна. Русскіе, напротивъ того, болѣе всего ощущали вліяніе ея внутренняго управленія, которое рѣзко отличалось отъ предшествовавшихъ кротостію и было наполнено полезными и либеральными преобразованіями. Наши предки не могли оставаться нечувствительными и къ той славѣ, которою Екатерина окружила Россію: отечество наше было поставлено этою государынею дѣйствительно на степень первенствующихъ европейскихъ державъ. Такимъ образомъ намъ, потомкамъ Екатерины, знакомымъ съ отзывами о ней и русскихъ и иностранцевъ, она представляется какъ будто двуликимъ богомъ древности: ея ликъ, обращенный къ сосѣднимъ державамъ, строгъ и непривѣтливъ; тотъ, напротивъ, который обращенъ къ Россіи, исполненъ величія и кротости. Моралистъ долженъ, конечно, осудить эту двойственность. Законы нравственности ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ послабленія, и мы должны признаться, что Екатерина далеко небезупречна во многихъ отношеніяхъ: самое вступленіе ея на престолъ накидываетъ густую тѣнь на ея нравственный образъ; но упрекамъ, которые должны быть ей сдѣланы съ этой стороны, нельзя не противопоставить тридцать четыре года величія и благоденствія, которыми Россія при ней пользовалась, и которые народный голосъ называлъ *Екатерининымъ вѣкомъ*. Намъ русскимъ невозможно забыть, что если политика Екатерины и подлежитъ упреку съ точки зрѣнія высшей нравственности, то эта политика имѣла цѣлію и послѣдствіемъ величіе и выгоды Россіи. Въ нашей душѣ могутъ и должны создаваться идеалы такихъ политическихъ дѣятелей, которые разливали бы добро на всѣ націи и на всѣ страны безъ исключенія; но дѣйствительность не представляетъ такихъ людей; притомъ инте-

ресы различныхъ народовъ нерѣдко такъ противоположны между собою, что благо одного есть зло для другого. Что долженъ въ такомъ случаѣ дѣлать человѣкъ, призванный быть блюстителемъ славы и благоденствія одного какого-нибудь народа? Очевидно — заботиться объ его судьбѣ болѣе, нежели о судьбѣ прочихъ, которые, въ свою очередь, имѣютъ правительства для соблюденія ихъ славы и ихъ интересовъ.

Щебальскій.

Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ даетъ слѣдующую характеристику царствованія Екатерины II. „Вѣкъ Елизаветы приготовилъ вѣкъ Екатерины. Этотъ великій вѣкъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ русской исторіи. Вокругъ геніальной, многодумной и многопонимавшей царицы собралась цѣлая плеяда замѣчательныхъ людей „Екатерининскіе орлы“: тутъ были и представитель русской широты въ замыслахъ и русской хандры, полный противорѣчій, геніальный создатель Новороссійскаго края, тутъ былъ и русскій чудо-богатырь Суворовъ, юродствующій, чтобы имѣть болѣе независимости, и методичный Румянцевъ, и тонкій дипломатъ Безбородко, и безкорыстный, умный, вѣчно недовольный Панинъ; тутъ были и представители зарождающейся новой русской литературы: здѣсь проявлялъ свою необузданную силу Державинъ; здѣсь показывалъ Фонъ-Визинъ зеркало невѣжеству; а Новиковъ затѣвалъ борьбу со скептицизмомъ вѣка и со старыми неисцѣлимыми еще язвами русскаго общества; было и много другихъ. Всѣхъ выслушивала императрица, всѣми старалась пользоваться и всѣхъ старалась направлять. Изъ послѣдняго стремленія выходили въ концѣ ея царствованія прискорбныя столкновенія: она платила дань злобѣ дня, объ этомъ пожалѣетъ историкъ, но за это обвинить не можетъ: у каждаго дня есть своя злоба, и никому изъ людей не дано миновать ея вполнѣ. Царствованіе Екатерины было блистательно и извнѣ, и внутри; не напрасно говорилъ Безбородко уже послѣ кончины императрицы: „не знаю, какъ теперь, а при насъ ни одна пушка не могла выстрѣлить въ Европѣ безъ нашего позволенія“. Вліяніе Россіи въ дѣлахъ европейскихъ было рѣшительно: быть можетъ это не всегда было хорошо и впослѣдствіи привело Россію къ войнамъ, не всегда нужнымъ для ея интересовъ, хотя бы къ войнѣ

1799 года, героическіе эпизоды которой не выкупили всей ея безполезности; тѣмъ не менѣе, однако, при Екатеринѣ еще не видать было оборотной стороны медали. Своимъ положеніемъ въ Европѣ Екатерина умѣла пользоваться съ большимъ искусствомъ и своими успѣхами еще усиливала европейское положеніе Россіи. При Екатеринѣ Россія дошла до Чернаго моря и твердою ногою стала у него; при Екатеринѣ Россія получила право покровительствовать своимъ единовѣрцамъ въ Турціи и пробудила тѣмъ христіанъ турецкихъ къ новому сознанію; при Екатеринѣ Россія возвратила отъ Польши почти всѣ свои коренныя земли. То, что Россія не дошла на западѣ до предѣловъ, въ которыхъ оставилъ ее Владиміръ святой, постоянно озабочивало Екатерину. Польша пала по своей собственной винѣ; раздѣленіе ея — событіе печальное; конечно, было лучше, если бы совершилось добровольное соединеніе или если бы, оставаясь отдѣльно, Польша могла отказаться отъ своихъ притязаній на обращеніе русскаго народа въ рабство; но Польша этого не могла сдѣлать, существовать сама по себѣ она не могла, допустить иноплеменниковъ поглотить всю Польшу не могла Россія, и потому пришлось сдѣлать уступку, пришлось итти на сдѣлку. Бываютъ трагическія положенія въ жизни народовъ. Такимъ трагическимъ эпизодомъ является и разрѣшеніе рокового польскаго вопроса; горькія его послѣдствія сказались позднѣе и едва ли миновали и теперь; но иного разрѣшенія нельзя было ожидать при данныхъ обстоятельствахъ.

Внутри при Екатеринѣ сдѣлано такъ же много, какъ и во внѣ: задумавъ перестроить администрацію страны, только намѣченную Петромъ Великимъ и почти нетронутую его преемниками, Екатерина сочла нужнымъ ознакомиться съ потребностями и положеніемъ различныхъ слоевъ, чтобы затѣваемая администрація соотвѣтствовала росту общественному, и для того собрала въ Москву свою знаменитую комиссію, которая ярко выразила желанія и настроенія общества. „Теперь — говорила Екатерина — мы можемъ судить о цвѣтахъ по цвѣтамъ, а не такъ, какъ слѣпые судятъ о цвѣтахъ“. Рядъ преобразованій, начатыхъ Екатериною, удовлетворилъ требованіямъ тогдашняго интеллигентнаго слоя: служилое сословіе, освобожденное отъ тягла, сдѣлалось дворяниномъ; въ руки его отдано было въ значительной степени мѣстное управленіе; оно выбирало судей, полицію, въ своихъ собраніяхъ блюло за своими

интересами, представляло мѣстность предъ верховною властью. Для развитія общественнаго — такая роль, данная дворянству, не прошла безслѣдно: разрозненные дотолѣ по разнымъ мѣстамъ на службѣ, или доживающіе свой вѣкъ въ деревнѣ. стали сходиться, явились въ провинціи центры съ нѣкоторою интеллигентною окраскою; конечно, дворянство, опирающееся на крѣпостной трудъ. не стояло на высотѣ своей задачи, но все-таки положено начало обществу, какъ обществу. Города тоже получили нѣкоторую долю самоуправленія; но, къ сожалѣнію, внесенное съ запада и чуждое намъ начало сословности, много исказило всѣ эти начинанія; къ сожалѣнію, мысль императрицы, поддержанная кое-кѣмъ въ обществѣ и литературѣ, освободить крестьянъ разбилась о сопротивленіе дворянъ и апатію общественной мысли, несмотря на то, что пламя, зажженное Пугачевщиной, и необходимость, сознанная правительствомъ, наказывать слишкомъ злоупотребляющихъ своею властью помѣщиковъ, казалось, должны были бы указать на необходимость этой мѣры. Крѣпостное право еще жило въ сознаніи общества и отдѣлаться отъ него было не легко; то, что Екатерина не рѣшилась на эмансипацію, не должно закрывать отъ насъ значенія ея царствованія: народы историческіе умѣютъ постепенно отдѣлываться отъ язвъ и золъ, оставляемыхъ предшествующими эпохами и составляющихъ необходимую принадлежность всякаго развитія. Точно такъ же прискорбные случаи въ мірѣ литературномъ послѣднихъ годовъ жизни Екатерины не должны заставлять насъ забывать того мощнаго толчка, который она дала русской мысли, и собственнымъ участіемъ въ литературѣ, и поддержкою журналовъ, и открытіемъ типографій, и стараніями о водвореніи образованія. Образованіе, данное временемъ Екатерины, было образованіе европейское. Петръ думалъ о знаніяхъ практическихъ: ему нужны были техники. Екатерина, дочь просвѣтительнаго вѣка, ученица философовъ-энциклопедистовъ, думала о просвѣщеніи обще-человѣческомъ, что на языкѣ того времени значило просвѣщеніе французское; и вотъ, несмотря на ужасъ, внушенный французской революціей, частью подъ вліяніемъ благоговѣнія къ золотому вѣку Франціи, а частью и при пособіи эмигрантовъ, все русское образованное общество заговорило по-французски.

Бестужевъ-Рюминъ.

Личность императрицы была какъ бы создана для престола: въ исторіи мы не встрѣчаемъ другой женщины, столь способной къ управленію дѣлами. На всѣхъ и каждаго она производила глубокое впечатлѣніе. Едва ли кто болѣе рѣзко и невыгодно отзывался о качествахъ императрицы, какъ Массонъ: однако и этотъ писатель-памфлетистъ замѣчаетъ, что въ продолженіе десяти лѣтъ, имѣя случай видѣть Екатерину разъ или два въ недѣлю, онъ всегда былъ пораженъ необычайно привлекательною личностью ея, достоинствомъ, съ которымъ она держала себя, любезностью ея обращенія со всѣми и пр.

Въ своихъ запискахъ Екатерина сама сообщила подробно о ходѣ своего развитія, о своемъ стремленіи къ власти, о томъ, что она не была разборчива въ средствахъ для достиженія этой цѣли. Въ зрѣломъ возрастѣ она сдѣлалась самодержицею. Послѣ страшнаго униженія, горькихъ испытаній, перенесенныхъ въ молодости, она тѣмъ болѣе наслаждалась находившеюся въ ея распоряженіи неограниченною властью. То обстоятельство, что коренная перемѣна обстановки, быстрый переходъ отъ полной зависимости къ полному могуществу нисколько не возбуждали въ ней наклонности къ деспотизму, свидѣтельствуетъ о добромъ нравѣ императрицы, тогда какъ сынъ ея, подвергнувшись подобному перелому въ внѣшней обстановкѣ, не зналъ мѣры порывамъ деспотизма. Мы видѣли, что неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Екатерина до 1762 года, оказали вредное вліяніе на ея характеръ; зато власть и перевѣсъ, полученные ею послѣ удачнаго государственнаго переворота, оказали облагораживающее вліяніе на нравъ императрицы. До того она встрѣчала необходимость весьма часто прибѣгать къ мелочнымъ мѣрамъ для улучшенія своего положенія, для того, чтобы отмстить своимъ противникамъ; располагая полною властью, наслаждаясь выгодами своего положенія, пользуясь уваженіемъ современниковъ, обожаемая лицами, окружавшими ее, императрица не нуждалась болѣе въ тѣхъ средствахъ, которыми обыкновенно пользуются слабые въ борьбѣ съ сильными. Въ то время, когда надъ нею зорко наблюдали, когда ей не довѣряли ни Елизавета Петровна, ни Петръ, она умѣла притворяться, лицемѣрить, показывать видъ смиренія и скромности, между тѣмъ какъ въ душѣ она была исполнена высокомѣрія и пре-

зрѣнія къ людямъ. Теперь же, окружая себя всецѣло преданными ей лицами, она могла дѣйствовать открыто, благородно. Великая княгиня, находясь въ уединеніи, отличалась холодностью въ обращеніи, недовѣріемъ къ людямъ, подозрительностью; императрица, напротивъ, давала просторъ развитію чувства благоволенія, снисходительности, сердечнаго вниманія къ интересамъ окружавшихъ ее лицъ. Не даромъ Петръ и Елизавета не довѣряли Екатеринѣ, порицали ея характеръ; не даромъ, впослѣдствіи, многіе ставили высоко добродушіе Екатерины.

Исторія двора при Петрѣ I, при императрицѣ Аннѣ, при Елизаветѣ, изобилуетъ чертами тираніи, жестокости и произвола; всѣ современники Екатерининскаго царствованія удивлялись кротости ея обращенія съ окружавшими ее лицами, радовались совершенному устраненію жесткихъ формъ и крутыхъ мѣръ въ отношеніи къ подчиненнымъ. Екатерина, несмотря на живой темпераментъ, на нѣкоторую склонность къ увлеченію — стоитъ только вспомнить о ея рѣзкихъ отзывахъ о короляхъ Швеціи и Пруссіи — вполнѣ владѣла собою, и въ обращеніи съ людьми руководствовалась правилами человѣколюбія. „Я люблю хвалить и награждать громко, порицать тихо", справедливо замѣтила она однажды въ бесѣдѣ съ Сегюромъ; она любила избѣгать случаевъ оскорбить кого-нибудь; особенно внимательна была она въ обращеніи съ прислугою; „доживу ли я до того, чтобы меня не боялись", сказала она однажды, замѣтивъ, что истопникъ, заслужившій за какую-то неисправность выговоръ, избѣгалъ встрѣчи съ нею. Часто Екатерина, давая какое-нибудь порученіе, извинялась за причиняемый трудъ и хлопоты. Храповицкій сообщаетъ нѣкоторыя черты такого вниманія Екатерины къ окружавшимъ ее лицамъ; неоднократно императрица, въ нетерпѣніи или раздраженіи, употребивъ нѣсколько рѣзкое выраженіе, сознавалась въ горячности и старалась исправить свою ошибку. Разсказывали, что императрица, просыпаясь, обыкновенно, рано утромъ, въ 6 часовъ, и дорожа спокойствіемъ своихъ служителей, не требовала чужой помощи, одѣвалась, зажигала свѣчу, затапливала каминъ и, никого не тревожа, садилась за книги и бумаги. Разныя анекдотическія черты, передаваемыя современниками, свидѣтельствуютъ о снисходительности Екатерины къ прислугѣ, о недостаточной строгости ея въ обращеніи съ служащими,

о ея добротѣ и кротости. Когда она приходила въ гнѣвъ, то засучивала рукава, расхаживала по комнатѣ, пила воду и никогда ничего не рѣшала подъ первымъ впечатлѣніемъ. Особенно замѣчательною оказывается способность императрицы устранять недоразумѣнія, возникшія почему-либо между нею и другими лицами; въ ея запискахъ къ разнымъ вельможамъ встрѣчаются внушенія не предаваться мнительности, не быть чрезмѣрно обидчивымъ, не унывать, а ободриться, вѣрить въ свои способности, надѣяться на успѣхъ и пр. Въ минуту опасности, она умѣла поднимать духъ въ лицахъ, ее окружавшихъ, вселяя въ нихъ твердость и мужество. Болѣе чѣмъ многія другія высокопоставленныя лица, Екатерина была доступна чувству состраданія. Хотя нельзя не сожалѣть о чрезмѣрной щедрости императрицы, дорого обходившейся казнѣ и обогатившей, главнымъ образомъ, фаворитовъ, нельзя не признать, въ то же время, что желаніе ея обрадовать другихъ, содѣйствовать ихъ счастію соотвѣтствуетъ глубоко-нравственному настроенію. Этимъ же объясняется любезность въ обращеніи Екатерины съ дѣтьми. Воспитанницы благороднаго института называли ее „нѣжною и снисходительною матерью“; изъ писемъ Екатерины къ княгинѣ Черкасовой (Левшиной), которую она обыкновенно называла „черномазою Левушкой“, видно, какъ она умѣла входить въ положеніе молодыхъ дѣвицъ, давать имъ совѣты, руководить ихъ воспитаніемъ и пр.

Отличительными чертами характера Екатерины были веселость, юморъ, склонность къ шуткамъ и забавамъ. Однажды она замѣтила: „Относительно веселости Фридриха (Великаго) надо замѣтить что она проистекаетъ отъ его превосходства. Былъ ли когда великій человѣкъ, который бы не отличался веселостью и не имѣлъ въ себѣ неистощимый запасъ его? Вотъ вопросъ“. Екатеринѣ доставляло большое удовольствіе посѣщать маскарады и, сохраняя глубокое инкогнито, бесѣдовать съ разными лицами; она сама разсказывала подробно, какъ однажды въ мужскомъ платьѣ сдѣлала объясненіе въ любви одной дѣвушкѣ, не подозрѣвавшей, что съ нею говоритъ императрица. Княгиня Дашкова, въ своихъ „Запискахъ“, сообщаетъ, какъ императрица, въ первое время своего царствованія, посѣщая Дашковыхъ, разыгрывала роль пѣвицы и вмѣстѣ съ княземъ Дашковымъ, столь же неспособнымъ къ музыкѣ, какъ и сама Екатерина, устроила что-то въ родѣ кошачьяго

концерта, импровизируя при этомъ текстъ и проч. Усмотрѣвъ изъ счетовъ одного придворнаго служителя, что пудры для ея головы ежедневно расходовался цѣлый пудъ, она вышла въ пріемную молча и поддерживая свою голову рукою; на вопросъ объ ея здоровьѣ, она жаловалась, что ей высыпали цѣлый пудъ пудры на голову. Веселость императрицы высказывалась особенно часто и удачно въ разныхъ литературныхъ забавахъ. То она сочиняла какую-нибудь шуточную надгробную надпись для собачки, то придумывала какой-нибудь комическій девизъ для дачи князя Нарышкина; стихи, сочиненныя императрицею въ честь Потемкина, во время пребыванія въ Бахчисараѣ, въ 1787 году, доставили большое удовольствіе ея спутникамъ; она постоянно придумывала новыя стихотворныя сочиненія, напр. записку о разныхъ видахъ смѣха, „Sentences chinoises", въ которыхъ заключалась сатира на академію, изслѣдованіе вопроса о томъ, какою смертью долженъ будетъ умереть каждый изъ лицъ, ее окружающихъ, и проч.

О нравѣ и личности Екатерины, такъ сказать въ частной жизни, мы особенно подробно узнаемъ при изученіи дневника Храповицкаго. Онъ, въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія, ежедневно видѣлъ императрицу и почти ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ день, записывалъ то, что происходило при дворѣ, чѣмъ занималась Екатерина, какъ она разсуждала о томъ или другомъ предметѣ. Изъ этого источника можно составить себѣ понятіе о занятіяхъ Екатерины политическими вопросами, искусствомъ, литературою, науками, о настроеніи ума императрицы, о впечатлѣніи, произведенномъ на нее тѣмъ или другимъ событіемъ, о томъ, какъ она судила о томъ или другомъ лицѣ и пр. Такого рода источники гораздо болѣе непосредственно, чѣмъ дѣловыя бумаги или записки, или письма, воспроизводятъ для насъ всѣ частности прошедшаго времени, всѣ мелочи обыденной жизни, всѣ оттѣнки душевнаго и умственнаго настроенія историческихъ лицъ. Благодаря такимъ источникамъ, лишеннымъ литературнаго значенія, но допускающимъ, нѣкоторымъ образомъ, сравненія съ фотографическимъ приборомъ, мы имѣемъ возможность заглядывать такъ сказать, въ закулисную сторону жизни великихъ дѣятелей. Знакомя насъ короче съ личностью Екатерины, сообщая множество данныхъ объ ея характерѣ, рабочей силѣ, образованіи,

умственномъ и нравственномъ кругозорѣ, дневникъ Храповицкаго оказывается ничѣмъ незамѣнимымъ для историка источникомъ. Руководствуясь этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ, можно бы составить перечень важнѣйшимъ письмамъ, писаннымъ императрицею въ то время, когда Храповицкій былъ чуть ли не ежедневнымъ ея собесѣдникомъ. Нерѣдко она прочитывала ему кое-какія выдержки изъ своей корреспонденціи. Храповицкій принималъ иногда дѣятельное участіе въ литературныхъ занятіяхъ императрицы. Нигдѣ въ этомъ дневникѣ не встрѣчается прямого отзыва о личности ея. Храповицкій не хвалитъ и не порицаетъ Екатерины. Каждая строка дневника, однако, свидѣтельствуетъ о безусловной преданности автора, посвященнаго во всѣ интересы императрицы, узнававшаго обо всѣхъ случаяхъ, вліявшихъ на ея воззрѣнія, на ея темпераментъ. Ловкій и услужливый царедворецъ, Храповицкій никогда не противорѣчилъ Екатеринѣ; онъ хорошо зналъ о томъ, что̀ ее занимало главнымъ образомъ въ данную минуту, что было предметомъ ея заботъ, ея горя, ея веселости и пр., и умѣлъ бесѣдовать съ нею, входя въ ея положеніе, вдумываясь въ ея мысли, дополняя то, что она говорила, дѣльными замѣчаніями, иногда успокоивая ее. Императрица любила шутить съ Храповицкимъ, иногда журила его, впрочемъ, самымъ невиннымъ образомъ, смѣясь, напр., надъ его тучностью, или разспрашивая его о здоровьѣ и пр. Бесѣды Екатерины съ Храповицкимъ отличались совершенною безцеремонностью; порою въ нихъ затрогивались болѣе или менѣе щекотливыя темы, разсказывались случаи изъ петербургской скандалезной хроники; иногда императрица разсуждала о характерѣ царствованія ея предшественниковъ, о Петрѣ I, объ Аннѣ, Елизаветѣ; встрѣчается множество, отчасти довольно рѣзкихъ, отзывовъ о разныхъ сановникахъ и фаворитахъ, о неспособности или нерадѣніи того или другого чиновника и пр. Мѣстами въ дневникѣ Храповицкаго заключаются разсужденія о характерѣ и значеніи важнѣйшихъ событій исторіи Россіи. Изъ дневника Храповицкаго мы узнаемъ о безчисленныхъ порывахъ страсти, раздраженія горя у Екатерины. Весьма часто упоминается о слезахъ ея. По случаю отъѣзда Павла Петровича въ Финляндію, въ 1788 году, Храповицкій пишетъ: „Прощались съ цесаревичемъ, плакали“. „Чувствительность и слезы“, сказано по поводу кончины Грейга.

По случаю болѣзни и кончины Потемкина: „Слезы“, „слезы и отчаяніе“, „проснулись въ огорченіи и въ слезахъ“, „продолженіе слезъ“ и пр. Иногда императрица жаловалась на усталось, на чрезмѣрную сложность дѣлъ, на наступающую старость. Бывало множество поводовъ къ разстройству и раздраженію. То она узнавала о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, то о голодѣ, то о какой-нибудь продѣлкѣ того или другого корыстолюбиваго чиновника, то о ссорахъ между разными вельможами. Весьма часто она теряла терпѣніе, употребляла сильныя выраженія. Храповицкій пишетъ однажды (въ 1788 г.): „Назвали короля шведскаго бестіей и предо мною извинились тѣмъ, что стоитъ онъ того названія“. Когда грозила шведская война и нѣкоторые вельможи недостаточно ревностно исполняли свою обязанность, она сказала: „Я не знаю, кто дѣлаетъ каверзы, но могу назвать канальею, потому что вредятъ пользѣ государства“ и пр. Вслѣдствіе волненій, причиняемыхъ Екатеринѣ политическими событіями, она иногда заболѣвала. О всѣхъ случаяхъ нездоровья императрицы Храповицкій сообщаетъ подробныя данныя. Общее впечатлѣніе, производимое личностью Екатерины при чтеніи и разборѣ дневника Храповицкаго, нисколько не соотвѣтствуетъ той характеристикѣ, которая встрѣчается въ сочиненіяхъ историковъ-памфлетистовъ, въ родѣ Массона, Гельбига, Сальдерна. Кастера. Она выигрываетъ въ нашихъ глазахъ; мы можемъ составить себѣ весьма благопріятное мнѣніе не только объ умственныхъ, но также и душевныхъ качествахъ императрицы.

Не должно считать дѣломъ случая или дѣйствіемъ угодничества то обстоятельство, что сохранилось множество анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о великодушіи Екатерины. Многіе современники, далеко не безусловно восхвалявшіе ее, утверждали, что она была въ состояніи выслушивать непрaвившуюся ей истину, что она умѣла сдерживать свой гнѣвъ, что она была способна сознавать свои ошибки и недостатки. Таковы отзывы Разумовскаго, Державина, Мусина-Пушкина, Теплова и пр.

Разумѣется, нѣтъ недостатка и въ другихъ чертахъ, свидѣтельствующихъ о нѣкоторомъ упрямствѣ, своенравіи и высокомѣріи императрицы. Державинъ приводитъ нѣсколько случаевъ въ доказательство, что Екатерина въ своихъ дѣйствіяхъ часто руководствовалась разными. скорѣе личными соображе-

ніями, желаніемъ угодить тому или другому изъ своихъ приближенныхъ, нежели попеченіемъ объ истинномъ благѣ государства и строгимъ правосудіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, онъ отдаетъ справедливость милосердію Екатерины, ея снисходительности къ людскимъ слабостямъ, ея заботливости о страдающихъ и угнетенныхъ, ея умѣнью привлекать къ себѣ сердца и удивительному самообладанію. Не даромъ упрекали Екатерину въ томъ, что она, протестуя противъ употребленія пытки и тѣлеснаго наказанія, давала просторъ жестокостямъ Шешковскаго, весьма часто собственноручно мучившаго подсудимыхъ самымъ неистовымъ образомъ, однако мы не можемъ опредѣлить, на сколько былъ извѣстенъ императрицѣ варварскій образъ дѣйствій этого слѣдователя. Указывая на нѣкоторые случаи произвола и нарушенія закона, случившіеся при Екатеринѣ, князь Щербатовъ замѣчаетъ, что императрица считала свою волю выше закона и этимъ самымъ давала пагубный примѣръ вельможамъ и сановникамъ, подражавшимъ ей въ этомъ отношеніи, и пр.

Не даромъ современники рѣзко порицали тщеславіе Екатерины. Іосифъ II однажды писалъ къ князю Кауницу: „Не должно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ женщиною, которая столь же мало, какъ и я самъ, печется о благѣ Россіи: нужно льстить ей. Тщеславіе — ея идолъ; успѣхъ и угодничество испортили ее“. Екатеринѣ нравилось, когда ее называли Минервою. Оды Державина, въ которыхъ была восхваляема императрица, вполнѣ соотвѣтствовали ея вкусу: она постоянно и сильно нуждалась въ похвалѣ. Въ то время, когда финансы Россіи находились въ крайнемъ разстройствѣ, Екатерина называла государственное хозяйство имперіи образцомъ порядка и правильнаго устройства. Мысль о неудачѣ была для нея самою тяжелою; она, какъ мы знаемъ, не была разборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли; искренность ея во многихъ случаяхъ подлежитъ сильному сомнѣнію.

Что касается религіозности Екатерины, то Фридрихъ II прямо обвинялъ ее въ лицемѣріи и ханжествѣ. Мы помнимъ, что ей было не легко рѣшиться на принятіе православія, но что затѣмъ она употребляла внѣшнее благочестіе, какъ средство для упроченія своего положенія въ Россіи. Строго соблюдая правила церкви, исполняя добросовѣстно религіозныя обязанности, императрица старалась произвести нѣкоторое

впечатлѣніе на своихъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, она оставалась вѣрною началамъ терпимости, проповѣдуемымъ въ литературѣ просвѣщенія. Когда Вольтеръ упрекалъ ее въ томъ, что она унижаетъ себя, цѣлуя руку священника, она оправдывалась тѣмъ, что это лишь внѣшній обычай, который мало-по-малу выходитъ изъ употребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что религіозность Екатерины не вытекала изъ особенно глубокаго чувства.

Въ письмахъ Екатерины къ барону Гримму встрѣчаются неоднократно выходки противъ Лютера и лютеранъ. Она порицала лютеранъ за недостатокъ вѣротерпимости. Неоднократно она восхваляла православную вѣру, называя ее лучшею въ мірѣ. Въ раздраженіи по поводу французской революціи, она однажды заявила, что всѣ протестантскія правительства хорошо бы сдѣлали, рѣшившись принять православіе, потому что это исповѣданіе должно считаться оплотомъ противъ „непріязненной всякой религіи, безнравственной, анархической, преступной, воровской, богохульской и опрокидывающей престолы заразы“; она сравнивала греческую церковь съ дубомъ, имѣющимъ глубокіе корни. Рядомъ съ этими замѣчаніями, встрѣчаются въ устныхъ замѣткахъ и въ письмахъ императрицы смѣлыя выходки противъ чрезмѣрной набожности и изувѣрства. Таковы нѣкоторыя колкія замѣчанія, относившіяся къ Маріи Терезіи, къ королевѣ Португальской и др. Въ нѣкоторыхъ шуткахъ, которыя императрица позволяла себѣ о вопросахъ церкви и религіи въ письмахъ къ Гримму, проглядываетъ тотъ самый раціонализмъ, которымъ отличались корифеи французской литературы. Екатерина хвалила сочиненіе Николаи „Sebaldus Nothanker“ особенно потому, что въ немъ осуждалось лицемѣріе. Она не любила углубляться въ частности религіозно-философическихъ вопросовъ. Главною чертою ея характера была нѣкоторая свѣтскость. Ея міросозерцаніемъ былъ оптимизмъ, а главнымъ правиломъ житейской мудрости — веселость. Она не любила размышлять о печальныхъ событіяхъ, предаваться горю, останавливаться на какомъ-либо мрачномъ предметѣ. Этимъ самымъ отчасти и объяснялось ея уваженіе къ Вольтеру, котораго она называла „божествомъ веселости“. И эту игривость и живучесть, эту свѣжесть и веселость она сохранила до конца своихъ дней.

Не даромъ князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ" рѣзко порицалъ неслыханную расточительность, которою отличался пышный дворъ Екатерины. Онъ справедливо замѣтилъ, что чрезмѣрная роскошь во время этого царствованія не вяжется съ строгимъ отзывомъ Екатерины о баснословно богатомъ гардеробѣ императрицы Елизаветы Петровны. Не безъ основанія онъ находилъ, что примѣръ Екатерины подѣйствовалъ весьма вредно на подражавшихъ ей въ этомъ отношеніи царедворцевъ, фаворитовъ, вельможъ и сановниковъ. Зато Щербатовъ хвалитъ императрицу за чрезвычайную умѣренность въ пищѣ и питьѣ, между тѣмъ какъ лица, окружавшія ее, и въ этомъ отношеніи не знали мѣры, отличаясь всякаго рода сибаритствомъ.

Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію въ это время, удивлялись баснословной пышности русскаго двора. Коксъ замѣтилъ, что въ ней представляется соединеніе азіатской роскоши съ чрезмѣрною европейскою утонченностью. Его поразило между прочимъ и то, что не только женщины, но и мужчины являлись въ уборахъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Сегюръ говорилъ, что нигдѣ и никогда не видѣлъ столь цѣнныхъ столовыхъ приборовъ и украшеній, какъ по случаю празднества, устроеннаго въ Москвѣ графомъ Шереметевымъ въ честь Екатерины въ 1787 году. Необычайною роскошью отличались также и празднества, устроенныя въ честь императрицы Безбородкою, Потемкинымъ и др. Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ такого рода былъ праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ въ 1791 году.

Въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ Екатерина любила описывать всю прелесть и сказочный блескъ придворныхъ празднествъ. Къ описанію Потемкинскаго празднества въ 1791 г., въ письмѣ къ Гримму, приложенъ собственноручный рисунокъ, изображающій великолѣпное помѣщеніе, въ которомъ происходилъ пиръ и т. п.

Екатерина наслаждалась роскошью, комфортомъ и красивымъ мѣстоположеніемъ своихъ дворцовъ, дачъ, оранжерей, садовъ и пр. Обо всемъ этомъ говорится часто и подробно въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Екатерина была чрезвычайно довольна, когда иностранные путешественники, архитекторы, художники, спеціалисты въ устройствѣ садовъ и парковъ хвалили ея вкусъ и восхищались прелестью Петергофа, Царскаго Села и пр.; она любила описывать роскошь и изя-

щество зеркалъ и колоннадъ, картинъ и статуй, пышность и уютность покоевъ въ Эрмитажѣ, импозантную архитектуру зданій, построенныхъ итальянскимъ архитекторомъ Гваренги. Свою страсть къ разведенію садовъ и къ постройкѣ дворцовъ она называла „plantomanie" и bâtissomanie"; всѣмъ этимъ она охотно занималась еще въ то время, когда была великою княгинею; располагая гораздо большими средствами послѣ воцаренія, Екатерина не знала мѣры своей склонности къ роскоши и великолѣпію.

Все это, какъ извѣстно, доходило до баснословія во время знаменитой поѣздки императрицы въ южную Россію, въ 1787 году. Разсказывали, что для этого путешествія была назначена сумма 10 милліоновъ рублей, но что она оказалась впослѣдствіи недостаточною. Къ этому должно причислить еще расходы Потемкина по приготовленіямъ къ встрѣчѣ императрицы въ различныхъ областяхъ и городахъ, по постройкѣ многихъ домовъ, разведенію садовъ, устройству базаровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжала Екатерина. На 25-ти станціяхъ отъ Кайдакъ до Херсона (около 350 верстъ, седьмая часть всего путешествія) было приготовлено 10480 лошадей, 5040 извозчиковъ и 9636 сѣделъ. На станціяхъ, гдѣ не положено было дворцовъ, устраивались галлереи; въ городахъ нужно было отводить или устраивать 25 квартиръ для лицъ свиты императрицы; на Днѣпрѣ была запрещена переправа, дабы не сдѣлалось остановки въ плаваніи. Всѣ вновь построенные дворцы и помѣщенія, въ которыхъ императрица останавливалась, были снабжены новою мебелью. Каждый разъ за столомъ употреблялось совершенно новое столовое бѣлье. Въ Кіевѣ, гдѣ путешественники оставались около трехъ мѣсяцевъ, Екатерина не хотѣла дозволить, чтобы посланники иностранныхъ державъ жили на свой счетъ. Каждому изъ нихъ отвели цѣлый домъ, въ которомъ былъ дворецкій, множество лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, экипажей, полный серебряный и фарфоровый приборы, большое количество бѣлья и запасы рѣдкихъ винъ и пр.

Все это производитъ тяжелое впечатлѣніе и напоминаетъ эпизоды изъ царствованій римскихъ императоровъ. Съ другой стороны, нельзя не признать, что именно во время такихъ путешествій въ особенно яркомъ блескѣ обнаруживались необычайныя способности императрицы и ея рабочая сила.

Правда, она сама придавала слишкомъ большое значенiе своимъ поѣздкамъ, имѣвшимъ, нѣкоторымъ образомъ, характеръ инспекцiй или ревизiй, потому что все это являлось поверхностнымъ и лишь формальнымъ контролемъ дѣятельности органовъ правительства; однако для нея самой такiя путешествiя обыкновенно оказывались далеко не безполезными. Она узнавала, все-таки, кое-что о нуждахъ мѣстнаго населенiя, своею личностью, умѣнiемъ обращаться съ людьми, производила на всѣхъ глубокое впечатлѣнiе, становилась все болѣе и болѣе популярною, знакомилась съ особенностями различныхъ частей имперiи и пр.

Во время такихъ поѣздокъ императрица почти вовсе не прерывала своихъ обычныхъ занятiй дѣлами. На станцiяхъ, во время сухопутныхъ путешествiй, на великолѣпныхъ галерахъ, во время плаванiя по Волгѣ, въ 1767 году, или по Днѣпру, въ 1787 году, Екатерина просматривала и снабжала разными примѣчанiями многiе законопроекты, читала серьезныя сочиненiя, переписывалась со множествомъ лицъ и бесѣдовала о дѣлахъ съ сановниками. Путешествуя по Волгѣ, въ 1767 году, она въ одно и то же время была занята изученiемъ края и переводомъ, съ помощiю спутниковъ, Мармонтелева сочиненiя „Bèlisaire. То она, въ Ярославлѣ, посѣщала фабрики, то вела переговоры съ иностранными дипломатами по важнымъ вопросамъ международныхъ сношенiй, то забавлялась въ обществѣ спутниковъ остроумными „jeux d'esprit", то старалась составить себѣ точное понятiе объ условiяхъ коммерческаго быта Нижняго-Новгорода. Вопросъ о раскольникахъ на берегахъ Волги ее интересовалъ не менѣе, какъ то или другое сочиненiе французской литературы просвѣщенiя. Осмотръ развалинъ Болгаръ въ окрестностяхъ Казани, изученiе недостатковъ администрацiи въ приволжскихъ городахъ, шутки и забавы въ средѣ царедворцевъ, сановниковъ и иностранныхъ дипломатовъ — все это равнымъ образомъ занимало Екатерину. То же самое происходило и въ поѣздку, въ 1785 году, съ цѣлью осмотра Вышневолоцкаго канала. Во время этого путешествiя велись переговоры, имѣвшiе цѣлью заключенiе торговаго договора съ Францiею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было конца разнымъ шуткамъ и забавамъ, о характерѣ которыхъ можно судить по сохранившейся шутливой дипломатической перепискѣ, происходившей между Екатериною и Сегюромъ.

Всѣ современники иностранцы, посѣщавшіе русскій дворъ въ царствованіе Екатерины, восхищались прелестью общества, которое собирала около себя императрица и которое она оживляла остроумною бесѣдою, устройствомъ разныхъ праздниковъ, драматическихъ представленій и пр. Утонченность забавъ при дворѣ Екатерины II могла служить мѣркою вліянія западной Европы на нравы высшихъ слоевъ общества въ Россіи. Разница между грубыми шутками и потѣхами Петра Великаго и изысканными бесѣдами и вечерами въ Эрмитажѣ при Екатеринѣ II бросается въ глаза. Попойки, скоморохи, шумныя увеселенія исчезли; вмѣсто того давались на сценѣ театра въ Эрмитажѣ опера Екатерины, драма Сегюра и пр. Весельчакъ Левъ Нарышкинъ при Екатеринѣ не походилъ на какого-нибудь Балакирева временъ Петра Великаго или на придворныхъ шутовъ эпохи Анны Іоанновны. Подъ страхомъ строгаго наказанія, представители лучшаго общества при Петрѣ должны были посѣщать устраиваемыя царемъ „ассамблеи"; еще при Елизаветѣ посѣщеніе театра для многихъ лицъ было обязательнымъ; при Екатеринѣ предоставлено волѣ и желанію каждаго являться или нѣтъ, участвовать или не участвовать въ увеселеніяхъ и пр. Однажды графу Сегюру показалась скучною и далеко не остроумною игра въ лото, которую любила императрица, и онъ, нисколько не стѣсняясь, произнесъ сатирическій экспромтъ, въ которомъ былъ осмѣянъ этотъ способъ развлеченія. Въ собраніяхъ „малаго Эрмитажа" придворный этикетъ не игралъ почти никакой роли; было постановлено правиломъ не вставатъ передъ императрицею. Де-Линь разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Во время путешествія по Днѣпру, въ 1787 году, Екатерина предложила замѣнить вѣжливое „вы" простымъ „ты"; де-Линь тотчасъ же согласился на эту шутку и нѣсколько разъ съ особеннымъ эффектомъ употребилъ „твое величество"; дозволяя такія шутки, императрица всегда оставалась, по словамъ де-Линя, величавою и сохраняла все внѣшнее достоинство самодержицы всероссійской и „чуть ли не цѣлаго міра". Нельзя не признать, что императрица умѣла выбирать себѣ общество: де-Линь, Сегюръ, Кобенцль, Бибиковъ, Нарышкинъ, Андрей Разумовскій и др. соединяли въ себѣ всѣ достоинства для того, чтобы участвовать въ увеселеніяхъ, устраиваемыхъ Екатериною. Многіе русскіе, представители лучшаго общества, по цѣлымъ годамъ

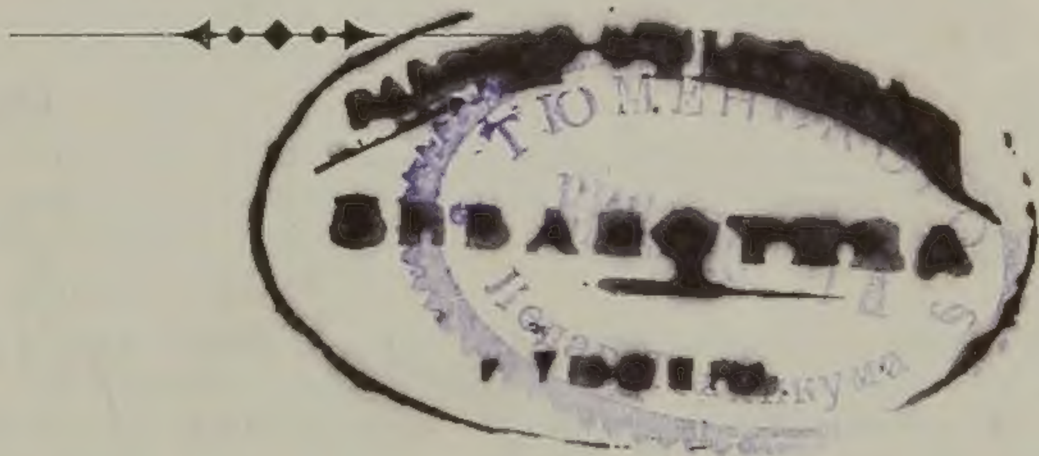
проживали за границею и особенно охотно стекались въ Парижъ. Взамѣнъ того, изъ Франціи пріѣзжали въ Петербургъ знаменитости, въ родѣ Мерсье-де-ля-Ривьера, Дидро, Гримма, Фальконета и др. Никогда до этого русскій дворъ не находился столь непосредственно подъ вліяніемъ умственнаго и литературнаго развитія западной Европы. Въ сношеніяхъ Екатерины съ пользовавшимися громкими именами писателями и учеными замѣтна, правда, нѣкоторая доля тщеславія и хвастовства, но едва ли когда меценатство было лишено такой примѣси. Къ тому же, въ этихъ сношеніяхъ видно также истинное добродушіе Екатерины, искреннее благоговѣніе предъ талантомъ и геніальностію замѣчательныхъ лицъ. Покупка библіотекъ Вольтера и Дидро, щедрые подарки Гримму и многимъ художникамъ и литераторамъ, пенсіи, выплачиваемыя императрицею разнымъ заслуженнымъ дѣятелямъ въ западной Европѣ — все это свидѣтельствуетъ о способности оцѣнивать заслуги въ области умственнаго труда, о добротѣ и человѣколюбіи Екатерины.

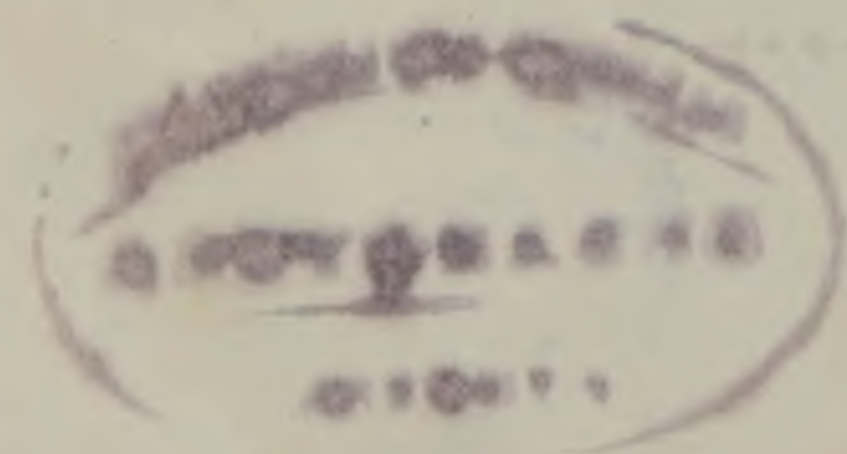
Каковъ былъ характеръ бесѣды Екатерины, мы узнаемъ подробно изъ записки Гримма, составленной послѣ кончины Екатерины. Здѣсь онъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, въ 1773—74 и 1776—77 годахъ, между прочимъ, слѣдующее: „Талантъ императрицы заключался въ томъ, что она всегда вѣрно схватывала мысль своего собесѣдника, такъ что неточное или смѣлое выраженіе никогда не вводило ее въ заблужденіе... я видѣлъ ее ежедневно, съ утра до вечера, при публикѣ, и ежедневно, иногда два или три раза, но, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ, неофиціально; обыкновенно бесѣда наша, съ глазу на глазъ, продолжалась часа два или три, иной разъ четыре, а, однажды, семь часовъ, не прерываясь ни минуты". Описывая затѣмъ характеръ этихъ разговоровъ, отличавшихся многосторонностью предметовъ и обнаруживавшихъ умъ, познанія и способности Екатерины, Гриммъ продолжаетъ: „Надо было видѣть въ такія минуты эту необычайную голову, эту смѣсь генія съ граціею, чтобы понять увлекавшую ее жизненность; какъ она своеобразно схватывала, какія остроты, проницательныя замѣчанія падали въ изобиліи, одно за другимъ, какъ свѣтлыя блестки природнаго водопада. Отчего не въ силахъ моихъ воспроизвести на письмѣ эти бесѣды! Свѣту досталась бы драгоцѣнная, можетъ быть,

единственная страница исторіи ума человѣческаго. Воображеніе и разумъ были одинаково поражаемы этимъ орлинымъ взглядомъ, обширность, быстрота коего могли быть уподоблены молніи. Да и возможно ли было уловить на лету ту толпу свѣтлыхъ движеній ума, движеній гибкихъ, мимолетныхъ! Какъ перевести ихъ на бумагу? Разставаясь съ императрицею, я бывалъ, обыкновенно, до того взволнованъ, наэлектризованъ, что половину ночи, большими шагами, разгуливалъ по комнатѣ" и пр.

Рабочая сила императрицы выходила далеко за предѣлы обыкновеннаго. Она вполнѣ обладала искусствомъ употреблять время. Вставая рано утромъ, въ 6 часовъ, она около двухъ часовъ занималась чтеніемъ, писала и пр. Затѣмъ начинались занятія государственными дѣлами, слушаніе докладовъ, совѣщанія съ сановниками. Послѣ обѣда императрица приказывала читать вслухъ, а сама, обыкновенно, занималась рукодѣльемъ. Затѣмъ опять слѣдовали занятія текущими государственными дѣлами. По вечерамъ происходила игра въ карты, драматическія представленія и пр. Екатерина, обыкновенно, рано ложилась спать, вообще она придерживалась регулярности въ обыденной жизни; ей доставляла удовольствіе игра въ бильярдъ; она точила, гравировала, занималась живописью, страстно любила осматривать предметы искусства и пр.

Брикнеръ.





Козьминъ, К., Церковно-славянская хрестоматія. Пособіе для сельскихъ и городскихъ училищъ. Книга эта служитъ приложеніемъ къ „Грамматикѣ церковно-славянскаго языка". М. 1885 г. Ц. 40 к.

— Синтаксисъ русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ съ приложеніемъ задачника. М. 1888 г. Цѣна 50 к.

— Образцы систематическаго диктанта для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Этимологія. Сост. согласно съ руководств. „Русское правописаніе" акад. Я. Грота. Изданіе 3-е. М. 1891 г. Ц. 75 к.

— Справочный словарь церковно-славянскаго языка. М. 1889 г. Ц. 5 к.

— Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени. Для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и старшихъ классовъ городскихъ училищъ. Изданіе 2-е. Одобр. Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1891 г. Ц. 1 р.

— Орѳографическія прописи. Пособіе при изученіи орѳографіи. Тетрадь первая. М. 1885 г. Ц. 35 к.

Козьминъ, К. и ***Покровскій, В.*** Теорія словесности. Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разборовъ образцовъ прозы и поэзіи. Изд. 2-е. Одобр. Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1888 г. Ц. 30 к.

— Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей, для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Изданіе 2-е. Одобрено Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1888 г. Ц. 50 к.

Краткая грамматика французскаго языка по Ноэлю, Шапсалю и др., приспособленная къ примѣрной программѣ, напечатанной въ учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ М. Н. Просвѣщенія. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ., какъ руководство для преподаванія французскаго языка. М. 1880 г. Ц. 60 к.

Кругловъ, А. В. За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей, съ рисунками въ текстѣ. Одобрено Ученымъ Ком Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. М. 1890 г. Ц. въ бум.— 80 к., въ папкѣ — 1 р., въ коленкор. перепл. — 1 р. 50 коп.

Млинаричъ, И., инспекторъ Тульской гимназіи. Lucianus Samosatensis. Избранные разговоры боговъ и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Текстъ съ словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ. Изданіе 3-е, исправленное. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр., какъ учебное пособіе для V класса гимназій. М. 1890 г. Ц. 70 к.

— Этимологія греческаго языка для гимназій. Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. М. 1881 г. Ц. 1 р.

— Синтаксисъ греческаго языка для гимназій. Изд. 2-е, исправленное. Одобренъ Учен. Ком. М. Н. Пр въ видѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій. М. 1890 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, С. Элементарный курсъ географіи по синтетическому методу. Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и элементарныхъ школъ. Выпускъ 3-й — Отечествовѣдѣніе и выпускъ 4-й — Міровѣдѣніе. Изд. 4-е. Одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр. М. 1889 г. Ц. 50 к.

Покровскій, Н. Русская хрестоматія для приготовительнаго класса средне-учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста, орѳографическихъ упражненій, вопросовъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Одобрена Уч. Ком. М. Н. Пр. Ч. I-я. Изд. 3-е. М. 1891 г. Ц. 50 к.

— Русская хрестоматія для двухъ первыхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста, вопросовъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Одобрена Уч. Ком Мин. Нар. Просв. Часть II. Изд. 2-е. М. 1890 г. Ц. 75 к.

— Русская хрестоматія для 3-го и 4-го классовъ средне-учебныхъ заведеній. Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. Часть III. М. 1887 г. Ц. 1 р.